

В. В. КАРГАЛОВ

ПОЛКОВОДЦЫ

X-XVI вв.

Рецензент доктор исторических наук В. И. Буганов
Редактор Т. В. Кузнецова
Художник А. А. Митрофанов

«ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РОССИИ»

В древнем Новгородском кремле, неподалеку от знаменитого Софийского собора, стоит величественный бронзовый монумент. Это единственный в своем роде памятник — «Тысячелетие России».

В истории его создания много необычного. Вопреки сложившейся традиции, памятник посвящен не прославлению какого-либо крупного события или известного исторического деятеля, он посвящен России. С самого начала его задумали, как «народный памятник тысячелетию государства Российского», который должен был показать в «барельефах или других изображениях главнейшие события нашей отечественной истории, постепенное, в течение тысячи лет, развитие государства Российского» — именно такая задача стояла перед участниками открытого конкурса на создание проекта памятника, объявленного в 1857 году.

Необычным было и то, что к сооружению памятника привлекли народные средства, объявив сбор добровольных пожертвований по подписке, который прошел с большим успехом и вызвал подлинное воодушевление, патриотический подъем. Свидетельство этому — многие десятки тысяч рублей добровольных пожертвований.

Не меньший общественный интерес вызвал и сам конкурс, в котором участвовало более пятидесяти художников и архитекторов. Лучшим был признан проект молодого, демократически настроенного художника М. О. Микешина. Ему помогал архитектор И. Н. Шредер, в ту пору еще только ученик Академии художеств. Восхищение величием и богатством отечественной истории, героизмом и духовной красотой русского человека, подлинный демократизм — вот что выделяло этот проект. Не случайно

Каргалов В. В.

К21 Полководцы X—XVI вв.— М.: ДОСААФ, 1989.— 334 с., ил.
В пер.: З р. 20 к.

О выдающихся полководцах России X—XVI веков, о блестательных победах русского оружия рассказывается в этой книге.
Для массового читателя.

К 1305010000—043 65—89
072(02)—89

ББК 68:63:84.3Р7

ISBN 5-7030-0068-8

© Издательство ДОСААФ СССР, 1989

открытие памятника в 1862 году стало крупным событием общественной и культурной жизни России.

Памятник «Тысячелетие России» напоминает по форме вечевой колокол, что глубоко символично: он словно громогласно возвещает потомкам о славных событиях и великих людях первого тысячелетия истории государства Российского. Над основанием-колоколом возвышается огромный бронзовый шар с крестом — символ державы, а рядом — коленопреклоненная женщина в русском национальном одеянии — олицетворение Родины. Вокруг «державы» — скульптурные группы, обозначающие важнейшие эпохи отечественной истории.

Постамент памятника обрамляет рельефный фриз, на котором изображены более ста известнейших людей Русского государства. Нелегко было выбрать в тысячелетней истории страны самых достойных, но М. О. Микешин справился и с этим нелегким делом. В обсуждении списка лиц, которых следовало изобразить на фризе, участвовали крупнейшие русские историки, писатели, художники: Н. И. Костомаров, В. С. Соловьев, Н. Г. Устрилов, И. И. Срезневский, И. С. Тургенев, А. Н. Майков, Я. П. Полонский и другие. Велись горячие споры о каждом отдельном историческом лице: ведь отобрать нужно было действительно великих сыновей России — памятник ставился на века. В результате в нем отразились не только официальные оценки национальной истории и культуры, но и то новое ее понимание, которое складывалось в демократических общественных кругах в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов XIX века, в канун падения крепостного права. Многие исторические деятели, изображенные на памятнике, действительно составляют национальную гордость России, их заслуги перед Отечеством высоко оцениваются и в наши дни. Список имен, вошедших в памятник «Тысячелетие России», условно делится на четыре группы: «Военные люди и герои», «Государственные люди», «Писатели и художники», «Просветители».

Список «Государственных людей» открывает великий киевский князь Ярослав Мудрый, при котором Древняя Русь переживала период наивысшего могущества, значительно выросла ее культура, упрочился международный авторитет. Несомненно, крупными государственными деятелями XVI столетия были Сильвестр и А. Ф. Адашев, XVII века — А. С. Матвеев и А. Л. Ордин-Нащокин,

XVIII века — И. И. Бецкой, А. А. Безбородко, Г. А. Потемкин, первой половины XIX века — М. М. Сперанский и М. С. Воронцов.

Среди «Писателей и художников» заслуженной славой пользовались и пользуются М. В. Ломоносов, Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, И. А. Крылов, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, актер Ф. Г. Волков, М. И. Глинка, Д. С. Бортнянский, К. П. Брюллов.

Портретная галерея «Просветителей» представлена составителями славянской азбуки Кириллом и Мефодием, княгиней киевской Ольгой, Нестором-летописцем, митрополитом Алексеем, Сергием Радонежским, Максимом Греком, Феофаном Прокоповичем и другими.

Конечно, в наши дни списки государственных деятелей, писателей и художников были бы значительно расширены. В то время в них просто не могли попасть предводители народных движений, декабристы, революционеры-демократы, разночинцы и многие, многие другие. Отбор проводился в жестких условиях цензуры, под строгим контролем правительства, церкви и самого царя. Так, при первом же просмотре списка Александр II исключил из него гениального живописца А. А. Иванова, который искал новые пути в искусстве, выходца из народа поэта А. В. Кольцова, первого постановщика сатирической комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» знаменитого актера И. А. Дмитревского, известного своим демократизмом адмирала Ф. Ф. Ушакова и других. Ревнители православия настояли на включении в список иерархов церкви. Волевым решением был помещен на барельефе царь Николай I. Но, несмотря на некоторые ограхи, надо отдать должное авторам памятника «Тысячелетие России» — они выбрали в основном крупные и пользовавшиеся заслуженным уважением исторические личности.

Особое место принадлежит разделу «Военные люди и герои», хотя и здесь не со всеми фигурами можно согласиться. Например, вряд ли принадлежит к героям отечественной истории Марфа Борецкая, возглавлявшая оппозиционную боярскую группировку в Новгороде. Келарь Авраамий Палицын тоже не проявил особого героизма во время польско-шведской интервенции начала XVII столетия и, конечно же, никак не может быть отнесен к полководцам. Генерал-фельдмаршал Б. К. Миних больше прославился жестоким обращением с солдатами и интри-

гами при дворе, чем заслугами на войне: талантом полководца он явно не обладал. То же самое можно сказать и о генерал-фельдмаршалах И. И. Дибиче-Забалканском и И. Ф. Паскевиче-Эриванском, которые были включены в список по настоящему правительства. Но в остальном этот раздел действительно представляет военную славу России.

Выдающийся полководец Древней Руси, великий киевский князь Святослав (?—972) прославился разгромом Хазарского каганата, успешными походами в Болгарию и Византию, в печенежские степи. Это был прирожденный воин, храбрый и стремительный, талантливый военачальник, много сделавший для развития русского военного искусства, для усиления международного значения Руси. Его гордые слова-вызов врагу: «Иду на вы!» стали легендарными.

Мстислав Удалой (?—1228) — князь торопецкий, новгородский и галицкий. Он совершил за свою жизнь множество военных походов как против внешних врагов, так и против князей-соперников, и неизменно одерживал победы. Мстислав Удалой сражался с половцами и немецкими рыцарями, с венгерскими и польскими феодалами. Он был фактическим организатором похода русских князей к реке Калке в 1223 году, где произошла первая битва с монголо-татарскими завоевателями.

Даниил Галицкий (1201—1264) — крупный политический деятель и полководец, почти сорок лет боролся за восстановление единства Галицко-Волынской Руси, отражал вторжения венгерских и польских феодалов, прославился упорным сопротивлением монголо-татарским завоевателям. После нашествия Батыя он единственный из русских князей продолжал еще несколько лет вооруженную борьбу с Ордой. Одержанная им в 1245 году победа над объединенным венгерско-польским войском под Ярославом — одна из самых ярких страниц средневековой русской военной истории.

Александр Невский (около 1220—1263) — герой Невской битвы и Ледового побоища, руководитель «заполярного похода» в Финляндию, выдающийся полководец, в честь которого в 1942 году учрежден советский орден Александра Невского.

Довмонт (?—1299) — князь псковский, в течение нескольких десятилетий успешно отражал нападения немецких рыцарей на псковскую землю, активный участник победоносной Раковорской битвы, умелый и мужест-

венный предводитель псковского войска, в трудные для Руси времена принявший на себя основную тяжесть обороны ее северо-западных рубежей.

Дмитрий Донской (1350—1389) — великий князь владимирский и московский, прославившийся победами над Ордой на реке Воже и на Куликовом поле, организатор общерусской борьбы за свержение ордынского ига.

Кейстуд (?—1382) — князь тракайский и жемайтский, национальный герой литовского народа, много лет защищавший литовские земли от нападения Тевтонского ордена.

Даниил Холмский (?—1493) — московский воевода, искусный военачальник, руководивший походами на Новгород, Казань, Литву.

Даниил Щеня (?—1515) — московский воевода, крупнейший полководец эпохи образования Российского государства. Возглавлял успешные походы на Литву, Ливонию, Финляндию, Казань, Крым. Особенно отличился разгромом литовского войска на реке Ведроше. В 1514 году войско под командованием Щени вернуло России древний русский город Смоленск, временно захваченный польско-литовскими феодалами.

Михаил Воротынский (около 1510—1573) — выдающийся полководец времен Ивана Грозного, участник и руководитель почти всех военных походов. Большой полк Михаила Воротынского сыграл решающую роль в «Казанском взятии» 1552 года. В 1572 году он командовал русским войском, разгромившим при Молодях крымского хана Девлет-Гирея. Многие годы Михаил Воротынский возглавлял сторожевую пограничную службу на южной границе России, под его руководством был составлен первый русский воинский устав «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе».

Ермак Тимофеевич (?—1585) — казачий атаман, прославившийся успешным походом в Западную Сибирь в начале восьмидесятых годов XVI столетия, разгромивший сибирского хана Кучума, много сделавший для присоединения Сибири к Российскому государству.

Михаил Скопин-Шуйский (1586—1610) — молодой талантливый полководец, который в 1509 году разбил под Торжком, Тверью и Дмитровом отряды Лжедмитрия II, изгнал захватчиков из поволжских городов, а в 1610 году освободил Москву от осады польско-литовскими войсками.

Кузьма Минин (?—1616) и Дмитрий Пожарский (1578—1642) — предводители народного ополчения, изгнавшего в 1612 году из Москвы польских интервентов.

Иван Сусанин (?—1613) — народный герой, крестьянин деревни Домнино Костромского уезда, отдавший свою жизнь за Родину. В 1613 году он умышленно завел отряд интервентов в глухие леса, за что был ими зверски убит.

Богдан Хмельницкий (около 1595—1657) — гетман Украины, выдающийся государственный и военный деятель, возглавивший освободительную борьбу украинского народа против панской Польши. Неоднократно побеждал в больших сражениях королевские войска: в 1648 году — под Желтыми Водами, Корсунем и Пилявцами (на Волыни), в 1649 году — под Зборовом, в 1652 году — под Батогом (на Подолии), в 1654 году — под Гродеком. В годы Великой Отечественной войны учрежден орден Богдана Хмельницкого.

Борис Шерemetев (1652—1719) — выдающийся полководец и дипломат, ближайший сподвижник Петра I, участник Азовских походов и Северной войны, в начале которой командовал русскими войсками в Прибалтике и одержал первые победы над шведами при Эрестфере и Гуммельгофе, овладел Копорьем и Дерптом. В знаменитом Полтавском сражении 1709 года командовал всей пехотой русской армии. В 1710 году войска фельдмаршала Шереметева взяли Ригу.

Михаил Голицын (1675—1730) — еще один сподвижник Петра I, генерал-фельдмаршал русской армии, прославился в сражении со шведами при деревне Лесной, в Полтавской битве командовал гвардией и руководил преследованием остатков шведской армии. В морском сражении при Гангуте в 1714 году возглавлял авангард. В 1720 году при Гренгаме одержал победу над шведским парусным флотом. Президент Военной коллегии.

Петр Салтыков (1698—1772) — генерал-фельдмаршал, был главнокомандующим русской армией во время Семилетней войны с Пруссией. Выдающийся полководец своего времени, он в 1759 году дважды разгромил армию прусского короля Фридриха при Пальциге и Кунерсдорфе. В 1760 году войска фельдмаршала Салтыкова впервые заняли Берлин.

Алексей Орлов-Чесменский (1737—1807) — генерал-аншеф, разработавший и осуществивший в 1768—1769 го-

дах план военно-морской экспедиции против Турции в Средиземном море. Командовал русской эскадрой в победоносных морских сражениях с турецким флотом у Наварина и Чесмы.

Петр Румянцев-Задунайский (1725—1796) — генерал-фельдмаршал, выдающийся полководец XVIII столетия. Командуя бригадой и дивизией, отличился еще в Семилетней войне, в сражениях под Гросс-Егерсдорфом и Кунерсдорфом. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 годов командовал армией, летом 1770 года в течение одного месяца трижды разгромил превосходящие силы турок при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле, затем успешно воевал за Дунаем. Румянцев был известным теоретиком военного искусства, намного опередившим свое время. Он впервые применил батальонные колонны для маневрирования на поле боя, рассыпной строй стрелков, глубокое пехотное каре для отражения атак кавалерии, создание и использование тактических резервов. Военно-теоретические работы Румянцева «Инструкция», «Обряд службы», «Мисли» были широко использованы при выработке уставов русской армии, легли в основу суворовской военной школы.

Александр Суворов (1729—1800) — великий полководец, генералиссимус, один из основоположников русского военного искусства, автор знаменитой книги «Наука побеждать». Блистательные победы Суворова под Кинбурном, Рымником, штурм Измаила, итальянские походы, легендарный переход через Альпы навеки прославили русское оружие. Орденом Суворова награждены многие известные советские полководцы за успешные военные операции, проведенные в годы Великой Отечественной войны.

Дмитрий Сенявин (1763—1831) — русский флотоводец, адмирал, сподвижник Ф. Ф. Ушакова. Участник русско-турецкой войны (1787—1791) и Средиземноморского похода (1798—1800), командующий второй экспедицией на Средиземном море (1805—1807), во время которой разгромил турецкий флот в Дарданелльском и Афонском морских сражениях. Сенявин проявил себя новатором в тактике морского боя, смело применял сосредоточение сил для ударов по флагманским кораблям противника.

Михаил Кутузов, Михаил Барклай-де-Толли, Петр Багратион, Матвей Платов и другие русские полководцы Отечественной войны 1812 года не нуждаются в представлении, их имена известны каждому.

Михаил Лазарев (1788—1851) — выдающийся флото-водец, адмирал, отличился в Наваринском сражении 1827 года с турецкой эскадрой, в котором командовал флагманским кораблем «Азов» и выдержал бой сразу с пятью турецкими кораблями. Командуя затем Черноморским флотом, коренным образом реформировал его, воспитал целую плеяду талантливых флотоводцев, будущих героев Синопа и Севастопольской обороны.

Павел Нахимов (1802—1855) и Владимир Корнилов (1806—1854) — адмиралы Черноморского флота. Оба ученики М. П. Лазарева, оба участвовали в Наваринском сражении, оба стали героями Севастопольской обороны 1854—1855 годов и были смертельно ранены на Малаховом кургане. В. А. Корнилов как начальник штаба флота возглавлял оборону Севастополя. П. С. Нахимов разгромил в Синопском сражении в 1853 году турецкую эскадру. В годы Великой Отечественной войны учреждены орден Нахимова и медаль Нахимова, созданы нахимовские училища.

Как уже говорилось, деление на «государственных» и «военных» деятелей было отчасти условным: государственные люди порой являлись крупными полководцами своего времени. Таким был, например, великий киевский князь Владимир Мономах (1053—1125), прославившийся неоднократными походами на половцев, в которых показал себя талантливым военачальником. Крупным военным деятелем эпохи образования Российской государства можно считать и великого князя Ивана III (1440—1505), с именем которого связано освобождение России от ордынского ига, возвращение западнорусских земель. По праву могли бы занять место в портретной галерее выдающихся русских военачальников и Петр I, и Г. А. Потемкин.

Составители списка «Военных людей и героев» не могли, конечно, охватить всех русских полководцев. Нет в этом списке, например, «судовых воевод» Ивана Салтыка-Травина и князя Федора Курбского Черного, возглавивших большой поход в Западную Сибирь в 1483 году, нет Дмитрия Хворостинина, талантливейшего военачальника конца XVI столетия, нет князя Ивана Шуйского, руководившего героической обороной Пскова в 1581—1582 годах, нет и многих, многих других.

Рассказать о выдающихся русских полководцах X—XVI столетий, как изображенных на памятнике «Тысячелетие России», так и не попавших по каким-либо

причинам в список «Военных людей и героев», — задача этой книги.

От этих стародавних времен не осталось, конечно, подробных биографий выдающихся военных деятелей России, личных дневников и писем, «воинских формуляров», по которым можно проследить жизненный путь, к примеру, военачальников двух последних столетий. Приходилось по крохам восстанавливать подробности жизни и военной деятельности, используя различные исторические источники: многочисленные списки русских летописей, разрядные книги (с конца XV века), в которых фиксировались назначения воевод, исторические повести, свидетельства византийских историков, записки современников-иноzemцев о Московии, труды военных историков. Именно от наличия источников зависело, насколько обстоятельно удавалось раскрыть в книге образы наших великих предков — воителей за землю Русскую.

Военная история — часть общей истории России, рождавшейся в непрерывной борьбе с внешними врагами за свободу и независимость. Руководители этой борьбы принадлежали к господствующему классу, но в тех исторических условиях иного быть и не могло. Важно, что они вели справедливые, национальные войны, отражавшие объективно народные интересы, обеспечивали условия для самостоятельного исторического развития России. Именно так ставят вопрос советские военные историки: «пока антагонистическая формация является прогрессивной, господствующий класс ее оказывается способным, преследуя собственные классовые интересы, до известной степени отражать в своей внешней политике и общенациональные (а до складывания наций — общенародные) интересы¹. В X—XVI веках феодальная формация в целом была прогрессивной, и поэтому «внешняя политика в ряде аспектов отражала и общенародные интересы (борьба с монголо-татарским нашествием, с агрессией ливонских рыцарей, шведских, польско-литовских феодалов, с крымскими набегами и т. п.)»². Применительно же к Древней Руси академик Б. А. Рыбаков прямо писал, что это была героическая эпоха, и в главных ее событиях соединились воедино феодальное начало с народным, и

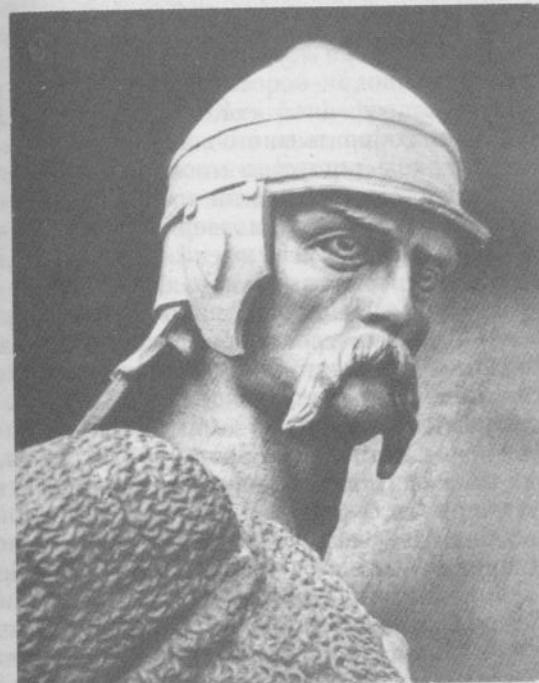
¹ Бестужев И. В. К анализу характера внешней политики и войн. Критерии прогрессивности и справедливости. В сб.: Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 396.

² Там же.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

политика князя стала подчиняться общенародным интересам. В народной поддержке, в справедливом, освободительном характере многих войн феодальной России следует искать причины блестательных побед русского оружия. Это не умаляет заслуги выдающихся русских полководцев, наоборот — единение с общенародными интересами породило крупные, выдающиеся личности. В полководцах лишь персонифицировались глубокий патриотизм, самоотверженность, природная одаренность народа. Именно этим они интересны нам: и как проявление исторической закономерности, и как крупные личности.

Боевые традиции прошлого — это драгоценное наследие, которое развивалось и развивается выдающимися советскими полководцами, учит нас патриотизму, стойкости, самоотверженности в защите социалистического Отечества.

СВЯТОСЛАВ

«Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и легко ходил в походах, как пардус¹, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подстелив потник, с седлом в головах, такими же были и все прочие его воины. И посыпал в иные земли со словами: «Иду на вы!» — такими словами нарисовал образ легендарного князя-вityязя Святослава русский летописец, таким он и остался в памяти людей — молодым, отважным и удачливым воителем за землю Русскую.

Князя-вityязя Святослава породило его время, время зарождения на Руси могучего раннефеодального государства. Свежи еще были традиции периода военной демократии, когда каждый свободный человек был воином, когда князь и дружины были едины и в битвах, и в быту. Но многое уже изменилось. Исчезала племенная замкнутость, воины из многих славянских племен — поляне и северяне, древляне и радимичи, кривичи и дреговичи, уличи и тиверцы, словены и вятичи — приходили на службу к киевскому князю и, поварившись в общем дружинном котле, забывали род свой и родовые обычаи. И не так уж важно, что внутри самой дружины сохранялась видимость родовых связей, что каждый дружины выбрал себе побратима² и скреплял побратимство древними обрядами. В стакане сосуде уже было новое молодое вино: общим большим родом для воинов князя Святослава стала вся Русь!

Князь Святослав не пытался обогнать свое время, но и не отставал от него. В дружице он нашел естественную

¹ Пардус — барс, рысь. Звери, отличающиеся быстротой и бесстрашием. (Здесь и далее прим. авт.)

² Побратим — названный брат.

форму военной организации, способную привлечь на княжескую службу самые разнородные общественные элементы, объединить их, используя живучие и достаточно крепкие родовые традиции. Он был прост и доступен в обиходе, ел из общего дружинного котла, в походах довольствовался, как и другие воины, куском поджаренного на углях мяса, одевался в полотняную рубаху — как все. Но эта внешняя простота была неразрывна с грозным величием верховной власти, и величие это отражало сущность Руси второй половины X столетия, в которой уже складывалась раннефеодальная монархия, но классовые противоречия еще не обнажились так. Дружины являлись вчерашние свободные пахари, охотники или воины родовых дружин, и их предводитель не мог быть иным, чем Святослав.

Однако военный гений Святослава был уже поставлен на службу огромным по своим масштабам внешнеполитическим задачам раннефеодального государства, которое предоставило в распоряжение князя-вityязя и материальные ресурсы, и новые организационные формы, позволившие создать войско, представлявшее собой не простое соединение родовых ополчений, но единое целое. Не отважный стяжатель военной добычи и удачливый вождь лихой дружины предстает перед нами, но предводитель войска могучей державы. Итогом его короткой, но яркой жизни были не золото, дорогие ткани и рабы, привезенные из завоевательных походов, а слава и могущество Руси, уже вышедшей на широкую дорогу мировой истории. Академик Б. А. Рыбаков так писал о походах князя Святослава: «Походы Святослава 965—968 гг. представляют собой как бы единый сабельный удар, прочертивший на карте Европы широкий полукруг от Среднего Поволжья до Каспия и далее по Северному Кавказу и Причерноморью до балканских земель Византии. Побеждена была Волжская Болгария, полностью разгромлена Хазария, ослаблена и напугана Византия, бросившая все свои силы на борьбу с могучим и стремительным полководцем. Замкнутые торги, запирающие торговые пути русов, были сбиты. Русь получила возможность вести широкую торговлю с Востоком. В двух концах Русского моря (Черного моря)¹ возникли военно-торговые форпос-

¹ Здесь и далее курсивом в скобках даны примечания автора.

ты — Тмутаракань на востоке у Керченского пролива и Преславец на западе близ устья Дуная. Святослав стремился приблизить свою столицу к жизненно важным центрам Х в. и придинул ее вплотную к границе одного из крупнейших государств тогдашнего мира — Византии. Во всех этих действиях мы видим руку полководца и государственного деятеля, заинтересованного в возвышении Руси и упрочении ее международного положения. Серия походов Святослава была мудро задумана и блестяще осуществлена¹.

Военная биография молодого киевского князя начинается в 964 году с похода на вятичей, которые еще платили дань Хазарскому каганату. Освободить вятичей от власти хазар и включить их, как и другие славянские племена, в состав единого государства русов — вот в чем заключалась непосредственная цель похода. Но эта цель была лишь этапом подготовки разгрома Хазарии, воинственного государства кочевников-хазар на Нижней Волге, которое перекрывало пути торговли с Востоком. Святослав подбирался к границам Хазарии исподволь, собирая союзников, закрепляя каждый пройденный шаг, чтобы еще до войны окружить Хазарию кольцом враждебных ей племен и народов. За походом в землю вятичей последовали поход в Волжскую Болгарию, антихазарский союз с печенегами...

Не удалым предводителем конной дружины, но мудрым и дальновидным полководцем и дипломатом предстает молодой киевский князь перед изумленными современниками и потомками.

Летописец сообщает о походе предельно кратко: «...пшел Святослав на Оку-реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам...»

Как просто все выглядит: пришел и спросил!

В действительности дело обстояло, конечно, значительно сложнее. Земля вятичей была огромна и покрыта дремучими лесами, сами вятичи — многочисленны и воинственны. Немалые военные и дипломатические усилия потребовались, чтобы заставить вятических старейшин подчиниться Киеву, обеспечить надежный тыл для хазарского похода. Недаром князь Святослав провел в земле

вятичей всю зиму, и только весной следующего, 965 года отправил хазарскому кагану свое знаменитое послание предупреждение: «Иду на вы!»

Много спорили военные историки, в чем смысл и причина такого предупреждения. Благородство? Самоуверенность? Психологическая атака, с целью деморализовать противника до сражения? Пожалуй, наиболее убедительно объяснение советского историка И. У. Будовица: войско князя Святослава, не тянувшее за собой громоздких обозов, было настолько стремительно в походах, что враги просто не успевали принять какие-нибудь меры защиты. Быстрота и решительность — вот характерные черты военного искусства князя Святослава.

Главная битва с хазарами произошла где-то в низовьях Волги, поблизости от столицы Хазарии — города Итиль. Хазарский каган успел собрать войско и, по словам летописца, сам «изыдоша противу» князю Святославу. Хазары были серьезным противником. Кочевые беки привели многочисленные отряды конных лучников — «черных хазар», быстрых наездников, пастухов и табунщиков. «Кара-хазары» («черные хазары») не носили доспехов, чтобы не стеснять движений, и были вооружены луками и легкими метательными копьями-дротиками. Они начинали битву первыми, осыпали противника стрелами, расстраивали ряды стремительными нападениями. Конных лучников подпирали сзади «белые хазары» — кочевая знать и их постоянные военные дружины, состоящие из тяжеловооруженных всадников, одетых в железные нагрудники, кольчуги, нарядные шлемы. Длинные копья, мечи, сабли, палицы, боевые топоры составляли их вооружение. Тяжелая конница обрушивалась на врага в тот момент, когда он дрогнет под ливнем стрел конных лучников. Особую опасность представляла гвардия хазарского царя — мусульманские наемники, профессиональные воины, одетые в блестящую броню. Они вмешивались в решительный момент, чтобы переломить ход сражения, сокрушить и преследовать противника до полного уничтожения. Наконец, многолюдный и богатый город Итиль мог выставить пешее ополчение, тоже хорошо вооруженное: в купеческих амбарамах и караван-сарайах хазарской столицы было достаточно оружия, чтобы снабдить всех способных носить его.

Русское войско наступало клином, прикрываясь большими, почти в рост человека, щитами, выставив вперед длинные копья. Для рукопашного боя у воинов Святосла-

¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 1. С. 495.

ва были прямые длинные мечи и боевые топоры. Кольчуги и железные шлемы защищали их от ударов... И не устояли хазары, обратились в бегство, открыв дорогу к своей столице. Князь Святослав одержал победу, «одолел хазар», как скромно записал летописец. Уцелевшие хазарские воины и жители Итиля искали спасения в бегстве, упливали на пустынные острова Хвалинского моря (*Каспийского моря*), а дружины русов вошли в покинутый город. На острове, посередине реки Итиль (*реки Волги*), где стояли дворцы знати, и в «Желтом городе», месте обитания купцов и ремесленников, они захватили богатейшую добычу. Главная цель похода была достигнута: войско хазар разгромлено, столица Хазарского каганата пала.

Но поход продолжался. Князь Святослав повел свое войско дальше на юг, к древней столице Хазарии — городу Семендеру. Там был свой царь, который подчинялся хазарам, но имел собственное войско и крепости. Хазары не входили в его владения, довольствуясь данью и признанием своей верховной власти. Семендерское войско Святослав разгромил в коротком бою, рассеяв его по укрепленным поселкам. Город Семендер сдался на милость победителей. Сам царь, его вельможи и богатые горожане бежали в горы.

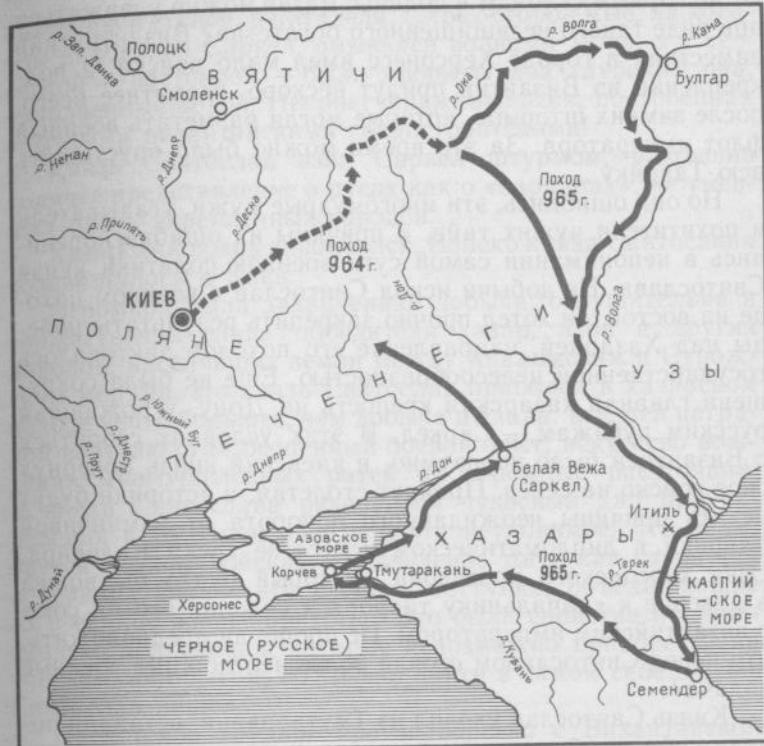
Поход продолжался. Впереди были земли аланов и коготов, жителей кавказских предгорий.

Река Егорлык, Сальские степи, Маныч...

Штурмом взята сильная хазарская крепость Семикара, построенная для защиты сухопутной дороги к устью реки Дона...

Нечастые дневки на берегах рек и у степных колодцев почти не задерживали войско. Пока одни дружины отдыхали, другие двигались вперед, расчищая путь мечами и захватывая свежих коней. Близился край хазарских владений, ночные ветры уже приносили с запада соленый запах Сурожского моря (*Азовского моря*).

Правда, на побережье стояли сильные крепости Тмутаракань и Корчев (*Керчь*), но жители их не хотели сражаться с русами. Они лишь вынужденно терпели власть хазар, гарнизоны которых сидели в цитаделях, окруженные морем ненависти. В князе Святославе горожане видели освободителя от хазарского ига и были готовы подняться с оружием в руках против своих угнетателей. В Тмутаракани вспыхнул мятеж, испуганный хазарский тадун

Восточные походы князя Святослава (964—965)

(наместник) спешно покинул цитадель и вместе со своими воинами на судах переправился на другую сторону пролива, в Корчев, где тоже была цитадель и тоже сидел хазарский тадун. Но вскоре пал и Корчев. Вместе с русскими воинами на стены цитадели взошли вооруженные горожане.

Хазарский поход закончился. Куда теперь направит свой меч князь Святослав?

Правители и сановники соседних государств считали, что юный предводитель русов шагнет через Босфор-Киммерийский пролив (*Керченский пролив*) и ворвется в сказочно богатую Таврику (*Крым*), где среди вечной зелени нежится на берегу теплого моря белые города, где сады отяжелели от фруктов, а бесчисленные отары овец сполза-

ют по горным склонам в долины. Разве можно удержаться при виде такого незащищенного богатства? Византийский наместник в городе Херсонес имел мало войска, а подкрепления из Византии придут нескоро, вероятнее всего, после зимних штормов, которые могли разметать военный флот императора. За это время можно было опустошить всю Таврику...

Но они ошиблись, эти многомудрые мужи, угадыватели и похитители чужих тайн, и причины их ошибки коренились в непонимании самой сути военной политики князя Святослава. Не добычи искал Святослав в военном походе на восток, он хотел прочно закрепить результаты победы над Хазарией, направление его походов диктовалось государственной целесообразностью. Еще не была сокрушена главная хазарская крепость на Дону, угрожавшая русским рубежам,— Саркел. В этих условиях ссориться с Византией было неразумно, и киевский князь повернул свое войско на север. Пройдут столетия, и историки будут искать причины неожиданного поворота от заманчивой Таврики в дипломатическом искусстве грека Калокира, сына херсонского протевона¹, который будто бы вошел в доверие к «начальнику тавров» и склонил его на союз с византийским императором. Не проще ли предположить, что перед Святославом стояли более неотложные военные задачи?

Князь Святослав уходил из Тмутаракани, оставляя позади себя не кровь, дым пожаров и проклятия, но благодарную память жителей. Добрые семена доверия и дружбы, посевянные им в тмутараканской земле, скоро прорастут щедрой нивой. Поднимется на берегу Сурожского моря еще одно русское княжество, и будут править там князья русского рода, пока не сметет их черное половецкое полводье...

Саркел в переводе с хазарского означает «Белый дом». Свое название он перенял у старой крепости, которая была построена когда-то на берегу Дона из белоснежного камня-известняка. Старая крепость давно разрушилась, но название «Белый дом» осталось в памяти людей, и когда на другом берегу реки построили крепость из краснобурых больших кирпичей, название осталось ей как бы в наследство. Шесть квадратных мощных башен поднялись над степью, еще две башни, самые высокие, стояли за

внутренней стеной, в цитадели. С трех сторон мыс, на котором находился Саркел, омывался волнами Дона, а с четвертой — восточной — были прорыты два глубоких рва, заполненные водой. Неприступная твердыня, построенная опытными византийскими градостроителями!

Князь Святослав взял Саркел штурмом, разрушив ходячее представление о русах как о «варварах», не умеющих брать укрепленных городов.

Хазарский поход закончился. Войско князя Святослава возвращалось в Киев.

Огромной была захваченная добыча, оглушительна и торжественна слава победителя хазар, асов и других народов, населявших земли между Хвалынским и Сурожским морями. Но князь Святослав приобрел в хазарском походе нечто большее, чем добыча и слава: высшей наградой воителю стал бесценный боевой опыт, искусство возведения многочисленных ратей на огромные расстояния. У князя Святослава развивался чудесный дар проникновения в то изменчивое и почти неуловимое, что называется «духом войска», предвидение того, как отзовутся в сердцах воинов его слова и поступки, объединяющие их в единое боевое братство. Это были свойства прирожденного полководца, которые невозможно приобрести ни ученьем, ни опытом, но только найти в самом себе. Князь Святослав нашел...

Предстояло трудное противоборство с Византийской империей, которая с опаской смотрела на усиление державы русов. Победа князя Святослава над Хазарией поставила под угрозу всю систему господства византийских императоров над народами Северного Причерноморья.

Византия того времени — самое сильное государство Восточной Европы: император мог вывести в поход сто двадцать тысяч хорошо вооруженных воинов! Византия была единственной страной, где сохраняли традиции римского военного искусства, продолжали изучать теорию военного дела, стратегию и тактику, умели «воевать по правилам». Византийские полководцы отличались опытностью и изощренностью в военных хитростях. Ядро армии составляли катафракты — тяжеловооруженные профессиональные конные воины, одетые в панцири. Пехотные «таксиархии», численность которых достигала тысячи человек, формировались из «оплитов» — тяжеловооруженных воинов, копейщиков и стрелков из лука. Многочис-

¹ Протевон — выборный глава херсонского сената.

ленный отряд императорских телохранителей — «гетерия» — в основном состоял из иностранных наемников. Во время войны к постоянному гвардейскому войску — «тагмам» — присоединялись войска из отдельных областей империи — «фем». В константинопольском Манганинском арсенале хранились огромные запасы оружия, осадной техники, различных военных припасов. Военный флот Византии составляли как большие корабли «дромоны», вмещавшие более двухсот гребцов и семьдесят воинов, вооруженных «греческим огнем»¹, так и быстроходные «тахидромы» для разведки и перевозки гонцов. Огромное их количество позволяло быстро перевозить войска в любой район Причерноморья.

Были у византийского войска и свои слабости, которыми блестяще воспользуется князь Святослав. Искусство боя, которым в совершенстве владели полководцы империи, в то же время связывало им руки. Следуя жестким правилам, до мелочей регламентирующим движение войска и взаимодействие его частей, можно избежать случайных поражений, но можно и упустить победу, если для ее достижения требуется самостоятельность и риск. Правила войны постепенно превратились в систему догм, сковывающую инициативу подлинных полководцев и позволяющую посредственности скрывать свою несостоятельность. Византийские полководцы предпочитали медленную войну, в которой все было предусмотрено заранее и не оставалось места для неожиданностей. В «правильной войне» византийское войско было неодолимо, как искусный фехтовальщик. Но для такой войны требовалось одно условие: противник тоже должен воевать «по правилам». Святослав же правила войны устанавливал для себя сам...

В дополнение к военной силе у византийского императора было еще одно, почти невидимое для непосвященных, гибкое и коварное оружие — дипломатия. Основы византийской дипломатии заложил император Юстиниан еще в VI веке. Знаменитое римское правило «Разделяй и властвуй!» стало правилом византийских дипломатов. Империю со всех сторон окружали разрозненные, находящиеся в постоянных передвижениях народы, которых

¹ «Греческий огонь» — зажигательная смесь из смолы, нефти, серы и селитры, применявшаяся греками в морских боях и при осаде крепостей с помощью метательных машин и специальных медных труб. «Греческий огонь» горел даже на воде.

греки презрительно называли «варварами». Заставить «варваров» служить империи, натравить вождей друг на друга, расправиться с непокорными чужими руками — вот чего добивались византийцы, и долгое время это им удавалось. Двадцать народов держали в своих сетях византийские дипломаты! Но на рубеже I и II тысячелетий отложенная система начала давать сбои. Болгарский царь Симеон (?—927), чудом вырвавшийся из византийского плена, начал войну за независимость своей страны и добился крупных успехов. Его сын Петр Короткий, хоть и не воевал с Византией, но на подчинение тоже не соглашался. Независимая позиция Болгарии очень беспокоила византийских дипломатов.

Беспокоила Византию и продолжавшая усиливаться Русь.

Взаимоотношения с кочевыми народами, населявшими причерноморские степи и предгорья Кавказа, — печенегами, хазарами, торками, аланами — представляли собой сложную систему, звенья которой переплетались между собой, удерживая в равновесии соседние страны. Как фигурам на шахматной доске, каждому из кочевых народов была уготована своя роль в политической игре византийских дипломатов.

Печенегов толкали на войны с русами, потому что знали: русы не могут начать дальний поход, если нет мира с ближайшими соседями. Можно было направить печенегов и на дунайских болгар, чтобы сделать последних говорчее. Самих же печенегов держали в страхе конными тысячами хазарского царя, которые вторгались в степи, угоняя стада и захватывая пленников. Если же чаша весов начинала колебаться, уместно было кинуть на нее торков, которые боялись печенегов, но при удобном случае могли и сами нанести им немалый урон. Если же хазары поворачивали коней в сторону, не выгодную императору, то на них можно было двинуть гузов, воинственный кочевой народ из-за Волги. Да и аланы, хотя и считались подданными хазарского царя, были способны причинить большой ущерб Хазарии, если подарками и лестью пробудить честолюбие аланских вождей.

Все народы Причерноморья оказывались завязанными в один клубок, а кончик нити находился в византийских руках...

Однако неожиданный и дерзкий поход князя Святослава, сокрушивший Хазарию, разрубил важнейшее звено в

той цепи, которой византийская дипломатия долго и старательно опутывала кочевые народы. Под угрозой оказались византийские владения в Крыму. Труднее стало натравливать кочевников на Болгарию. Тогда император Никифор II Фока задумал сложную дипломатическую операцию: толкнуть князя Святослава на Болгарию, а печенегов — на Русь. Это была хитрая тройная игра. Император надеялся увести князя Святослава подальше от херсонской фемы, жемчужины византийской короны, на Дунай, столкнуть лбами две самые опасные для Византии державы — Русь и Болгарию, чтобы они взаимно обессили в войне, затем направить печенегов на Русь, заставив Святослава поспешно увести войско с Дуная, а самому тем временем прибрать к рукам ослабленную войной Болгарию.

В Киев поехал с посольством Калокир. В дубовом сундуке с секретными замками он вез киевскому князю пятнадцать центинариев золота — малую часть будущего вознаграждения за согласие на дунайский поход. Разгадал ли князь Святослав хитрую игру императора? Вероятно, да. Но поход на Дунай как нельзя лучше соответствовал его собственным стратегическим планам. Он сам хотел утвердиться на Дунае, чтобы приблизить свои владения к культурным и экономическим центрам тогдашней Европы. Князь Святослав хотел также предотвратить поглощение Византийской империей единокровной славянской Болгарии, чтобы избежать тем самым непосредственного опасного соседства с империей. По далеко идущим замыслам Святослава дунайская Болгария должна была стать дружественным вассальным царством, союзником в борьбе с византийской экспансией. Но этих замыслов не знал император Никифор II Фока, презиравший «варваров», и торжествовал, получив согласие киевского князя.

Летописцы не сообщили, как готовился киевский князь к будущей войне, но, видимо, подготовка была обстоятельной и хорошо продуманной. На Руси знали о военной силе Византийской империи. Знали от купцов, ежегодно ездили с товарами в Константинополь и подолгу живших там, от наемников-варягов, служивших в императорской гвардии, от своих соплеменников, проданных печенегами в рабство греческим рабовладельцам и бежавших из плена, еще живы были и старые дружины князя Игоря, воевавшие с византийцами. По этим сведе-

ниям наибольшую опасность представляли катафракты, способные в сокнутом строю разорвать любые боевые порядки противника. Что противопоставить сокрушительным атакам катафрактов?

Решение было найдено.

Сокнутый строй русской тяжеловооруженной пехоты, прикрытый длинными щитами! Как крепостная стена! Глубокий несокрушимый строй, о который разобьются волны конных атак!

На Руси знали, что византийские полководцы предпочитают фланговые удары, хитроумные обходы, неожиданные нападения из засад. И против этих опасных приемов было найдено противоядие — многочисленная конница, способная оградить войско от внезапных нападений, обрубить железные клинья катафракторных полков, направленные во фланг и в тыл пешему строю. Своей конницей было недостаточно, и опытные в переговорах со степняками бояре отправились к печенегам и венграм, чтобы позвать их на помощь. Печенежские и венгерские вожди дали согласие выступить в поход.

В 967 году князь Святослав двинулся к Дунаю. В стенах к нему присоединились печенеги. Венгры готовились к вторжению в византийские владения.

Начало дунайского похода оказалось неожиданным для византийского императора. Он надеялся, что Болгария и Русь завязнут в войне, оставляя свободу маневра для византийских дипломатов. Но войско царя Петра было разбито в первом же сражении. Восемьдесят крепостей построил когда-то римский император Юстиниан, чтобы обезопасить свою дунайскую провинцию Мизию. Поднялись эти крепости вдоль всей реки и в отдалении от нее, на перекрестках больших дорог. Стояли они почти половину тысячелетия, устрашая врагов. И все эти восемьдесят крепостей были взяты князем Святославом только за лето и осень 968 года. Победное шествие по болгарской земле не сопровождалось убийствами и разорениями городов: князь Святослав не считал болгар врагами. Обосновавшись в Переяславце на Дунае, он готов был принять вассальные обязательства болгарских феодалов, оставить в неприкосновенности внутренние порядки, с тем чтобы совместно продолжить борьбу с Византийской империей. Появилась реальная возможность русско-болгарского союза.

Однако такой оборот дела меньше всего устраивал

Никифора II Фоку. Император, полагая, что теперь главное — удалить князя Святослава из Болгарии, постарался сделать это чужими руками. Тайные византийские посольства отправились в причерноморские степи, к печенежским вождям, золотом и щедрыми обещаниями склоняя их напасть на Русь. Весной 969 года печенежские орды осадили Киев. Так был зажжен пожар за спиной князя Святослава, который вынудил его остановить победное шествие в Дунайской Болгарии и поспешить на помочь собственной столице.

Стремительный бросок через степи был подвигом, на который способно лишь закаленное в дальних походах войско. Святослава торопили переданные ему слова киевских «вечников»: «Ты, княже, ищешь чужой земли, а свою землю покинул. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут нас печенеги!»

Святослав успел вовремя.

Кочевники-печенеги мало опасались нападений. Их хранили от врагов немерянные просторы степей и быстрая коней, привыкших к дальним переходам. У печенегов не было городов, а становища из войлочных юрт могли в случае опасности рассеяться по степи, раствориться в оврагах и балках, в зарослях и камышах, окружавших озера. Печенеги слыли неуловимыми.

Но избежать возмездия печенежские вожди не сумели. Конница князя Святослава шла по степям облавой, загоняя печенежские кочевья к обрывистым берегам рек, а по воде к установленным местам спешили на ладьях пешие воины. Спасения не было. Многочисленные стада и табуны коней, главное богатство и источник силы кочевников, стали добычей победителя.

Князь Святослав возвратился в Киев, овеянный славой избавителя и победоносного полководца. Но разгром печенегов не радовал его, война в степях воспринималась только как досадная помеха главному делу — противоборству с Византией на Дунае.

А из Болгарии приходили тревожные вести. 30 января 969 года неожиданно умер царь Петр. Византийцы поспешили возвести на болгарский престол его сына Бориса, который воспитывался в Константинополе. Новый царь сразу объявил о мире и союзе с императором. Но болгарский народ ненавидел византийцев, царя Бориса не поддержали даже феодалы, которые предпочитали подчиниться могучему киевскому князю Святославу, не покушав-

шемуся на права болгар. Царь Борис оказался в полной изоляции. Феодалы заперлись со своими дружинами в укрепленных замках. В Македонии вспыхнуло восстание против царя Бориса. Когда князь Святослав в августе 969 года вернулся в Болгарию, он нашел много сторонников. Болгарские дружины присоединились к русскому войску. Печенеги и венгры прислали легкую конницу. Почти не встречая сопротивления, Святослав двигался к Преславу, столице страны. Византийские советники царя бежали, сам он склонил голову перед киевским князем, приняв на себя обязанности вассала. Только такой ценой он сумел сохранить царскую корону, казну и придворных. Последняя карта императора Фоки оказалась битой, он остался лицом к лицу с князем Святославом, за которым стояла дружественная Болгария.

Неудачи погубили императора Никифора II Фоку: он был убит заговорщиками, а на византийский престол возвели известного полководца Иоанна Цимисхия. Византийское войско получило в лице нового императора достойного предводителя, прославившегося победами в Малой Азии, а князь Святослав — опаснейшего врага.

Император Иоанн Цимисхий отличался не только храбростью и решительностью, но и осторожностью. Чтобы выиграть время для подготовки войска, он начал переговоры с князем Святославом. Но тот отклонил условия мира — уходить из Болгарии он не собирался.

Империя готовилась к большой войне. Император отобрал из всего войска храбрейших молодых воинов, одел в блестящую броню и повелел впредь называть их «бессмертными». С полком «бессмертных» Иоанн Цимисхий собирался лично выступить в поход. Прославленному византийскому полководцу Варде Склиру и не менее прославленному победителю арабов патриаршу Петру было приказано отправиться с полками в пограничные с Болгарией области и там зимовать. Через границу поползли опытные лазутчики, одетые в «скифское платье» и знающие языки русов. Ждали только весны, когда перевалы Гимейских гор (*Родопских гор*) освободятся от снега, чтобы вторгнуться в Болгарию.

И она пришла, грозная весна 970 года.

Князь Святослав не стал ждать вторжения византийского войска и сам перешел в наступление. Такого еще не было в русской истории — открытого наступления на коренные византийские земли!

Магистра Варду Склира, которому император доверил оборону византийско-болгарской границы, не покидало ощущение, что на него давит, обрекая на неудачу все его усилия, чья-то чужая непреодолимая воля. Казалось бы, он сделал все необходимое: занял пехотой горные проходы через Гимеи, расставил в теснинах копьеносцев и щитоносных ратников, посадил на склонах стрелков из луков, стража охраняла даже боковые тропы, чтобы «варвары» не обошли заставы. Но все предосторожности оказались напрасными. Болгарские проводники-горцы вели русов по таким тропам, о которых не знали византийцы, и окруженные воины Варды Склира погибали, не успевая даже подать вести об опасности. Так же неожиданно болгарская и русская пехота, конные дружины князя Святослава, печенежские и венгерские всадники ворвались в византийскую провинцию Фракию. Начало войны было проиграно Вардом Склиром.

Бесполезным оказался и такой испытанный тактический прием, как внезапные нападения тяжелой катафракторной конницы из засады на походные колонны противоборцов. Обычно «варвары» не выдерживали внезапных ударов, поспешно отступали, продвижение их замедлялось, а потери подрывали боевой дух. Князь же Святослав посыпал впереди основных полков, двигавшихся по большим дорогам, отряды быстрых печенежских и венгерских всадников. Стремительно перемещаясь на своих короткохвостых конях, они осматривали рощи, сады, овраги, селения, обнаруживали засады, посыпали гонцов к воеводам, а сами, как рой жалящих пчел, кружились вокруг катафрактов, пока на помощь не приходили конные дружины Святослава или вооруженная длинными копьями пехота. А тем временем остальные полки князя в полной безопасности продолжали свое движение.

Потеряв несколько засадных отрядов, Варда Склир вынужден был отозвать катафрактов. Предварительная стадия войны, имевшая цель ослабить неприятеля до решающего сражения, была проиграна начисто, и Варда Склир сознавал это. Князь русов оказался предусмотрительнее, чем опытный византийский полководец, покоритель многих земель Востока. Если лазутчики херсонского стратега, следившие за победами князя в хазарском походе, доносили правильно, если действительно он жаждал решительного сражения, не отвлекаясь на мелкие стычки и осады крепостей, то приходилось признавать, что Свя-

toslav достиг желаемого. Варда Склир теперь был вынужден принять сражение.

Подобного еще не бывало, к этому не привыкли ни сам магистр Склир, ни патриций Петр, ни другие византийские военачальники — воевать, подчиняясь чужой воле.

Последним сигналом тревоги явилось взятие русами и болгарами Ардианополя, города, откуда византийцы сами привыкли начинать походы, чтобы потом перенести войну на чужие земли. К Варде Склиру, стоявшему под стенами крепости Ардионполь, прискакал Иоанн Ала-кас, начальник передового отряда, и сообщил, что противник совсем близко. Двенадцатицентное отборное войско магистра поспешно укрылось за крепостными стенами, а воинство Святослава расположилось станом на обширной поляне, примыкавшей к крепости. С двух сторон поляну окаймляли густые заросли. Лучшего места для сражения трудно пожелать. Варда Склир считал, что на флангах войска Святослава, в зарослях, можно незаметно поставить две сильные заставы. Затем остальными силами удаться в «чело», перебить их сколько удастся, притворным отступлением заманить между засадами и разгромить. Все казалось византийскому полководцу ясным и предопределенным. Вот оно, поле будущей победы!

Варда Склир помедлил несколько дней, чтобы неприятель от бездействия потерял бдительность. Наконец, глухой ночью два полка тяжелой конницы вышли из ворот Ардионполя и тихо втянулись в заросли. В стане русов не было слышно тревоги, и Варда решил, что маневр удался. Многоопытный магистр не догадывался, что это вполне устраивало князя Святослава. Главная цель войны — не захват обширных областей и взятие крепостей, а разгром неприятельского войска. Надо было выманить хитрого грека из крепости, заставить увязнуть в сражении, иначе он опять отступит и придется русам делать самое кровопролитное и бесполезное дело на войне — грудью пробивать каменные стены, обороняемые многочисленным гарнизоном.

Начало боя обнадежило Варду Склира. Как и предполагалось, русская и болгарская конница выдержала лобовой удар, сама перешла в наступление. Вовремя ударили и засадные отряды. Но русский строй подпирала сзади глубокая фаланга русской и болгарской пехоты, а легкая печенежская и венгерская конница собралась на флангах для новой атаки. Катафракты погибали в бес-

полезных атаках, русы и болгары стояли, прикрываясь большими щитами, и в их рядах не видно было брешей. Варда Склир запоздало догадался, что именно к такому исходу стремился князь: истребить в упорном и кровопролитном сражении отборное византийское войско, чтобы потом идти прямо на Константинополь. Нужно было спасти уцелевших воинов. Искусными маневрами Варда Склир вывел войско из-под ударов конницы Святослава, еще раз доказав свое полководческое дарование. Об этом отступлении, почти безнадежном, будут потом с восхищением писать знатоки военного дела. Но трагедия все-таки произошла. В Аркадиополь вернулась с поля битвы лишь малая часть воинов. Дорогу на столицу больше некому было защищать...

Константинополь переживал тревожные дни. С запада приближались страшные своей многочисленностью и отчаянной храбростью полчища князя Святослава. В его полках рядом сражались русы и болгары, печенежские и венгерские всадники охраняли станы. Произошло самое страшное из всего, что могло произойти: объединение «варваров» против империи! Тем более, что эти «варвары» стали беспредельно дерзкими. Они перешли в Македонию, разгромили магистра Иоанна Куркуаса, предводителя войск македонской фемы, и разорили всю страну!

И снова, как часто бывало во времена военных неудач Византийской империи, полководцы уступили место дипломатам. К князю Святославу отправилось византийское посольство с просьбой о мире. Вопреки ожиданиям, переговоры с князем оказались непродолжительными и нетрудными. Видимо, князь русов не покушался на Константинополь и не думал о завоевании империи. Он удовлетворился возмещением военных расходов, дарами воинам и воеводам и обязательством императора не вмешиваться в болгарские дела. Последнее было неприемлемо для императора Цимисхия, но он вынужден был уступить: воевать дальше империя не могла.

Осенью 970 года русы, болгары, печенеги и венгры покинули Фракию и Македонию. Империя обрела мир... чтобы готовиться к новой войне. Это «варвары» верят договорам и клятвам. Верность обязательствам императора определяется только целесообразностью...

Вероломство и изощренная ложь уже давно были возведены Византийской империей в ранг государственной политики. Обман противника почитался за доблесть, ко-

торой гордились и которую ставили в пример потомкам. Широкие военные приготовления императора были встречены с одобрением.

Спешно снаряжался огненосный флот, которого русы, по рассказам опытных людей, боялись больше всего. В Адрианополе, покинутом русами после заключения мира, развернулись арсеналы и склады продовольствия. В столицу стягивались полки из Малой Азии и Палестины. На равнине у константинопольских стен с утра до вечера звенело оружие, раздавались поведильные команды, стройными рядами проносились катафракты, лучники метали стрелы в красные щиты — обучалось новое войско. Воинство учили мгновенно перстраиваться и поворачивать ряды, пропускать сквозь строй конницу и снова смыкаться непреодолимой фалангой. Многим хитростям войны успел обучить своих воинов император Цимисхий до наступления весны.

На исходе марта 971 года в заливе Босфор император произвел смотр огненосного флота. Более трехсот больших кораблей легко и слаженно передвигались в водах залива, изображая морское сражение. Император остался доволен. Флоту предназначалась большая роль в будущей войне — он должен закрыть устье Дуная, чтобы отрезать русам путь к отступлению.

Вскоре сам император с двумя тысячами «бессмертных» выступил в поход. В Адрианополе его ожидало полностью снаряженное войско: пятнадцать тысяч пехотинцев в доспехах и тринадцать тысяч катафрактов. К городу стягивались и остальные войска, осадные орудия и обозы. Все благоприятствовало успеху похода. Лазутчики, вернувшиеся с Гимейских гор, доносили, что князь русов, поверивший мирному договору, не закрыл перевалы своими засадами. Купцы, приезжавшие из Болгарии, сообщали, что Святослав не ждет войны, его воины стоят гарнизонами по разным городам, их можно истребить поодиночке.

И император Иоанн Цимисхий приказал выступать.

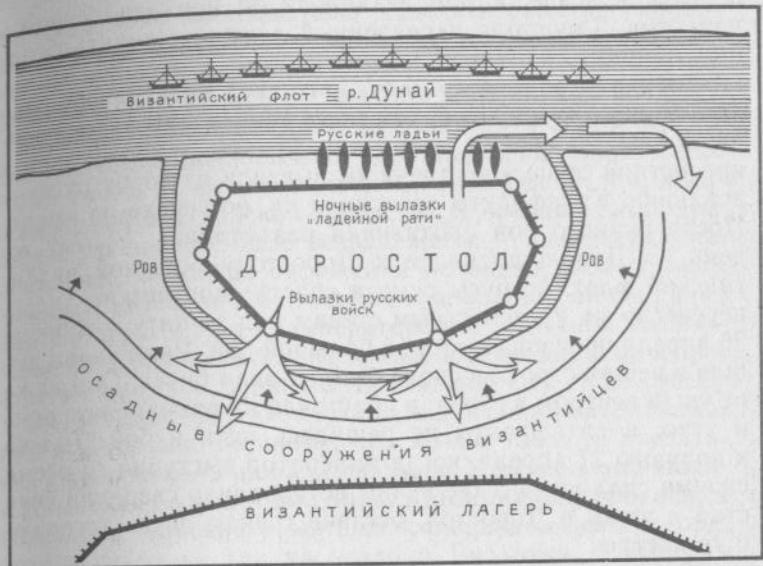
Стремительный бросок византийского войска через Гимейские горы подтвердил громкую славу полководца Иоанна Цимисхия. 12 апреля 971 года императорские полки неожиданно появились под стенами болгарской столицы города Преслава, который оборонял небольшой русский гарнизон воеводы Сфенкела и болгарские дружины. Силы были неравными, но воевода Сфенкел вывел

своих воинов в поле и дал императорским полкам упорное и кровопролитное сражение. Только бешеные удары «бессмертных» на левый фланг заставили воеводу отступить. Русы отошли в город и успели закрыть за собой ворота. Началась осада Преслава.

Камнеметные машины паракимомена Василия обрушили на город каменные глыбы, горшки с «греческим огнем». Защитники крепости несли большие потери, но держались, отбивая штурмы. Только через два дня византийцы ворвались в пылающий город. Жестокий бой разгорелся на центральной площади. Византийский историк так описал последние минуты защитников древней болгарской столицы: «Русы вышли из дворца и подготовились к сражению. Император послал против них Варду Склира с отборными воинами, которые окружили русов. Русы дрались храбро и ни один из них не просил пощады и не подавался назад. Однако греки одержали победу и всех перекололи. В этой битве весьма много погибло и болгар, которые находились в рядах русов и сражались с греками, как с виновниками нашествия на их страну...»

17 апреля Иоанн Цимисхий двинулся быстрыми маршами из Преслава к Доростолу, где, по сведениям лазутчиков, стоял князь Святослав. Города между Гимейскими горами и Дунаем, покинутые русскими гарнизонами, сдавались без боя, ничто не задерживало императора. 23 апреля византийские конные разъезды приблизились к Доростолу. Первая схватка закончилась трагически для византийцев. На малоазиатских всадников Феодора Мисфианина напали из засады русы и уничтожили всех. Но не нарушая боевого строя, готовое к любым неожиданностям, византийское войско медленно подошло к Доростолу. Перед городом расстилалась обширная равнина, пересеченная ручьями и руслами речек, а дальше, позади Доростола, катил свои коричневые волны весенний полноводный Дунай. Издали стены крепости казались невысокими и совсем негрозными, но император знал, что толщина их достигает двенадцати локтей, а до зубчатого гребня способны дотянуться лишь самые длинные штурмовые лестницы. Двое ворот выходили в поле, а над ними торчали массивные каменные башни.

Русы опять не пожелали прятаться за крепостными стенами и вышли в поле, преградив дорогу к Доростолу сплошными линиями длинных красных щитов. Глубокая

Оборона Доростола от византийцев (971)

фаланга из спешенных тяжеловооруженных воинов — вот что противопоставил князь Святослав катафрактам. Двенадцать раз атаки катафрактов императора Иоанна Цимисхия откатывались назад, устилая поле нарядными панцирями, расколотыми щитами и шлемами с разноцветными перьями.

Византийский историк писал: «Битва долго оставалась в совершенном равновесии. Русы сражались храбро и отчаянно. Они давно приобрели славу победителей над всеми соседственными народами и почитали величайшим несчастьем быть побежденными и лишиться этой славы. Греки тоже страшились быть побежденными. Они до сих пор побеждали всех своих неприятелей, а теперь настал день, когда они могли лишиться приобретенной славы... Русы, испуская яростные крики, бросались на греков. Уже пало весьма много воинов с обеих сторон, а победа все еще оставалась сомнительной».

Византийский историк напрасно писал так туманно: победы греков просто не было. В сумерках князь Святослав увел своих воинов в город. Императору пришлось

перейти к осаде. Утром 24 апреля он приказал строить напротив Доростола укрепленный лагерь, готовить осадные машины.

Военная хроника последующих дней вместила больше драматических событий, чем иные недели или даже месяцы войны. 25 апреля, когда катафракты приблизились к крепостной стене, навстречу им выехали из ворот русские всадники. Катафракты атаковали их, но успеха не имели. После равного боя противники разъехались. В этот же день по Дунаю поднялся к Доростолу большой византийский флот, но русы сумели спасти свои легкие ладьи, перенесли их к крепостным стенам под защиту лучников. 26 апреля произошел второй большой бой. Русы снова вышли в пешем строю, и снова была равная битва. Они даже не ушли вечером в город, а простояли на равнине всю ночь и утро, и катафракты не решились идти в бой. Только к полудню 27 апреля, когда император выступил со всеми своими силами, русские воины неторопливо свернули свой стан и ушли в Доростол, оставив грекам лишь догорающие костры.

28 апреля к городу подошли обозы с осадными орудиями. Многочисленные баллисты и катапульты¹ были поставлены возле византийского лагеря, мастера возились вокруг них, приводя в боевое состояние. Император хотел завтра же приблизить осадную технику к стенам Доростола и начать обстрел. Но русы за одну ночь вырыли поодаль от стен глубокий и широкий ров, препрятавший тяжелым осадным машинам путь к городу. Князь Святослав отыскал единственное возможное средство защиты от камнеметных машин, не применявшееся ранее полководцами. Весь день 29 апреля прошел в перестрелке русских и византийских лучников через ров, не причинившей ни той, ни другой стороне сколько-нибудь существенных потерь.

Ночью, воспользовавшись непогодой, русы на ладьях незаметно проплыли по мелководью между берегом и стоящими на якорях большими византийскими кораблями и неожиданно напали на византийские обозы. Много византийцев погибло в ночной резне, были уничтожены запасы продовольствия и оружия.

¹ Баллисты и катапульты — метательные машины, при помощи которых бросали на большие расстояния камни, бревна, стрелы, горшки с горючей смесью. Метательные машины широко использовались византийцами при осадах крепостей.

Осада явно затягивалась. Недели незаметно складывались в месяцы. Прошел июнь, на вторую половину по-катился июль, а над воротными башнями Доростола по-прежнему разевались русские стяги.

Император Иоанн Цимисхий не мог уйти от Доростола, ибо это было равносильно поражению, которое могло стоить трона. А на что надеялся князь Святослав, крепко запертый в дунайской крепости? С военной точки зрения его положение было безнадежным — византийцы явно сильнее, в кольце окружения не видно слабых мест. Если бы Святослав был только полководцем, он бы давно завязал переговоры с императором о почетной капитуляции. Но Святослав был не только полководцем, но и правителем огромной державы, вручившей ему свою судьбу и свое войско. Общая картина войны просматривалась князем несколько по-иному, чем можно было ее представить с крепостной башни Доростола. У императора Иоанна Цимисхия был слабый тыл, каждый лишний день осады увеличивал опасность мятежа соперников императора, которых было не так уж мало в Византии. Святослав ждал, когда загорится земля под ногами императора, когда ему придется думать не о войне с русами, а о спасении собственного трона. Ждал — и дождался!

Верный человек, тайком пробравшийся через византийские заставы, принес в Доростол весть о мятеже Льва Куропалата, брата убитого императора Никифора II Фоки. Чтобы Иоанн Цимисхий сам предложил мир Святославу, нужно доказать, что русское войско еще сильно и что осада Доростола может затянуться до бесконечности. А для этого следует еще раз крепко побить византийцев...

Князь Святослав догадывался, что император возлагает особые надежды на метательные машины, которые уже приблизились к стенам города и были готовы начать свою разрушительную работу. Поэтому в полдень 19 июля, когда византийцы спали после обеда, русы неожиданно напали, изрубили и сожгли смертоносные орудия. На следующий день они снова вышли из города, теперь уже большими силами, и долго сражались на равных с катафрактами, нанеся им тяжелые потери.

Наконец наступило 22 июля, день последнего сражения под стенами Доростола. Все воины помнили призыв князя Святослава: «С храбростью предков наших и с тою мыслью, что русская сила была до сего времени непобедима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет

обычая бегством спасаться в отечество, но или жить победителями, или, совершивши знаменитые подвиги, умереть со славою!»

Войско вывел в поле сам князь Святослав. Он велел запереть городские ворота, чтобы никто из воинов не посыпал искать спасения в бегстве, а думал только о победе. Русы не стали ждать наступления неприятеля, сами устремились вперед. Византийцы начали отступать, и только прибытие императора Цимисхия с «бессмертными» выправило положение. Шла упорная сеча. Напрасны были фланговые рейды византийской конницы: русы несли потери, но стояли.

То, чего не сумели добиться опытные византийские полководцы, сделали стихийные силы природы. С юга надвинулись на Доростол черные грозовые тучи. Шкальный ветер ударили в лицо русским воинам, пыль ослепила их, а потом хлынули потоки косого колющего дождя. Русские трубы протрубыли отступление. Воины разом повернулись, закинули щиты за спину и неторопливо двинулись обратно к Доростолу. Греки не решились преследовать непобежденного противника и беспрепятственно пропустили пехотные фаланги русов обратно в город.

Казалось бы, неудача? Погибло пятнадцать тысяч воинов... Потеряно двадцать тысяч щитов... Многие ранены и теперь не способны сражаться в полную силу... Но Святослав так не думал. Иного исхода сражения он не ждал. Разгромить оставшимися силами многотысячное, сытое и отдохнувшее войско императора Иоанна Цимисхия было невозможно. Но византийцам нанесены тяжелые потери, рассеялись последние надежды императора на скорое завершение войны. Еще немного выдержки, и Цимисхий сам запросит мира...

Так и случилось. Византийцы начали мирные переговоры. Условия были почетными. Князь Святослав соглашался сдать Доростол, уйти из Болгарии, а император обязался не только пропустить на родину его войско с оружием и добычей, но даже снабдить хлебом на дорогу. Хартия о мире была написана, и князь Святослав отправился на свидание с императором, чтобы скрепить мирный договор личной встречей. Описание этой встречи, сохранившееся в «Истории Льва Диакона», столетиями кочует по страницам исторических сочинений, потому что является единственным в своем роде: только из него потомки могли узнать о внешности князя Святослава и его поведе-

нии. Не два облеченные властью правителя встретились на дунайском берегу, а два взаимоисключающих мира, силой обстоятельств вынужденные договариваться один с другим...

«Император Цимисхий в позлащенном вооружении, на коне, подъехал к берегу Дуная, сопровождаемый великим отрядом всадников, блестящих доспехами. Святослав приплыл по реке на скифской ладье и, сидя за веслом, греб наравне с прочими без всякого различия. Он был среднего роста, ни слишком высок, ни слишком мал; с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом; с бритою бородою и с длинными висячими усами. Голова у него была совсем голая, только на одной ее стороне висел локон волос, означающий знатность рода; шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и свирепым. В одном ухе у него висела золотая серыга, украшенная карбункулом, а по обеим сторонам от него — двумя жемчужинами. Одежда на нем была простая, ничем, кроме чистоты, от прочих не отличная. Поговорив немного с императором о мире, сидя на лавке, он отправился обратно. Таким образом закончилась война греков с русскими...»

Может быть, именно после этого свидания и зародилась у императора вероломная мысль расправиться со своим опасным противником, не допустить возвращения Святослава на Русь. Это могли сделать или огненосные триеры¹ херсонского стратига, если русы будут возвращаться морем, или сабли подкупленных печенегов. Однако сразу этого сделать не удалось: чтобы ввести в заблуждение византийцев, Святослав отправил в Киев воеводу Свенельда с частью войска, а сам исчез неведомо куда. Позднее стало известно, что он остался зимовать в Белобережье, на одном из островов дунайской дельты. Не только забота о собственной безопасности руководила князем Святославом. Своим присутствием у границ Болгарии он хотел ободрить и поддержать болгар, с которыми расправлялся император Иоанн Цимисхий.

А для болгар действительно наступили тяжелые времена. Восточная Болгария потеряла свою независимость. Царь Борис был низложен, ему было приказано сложить с себя царские регалии: пурпуровую шапку, вышитую золотом и жемчугом, багряную мантию и красные санда-

¹ Триеры (триремы) — суда с тремя ярусами весел.

ГЛАВА ВТОРАЯ

лии. Взамен утраченного трона Бориса пожаловали скромным византийским титулом магистра. Спешно переименовывались на греческий лад болгарские города. Преслава становилась отныне Иоаннополисом (в честь императора Цимисхия), Доростол — Феодорополисом (в честь жены императора). Замерла Болгария, скованная железными обручами византийских гарнизонов. Немногие осмеливались продолжать открытую борьбу с завоевателями.

Воины князя Святослава провели в Белобережье всю зиму, терпя великие лишения и голод. За мерзлую конскую голову платили по полугривне¹, варили в котлах вместо мяса ремни от щитов. Ждали воеводу Свенельда с обозом и новыми воинами, но не дождались. Весной 972 года лады князя Святослава направились к днепровскому устью. Совсем близкой казалась отчизна, но на днепровских порогах подстерегал судовой караван Святослава печенежский хан Куря...

Неизвестны подробности последнего боя князя Святослава. Не сохранилось кургана над его останками. Однако память народная, вечная хранительница истинно ценного, бережно донесла до потомков славное имя князя-вityязя, отважного воителя за землю Русскую.

ВЛАДИМИР МОНОМАХ

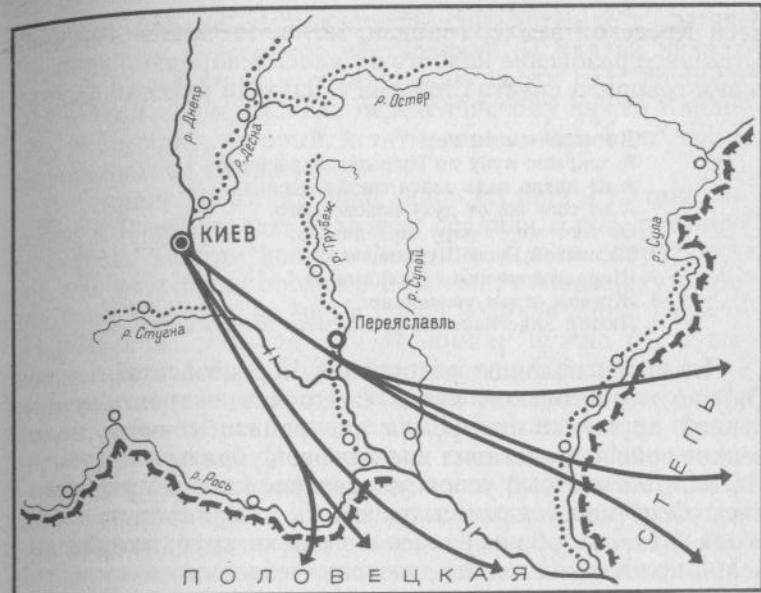
¹ Полугривна — половина гривны, основной денежной единицы в Древней Руси, представляющей собой серебряный слиток весом около фунта.

Осенью 1097 года в укрепленном городке Любече на Днепре собрались шесть самых влиятельных русских князей: Святополк Киевский, Владимир Мономах Переяславский, Давид Владимира Волынский, Олег Черниговский, Василько Теребовльский с братом. Собрались они на «строение мира», чтобы прекратить затянувшуюся на многие годы усобицу. Не внезапное прозрение в гибельности внутренних распре руководило князьями, сойтись вместе их заставила грозная опасность с юга.

В середине XI века, вытеснив из причерноморских степей остатки печенегов и племена торков, к русским границам вышли новые кочевники — половцы. Половецкие вежи растянулись от Волги до Дуная, половецкие «князья» (ханы) имели в своем распоряжении десятки тысяч конных воинов, быстрых и неуловимых. Византийский церковный писатель Евстафий Солунский так рассказывал об опасных соседях Руси: «В один миг половец близко, и вот уже нет его. Сделал наезд и стремглав, с полными руками, хватается за повод, понукает коня ногами и бичом и вихрем несется далее, как бы желая перегнать быструю птицу. Его еще не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз». Количество мелких половецких набегов на русское пограничье вообще не поддается учету, а крупные походы, возглавляемые половецкими «князьями», зачастую принимали характер настоящих нашествий.

В степях, примыкавших к Черноморской луке, между Дунаем и Днепром, кочевали лукоморские половцы. Возле Днепра, по обе стороны порогов, были становища приднепровских или запорожских половцев. От Нижнего Днепра до Нижнего Дона, по берегам Азовского моря, расстилались владения приморских половцев. Между Северским Донцом и Тором, где стояли степные городки Шаруань, Сугров и Балин, — донецких. В бассейне Дона

Условные обозначения

- Главные речные рубежи, укрепленные при князе Владимире Святославовиче (980—1015 гг.)
- Пограничные укрепленные линии Ярослава Мудрого (с 30-х гг. XI в.)
- Основные направления походов русских дружин в степи
- Пограничные крепости
- Броды через Днепр

Основные оборонительные рубежи Южной Руси в X—XI веках

были вежи половцев донских. Вместе они представляли грозную военную силу.

Впервые русские дружины встретились с половцами в 1061 году и потерпели поражение. Переяславский князь Всеволод увел уцелевших воинов под защиту городских стен, а половцы разорили все княжество и взяли множество пленных. К следующему большому половецкому вторжению сыновья великого князя Ярослава Мудрого — Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи — подготовились более основательно, сами вышли к степной границе, но снова потерпели неудачу: половецкий хан Шаруан оказался сильнее. В жестоком ночном бою княжеские дружины были разбиты и поспешно отступили, открыв дорогу на Киев. Половецкие всадники рассыпались по

всей Киевской земле, грабили, жгли, забирали в полон. Страшное разорение надолго осталось в народной памяти, о нем говорили спустя столетия сказители русских былин:

Да числа-сметы нет!
А закрыло луну до солнышка красного,
А не видно ведь зата-светла месяца.
А от того же от духу половецкого,
От того же от пару лошадиного.
Ко святой Руси Шурк-великан
Широку дорожку прокладывает,
Жгучим огнем уравнивает,
Людом христианским речки-озера запруживает...

Пытались половцы разорить и Черниговскую землю. Однако черниговский князь Святослав с трехтысячной конной дружины разгромил двенадцати тысячное половецкое войско и заставил насильников убраться восвояси. Но это был частный успех: половецкие набеги продолжались. Особенно усилилась опасность в девяностых годах, когда в степях образовалось несколько крупных объединений половецких племен, возглавляемых «великими» ханами. Успехам половцев способствовали и продолжавшиеся на Руси княжеские усобицы.

В 1092 году началась «великая война»: орды ханов Шарукана и Боняка двинулись на Русь. Десятки тысяч половецких всадников ворвались в приднепровские земли, запылали села и деревни. Люди прятались в укрепленных городах, которые степняки обходили. Летописец грустно повествовал: «Рать велика была от половцев отовсюду, и взяли три города, Песочен, Переяловку и Прилуки, и много сел повоевали». В следующем году снова «рать велика была от половцев», одни половецкие отряды осадили Торческ, другие разошлись «по земле воююще». Попытка киевского князя помочь осажденному Торческу не удалась: его войско было разбито половцами на реке Стугне, причем, по словам летописца, князь «пришел в Киев сам третий». Потянулись в степь печальные вереницы русских пленных, велико было горе народное...

С большим трудом новый великий киевский князь Святополк сумел заключить мир с половецкими ханами, откупившись богатейшими дарами*. Но мир этот не мог быть прочным: половцы признавали только силу. В том же 1094 году их отряды вновь появились в Черниговской земле. Даже занятые усобицами князья стали понимать,

что собственными силами каждое княжество не в состоянии отразить половецкое наступление. И князья начали делать первые шаги к объединению своих сил. Инициатива в этом принадлежала переяславскому князю Владимиру Мономаху, который, кстати, первым нанес половцам чувствительное поражение...

В феврале 1095 года орда ханов Итларя и Китана подошла к Переяславлю. Половцы осадили город, раскинули шатры, зажгли костры. Ханы не ждали сопротивления, они отправили послов к Владимиру Мономаху с требованием уплатить за мир и покой великие дары. Переговоры начались: Владимиру Мономаху нужно было выиграть время, пока подойдет помощь. Пришлось даже послать в половецкий стан заложником княжеского сына Святослава — только при этом условии хан Итларь соглашался приехать в Переяславль для заключения мира. В ночь на 24 февраля переодетые в половецкое платье дружины выкрали Святослава, после чего переяславская дружина напала на половецкий стан. Хан Китан был убит в своем шатре, остальные половцы разбежались. Понес заслуженную кару и находившийся в городе хан Итларь. Тем временем подоспело войско из Киева. Два брата — Святополк Киевский и Владимир Переяславский — выступили в поход, чтобы довершить разгром приднепровских половцев.

Нападение на половецкие вежи было неожиданным, степняки не привыкли, чтобы их тревожили в глубине степей и не приняли мер безопасности. Русские дружины громили половецкие станы, захватывали стада и табуны коней, освобождали пленных. Это был первый большой успех, который показал, что половцев можно бить, если объединить силы, и не только отражать нападения, а самим активно действовать.

«Великая война» на степной границе продолжалась. В 1096 году хан Боняк разорил окрестности Киева и сжег в Берестове княжеский двор, а ханы Куря и Тугоркан подступили к Переяславлю. Боняка удалось отогнать, а затем объединенное войско Святополка Киевского и Владимира Мономаха обрушилось на Тугоркан. Половцы, стоявшие у Переяславля на берегу Трубежа, не ожидали нападения и были разгромлены. Сам Тугоркан и его сын погибли в сече.

Но сохраняли свои силы опасные враги — ханы Боняк и Шарукан. Война еще не была закончена. Пройдет совсем

немного времени, и орда Боняка снова появится под Киевом...

В этой тревожной обстановке и собрался княжеский съезд в Любече. Громко и авторитетно звучал на нем голос Владимира Мономаха — второго по значению князя на Руси (Переяславль в иерархии русских городов следовал за столичным Киевом), прославившегося как умелый и удачливый полководец, ни разу не потерпевший поражения. Именно ему принадлежала роль фактического организатора обороны степной границы (первые удары половцев неизменно обрушивались на пограничное Переяславское княжество!). Владимир Мономах убеждал князей: «Пошто губим Русскую землю, сами на себя делая которую (раздор, распрю), а половцы землю нашу несут розно и радуются, когда между нами встает рать. Будем едины сердцем и сблюдем Русскую землю!»

Не сразу и не легко согласились князья на провозглашенный принцип «каждый держит отчину» свою, потому что этот принцип отмечал старые претензии на чужие владения, честолюбивые надежды на захваты новых земель и княжеских столов, потому что каждый, кто осмелится теперь поднять меч на своих сородичей, встретит общий отпор князей: «Если теперь кто на кого покусится, против того будут все и крест честной!» Половецкая рать была слишком опасной, она угрожала всем, и князья принесли клятвы верности: «Сотворить мир и благость земле Русской и брань иметь с погаными».

Клятвы были даны, но усобицы утихли не сразу. Еще два года то там, то здесь вспыхивали пожары братоубийственных войн, пока, наконец, в 1100 году княжеский съезд в городе Витичеве не положил им конец. Появилась реальная возможность для общерусской борьбы с половцами.

Первые же известия об объединении русских князей произвели отрезвляющее впечатление на половецких ханов. В 1101 году, по словам летописца, «прислали половцы послов своих и просили мира», и русские князья «сотоврили мир с половцами». Половцы клялись, что будут во веки веков хранить мир, не нарушать русских рубежей, перестанут вымогать дары. Но уже осенью 1102 года хан Боняк, нарушив клятвы, напал на переяславские земли и ушел с добычей прежде, чем подоспели русские дружины. Нет, на клятвы половецких ханов надеяться было

нельзя, обеспечить безопасность южной границы можно только военными средствами.

По инициативе князя Владимира Мономаха на Долобском озере снова собирались русские князья. Речь шла о большом походе в половецкие степи. Владимир Мономах предлагал начать поход весной 1103 года, когда половцы не ждали нападения, когда кони их обессилели после голодной зимовки. Были у него и противники, которые говорили: «Не годится, князь, весною идти в поход, погубим смердов, и коней, и пашню их». В летописях сохранилась гневная отповедь князя Владимира Мономаха: «Дивлюсь я, дружина, что лошадей жалеете, на которых пашут. А почему не помыслите о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчанин застрелит его из лука? А лошадь его возьмет, а в село его приехав, возьмет жену его и все его именье? Так лошади вам жаль, а самого смерда разве не жаль?»

Владимиру Мономаху удалось убедить князей. Было решено, что в марте рати соберутся в Переяславле для совместного похода в половецкую степь. Впервые на рубеже собиралось общерусское войско (только князь Олег Святославич Новгород-Северский, давний недруг Ярославичей, отказался прислать дружины), впервые Владимир Мономах мог вести войну по своему плану, так как являлся фактическим предводителем войска (его старший брат Святополк Киевский не отличался военными способностями и лишь формально возглавлял войско). Князю предстояло реализовать свои давние планы войны с неуловимой половецкой конницей, войны, подобной которой не вел еще никто из русских князей. Разве что князь-вityязь Святослав, но для него рейд в печенежские степи был не более чем эпизодом среди грандиозных походов...

Владимир Мономах давно понял, что в войне с извечными врагами Руси — кочевниками нельзя придерживаться оборонительной тактики, нельзя отсиживаться за валами и засеками, за стенами крепостей, обрекая войско на пассивность и давая тем самым половцам возможность определять направление ударов, создавать там, где им выгодно, огромный перевес сил. И дружиная конница, лучшее в мире войско, тоже вынуждена была следовать по путям, проложенным для нее половцами: конные дружины выходили лишь в погоню за половецкой ордой, стремясь уже после набега отбить добычу и пленников. Необходимо было не преследовать отступающего, насытившегося

кровью и добычей врага, а предупреждать его, громить вдали от русских земель, лишать возможности нападения, организовывать походы значительными силами далеко в глубь степей, мощные удары по центрам кочевий, по половецким городкам, которые те вынуждены будут защищать, потому что в городках их семьи и награбленная добыча. И не придется разыскивать летучие отряды половцев в степной необъятности, они сами соберутся вместе, чтобы преградить дорогу к своим вежам. Вот тогда-то и можно решить исход всей войны в больших сражениях, в «прямом бою», которого степняки не любят, но к которому их вынудит военное искусство противника. Навязать половецким ханам свою волю, заставить их сражаться там и так, как это выгодно русским воинам,— вот в чем видел Владимир Мономах залог успеха. Но пока это были только мысли о войне, их надо было превратить в дела, и это сбирался совершить князь в предстоящем походе.

И еще одну неожиданность подготовил Владимир Мономах своим врагам. Раньше в полевых сражениях с половцами участвовали главным образом конные дружины, к схваткам с ними половцы привыкли, умели расстраивать ряды, убивая стрелами лошадей, нападая клином тяжеловооруженных всадников. Половецким атакам князь решил противопоставить глубокий строй пеших воинов, прикрытых большими щитами, вооруженных длинными копьями. Ощетинившийся копьями сомкнутый строй пехоты остановит яростные атаки половецких наездников, а конница довершит разгром. Именно так поступил когда-то князь Святослав, готовясь к истребительным атакам стальных византийских катафрактов, и добился желаемого. Военный опыт предков — достояние потомков!

Войско выступило в поход, когда Днепр очистился от льда. По полноводной весенней реке поплыли на юг в ладьях пешцы, а по берегам бровень с ними шли конные дружины. Далеко впереди бежали сторожевые разъезды, чтобы вовремя предупредить об опасности. Тем не менее Владимир Мономах приказал всем воинам надеть доспехи и не выпускать из рук мечей и копий: половцы коварны, внезапные нападения из засады их излюбленная военная хитрость.

Где-то возле острова Хортица, близ порогов, пешцы вышли из судов на берег, соединились с конными дружинами. Начался поход через степи к реке Молочной, что

впадала в Азовское море. Там были центры половецких кочевий, туда уходили половцы с наступлением осени, чтобы перезимовать в теплых краях, а поздней весной, когда степь покроется травой, возвратиться к русским рубежам.

Первая стычка была выиграна русским сторожевым полком, который двигался осторожно, по оврагам и логам, за холмами и курганами. Передовой отряд хана Алтунопы был окружён русскими пешцами и почти весь перебит, а немногие уцелевшие в сече, прорвавшиеся через кольцо пешцев половцы были настигнуты свежей русской конницей и зарублены. Погиб и сам Алтунопа. Некому было даже предупредить об опасном продвижении русского войска.

Успех воодушевил русских князей, и они охотно согласились с предложением Владимира Мономаха ускорить движение, постараться навязать генеральное сражение главным половецким силам, а если половцы не примут боя — разорять их вежи до самого Дона, пока ханы не выйдут навстречу, чтобы спасать свое богатство и сородичей.

Половцы решили принять бой. На рассвете 4 апреля две рати сблизились. Летописец так описал начало сражения: «И двинулись полки половецкие, как лес, конца им не было видно; и Русь пошла им навстречу». Русские полки успели принять боевой порядок, тщательно продуманный Владимиром Мономахом. В центре встал крепкая пешая рать: в едином сомкнутом строю стояли киевляне и черниговцы, смоляне и ростовцы, Переяславцы и полочане. На крыльях — конные княжеские дружины.

Половецкая атака разделялась как бы на несколько последовательных ударов, каждый из которых мог сломить дух войска и сокрушить его. Мог бы, но не сумел...

Вот на русский строй накатились волны половецких конных лучников, как косой секущий дождь полились бесчисленные стрелы. Но пешцы, прикрывшись большими щитами, окованными железом, выстояли. Лучников смешили тяжеловооруженные воины в панцирях, с разящими кривыми саблями. Своей массой они хотели проломить русский строй. Но пешцы приняли их на копья, разили коней и всадников, опрокидывали на землю храбрецов, первыми бросавшихся на русский строй. А когда половцы в нескольких местах прорвали первую линию копьеносцев, их приняли в топоры и кинжалы задние ряды.

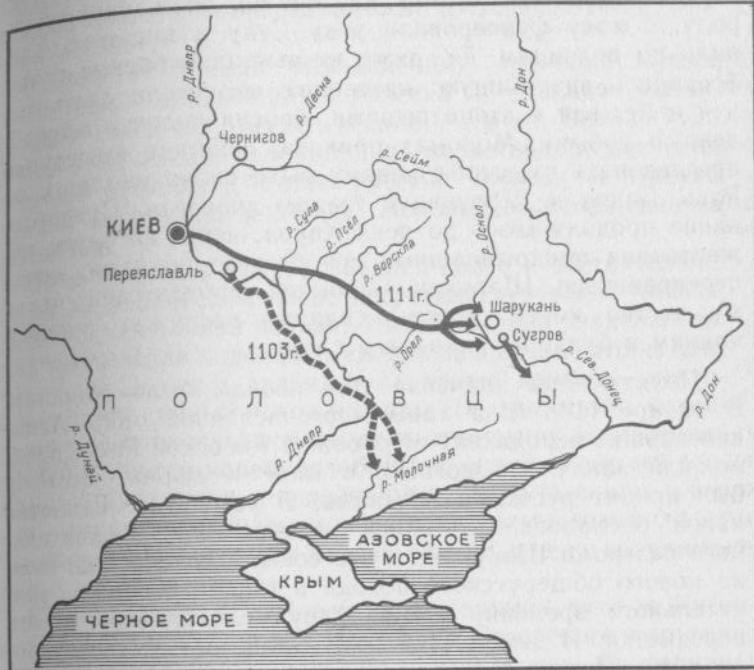
Падали в степную траву половецкие всадники, а русский строй не пятился, продолжал стоять, и половецкие запасные отряды сгрудились перед толпой сражавшихся, не зная, что делать,— сеча могла поглотить их, растворить в себе, каждый новый отряд только увеличил бы толчью. Ханы недоумевали: куда направить следующие удары?

И тогда по сигналу Мономаха в битву вступили конные дружины, ударили с флангов. Половцы дрогнули и побежали, их преследовали русские дружины на свежих, не утомленных битвой конях. Спасти удалось не многим. В сече и во время преследования было убито двадцать половецких ханов: Урассоба, Кчия, Арсланопа, Китанопа, Куман, Асупа, Куртх, Ченегрепа, Сурьбан и прочие, менее известные. Это была победа!

После короткого отдыха русское войско двинулось дальше, на беззащитные половецкие станы. Была захвачена огромная добыча: шатры и имущество, стада, табуны коней. Но главным было освобождение множества русских пленников, которых половцы еще не успели отправить на невольничьи рынки Крыма, в Судак и Херсонес.

Торжественно встретил победителей Переяславль, вотчина князя Владимира Мономаха. Велика была радость князей, но Владимир Мономах предостерегал от преждевременного успокоения. Еще сохранили свои конные тысячи самые опасные враги Руси — ханы Шарукан и Боняк, неизвестно даже, где они кочуют. Предстоит еще нелегкие походы, чтобы границы Руси стали по-настоящему безопасными. Половцы получили жестокий урок — не более.

Урок действительно был жестоким. Донецкие половцы, разгромленные Владимиром Мономахом, притихли. Не было с их стороны вторжений ни в следующем году, ни через год. Но хан Боняк продолжал набеги, хотя и без прежнего размаха, осторожно. Поздней осенью 1105 года он внезапно появился у Зарубинского брода, неподалеку от Переяславля, пограбил приднепровские села и деревни и быстро отступил. Князья даже не успели собрать погоню. В следующем 1106 году половцы нападали на Русь уже трижды, но набеги были малоудачными и не принесли степнякам добычи. Сначала они подступили к городку Заречску, но были отогнаны киевскими дружинами. По словам летописца, русские воины гнали половцев «до Дуная» и «полон отняли». Потом Боняк «повоевал» возле Переяславля и поспешно отшел. Наконец, по словам летописца, «при-

Походы Владимира Мономаха в половецкие степи в начале XII века

шел Боняк и Шарукан Старый и иные князья многие и встали около Лубна». Русское войско двинулось им на встречу, но половцы, не принимая боя, «побежали, хватаячи коней».

Эти набеги не представляли серьезной опасности для Руси, легко отражались княжескими дружинами, но недооценивать половецкой активности было нельзя. Половцы начали оправляться от недавнего разгрома, и нужно было готовить новый большой поход в степи. Или, если Боняк и Шарукан опередят, достойно встретить их на рубежах русской земли.

В августе 1107 года большое половецкое войско осадило Лубен, Шарукан привел с собой уцелевших донских половцев, хан Боняк — приднепровских, к ним присоединились ханы других половецких орд. Но в переяславской крепости еще с лета стояли дружины многих русских князей, собравшихся по призыву Владимира

Мономаха. Они кинулись на помощь осажденному городу, с ходу форсировали реку Сулу и внезапно удали по половцам. Те, даже не выставив боевые стяги, бросились врассыпную: некоторые не успели взять коней и бежали в степь пешими, бросив полон и награбленную добычу. Мономах приказал коннице неотступно преследовать их, чтобы некому было снова нападать на Русь. Боняк и Шарукан с трудом спаслись. Преследование продолжалось до реки Хорол, через которую, потерявши прикрывавшими его бегство воинами, успел переправиться Шарукан. Добычей победителей стало множество коней, которые славно послужат русским воинам в будущих походах в степи.

Политическое значение этой победы было большим. В январе 1108 года ханы многочисленной орды Аепы, кочевавшие неподалеку от рубежей Киевской Руси, предложили заключить договор о мире и любви. Договор был принят русскими князьями. В результате единство ханов распалось, создались условия для окончательного разгрома Шарукана и его союзников. Но подготовка нового общерусского похода в степи требовала значительного времени, а Шарукану нельзя было давать передышки. И зимой 1109 года Владимир Мономах послал на Донец своего воеводу Дмитра Иворовича с переяславской конной дружиной и пешцами на санях. Ему было велено точно выяснить, где стоят зимой половецкие станы, готовы ли они к летним походам на Русь, много ли осталось у Шарукана воинов и коней. Русская рать должна была опустошить половецкие вежи, чтобы Шарукан знал: и зимой не будет ему покоя, пока он враждует с Русью.

Воевода Дмитрий выполнил поручение князя. Пешцы в санях и дружины верхами быстро прошли через степи и в начале января уже были на Донце. Там их встретило половецкое войско. Воевода выставил против половецкой конницы испытанный сокнутий строй пешцев, о который разбилась атака лучников, а разгром вновь доверили фланговые атаки конных дружины. Половцы бежали, бросив свои шатры, имущество. Тысячи кибиток и множество плленных и скота стали добычей русских воинов. Не менее ценные были сведения, принесенные воеводой из половецких степей. Оказалось, Шарукан стоит на Дону и собирает силы для нового похода на Русь, обменивается

гонцами с ханом Боняком, который на Днепре тоже готовится к войне.

Весной 1110 года объединенные дружины князей Святополка, Владимира Мономаха и Давида выдвинулись к степному рубежу, встали у города Волиня. Туда же шли из степи половцы, но, неожиданно для себя встретив готовое к битве русское войско, повернули назад и затерялись в степях. Половецкое вторжение не состоялось.

Новый поход в степи готовился долго и обстоятельно. Снова на Долобском озере встретились русские князья, чтобы обсудить план похода. Мнение воевод разделилось: одни предлагали подождать следующей весны, чтобы двинуться на Донец в ладьях и на конях, другие — повторить зимний санный поход воеводы Дмитра, чтобы половцы не могли откочевать на юг и откормить на весенних пастищах своих коней, ослабевших за время зимней бескорыщи. Последних поддержал Владимир Мономах и его слово оказалось решающим. Начало похода наметили на самый конец зимы, когда морозы спадут, но еще сохранится легкий санный путь.

В конце февраля в Переяславле сошлись рати из Киева, Смоленска, Чернигова, Новгорода-Северского и других городов. Прибыли великий киевский князь Святополк с сыном Ярославом, сыновья Владимира Мономаха — Вячеслав, Ярополк, Юрий и Андрей, Давид Святославич Черниговский с сыновьями Святославом, Всеволодом, Ростиславом, сыновья князя Олега — Всеволод, Игорь, Святослав. Давно не собиралось для совместной войны столько русских князей. Снова к конным княжеским дружинам присоединились многочисленные рати пешцев, так хорошо проявившие себя в прошлых походах на половцев.

26 февраля 1111 года войско выступило в поход. На реке Альте князья остановились, поджидая припоздавшие дружины. 3 марта войско вышло на реку Сулу, пройдя за пять дней около ста сорока верст. Учитывая, что вместе с конными дружинами двигались пешцы и большие санные обозы с оружием и припасами, такие темпы похода следует признать весьма значительными — тридцать верст за дневной переход!

Идти было тяжело. Началась оттепель, снег быстро таял, лошади с трудом тащили нагруженные сани. И тем не менее скорость похода почти не снизилась. Только хо-

рошо обученное и выносливое войско было способно ^{наг} такие переходы.

На реке Хороле Владимир Мономах приказал оставить санный обоз, перегрузить оружие и припасы во щеки. Дальше шли налегке. Начиналось Дикое Поле — половецкая степь, где не было русских поселений. Тридцативосьмиверстный переход от Хорола до реки Псёл войско преодолело за один дневной переход. Впереди ждала река Ворскла, на которой русские воеводы знали удобные броды — это было очень важно, так как полноводные весенние реки представляли серьезную преграду. Далеко впереди главных сил ехали конные сторожи, чтобы предупредить неожиданное нападение половцев. 7 марта русское войско вышло на берег Ворсклы. 14 марта рати достигли Донца, повторив зимний поход воеводы Дмитрия. Дальше лежала «земля незнамая» — так далеко русские дружины еще не заходили. Впереди мелькали конные разъезды половцев — орда хана Шарукана была где-то близко. Русские воины надели доспехи, приняли боевой порядок: «чело», полки правой и левой руки, сторожевой полк. Так и пошли дальше, в боевом порядке, готовые в любую минуту встретить половецкое нападение. Позади остался Донец, показался Шарукан — степной город, состоявший из сотен кибиток, шатров, невысоких глинобитных домов. Половецкая столица впервые увидела вражеские знамена под своими стенами. К обороне Шарукан явно не готовился. Вал вокруг города был низким, легкопреодолимым — видимо, половцы считали себя в полной безопасности, надеясь, что их надежно обергают просторы Дикого Поля... Жители прислали послов с дарами и просьбами не разорять город, но взять откуп, какой русские князья назначат.

Владимир Мономах приказал половцам сдать все оружие, отпустить пленников, вернуть награбленное в прошлых набегах имущество. Русские дружины вошли в Шарукан. Это произошло 19 марта 1111 года.

Только одну ночь простояло русское войско в Шарукане, а утром пошло дальше, к Дону, к следующему половецкому городку — Сугрову. Его жители решили защищаться, выйдя с оружием на земляной вал. Русские полки со всех сторон окружили Сугров и засыпали его стрелами с горящей просмоленной паклей. В городе начались пожары. Обезумевшие половцы ме-

тались по пылающим улицам, пытаясь справиться с огнем. Тогда начался приступ. Тяжелыми бревнами-таранами русские воины пробили городские ворота и вошли в город. Сугров пал. Разбойничье гнездо, из которого в прошлые годы вылетали лихие ватаги половецких всадников для очередного набега, прекратило свое существование.

До реки Дона оставалось всего половина дневного перехода...

Между тем сторожевые разъезды обнаружили большое скопление половцев на речке Сольнице (река Тор), притоке Дона. Близилось решительное сражение, итогом которого могла быть только победа или смерть: русское войско так далеко зашло в Дикое Поле, что спастись от быстрой половецкой конницы в случае отступления было невозможно.

Наступил день 24 марта 1111 года. Густые толпы половцев показались на горизонте, выкинув вперед щупальца легкоконных разъездов. Русское войско приняло боевой порядок: в «челе» — великий князь Святополк со своими киевлянами; на правом крыле — Владимир Мономах и его сыновья с переяславцами, ростовцами, сузdalцами, белозерцами, смолянами; на левом крыле — черниговские князья. Испытанный русский боевой строй с несокрушимой фалангой пехоты в центре и быстрыми конными дружинами на флангах...

Так сражался Владимир Мономах в 1076 году с рыцарской конницей в Чехии — пешцы-копьеносцы в центре и конница на флангах — и победил. Так он строил войско в прошлом большом походе против половцев и тоже одержал верх. Так спустя много лет расставит свои полки еще один славный витязь «Ярославова рода» — Александр Невский, когда приведет своих воинов на лед Чудского озера, чтобы отбросить немецких псоврыцарей...

Только к концу дня половцы собрались для атаки и огромными толпами бросились на русский строй. Опытный Шарукан отказался от обычной половецкой тактики — удара конным клином в «чело» — и наступал по всему фронту, чтобы конные дружины князей не могли помочь пешцам фланговыми ударами. Жестокая сеча началась сразу и в «челе», и на крыльях. Русские воины с трудом сдерживали половецкий натиск.

Наверное, хан ошибся, именно так построив сражение. Его воины, многие из которых не имели доспехов, не были привычны к «прямому бою», к тесной рукопашной схватке и несли огромные потери. Русские выстояли и начали медленно продвигаться вперед. Быстро смеркалось. Половцы, поняв, что сокрушить русское войско неистовым на- тиском не удается, повернули коней и ускакали в степь. Это был успех русских князей, но это не была еще победа: множество половецких всадников спаслись и могли продолжать войну. Так и расценил ситуацию Владимир Мономах, посылая вслед за половцами сторожевой полк. Шарукан будет где-то собирать свое степное воинство, нужно узнать — где...

Только один день стояли русские полки на поле битвы. Сторожевые разъезды сообщили, что половцы снова собираются в толпы близ устья Сольницы. Русские полки выступили в поход ишли всю ночь. Впереди уже мигали костры огромного половецкого стана.

Настало утро 27 марта 1111 года. Оба войска вновь стояли друг против друга. На этот раз Шарукан не стал искать удачи в страшном «прямом бою», в котором русские оказались непобедимыми, а попытался со всех сторон окружить полки князей, чтобы издали расстреливать ратников из луков, пользуясь быстротой половецких коней и огромным численным превосходством. Но Владимир Мономах не позволил взять свое войско в кольцо и сам решительно двинулся вперед. Это было неожиданностью для половецких военачальников: обычно русские ждали, когда на них нападут, и только отразив удар, переходили к контратакам. Половцы вынуждены были снова принять «прямой бой». Предводитель русского войска навязал врагу свою волю. Вновь половецкая конница навалилась на центр русского строя, и опять пешцы-копьеносцы выстояли, дав возможность конным дружиным ударить по флангам. Переяславская дружина под стягом Владимира Мономаха сражалась на решающих участках боя, наводя страх на врагов. Конные дружины других князей врывались в половецкие ряды, разрывали на части половецкий строй. Напрасно метались ханы и тысячи, пытаясь наладить управление боем. Половцы сбивались в нестройные толпы, беспорядочно передвигались по полю, избиваляемые неуязвимыми в своих доспехах русскими дружинниками. И надломился дух половецкого войска, показалось оно вспять, к Донскому броду. Устрашенные этим

зрелищем, остановились свежие половецкие тысячи (ко- торые могли прийти на помощь, но — не пришли) на другом берегу Дона. Конные дружины неотступно пре- следовали отступавших половцев, безжалостно вырубая их длинными мечами. Десять тысяч воинов хана Шару- каны нашли погибель на донском берегу, множество по- пало в плен. Разгром был полным. Не до набегов на Русь теперь хану...

Вести о победе русских князей на Дону громом про- катились по половецким степям. Устрашился хан Боняк, увел своих днепровских половцев подальше от русских рубежей, и на Руси не было даже известно, где он и что делает. Остатки донских половцев отко- чевали к Каспийскому морю, а некоторые еще даль- ше — за «Железные ворота» (Дербент). Великая ти- шина наступила на степной границе Руси, и это было главным результатом похода. Русь получила долгождан- ную передышку.

В 1113 году прославленный победитель половцев Влади- мир Мономах стал великим киевским князем. Теперь в его распоряжении находились военные силы всей Руси. Но почетную миссию первого стража земли Рус- ской он оставил за собой. Когда в том же году хан Боняк попробовал было приблизиться к Переяславлю, вели- кий князь выступил навстречу только с киевскими, переяславскими и черниговскими дружинами, и половцы бежали в степь.

Много трудов и забот потребовали от великого князя «строительство Руси», возвращение прежнего единства, нару- шенного десятилетиями княжеских усобиц. Но и среди этих забот Владимир Мономах не забывал о главном деле своей жизни — ликвидации половецкой опасно- сти. Он внимательно следил за делами в Диком Поле, посыпал туда рати во главе со своими сыновьями. В 1116 году повели дружины на Дон сын великого кня- зя Ярополк и его двоюродный брат Всеволод из Чер-尼гова. По пути, проложенному отцом, они быстро дошли до Донца, снова взяли половецкие городки Сугров, Ша- рукань и Балин. Половцы даже не смогли оказать серьез- ного сопротивления, убегали при приближении русской рати. И еще одна рать ходила в том же году к Дону, и тоже успешно. Не стало покоя воинственному хану Шарукану...

В 1120 году в половецкие степи, за Дон, снова ходил с войском сын Владимира Мономаха. На Донце он не нашел половецких станов, половцы уже откочевали из этого опасного места. Несколько недель провел князь в Диком Поле, разыскивая половецкие вежи, и вернулся на Русь с добрыми вестями — половцы откочевали прочь от русской границы! Большая половецкая орда хана Отрока — сорок тысяч всадников с женами и детьми — ушла в Грузию, где поступила на службу к грузинскому царю. Другая орда — хана Татара — переселилась в Венгрию. Очищалась степь от враждебных Руси кочевых племен...

Таков итог ратных трудов князя Владимира Мономаха!

Каким он был, прославленный победитель воинственных половецких ханов, каким запомнился потомкам?

Владимир Мономах родился в 1053 году. Отец его — Переяславский князь Всеволод, сын Ярослава Мудрого, мать — принцесса Мария, дочь византийского императора Константина IX Мономаха (отсюда прозвище — Мономах). Детство княжич провел в отчим Переяславле, у самого края Дикого Поля, и атмосфера постоянной опасности, половецких «наездов», бесчисленных схваток поблизости от знаменитых Змених валов, с древности ограждавших от степи русские земли, воспитывала в нем воинский дух, ненависть к насильникам-степнякам. Потом он опять вернется в пограничный Переяславль, уже князем,— с этим городом связана добрая половина жизни Владимира Мономаха...

А пока были бесчисленные «пути» по просторам Руси, сначала по приказу отца, потом — как самостоятельного удельного правителя. Первый «путь» — в тридцать лет, когда по приказу отца поехал с дружиной из Переяславля в Ростов, «сквозь вятичи». А всего за свою жизнь Владимир Мономах совершил двадцать «великих путей», участвовал в восьмидесяти трех походах, сменил пять удельных городов. По подсчетам академика Б. А. Рыбакова, он проскакал на коне во время своих «путей» и походов не менее шестнадцати тысяч километров!

В шестнадцать лет Владимир Мономах стал князем Чернигова, одного из самых древних и сильных городов

на Руси, затем сменил отца на переяславском «столе», принял на свои плечи всю тяжесть обороны южной границы, а на склоне жизни, в шестидесятилетнем возрасте, в зените воинской славы, был позван в стольный Киев, стал великим князем. Но везде, где бы он ни княжил, он оставался воителем за землю Русскую, неутомимым ратоборцем.

Женат был Владимир Мономах на английской принцессе Гите, дочери короля Гарольда, павшего в Гастинской битве с завоевателями-норманнами. Сын их Юрий Долgorukий будет родоначальником династии владимиро-суздальских князей...

В сочинениях русского историка В. Н. Татищева сохранилось описание внешности Владимира Мономаха, где говорится, что был он красив лицом, глаза у него были большие, волосы рыжеватые и кудрявые, лоб высокий, борода широкая. Ростом он был не особенно высок, но крепок телом и очень силен.

Яркий образ воина, охотника, могучего телом и духом человека воссоздается из автобиографического «Поучения», которое написал Владимир Мономах для своих сыновей. «То, что мог бы сделать мой дружины, я делал всегда сам и на войне, и на охоте, не давая себе отдыха ни ночью, ни днем, невзирая на зной или стужу. Я не полагался на посадников и бирючей, но сам следил за всем порядком в своем хозяйстве. Я заботился и об устройстве охоты, и о конях, и даже о ловчих птицах, о соцолях и ястребах». Владимир Мономах вспоминал: «Вот когда я жил в Чернигове, я своими руками стреножил в лесных пущах три десятка диких коней, да еще когда приходилось ездить по степи, то тоже собственноручно ловил их.

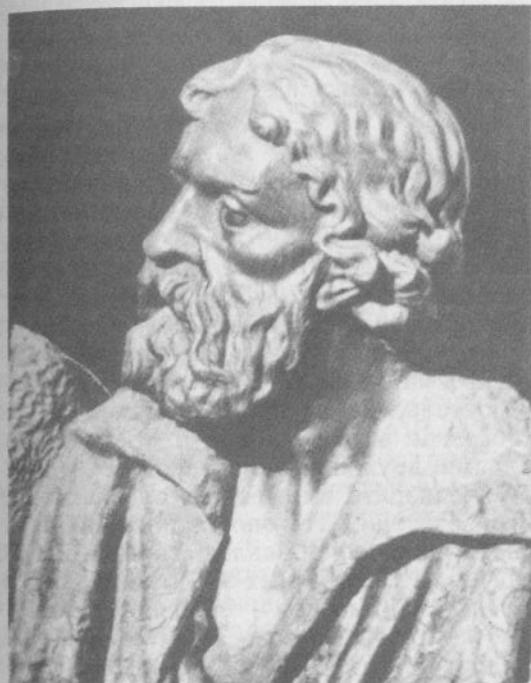
Два раза туры поднимали меня с конем на рога. Олень бодал меня рогами, лось ногами топтал, а другой бодал; дикий вепрь сорвал у меня с бедра меч, медведь укусил мне колено, а рысь однажды, прыгнув мне на бедра, повалила вместе с конем». Владимир Мономах был неутомимым наездником. «А из Чернигова я сотни раз скакал к отцу в Киев за один день, до вечерни», — писал он как о самом обычном деле. Но ведь от Чернигова до Киева не меньше ста сорока километров, а это два-три дневных перехода конной дружины! Нелишним будет напомнить, что свой знаменитый поход в Дикое Поле, на половецкие вежи, князь Владимир Мономах совершил в возрасте пятиде-

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

сяти восьми лет, и не в повозке ехал, а верхом на коне,
возглавляя Переяславскую конницу!

Неизвестный автор «Слова о погибели земли Русской»,
написанном после нашествия Батыя, вспоминая былую
славу Руси, несколько восторженных строк уделил и Влади-
димиру Мономаху:

Которым половцы детей пугали в колыбели,
При ком Литва не лезла из болот,
А венгры каменные горы укрепляли
Железными воротами, чтоб к ним не въехал,
Воюя их, Великий Володимер.

ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ

«Пришла неслыханная рать, их же никто хорошо не знает, кто они и откуда пришли, и какой язык их, и какого они племени, и какая вера их», — так сообщили летописцы о появлении у границ Руси новых опасных врагов — монголо-татарских завоевателей.

В такой неопределенности летописных записей не было ничего удивительного. На Руси, как и в других странах Европы, еще не знали, что в Центральной Азии произошли события, которые тяжело отразятся на судьбах многих стран и народов. В 1206 году со всех концов бескрайних монгольских степей съехались на курултай (*съезд*) к берегам реки Онон монгольские феодалы-нойоны с отрядами дружинников-нукеров. Великим кааном, верховным предводителем всех монгольских кочевых племен, был провозглашен Темучин, принявший новое имя — Чингисхан. Его род был объявлен старшим из «всех поколений, живущих в войлочных кибитках». Так образовалась Монгольская империя — сильное военное государство, сразу же начавшее завоевательные походы против соседних народов.

В распоряжении Чингисхана находилось многочисленное конное войско, привычное к дальним переходам, спаянное железной дисциплиной (если с поля боя бежал один воин, убивали весь десяток!), под единым командованием. Монгольским феодалам удалось вовлечь в завоевательные походы все население степей: каждый кочевник был прирожденным конным воином, походы мало отличались от обычных передвижений по степям.

Успехи завоевательных походов объясняются не какими-то особыми полководческими талантами Чингисхана и его сподвижников, а благоприятной исторической обстановкой. Соседние народы, не исключая и Русь, переживали в это время период феодальной раздробленности, вследствие которой войску единой Монгольской империи

они могли противопоставить только разрозненные феодальные дружины и ополчения.

Первыми жертвами монголо-татарских завоеваний стали народы Южной Сибири, Приморья, Северного Китая, Кореи. Затем конные тумены Чингисхана устремились в Среднюю Азию, Закавказье. По западному побережью Каспийского моря, через Дербент, тридцатитысячное конное войско во главе с известными полководцами Чингисхана Субедеем и Джебе прорвалось на Северный Кавказ, а затем в половецкие степи. Опасность теперь угрожала и южным рубежам Руси.

Бот тогда-то, ранней весной 1223 года, к галицкому князю Мстиславу Удалому и прибежал половецкий хан Котян. По словам летописца, он «пришел с поклоном с князьями половецкими в Галич к князю Мстиславу, к зятю своему, и ко всем князьям русским, и дары принес многие, кони и верблюды, и девки, и одарил князей русских, а сказал так: «Нашу землю отняли сегодня, а вашу завтра возьмут, обороните нас, если не поможете нам, мы ныне иссечены будем, а вы завтра иссечены будете!»

Хан Котян умолчал, что половцы были наказаны за собственное вероломство. Когда Субедей и Джебе появились в степях Северного Кавказа, местные жители — аланы — предложили половцам вместе сражаться с завоевателями, и те пришли на помощь во главе со своими ханами. Сражение было жестоким и упорным. По свидетельству персидского историка Рашидаддина, аланы и половцы «собща сразились с войском монголов, никто из них не остался победителем». Предстояла новая сеча, не обещавшая завоевателям победы. Но ночью в половецкий лагерь тайно пришли монгольские послы. Они убеждали половецких ханов: «Мы и вы — один народ и из одного племени, аланы же нам чужие. Мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга, и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, только предоставьте их нам!» Половецкие ханы согласились. Монголы действительно прислали много добра и позволили половцам беспрепятственно уйти. Аланы, брошенные своими неверными союзниками, были разбиты. Расплата за вероломство оказалась страшной. Когда половцы, полагаясь на мирный договор, спокойно разошлись по своим областям, монголы внезапно нагрянули к ним, убивая всякого, кого находили, и отобрали вдвое больше того, что перед тем дали. Об этих драматических событиях, хорошо извест-

ных персидскому историку, русские летописцы ничего не знали.

Хана Котяна на Руси встретили с недоверием. Летописец поучительно замечал: «Много те половцы зла сотворили Русской земле, того ради всемилостивейший бог хотел погубить сыновей безбожных измаиловых половцев, чтобы отомстить за кровь христианскую!» Но теперь не время было злорадствовать и вспоминать старые обиды — опасный враг приближался к русским землям, и раньше других это понял князь Мстислав Удалой. Именно он выступил инициатором похода русских князей в степи против завоевателей. Когда в Киеве собрались «старейшины Русской земли» — Мстислав Киевский, Мстислав Галицкий, Мстислав Черниговский и другие князья, — Мстислав Удалой заявил: «Если мы, братья, не поможем им, то половцы передадутся татарам, и их сила будет больше!»

Решение о походе было принято.

В середине мая 1223 года рати стали собираться у Олешья, где находились переправы через реку Днепр. По летописным известиям, здесь собрались «из Киева князь Мстислав со своюю силою, а из Галича князь Мстислав со всею силою, Владимир Рюрикович с черниговцами и все князья русские, и все князья черниговские, а из Смоленска 400 воинов». Пришли дружины из Курска, Трубчевска и других городов. Такой большой рати давно не видела Русская земля, по существу, из известных князей остался в стороне только владимиро-суздальский великий князь Юрий Всеволодович. Казалось, забыты междуусобные распри, и все князья «единым сердцем» выступили против опасного врага. Однако на деле было не так: завоевателям противостояло не единое войско, а наспех собранные феодальные дружины, которые подчинились лишь собственным князьям и мало считались с приказаниями «старейшего» киевского князя. Это, в конечном итоге, и предопределило поражение...

Среди «старейшин Русской земли» летописцы не упоминали молодого волынского князя Даниила Романовича, не пользовался он еще влиянием и известностью. После смерти отца четырехлетний Даниил был изгнан боярами из родного Галича, долго скрывался в Польше и Венгрии и вернулся лишь в 1219 году, но не самостоятельным князем, а воеводой Мстислава Удалого, отвоевавшего от венгров Галич. Здесь и началась его военная карьера:

семнадцатилетний Даниил вынужден был оборонять город от венгерского войска, которым командовал известный в то время полководец Фильний, но Даниил с одной своей дружиной и городским ополчением успешно держал город до тех пор, пока Мстислав Удалой не приказал ему двигаться на соединение со своим войском. Ночной прорыв дружины Даниила через кольцо осаждавшего Галич венгерского войска был проведен так умело, что русские почти не понесли потерь. А потом, когда Мстислав Удалой с главными силами сам осадил Галич, юному князю была поручена самостоятельная задача — не допустить соединения с венграми польского князя Лешко Белого. Искусными маневрами Даниил пресек все попытки Лешко прорваться к Галичу. Венгерский полководец «Филя прегордый» (так называл летописец Фильний) был разгромлен, Галич освобожден. Но все это Даниил совершил как бы в тени уже успевшего прославиться князя-воителя Мстислава Удалого, и мало кто на Руси заметил появление нового талантливого полководца. Самостоятельным князем Даниил стал лишь в 1221 году, когда Мстислав Удалой помог ему закрепиться на Волыни.

И во время похода 1223 года Даниил всегда был рядом с князем Мстиславом Удалым, разделив с ним и радость первых побед, и горечь поражения...

Князь Мстислав Удалой первым перешел с тысячей отборных воинов на левый берег Днепра и неожиданно напал на выдвинутые впереди «сторожи татарские». Татары обратились в бегство, но русские дружины неотступно преследовали их. Пытаясь спасти «воеводу своего Семеябека», степняки спрятали его в яме и замаскировали ветками. Но татарский «воевода» все-таки попал в плен и вынужден был рассказать о силах и местоположении лагеря Субедея и Джебе.

Ободренные первым успехом, «перешли все люди и князья все реку Днепр и пошли на конях в поле Половецкое». Монголы попытались задержать русское войско, но «стрельцы русские победили их и гнали далеко в поле, и взяли стада их». Началось преследование, которое продолжалось восемь дней. Княжеские дружины растянулись по степи, потеряли связь друг с другом. На девятый день они подошли к реке Калке и увидели на другом берегу многочисленное, изготовленное к бою конное войско Субедея и Джебе.

Было 31 мая 1223 года. Степь, покрытая сочной ве-

сеней травой, безоблачное небо над головой, полноводная по этому времени года река Калка, отряды русской дружины конницы, сходящиеся к холму, на котором стояли русские князья под разноцветными родовыми стягами, а на противоположном берегу, на зеленой равнине, — ровные ряды ордынской конницы, неподвижно застывшие в боевом строю. Стой ордынцев черный, зловещий, в плотной массе его невозможно пересчитать воинов, но их много, очень много. Да и все ли они здесь? Может, и с других сторон подбираются к русскому войску конные рати, склонившись до времени за курганами, в лощинах и оврагах? И как будут сражаться новые враги, какие хитрости придумали их военачальники, ведь встреча с этими степняками — первая?

Было о чём подумать русским князьям.

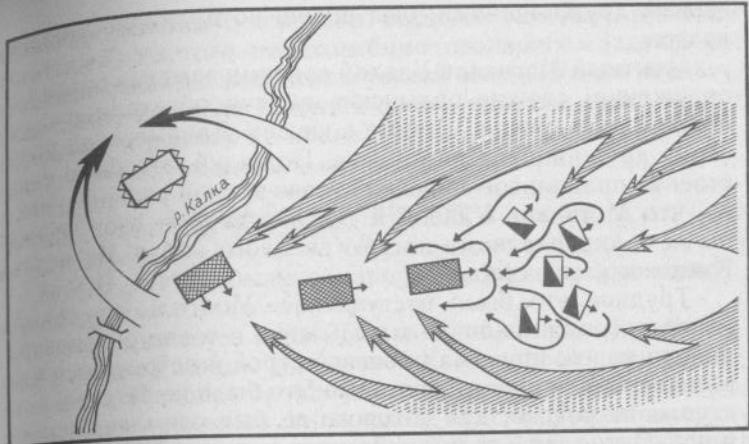
На военном совете мнения разделились. Великий князь Мстислав Киевский, считавшийся «старейшим» в войске, был против немедленного наступления. Построить на холме укрепленный лагерь, где можно было бы отсидеться, разослать во все стороны разведчиков, чтобы выяснить силы противника, — вот что он считал самым разумным, и его поддержали многие князья. Мстислав Удалой, наоборот, настаивал на немедленной атаке. Того же мнения придерживался и половецкий хан Котян, многочисленная конница которого пришла вместе с русским войском, он жаждал мести за вероломство монголов, за разорение своих кочевий, за смерть соплеменников.

Предводители русско-половецкого войска так и не сумели договориться о единстве действий. Дружинники Мстислава Киевского и других князей начали спешно возводить укрепления на холме, а половецкие всадники хана Котяна, конные дружинники Мстислава Удалого и его верного соратника Даниила Волынского двинулись к реке Калке.

Первыми вырвались на противоположный берег Калки половцы. Натягивая луки, волнами покатились они к неподвижному монгольскому строю. Следом за ними последили конные полки Мстислава Удалого и Даниила Волынского. Удалялись полки от берега, а за ними тянулись широкие полосы вытоптанной тысячами копыт земли.

Мстислав Киевский и другие князья наблюдали за сражением с вершины холма.

Половецкая волна дохлестнулась до монгольского строя и отхлынула: непривычны были половцы к «прямому

Условные обозначения

- Галицкие и боярские полки князей Мстислава Удалого и Даниила Романовича, переправившиеся через р. Калку
- Лагерь великого князя Мстислава Киевского на правом берегу р. Калки
- Половецкие конные отряды напротив удара монголов-татарского войска боялись на левом берегу р. Калки
- Окружение лагеря Мстислава Киевского

Битва на реке Калке (1223)

бою», старались избегать его, а тут перед ними стояла стена...

Взметнулись над монгольским строем шесты с хвостами рыжих кобыл на концах — бунчуки тысячников и темников, конная масса двинулась вперед и, набирая скорость, ударила по половцам. Другие монгольские отряды обтекали половцев справа и слева. И не выдержали половцы, начали поворачивать коней. Перед ними оставалась одна дорога отступления: прямо назад, на русские дружины.

Дальше случилось то, о чём с горечью писали летописцы: половцы «потоптали, убегая, станы князей русских, и смешались все полки русские». Хуже врагов оказались нестойкие союзники...

Но и в этих неблагоприятных условиях галичане Мстислава Удалого и волынцы князя Даниила сражались умело и мужественно, и, по словам летописца, «была сеча злая и лютая». Князь Даниил, бившийся рядом со

своими дружиными, был ранен, но продолжал разыгрывать врагов.

Опытный Мстислав Удалой вовремя заметил опасность окружения: свежие ордынские тысячи обтекали русские полки с двух сторон. Вместе с князем Даниилом он повел своих дружиных на прорыв. Пожалуй, это было единственное правильное с военной точки зрения решение, как и то, что Мстислав Удалой и Даниил повели свои дружины не к укрепленному лагерю великого князя Мстислава Киевского, а в степь.

Трудное это было отступление. Монголы на свежих конях догоняли галичан и волынцев, и тогда они поворачивали коней, принимали боевой строй и встречными ударами отгоняли преследователей. Это было не бегство, а отступление войска, дух которого не был сломлен поражением. Мстислав Удалой и Даниил сумели вывести из степей значительную часть своих дружиных, а остальных князей, равнодушно взиравших на битву с вершины холма, ждала горькая участь...

Монгольские тысячи со всех сторон окружили лагерь русских князей. Три дня они безуспешно штурмовали укрепления, наспех сооруженные из земли, обозных телег, составленных рядом щитов. Не эта жалкая преграда, а мужество и стойкость русских воинов остановили наступок монголов, которые несли большие потери. Тогда Субедей и Джебе начали переговоры...

Если бы это случилось позднее, когда коварство и ве-роломство завоевателей стали всем известны, русские князья навряд ли поверили бы обещанию Субедея и Джебе сохранить им жизнь и отпустить за выкуп. Но это была первая встреча с завоевателями, и князья согласились на сдачу. Участь их была поистине ужасной. По словам летописца, монголы «людей поsekли, а князей задавили, положив под доски, а сами наверх сели пировать».

Потери русского войска в битве на реке Калке были очень тяжелыми, причем большинство воинов пало не в битве, а было перебито после сдачи укрепленного лагеря. Было убито шесть князей, а из дружиных только один из десяти благополучно вернулся домой, да и то только потому, что князья Мстислав Удалой и Даниил сумели прорваться через ордынское кольцо и организовать отход через степи. «И был вопль и печаль по всем городам и волостям», — печально заметил летописец. Именно с «Кал-

кинским побоищем» связана былина о гибели русских богатырей, до того непоколебимо стоявших «заставами богатырскими» на рубежах Русской земли. Ранее непобедимые витязи после тяжелой битвы впервые решили отступить и укрыться от врага, они

Побежали в каменные горы,
В темные пещеры:
Как подбежит витязь к горе,
Так и окаменеет...

Звучит в этой былине народное предчувствие грядущих бедствий...

А тем временем князь Даниил продолжал борьбу за объединение Галицко-Волынской Руси, воевал с венграми, поляками, Тевтонским орденом, собственными боярами, не желавшими усиления княжеской власти. После смерти Мстислава Удалого он утвердился, наконец, в родном Галиче (князем Владимира-Волынского княжества стал его брат и верный соратник Василько). Незадолго до нашествия Батыя он овладел Киевом. Собирал войско, строил новые укрепленные города: Холм, Львов, Угровеск, Данилов. Даниил Галицкий выдвинулся в первый ряд влиятельных русских князей.

Нашествие хана Батыя на Русь, которое началось глубокой осенью или в начале зимы 1237 года, осталось в памяти потомков как время народных бедствий, страданий и бесчисленных жертв. Но это было и время героической борьбы за свободу и независимость родной земли, время великого подвига народного, который не только сохранил условия для самостоятельного исторического развития Руси, но и защитил Центральную и Западную Европу от монголо-татарского завоевания. Великий русский поэт А. С. Пушкин писал: «России определено было великое предназначение: ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом kraю Европы, варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились в степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной Россией»¹.

Конечно, не только «необозримые равнины» остановили завоевателей: тысячетакометровые просторы Азии не стали для них препятствием. Завоевателей остановило героическое сопротивление русского народа и других народов

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 9. С. 184.

нашей страны. В тяжкую годину Батыева нашествия не было ни одного русского города, который бы сдался добровольно врагу, ни одного русского князя, который бы отправился на поклон к завоевателям.

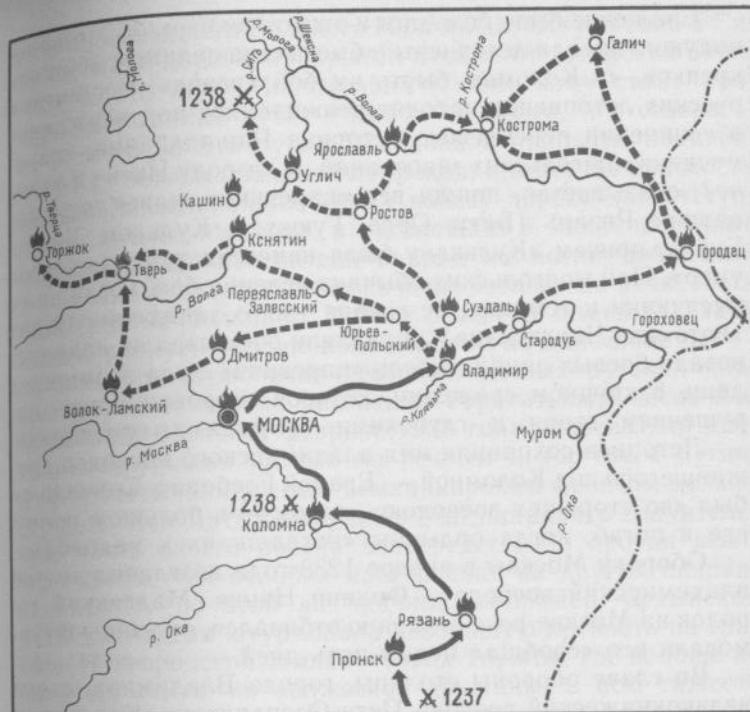
Русские полководцы этого страшного времени...

Они сражались самоотверженно и умело, часто выби-рали единственную возможную тактику войны, показыва-ли личную храбрость и решительность, и не их вина, а беда, что сражаться приходилось с противником, многократ-но превосходящим по силам, имевшим опыт крупных воен-ных кампаний и сражений. Они заслуживают того, чтобы о них благодарно вспоминали потомки!

Вопреки встречающемуся в исторической литературе мнению, русские князья не ограничивались обороной укрепленных городов, но сами выходили в «поле», пытаясь задержать завоевателей на границах своих княжеств.

Рязанский князь Юрий Ингоревич в начале зимы 1237 года, когда стало ясно, что не придет помочь ни из Владимира, ни из Чернигова, все же решил встретить за-воевателей на границе своего княжества, «близ предел Рязанских». Там и была первая «сеча злая» рязанцев с ханом Батыем. «Едва одолели их сильные полки тата-рские», — отмечает автор «Повести о разорении Рязани Ба-тыем». Потом шесть дней оборонялась против всего войска хана сама Рязань, столица княжества. Это была труд-ная оборона, предполагавшая умелое руководство не-многими оставшимися силами — значительная часть ря-занского войска погибла в битве у «пределов Рязанских». Только «в шестой день рано придоша погании ко граду, овии с огнем, ини с топоры, а ини с пороки, и с токмачи, и с лестницами, и взяша град Рязань месяца декабря в 21 день».

Великий князь владимирский Юрий Всеволодович то-же встретил завоевателей на границе своего княжества. Он заранее сосредоточил все имевшиеся силы в страт-егически важном пункте — под Коломной. Это было не только смелое, но и правильное решение: ордынцы в зи-мнем походе двигались по льду рек, путь в глубь Влади-мирского княжества лежал по Оке и Москве-реке, потому что дремучие леса Мещеры, по обе стороны реки Пры, поч-ти безлюдные, были совершенно непроходимы для больших масс конницы с обозами и тяжелыми осадными орудия-ми. А единственный речной путь запирала Коломна. Здесь

Условные обозначения

- ← Движение объединенных сил Батыя (от Рязани до Владимира)
- ← Направление движения отдельных монголо-татарских отрядов во время нашествия 1238 г.
- ✖ 1237 Место и дата битвы

Города Северо-Восточной Руси, захваченные монголо-татарами во время нашествия 1238 г.

Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь (1238)

было собрано великолюбное войско во главе со старшим сыном великого князя — Всеволодом Юрьевичем. Летописец подчеркивает, что он пришел к Коломне «со всеми людьми». Пришли остатки рязанских и пронских полков с князем Романом, ополчения отдельных городов (например, москвичи). Суздальский летописец утверждает даже, что под Коломной были «новгородцы со своими вои» (возможно, речь идет об отряде из Нижнего Нов-города).

Сражение было большим и ожесточенным, об этом единодушно писали летописцы: «бысть сеча велика», «бищася крепко», «у Коломны бысть им бой крепок». Сообщения русских летописцев находят неожиданное подтверждение в сочинении персидского историка Рашидаддина, современника монгольских завоеваний. К «городу Ике» (*Коломне*), оказывается, пошли все «царевичи», ранее штурмовавшие Рязань (Бату, Орда, Гуюхан, Кулькан, Кадац, Бури), причем «Кулькану была нанесена там рана, и он умер». При монгольских обычаях ведения боя, когда даже тысячики и темники, не говоря уже о ханах-чингизидах (потомках Чингисхана), управляли боем издали, находясь позади боевых линий, гибель «царевича» была возможной лишь в крупном сражении, которое сопровождалось нарушением строя и глубокими прорывами противника.

Летописи сохранили имя владимирского воевода, сражавшегося под Коломной,— Еремей Глебович. Сначала он был «во сторожех воеводою», потом — в большом полку, где и погиб, когда ордынцы «погнаша их к надолбам».

Оборону Москвы в январе 1238 года возглавил другой владимирский воевода — Филипп Нянка. Маленький городок на Москве-реке отчаянно отбивался, ордынцы штурмовали его «сообща» целых пять дней.

Во главе обороны столицы, города Владимира, стоял велиокняжеский воевода Петр Ослядкович. Как и другие воеводы, он сражался до последней возможности и погиб в бою...

План войны, которого придерживался великий князь владимирский Юрий Всеволодович, вполне соответствовал реальному соотношению сил и военной обстановке. Когда велиокняжеское войско было разбито под Коломной, Юрий Всеволодович поручил оборону столицы воеводе Петру Ослядковичу, а сам с дружиной уехал на север, за Волгу, чтобы собрать новое войско. Он разбил свой воинский стан на речке Сити, притоке Мологи. О смысле этого маневра прямо говорит летописец: великий князь «еха на Волгу совокупляти вое противу татарам».

Место было выбрано очень удачно, «стан» на речке Сити обеспечивал велиокняжескому войску ряд важных преимуществ. Дремучие леса прикрывали его от прямого удара ордынской конницы, пройти сюда по лесным дорогам зимой было нелегко, и Юрий Всеволодович надеялся отсидеться за лесными чащобами, пока не подойдет помощь из северных городов, в первую очередь — из богато-

го и многолюдного Великого Новгорода. Оттуда вела к Сити большая дорога, прикрытая лесами от татарских авангардов. По льду Мологи шли к воинскому стану проторенные санные пути: с юга — от Волги, и с севера — от Белоозера. Эти пути обеспечивали прибытие подкреплений из богатых волжских городов, а в случае опасности открывали велиокняжескому войску дорогу для отступления дальше на север, в отдаленные и малонаселенные области, куда завоеватели навряд ли могли добраться.

Военно-стратегическое значение «стана» на речке Сити было весьма большим. Угроза с севера помешала хану Батю распустить свое конное воинство для «облавы» — поголовного ограбления северо-восточных русских княжеств — и позволила населению спрятаться в лесах или бежать за Волгу. В феврале 1238 года завоеватели двигались крупными ратями по речным и торговым путям, а не прочесывали русские земли широким фронтом мелких отрядов. Хан Батый вынужден был направить значительную часть своего войска непосредственно против великого князя, чем ослабил наступление на других направлениях. Не по этой ли причине, например, ордынская рать две недели штурмовала небольшую крепость на границе Новгородской земли — город Торжок, где вообще не было ни князя, ни княжеской дружины, а всю тяжесть борьбы приняли на свои плечи горожане во главе с выборным посадником?

4 марта большое ордынское войско во главе с Бурундаем добралось-таки до реки Сити. Летописи сохранили имена двух велиокняжеских воевод, отличившихся в сражении: Жирослав Михайлович и Дорофей Федорович.

Дорофей Федорович (воевода Дорож) с трехтысячным сторожевым полком прикрывал велиокняжеский стан, а большому воеводе Жирославу Михайловичу было поручено перед сражением «совокупляти воинство, и окрепляти люди, и готовити на брань». Оба они погибли во время сражения.

Нападение Бурундая оказалось неожиданным, «нача князь полки ставити около себя, и се внезапу татарове приспеша». Сражение же было упорным и кровопролитным, велиокняжеские полки «поидоша противу поганым и сступиша обоя, и бысь сеча зла». Подробности битвы летописцы не сообщали, известно только, что «убиен быс великии князь Юрий Всеволодич на реце на Сити и вои его мнози погибоша».

Великий князь Юрий Всеволодович погиб, но ценой своей жизни он сумел выиграть главное — время. В канун весны ордынские рати оказались разбросанными на огромном пространстве от Сити до Торжка, ослаблены штурмами городов и полевыми сражениями, собрать их для похода на северную и северо-восточную Русь до наступления весенних оттепелей было уже невозможно. Поход хана Батыя на Великий Новгород был сорван. Не удалось захватить завоевателям и древний русский город Смоленск. Болота, прикрывавшие город, уже подтаяли, хрупкий весенний лед ломался под копытами коней, а единственную дорогу к Смоленску преградило смоленское войско. Ордынцы не смогли прорваться и отступили.

Во время битвы на реке Сити татары взяли в плен племянника великого князя Юрия Всеволодовича — Василка Константиновича Ростовского — и пытались заставить его служить хану Батыю, но встретили гордый отказ. «Князя Василка Константиновича Ростовскогоrukами яша, и ведоша его с собою до Шеренского леса, и сташа станы тут. И нудиша Василка много татарове в поганьской быти воли их и воевати с ними. Он же не повинулся обычаю их, и никакоже покорися безаконию их, брашна же и пития их не приа, и много досади им, противу им глаголаше. Они же, яости исполнившеся, и много мучивше его, смерти предаша месяца марта в 4 день...»

Еще один яркий пример стойкости и верности Родине!

Навечно останется в памяти народа и подвиг Козельска, небольшого укрепленного городка Черниговского княжества. Сюда сходились ордынские рати перед отступлением в степи, здесь они намеревались отдохнуть после трудного зимнего похода. Но неожиданно встретили упорное сопротивление. Местному князю Василию, по прозвищу Козля, было всего восемь лет, но «крепкодушные» горожане собирались на вече и «порешили не вдаться Батыю». Семь недель оборонялся город, отражая приступы ордынцев. Когда же с Волги подошли многочисленные тумены Кадана и Бури с тяжелыми осадными орудиями, начался решительный штурм. Два дня длился обстрел города, на третий день деревянные стены были пробиты, и враги устремились к пролому. В страшной тесноте, среди развалин козельцы яростно отражали написк. Группы ордынцев загромоздили пролом. Приступ снова не удался.

Зашитники Козельска знали, что утром снова зарабатывают смертоносные метательные орудия, «совет сотвори-

ша» предпринять ночную вылазку, чтобы уничтожить осадные машины. Вылазка удалась: осажденные ударили на стан ордынцев и «иссякоша праша их, и нашедше на полки и убиша от татар 4000», однако в ночном бою «сами избиени быша». На следующий день ордынцы ворвались в обезлюделый город и учинили страшный погром.

«Злым городом» назвали ордынцы Козельск, такие тяжелые потери они понесли при его штурме. Среди убитых оказалось «три сына темничи», которых «татары искали и не нашли во множестве трупов».

О героической обороне Козельска знали далеко за пределами Руси. О нем писал в своем сочинении персидский историк Рашидаддин, обычно фиксировавший только самые значительные события нашествия: «Батый пришел к городу Козельску и, осаждая его два месяца, не мог овладеть им. Потом пришли Кадан и Бури и взяли его в три дня».

Осенью 1239 года, когда ордынцы «в силе великой» подступили к городу Чернигову, «богатому воинами» и «славному мужеством горожан», навстречу им вышел в поле «со многими воинствами своими» князь Мстислав Глебович. «Лютым был бой у Чернигова», — отмечает летописец. Горожане помогали своим защитникам, сбрасывая со стены камни настолько тяжелые, что их едва могли «четыре человека сильные поднять». Только после продолжительного и упорного сражения «побежден был Мстислав и множество войска его убито».

В конце ноября 1240 года хан Батый осадил Киев. Оборону «матери городов русских» возглавлял воевода князя Даниила Галицкого — тысяцкий Дмитр. «Пришел Батый к Киеву в силе тяжкой,— повествует летописец,— многим множеством силы своей и окружил город, и обступила его сила татарская, и был город в обдержании великим. И был Батый у города, и отроки его обсели город, и ничего не было слышно от скрипения телег его, рева множества верблюдов его и ржания коней его, и была наполнена Русская земля ратными».

В первый день штурма ордынцы сумели захватить вал и стену Ярославова города, но были настолько ослаблены упорным сопротивлением киевлян, что не сумели сразу развить успех. Раненый тысяцкий Дмитр продолжал руководить обороной. Киевляне создали новую линию защиты, упорные бои возобновились. Ордынцам пришлось штурмовать каждую улицу, каждый дом.

Последним оплотом оборонявшихся стала каменная Десятинная церковь. Из узких окон во врагов летели стрелы, киевляне отбивались отчаянно. Хан Батый приказал подвезти «пороки». Под их ударами каменные стены Десятинной церкви рухнули, похоронив под обломками последних защитников столицы Южной Руси. Это произошло 6 декабря 1240 года, после девятидневной осады.

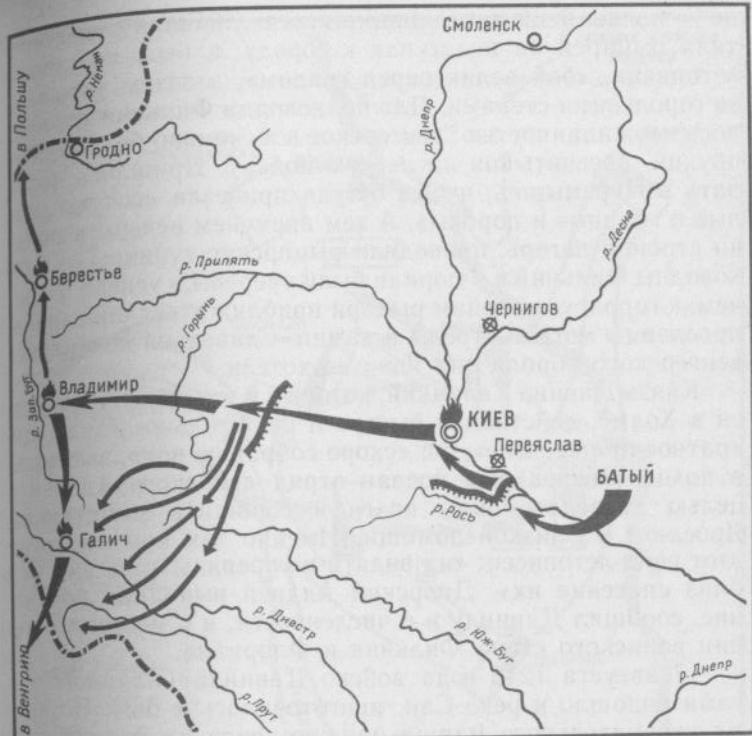
Упорно, до последнего воина, оборонялись Колодяжин, Каменец, Изяславль, Владимир-Волынский, Галич, Звенигород (под Львовом) и другие южнорусские города. Несколько городов, хорошо укрепленных князем Даниилом Галицким, завоеватели так и не сумели взять, несмотря на яростные приступы. По словам летописца, Батый, «видя град Кременец и Данилов, что невозможно взять ему, и отошел от них». Выстояла и новая крепость — Холм.

События Батыева нашествия богаты примерами ратной доблести, военного искусства русских князей и воевод. Почему же в памяти потомков остался именно Даниил Галицкий, которого по популярности можно сравнить разве что с князем-воителем Александром Невским?

Во-первых, Даниил Галицкий был единственным русским князем, который продолжал войну против монголотатарских завоевателей после возвращения хана Батыя из Центральной и Южной Европы и создания им нового государства — Золотой Орды. Северо-восточные русские князья признали власть Орды и приехали к хану Батыю за «ярлыками» на свои княжества, а Даниил Галицкий продолжал сопротивление.

Во-вторых, Даниилу Галицкому удалось собрать силы и отразить наступление на Южную Русь венгерских и польских феодалов, нанести им сокрушительный удар в битве под Ярославом. Попытка правителей Венгрии и Польши, воспользовавшихся ослаблением русских земель после Батыева нашествия, покончить с существованием Южной Руси, была решительно пресечена.

Было это летом 1245 года. Рыцарское венгерское войско начало поход на Южную Русь. Рыцарей вновь возглавил опытный воевода Фильний, с которым князю Даниилу уже приходилось воевать четверть века назад. В союзе с венграми выступали дружины Ростислава, одного из черниговских князей, зятя венгерского короля Бела IV, давнишнего соперника князя Даниила. К королевскому войску присоединились также отряды польских феодалов под командованием полководца Флориана Войцеховича Авда-

Условные обозначения

- ← Движение основных сил Батыя
- ↔ Движение отдельных отрядов монголо-татарских войск
- Укрепленная линия Южной Руси

- ⊗ Города, разрушенные монголо-татарами накануне нашествия на Южную Русь
- 🔥 Города Южной Руси, разрушенные Батыем во время зимнего похода 1240 г.

Нашествие Батыя на Южную Русь (1240)

ица. Фактически это был объединенный венгерско-польский поход, поддержанный частью оппозиционного местного боярства. Над Южной Русью нависла серьезная опасность.

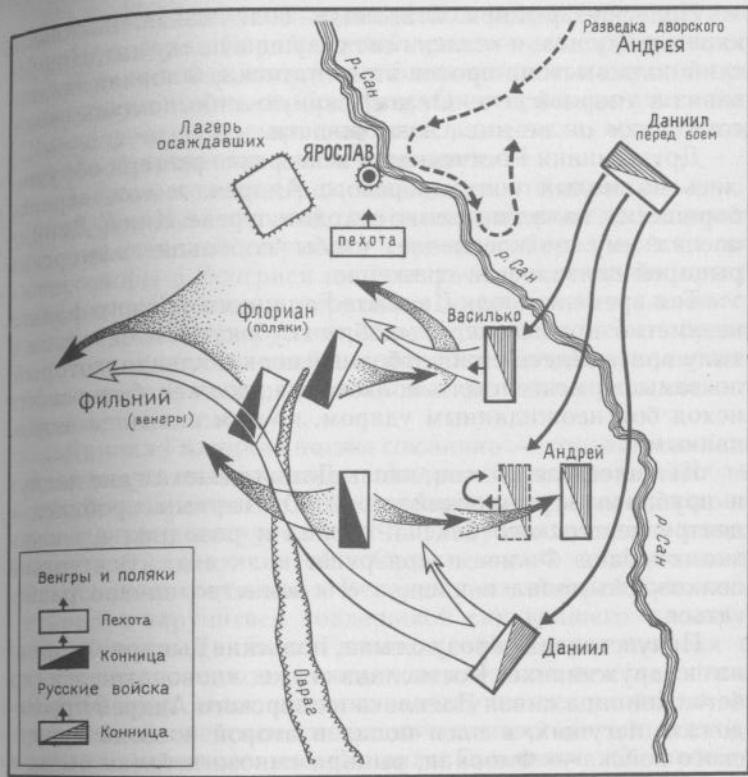
Венгерско-польские войска с ходу захватили Переяславль и направились к Ярославу, городу на левом берегу реки Сан. Здесь победное шествие Фильния и Флориана приостановилось: Ярослав был хорошо укреплен, горожа-

не — полны решимости защищаться. Сначала они встретили рыцарей на подступах к городу, и был, по словам летописца, «бой велик перед градом», а затем укрылись за городскими стенами. Для полководца Фильния это явилось неожиданностью: венгерское войско шло без осадных орудий, рассчитывая на легкую победу. Пришлось послать в Переяславль, чтобы оттуда привезли «сосуды ратные и градные и пороки». А тем временем венгры и поляки строили лагерь, проводили рыцарские турниры — полководцы Фильний и Флориан были уверены в успехе. Впрочем, к городским стенам рыцари приближаться опасались; ярославцы метали стрелы и камни. Сдаваться на милость венгерского короля они явно не хотели.

Князь Даниил Галицкий, который в это время находился в Холме, действовал быстро и решительно. Узнав про «ратное пришествие», он, «скоро собравше вои», выступил в поход. Вперед был послан отряд дворского Андрея с целью разведать силы врага и сообщить защитникам Ярослава о близкой помощи. Именно так комментирует этот рейд летописец: «их видити и укрепить град, яко уже близ спасение их». Дворский Андрей выполнил поручение, сообщил Даниилу и о численности, и о местоположении воинского стана Фильния и Флориана.

17 августа 1245 года войско Даниила Галицкого лесами подошло к реке Сан, подготовилось к бою. Во время стремительного марша оружие везли на телегах, поэтому потребовалось некоторое время, чтобы воины вооружились. Быстрые половецкие всадники, которые сопровождали войско Даниила, переправились через реку выше города и сообщили, что путь свободен: «не бе бо страж у рекы». Даниил воспользовался оплошностью вражеских воевод и беспрепятственно перешел с полками реку Сан, и «исполчився же конники с пешы», и двинулись вперед «с тихостью», чтобы застать противника врасплох.

Основные события разворачивались на поле между рекой и оврагом, «дебрюю глубокой», который начинался неподалеку от венгерско-польского лагеря. Перед «дебрюю» стоял со своими дружиными зять короля, князь Ростислав. Венгерские и польские рыцари могли подойти к нему со стороны Ярослава, по равнине между городом и вершиной оврага, то есть ударить по правому флангу и по центру стоявшего спиной к реке русского войска. Действительно, узнав о появлении русских полков, Фильний и Флориан оставили у города свое пешее войско, что-

Битва под Ярославом (1245)

бы горожане не ударили с тыла, а сами поспешили на соединение с князем Ростиславом.

План боя, составленный Даниилом Галицким, предусматривал не просто снятие осады Ярослава, но полный разгром врага. На правом фланге он поставил сильный полк своего брата Василька, который должен был остановить и связать боем польских рыцарей Флориана. В центре находился дворский Андрей с «малой дружиной». Предполагалось, что под напором венгерских рыцарей «бана Фили» он будет отступать, подводя рыцарей и дружины князя Ростислава под фланговый удар левого крыла русского войска — именно там встал сам князь Даниил Галицкий с главными силами. Замысел разгрома врага полностью удался.

Польские рыцари атаковали полк князя Василька, «крепко идуща», и «силен глас ревуще в полку их». Но русский полк выстоял против этого натиска, Флориан прочно завяз в упорной сече. Оказать какую-либо помошь своим союзникам он не имел возможности.

Дружины Ростислава и венгерские рыцари обрушились на малый полк дворского Андрея, и тот, «крепко борящеся», начал медленно отходить к реке. Князь Даниил послал ему подкрепление, чтобы побольше венгерских рыцарей ввязалось в сражение.

Тем временем полк Даниила Галицкого с левого фланга незаметно прошел через «дебрь глубокую» и оказался в тылу врага. Здесь стоял отборный полк Фильния, который, по замыслу венгерского полководца, должен был решить исход боя неожиданным ударом, но сам оказался атакованным.

Как писал летописец, князь Даниил выехал «ис полку» и врубился в рыцарский строй. Он первым пробился к центру венгерского войска, сорвал и разодрал в клочья знамя «бана Фили» и «разруши полк его». Венгерский полководец попал в плен, а его воинство начало разбегаться.

Почувствовав угрозу с тыла, польские рыцари Флориана и дружины Ростислава тоже «поворотиша на бег». Конница князя Василька и дворского Андрея преследовала бегущих, в плен попал и второй воевода вражеского войска — Флориан, рыцари «мнози избъени быша и яти в плен быша». Преследование продолжалось до темноты, русские дружины взяли много пленных и «ко-рысть многу».

В битве под Ярославом князь Даниил Галицкий показал себя выдающимся полководцем. Фланговым маневром через «дебрь глубокую» он предвосхитил действия «засадного полка», которые принесли победу его далекому потомку Дмитрию Донскому на Куликовом поле. Победа под Ярославом окончательно похоронила планы венгерских и польских феодалов завоевать Южную Русь. Венгерский король поспешил заключить мирный договор с Даниилом Галицким, скрепленный браком княжича Льва Даниловича с дочерью короля.

Но по-прежнему оставалась грозная опасность с востока. В том же 1245 году в город Холм к Даниилу Галицкому приехал посол хана Батыя. Он потребовал: «Дай Галич!» Начинать войну с Золотой Ордой было бы безуми-

ем, и князь Даниил вынужден был отправиться в ставку Батыя, в город Сарай. Батый принял сильного галицкого князя «с честью», «поручена бысть земля его ему», но признать зависимость от Орды и согласиться на выплату дани Даниилу все-таки пришлось. «О, зле зла честь татарская!» — с горечью писал летописец.

Зависимость от Орды была пока что номинальной, и князь Даниил Галицкий готовился к обороне своих земель от завоевателей: укреплял города, собирал войско, вел переговоры с Венгрией о совместном выступлении против ордынцев. Здесь мы переходим к событиям малоизвестным — к попытке русских князей освободиться от ордынского ярма спустя несколько лет после Батыева нашествия. Инициатива антиордынского выступления принадлежала Даниилу Галицкому.

Даниил Галицкий нашел союзника — тогдашнего великого князя владимирского Андрея Ярославича. Тот вел себя по отношению к Орде довольно независимо: за время его великого княжения (1249—1252) летописцы не упоминают о поездках князей в Орду, «дани и выходы» посыпались хану «не сполна». Великий князь Андрей Ярославич старался заручиться поддержкой сильнейшего южнорусского князя Даниила Галицкого. Некоторые намеки на складывание союза между ними имеются в летописях. В 1250 году неожиданную поездку по северо-восточным русским княжествам совершил киевский митрополит Кирилл, доверенное лицо Даниила Галицкого. Он побывал даже в далеком северном Новгороде. Внешним проявлением складывания союза между двумя сильнейшими русскими князьями можно считать заключение брака между Андреем и дочерью Даниила: «Оженися князь Ярославич Андреи Даниловною Романовича». Антиордынская направленность союза не вызывает сомнений. Летописец вкладывает в уста великого князя Андрея Ярославича гордые слова: «Лутчи ми есть бежати в чужюю землю, неже дружитися и служити татарам!» О том, что Андрей пытался противиться монголам, писал и Карл Маркс в своих «Хронологических выписках».

Выступление великого князя Андрея Ярославича было неудачным. В 1252 году на Северо-Восточную Русь обрушилась «Неврюева рать». Ордынцы «под Владимиром бродиша Клязьму», «поидоша к граду Переяславлю таящеся». Здесь и произошла битва. «Встретил их великий князь Андрей со своими полками, и сразились обои полки,

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

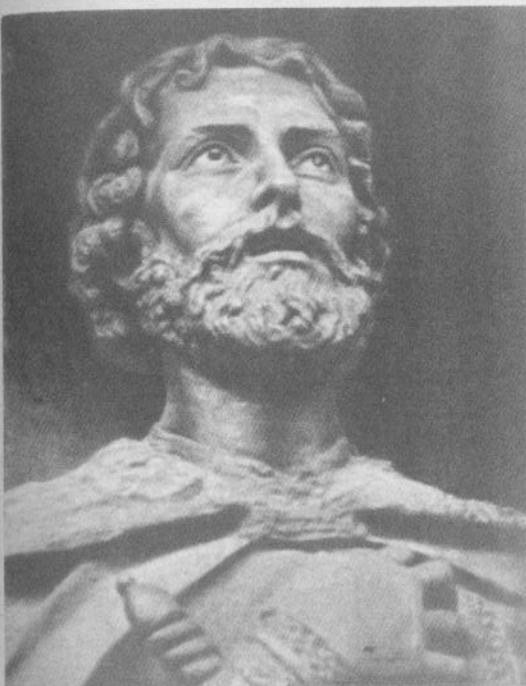
и была сеча великая». Только тверские дружины с воеводой Жирославом успели на помощь великому князю. Андрей был разбит и бежал на север.

По-иному разворачивались события в Южной Руси. Хан тоже послал туда сильное войско во главе с полководцем Куремсой, но его наступление было отбито Даниилом Галицким. Более того, в 1254 году князь захватил болховские земли и разрушил «все города, седящие за татары». Ответные нападения Куремсы на Луцк и Владимир-Волынский были успешно отражены. Несколько лет шла война с ордами Куремсы, которая так и не привела к покорности Южной Руси. Князь Даниил Галицкий «держаше рать с Куремсою и николи же не боялся Куремсе». Только в 1259 году, когда пришел Бурундай «со множеством полков татарских», князь Даниил Галицкий вынужден был подчиниться. По приказу Бурундая были уничтожены укрепления Данилова, Стожеска, Львова, Кременца, Луцка, Владимира. Южная Русь попала под власть ордынских ханов...

Первым из русских князей князь Даниил Галицкий обнажил меч против монголо-татарских завоевателей на берегах степной реки Калки и последним вложил его в ножны, вынужденный отступить перед несметным войском Золотой Орды. Но это было временное отступление. Залогом тому служил несломленный дух народа. Не прошло и полутора десятилетий после нашествия Батыя, как в 1262 году поднялось народное восстание «во всех градах русских» против откупщиков ордынской дани — «бесерменов». «Избави бог от лютого томления бесурменинского люда Ростовский земли,— повествует летописец.— Вложи ярость в сердца крестьянам, не терпяще насилия поганых, изловиша веч и выгнаша из городов из Ростова, из Володимеря, из Суждаля, из Ярославля, откупахуть бо ти оканьни бесурмene дани и от того велику погубу людем творяхуть». Впереди еще предстояли долгие столетия освободительной борьбы, но начало было положено...

Князь Даниил Галицкий умер в 1264 году и похоронен в городе Холме, который сам когда-то построил и укрепил против ордынцев. Укрепления Холма так и не были разрушены, несмотря на приказ Бурундая. Летописец так отзывался о нем: «Данило князь, добрыи, хоробрый и мудрыи, иже созда города многи...»

Воин и градостроитель — таким остался Даниил Галицкий в истории Руси.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Шел 1240 год. Трудное время для Руси, измученной нашествием монголо-татарских орд. Ослаблением страны попытались воспользоваться рыцари-крестоносцы, которые, завоевав Прибалтику, думали о дальнейших захватах. Специальный посол римского папы — легат Вильгельм — ездил по Ливонии, Дании и Швеции, организуя совместный поход против «неверных». Немецкие и датские рыцари предлагали настичи Руси удар с суши, из своих ливонских владений.

Шведы же решили напасть с моря, через Финский залив.

Начали шведы. Большой флот двинулся к устью реки Невы. Численность шведского войска достигала пяти тысяч человек. Если учесть, что шведский корабль-шнек вмещал не более пятидесяти корабельщиков, то можно предположить, что судов было не менее сотни. Возглавил поход ярл и правитель Швеции Ульф Фаси, с ним был его двоюродный брат Биргер, будущий ярл и известный полководец. Шведы хотели захватить Неву и Ладогу, чтобы, укрепившись там, угрожать Новгороду и перерезать важнейший для новгородской торговли водный путь — из Волхова через Неву в Финский залив. Шведы были уверены в успехе. Они знали, что «низовские полки»¹ не могут прийти на помощь Новгороду: великий князь Ярослав Все-володович вынужден был держать немногие оставшиеся рати для обороны своей земли, потому что никто не знал, куда направит хан Батый свои бесчисленные конные тысячи — на Киев или снова на Владимир. Надеялись шведские военачальники и на неожиданность нападения.

Но неожиданности не получилось. Новгородская сторожевая застава, постоянно стоявшая в устье Невы, «при

¹ «Низовские полки» — полки «Низовской земли». Так новгородцы называли Владимира-Сузальскую Русь.

крае моря», заметила шведскую армаду. Старейшина Пелгуй послал гонца в Новгород.

Молодой новгородский князь Александр Ярославович был поставлен перед выбором: собирать новгородское ополчение (на что потребовалось бы несколько дней) или выйти навстречу врагу со своей конной дружиной и теми пешцами, которые были в городе, под рукой. Александр выбрал последнее. Форсированными маршами он двинулся к Неве, преодолев более ста пятидесяти километров, и успел застать шведов на привале близ устья Ижоры. В том, что успели конные дружины, не было ничего удивительного: это расстояние русские всадники, если ехали «вборзе», «о-дву-конь», обычно преодолевали за двенадцать — четырнадцать часов. Но к месту сражения успели и пешцы! Возможно, часть пути они проплыли на ладьях.

Шведские корабли стояли при впадении Ижоры в Неву, перекинув на берег мостки. Шведская знать, епископы (их взяли в поход, чтобы на месте обращать в «истинную веру» завоеванных), рыцари ночевали в шатрах. Самый большой, шитый золотом шатер слуги поставили для предводителей шведского войска. Лениво шевелились возле шатров стяги с зловещими крестами. Опершись на копья, дремала стража. Остальные воины спали на кораблях.

Тихо подъезжали и скапливались в лесу конные дружины, по берегу Невы подкрадывались новгородские пешцы. Шведское войско значительно превосходило русское по численности, поэтому победу могли принести только внезапность нападения и умелое использование того обстоятельства, что шведы были разобщены. Молодой полководец превосходно использовал обстановку. В сокрушительном строю княжеская дружины выехала из леса и ударила в центр спящего шведского стана. Тревожно завыли трубы. Воины на кораблях спешно вооружались, чтобы прийти на помощь гибнувшим рыцарям. Но пешцы под командованием новгородца Миши уже бежали вдоль берега, рубили и сбрасывали мостки, отталкивали суда. Помощи рыцари так и не дождались.

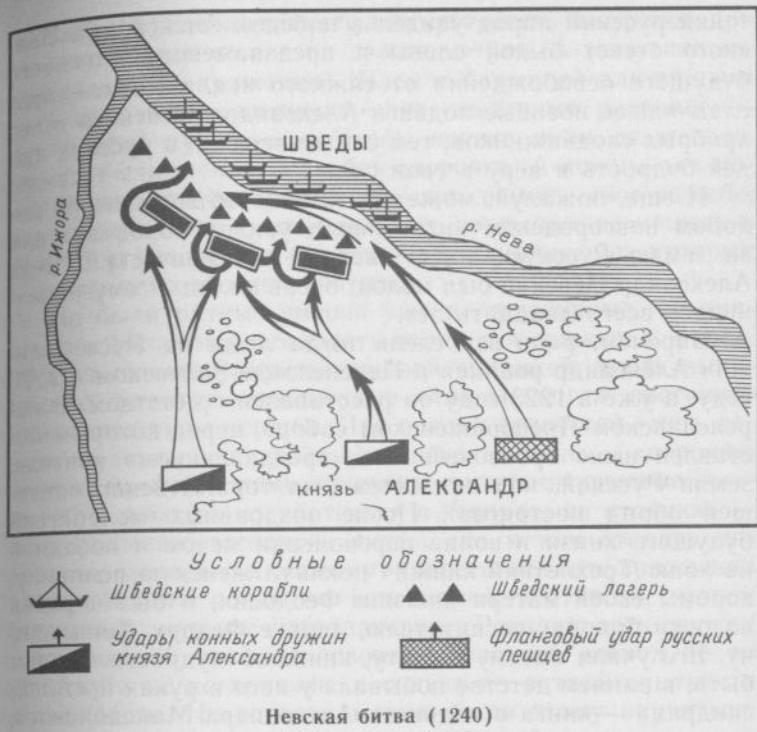
А на берегу шла жестокая сеча. Русские дружины везде теснили шведов. Дружины Савва пробился к златоверхому шатру предводителей шведского войска и подрубил опорный столб — шатер рухнул, вызвав панику в шведских рядах. «Полки же Александровы, видевши падение шатерное, возрадовались», — замечает летописец.

Многие русские витязи отличились в этом бою: новгородец Сбыслав Якунович, вооруженный одним топором, «многажды» врывавшийся в шведские ряды и геройски бившийся, «не имея страха в сердце своем», княжеский ловчий Яков, заслуживший похвалу своего господина, княжеский слуга Ратмир. Конный дружины Гаврила Олесич так увлекся погоней за одним из знатных рыцарей, что въехал верхом на палубу корабля. Шведские корабельщики сбросили храбреца вместе с конем в реку, но он сумел выбраться на берег и тут же схватился со шведским «воеводой», пытавшимся собрать вокруг себя рыцарей. Пешцы новгородца Миши захватили три шведских шнека и потопили их. Сам князь Александр Ярославович сошелся в рыцарском поединке с Биргером и ранил его: «возложи Биргеру печать на лице острым своим копьем».

Сражение продолжалось до темноты. Только к ночи князь отвел своих воинов в лес, чтобы утром довершить разгром врага. Но предводители шведского войска не приняли нового боя, слишком велики оказались потери. Копье князя Александра Ярославовича вывело из строя Биргера, его с трудом спасли оруженосцы и слуги. Убит второй по значению военачальник — «воевода», один из епископов. Много погибло знатных рыцарей, застигнутых врасплох в своих шатрах, тела их шведы погрузили на несколько кораблей и пустили вниз по течению реки Невы. Простолюдинов похоронили на месте, в общей могиле, и было их, по словам летописца, «без числа». Многие были изранены. И предводители шведского войска приняли единственно разумное решение — спасаться бегством. Шведские шнеки отошли от берега и скрылись в темноте...

Победа была полной, причем достигнута малой кровью: в сражении пало всего двадцать воинов князя Александра Ярославовича. Новгородских ратников, павших в битве на Неве, поминали во время церковных служб больше трех столетий. Были среди них и совсем простые люди, например, «Дроцило Нездылов, сын кожевника». Геройская смерть за родную землю уравняла сына кожевника со знатными людьми, тоже сложившими голову в этом бою: Константином Луготинцем, Гюрятой Пинешничем, которых в поминальном синодике именовали по отчеству.

Произошла эта битва 15 июля 1240 года. За победу в ней молодой новгородский князь Александр Ярославо-

Невская битва (1240)

вич был назван Невским, а о его подвигах написано специальное «житие», которое вошло во многие списки русских летописей. Невская битва навсегда сохранилась в памяти народной. Четыреста шестьдесят лет спустя, когда Петр Великий впервые оказался на берегах Невы, местные жители, потомки древних новгородцев, показывали ему место, где по, народному преданию, произошла битва Александра Невского со шведами. Поблизости от предполагаемого места битвы Петр I основал первый в Петербурге монастырь и повелел перевезти туда из Владимира останки Александра Невского.

Почему же произвела такое огромное впечатление на современников Невская битва 1240 года, отнюдь не самая крупная в тревожном XIII столетии?

Советский историк И. У. Будовниц, автор книги об общественно-политической мысли Древней Руси, объясняет это тем, что в момент всеобщей подавленности и смя-

тения русский народ увидел в победах Александра Невского отсвет былой славы и предзнаменование своего будущего освобождения от тяжкого ига. «Житие», прославлявшее военные подвиги Александра Невского и его храбрых сподвижников, тем самым вселяло в русских людей бодрость и веру в свои силы.

И еще, пожалуй, может быть одно объяснение. В молодом новгородском князе народ увидел образ воителя за землю Русскую, образ светлый и героический. Ведь Александр Невский был молод, очень молод — ему исполнилось всего двадцать лет.

Впрочем, рано взрослели тогда люди на Руси. Княжич Александр родился в Переяславле-Залесском в 1220 году, а уже в 1223 году он расставался с детством. В переяславском Преображенском соборе, перед которым поставлен ныне бронзовый бюст прославленному воителю земли Русской, над княжичем был торжественно совершен обряд постригов¹. После заздравных молебствий будущего князя и воина перепоясали мечом и посадили на коня. Трехлетний княжич покинул женскую половину, хоромы своей матери княгини Феодосии, и был передан на руки боярину-воспитателю, дядьке Федору Даниловичу. Его учили письму и счету, книжной мудрости. Может быть, в раннем детстве побывала у него в руках и «Александрия» — книга о подвигах Александра Македонского, написанная во II — III веках. А главное, учили мальчика ратному делу, и было это ученье трудным и продолжительным.

Княжича учили «вседше на коня, в бронех, за щитом, с копьем биться». Такое было время, что князь первым бросался в сечу и вел за собой воинов! Князь-военачальник должен был не хуже, чем профессиональные воины-дружиинники, управлять конем, сражаться в конном и пешем строю, владеть рубящим, колющим, ударным оружием, а каждое оружие — тяжелое копье, меч или сабля, сулица-дротик, кистень, булава, боевой топорик — требовало своих приемов боя. Особым искусством считалась стрельба из лука, познать все тонкости которой можно было только в детстве — тот, кто начинал в зрелом возрасте, никогда не достигал нужной меткости. Опытный кон-

¹ Постриги — старинный обряд признания ребенка мужчиной, законным сыном и наследником отца, чтобы ему «в отцовское стремя ступить».

ный лучник успевал сделать в минуту шесть выстрелов, при том что стрела летела на двести метров. А защитное вооружение и снаряжение? Шлем с бармицей для защиты шеи и затылка, кольчуга, щит, железные рукавицы — без малого пуд¹ весом. Чтобы носить их и сражаться, нужны были и сила, и особая сноровка. А ножны для меча, футляр для топора, колчан, лук, ремни — все на себе, все должно быть умело пригнано, привычно, не мешать в бою. Все это умения простого дружиинника, без которых и князю невозможно обойтись.

Но были ратные умения уже не дружиинные, но княжеские. Например, построить полки для сражения. Знать, когда выгоднее ударить тяжелой конницей, когда выкинуть с флангов легкоконные отряды, когда поставить сомкнутые ряды пешцев. При осадах крепостей уметь делать подкопы, сооружать осадные машины — «пороки», окружать частоколами и тынами, ладить штурмовые лестницы. В походах позаботиться о дозорах, на стоянках — о сторожевых заставах. Знать, где и как ставить поставленные засады, и самому уберегаться от вражеских засад. Водить полки по незнакомой местности, чутко угадывать нужное направление. Распознавать чужих лазутчиков и посыпать своих. Назначать воевод не по родству и не по приязни, а только по ратной опытности и твердости. Не со слов можно было этому научиться, только в деле!

Так и познавал княжеские науки Александр Ярославович.

Десять лет ему было, когда оставил его отец наместником в своеменравном и мятежном Новгороде. Оставил вместе со старшим братом Федором Ярославовичем, но ведь старшему-то было только одиннадцать лет...

В пятнадцать лет вместе с отцом князем Ярославом Всеволодовичем ходил войной на немцев. Было это в 1235 году. Русское войско двинулось на Дерпт, по трудным зимним дорогам прошло за неделю триста верст, на реке Эмайиги разгромило рыцарскую рать: речной лед не выдержал тяжести рыцарских доспехов и подломился, всадники в шлемах с яркими перьямитонули в черной воде. Не воспоминания ли юности подсказали потом князю Александру Невскому мысль загнать псов-рыцарей на хрупкий лед Чудского озера?

¹ Пуд — шестнадцать килограммов.

Только-только возвратились в Новгород и взяли у при-
смиревших рыцарей мир «на всей правде своей», как но-
вый поход — на литовцев, пограбивших Старую Руссу.
Литовцы успели «отбежать» с добычей, но их догнали в
ста двадцати километрах от города, у Дубровны, отбили
триста груженных добром коней. Враги разбежались, по-
бросав свои короткие копья-сулицы и щиты. Всего десять
воинов потеряли новгородцы в бою, а урон противнику
нанесли немалый.

И никого не удивило, что князь Ярослав Всеходо-
вич, отъезжая в Киев, «в Новгороде посадил сына своего
Александра». Было это в 1236 году, юному новгородскому
князю исполнилось шестнадцать лет. Там, в Новгороде,
и пересидел Александр страшный Батыев погром. Всего
ста верст не дошли завоеватели до Великого Новгорода.
Радовались новгородцы избавлению от беды. Но беда
пришла с другой стороны, с запада...

Невская битва отsekла одну жаждущую руку, протянувшуюся к новгородской земле, — шведскую. Но оставались немцы, Орден. Месяца не прошло, как начали приходить с рубежа тревожные вести. Немецкие рыцари из всех крепостей Ливонии — Одение, Дерпта, Феллина и других — выступили к русским рубежам, к ним присоединились датские рыцари из Ревеля во главе с Кнутом и Абелем, сыновьями короля Вальдемара II. Объединенным рыцарским войском командовал вице-магистр Ливонского ордена Андреас фон Вельвен, опытный военачальник.

Первым объектом нападения стала Псковская земля. К ее захвату Орден готовился долго и обстоятельно, и не только военными средствами: псковский князь Ярослав Владимирович, изгнанный горожанами, бежал к немцам и «подарил» дерптскому епископу все «королевство псковское». Некоторые изменники-бояре, среди которых был и псковский посадник Твердило Иванович, обещали рыцарям открыть ворота города. Это помешало псковичам организовать оборону.

Летом 1240 года немцы осадили Изборск, крепость на западной границе Псковской земли. Жители Изборска оказали захватчикам упорное сопротивление, отбив несколько приступов врага. Но силы были неравны. Изборск пал. Рыцари начали жечь и грабить пограничные села и деревни. По сообщению ливонской «Рифмованной хроники», они «никого не оставили в покое из русских, кто

только прибегал к защите, тот был убиваем, или взят в плен, и по всей земле распространялись вопли». Псковское городское ополчение выступило навстречу захватчикам. «Рифмованная хроника» повествует:

Жители Пскова тогда
не возрадовались этому известию.
Так называется город,
который расположен на Руси.
Там люди очень крутого нрава...
Они не медлили,
они собирались в поход
и поскакали туда,
многие в блестящей броне;
их шлемы сияли, как стекло.
С ними было много стрелков...
Начался жестокий бой...

Псковское ополчение не выстояло против натиска всего рыцарского войска. Восемьсот псковичей пали в сече, был убит и псковский воевода князя Александра Невского — Гаврило Гориславич. Рыцари преследовали уцелевших псковичей до самого города, но взять с ходу Псков не сумели. Они только сожгли посад, разорили пригородные села и после недельной осады отступили. Псковская каменная крепость, если ее защитники едини в своем желании защитить город, была не-проступной.

Второй удар рыцарское войско нанесло на Водскую пятину, примыкавшую к Финскому заливу, взяв крепость Копорье. Теперь разорению подверглись собственно новгородские земли, рыцарские разъезды появлялись в тридцати верстах от Великого Новгорода.

Зимой 1240 года возобновилось наступление на Псков. В рыцарском войске были немцы и датские «королевские мужи», в обозе с ними ехал князь-изменник Ярослав Владимирович, призывающий не оказывать сопротивления захватчикам. «Перевет держали с немцами» и некоторые псковские бояре. Когда немцы осадили Псков, посадник Твердило настоял, чтобы им выдали в залог детей бояр и купцов, а затем впустили в город немецкий гарнизон. По словам летописца, он «сам начал владеть Псковом с немцами». В Пскове сели немецкие судьи-фогты. Вся Псковская земля была потеряна, нашествие приближалось к Новгороду.

Александр Невский хорошо понимал опасность. Он потребовал от новгородских бояр средств для набора войс-

ка, полной власти военного вождя. Но бояре не поддержали эти оборонительные меры, и возмущенный Александр Невский «отъехал» с семьей и дружиной в отчий Переяславль-Залесский.

А немцы продолжали наступать. Бурное новгородское вече решило: позвать на помощь князя Александра Невского с «низовскими полками». В Переяславль-Залесский отправилось новгородское посольство во главе с архиепископом Спиридоном. Александр Невский не медлил. Не дожидаясь сбора «низовских полков», он с одной своей дружиной кинулся в Новгород. Здесь спешно начал собирать ополчение из новгородцев, ладожан, карел и ижорян. Для большого наступления на ливонских рыцарей этих сил было недостаточно, и Александр Невский решил начать с освобождения Водской пятины, чтобы затем, дождавшись подмоги, двинуться на Псков.

Рейд войска Александра Невского к побережью Финского залива оказался неожиданным для рыцарей. Крепость Копорье была взята штурмом, ее гарнизон частью погиб, частью захвачен в плен. По словам летописца, отважный князь «разорил город до основания, а самих немцев избил, а иных с собою привел в Новгород». Правый фланг новгородского войска был теперь в безопасности. Большую помощь новгородцам оказали жители эстонского острова Сааремаа, восставшие против угнетателей. Вице-магистру фон Вельвену пришлось посыпать туда войско.

Между тем в Новгород прибывали из «Низовской земли» суздальские полки, посланные великим князем Ярославом Всеволодовичем. В распоряжении Александра Невского оказалась двадцатитысячная суздальско-новгородская рать. Можно было начинать решительное наступление на немцев.

В марте 1241 года Александр Невский двинулся к Пскову. Одновременно другие русские отряды отрезали все дороги, ведущие к городу с запада. Приступ был неожиданным, русские воины «изгоном» ворвались в город — видимо, бояре-изменники не пользовались поддержкой городского населения, было кому открыть ворота освободителям.

Это с досадой признавал и автор ливонской «Хроники»:

Туда он прибыл с большой силой;
и привел много русских,

чтобы освободить псковичей.
Этому они от всего сердца обрадовались.
Когда он увидел немцев,
он после этого долго не медлил,
он изгнал обоих братьев-рыцарей,
положив конец их фогству,
и все их слуги были прогнаны.
Никого из немцев там не осталось:
русским они оставили землю.

В бою за Псков было уничтожено семьдесят знатных орденских «братьев», много рядовых рыцарей. Фогтов вместе с другими пленными Александр Невский приказал заковать и отправить в Новгород. Бояре-изменники были казнены. Теперь князь мог продолжать войну, опираясь на могучую псковскую крепость. А что большая война только начинается, Александр Невский хорошо понимал — Ливонский орден был опасным противником.

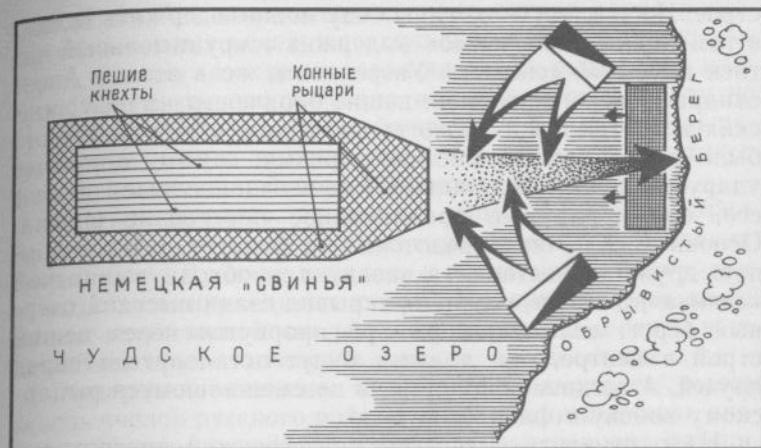
Средние века были временем полного господства на полях сражений тяжелооруженной рыцарской конницы. Пехота не могла противостоять атакам конных рыцарей, с головы до ног защищенных крепкой броней. Доспехи рыцаря состояли из щита, панциря, кольчуги, крепкого шлема, в котором оставались лишь узкие щели для глаз и мелкие отверстия для дыхания, железных перчаток и таких же чулок. Ни одна часть тела не оставалась открытой. Рассказывали, что во время одного из сражений французский король Филипп Август был сброшен с коня, но враги так и не смогли его добить: в доспехах не оказалось ни одной щели, через которую можно было бы поразить короля кинжалом. Подоспевшие французские рыцари отбили своего короля целым и невредимым. Железная кольчатая попона закрывала также грудь и бока боевого коня. Наступавшую в сомкнутом строю рыцарскую конницу, вооруженную длинными тяжелыми копьями, прямыми мечами, боевыми топорами и булавами (их особенно любили духовные феодалы, епископы и аббаты, которым запрещалось «проливать кровь»), было очень трудно остановить, она буквально сминала ряды противника.

Слабой стороной рыцарского войска была организация боя. После первого совместного натиска рыцарей их строй рассыпался, сражение распылялось на множество поединков. Рыцарями было трудно управлять, они увлекались захватом добычи, а то и просто самовольно выходили из боя. Для того чтобы преодолеть эти недостатки, навести дисциплину, придать войску стройную организацию,

были созданы духовно-рыцарские ордены. Первые ордены появились во время крестовых походов в Палестине (госпитальеры, тамплиеры). Там же в 1198 году возник Тевтонский орден, позднее перебравшийся в Прибалтику и возглавивший наступление на русские земли. Рыцаревтоны носили поверх доспехов белые плащи с черными крестами. Орден отличался строгой централизацией. Во главе стоял пожизненно избираемый гроссмейстер (великий магистр), при нем был совет из пяти знатных рыцарей (великий комтур, ведавший финансами, верховный маршал и другие). Провинциями и замками управляли комкуры и фогты, которые ежегодно отчитывались перед капитулом (ежегодное собрание высших чинов ордена). Ливонский орден считался «филиалом» Тевтонского ордена, его главу — магистра — утверждал гроссмейстер. Он же занимался привлечением к походам на восток рыцарей из других стран Европы. Структура Ордена была строго иерархической, его члены делились на три группы: братья-воины (знатные рыцари), капелланы (священники), братья-служители. Братья-воины, их оруженосцы, «однощитные рыцари» (не имевшие свиты) составляли тяжеловооруженную конницу. В походах и сражениях рыцарей сопровождали кнекты, конные и пешие лучники и арбалетчики. В войско включались и отряды покоренных народов. В сражении кнектов со всех сторон окружали ряды рыцарей — в бою они были ненадежны, особенно отряды из завоеванных земель.

Боевой строй рыцарей русские называли «свиньей». Это был вытянутый вперед тупой клин, впереди и по бокам которого находилась рыцарская конница: сзади тоже стоял ряд рыцарей, как бы подталкивая всю «свинью». Острие клина, состоявшее из плотных рядов тяжеловооруженных рыцарей, должно было разбить надвое строй противника, а кнекты — пешие воины, стоящие внутри «свиньи», — довершить разгром. Устоять против закованной в железо «свиньи» было очень трудно, в многочисленных сражениях с народами Прибалтики рыцари убедились в эффективности такого построения. Они применили его и в битве с Александром Невским.

Перед русским полководцем стояла задача — выбрать удобное место для генерального сражения и противопоставить немецкой «свинье» такое построение русского войска, которое бы обеспечило победу. А для этого нужны прежде всего исчерпывающие сведения о противнике.

Условные обозначения

Новгородское пешее ополчение

Фланговый удар конных русских дружины

Ледовое побоище (1242)

И Александр Невский выдвинул вперед, «на землю немецкую», несколько разведывательных отрядов. Один из них, под командованием Домаша Твердиславича, столкнулся с рыцарским войском. Отряд был разбит, но уцелевшие воины принесли князю точные сведения: главные силы немцев идут к Псковскому озеру. Здесь и нужно ждать сражения.

Место было выбрано Александром Невским на Узмени, неширокой протоке между Псковским и Чудским озерами, неподалеку от Вороньего камня, поднимавшегося над озерным льдом метров на пятнадцать. Отсюда было удобно наблюдать за приближением немецкой рати. Сходились на льду Узмени русские отряды, и сам князь, по словам летописца, «вспятился на озеро». Полки начали строиться для боя.

Излюбленным боевым построением русских воевод было трехполковое: сильное «чело» из пещев и крылья, где стояли конные дружины. «Чело» должно было принять первый, самый сильный удар противника, остановить его, связать боем, и тогда с флангов нападали конные крылья. Александр Невский знал, конечно, об этом боевом

строе. Но знал он и то, что победу можно одержать только в том случае, если «чело» выдержит сокрушительный на- тиск немецкой «свиньи». Уверенности же в этом у Александра Невского не было: пешие ополченцы из новгородских волостей были плохо вооружены и обучены. Нужно было найти противодействие первому, самому опасному удару рыцарской конницы, и молодой полководец нашел его, смело нарушив традиционное построение войска. Основные силы он сосредоточил на флангах, свою отборную дружины поставил в засаду для обхода рыцарской «свиньи», а пешее «чело» прикрывал сзади высокий озерный берег: если даже рыцари прорвутся через пеший строй в центре, они должны будут остановиться перед кручей. А тогда можно ударить по смешавшемуся рыцарскому войску с флангов и тыла.

Надо отметить, что Александр Невский превосходно использовал и другие особенности театра военных действий. Правый фланг русского войска прикрывала Сиговица, где были подземные ключи, отчего лед был хрупким и рыхлым. Если нанести втянувшейся в бой с пешцами рыцарской «свинье» сильный удар слева и загнать туда тяжеловооруженных рыцарей, лед не выдержит.

Так и было построено войско. Темными рядами застыли в центре сомкнутые щит в щит пешицы, вытянув вперед длинные копья. Перед ними построились лучники. На флангах — конные дружины. Спряталась в лесу, за левым флангом, конная дружина князя Александра Невского. Час решающей битвы наступил.

По подсчетам военных историков, вице-магистр Ливонского ордена привел на лед Чудского озера десять — двенадцать тысяч воинства, у Александра Невского было немного больше: пятнадцать — семнадцать тысяч ратников, но надо учитывать, что значительную часть его войска составляли пешие ополченцы, уступавшие рыцарям в вооружении и боевой выучке. Во всяком случае, ни о каком «подавляющем превосходстве» русского войска не могло быть и речи (ливонские хронисты утверждали, что на одного немецкого рыцаря приходилось по шестьдесят воинов Александра Невского). Исход сражения решили полководческое искусство молодого новгородского князя, мужество и стойкость простых русских «воев».

Наступило раннее утро 5 апреля 1242 года. Железный клин рыцарского войска медленно надвигался на русский строй: рыцари ехали шагом, тяжело и безмолвно. Поблес-

кивали в лучах восходящего солнца острия копий и лезвия обнаженных мечей, шевелились над шлемами пестрые перья, кресты зловеще чернели на белых рыцарских плащах. Будто крепостная стена накатывалась по льду на русский строй, а железные бочкообразные шлемы рыцарей — как зубцы на этой стене. За их спинами угадывалась колышащаяся масса кнектов.

Русские лучники встретили рыцарей ливнем стрел. Но стрелы скользили по доспехам, почти не причиняя вреда врагу. Лучники пятились к рядам копьеносцев, сливались с ними в едином строю. Рыцари пустили коней рысью, всей тяжкой массой своей вломились в строй пешцев. Лязг оружия, конское ржание, крики, стоны...

Рыцарская «свинья» медленно продиралась рылом сквозь «чело» русского войска, топча подковами тела павших. Об этом трагическом эпизоде боя говорит летописец: «Наехали на полк немцы и пробились свиньей сквозь полк». Но увидев перед собой вместо поля для маневра, для ударов во фланг и тыл остальным русским полкам заснеженный берег и лес над ним, немцы остановились, смешались. Замысел Александра Невского удался: немецкая «свинья» глубоко втянулась между русскими конными дружинами, рыцарский боевой строй сломался. Взметнулся княжеский стяг с могучим зверем-львом. Русская конница ударила по «свинье» справа и слева, а в тыл, совершив быстрый обходной маневр, бросилась отборная дружины самого Александра Невского. «И была тут сеча злая и великая немцам и чуди, и был треск от копий ломления, и звук от мечей сечения, и не было видно льда, покрылся он весь кровью», — свидетельствует русский летописец. Печальней было повествование ливонского хрониста, сожалеющего о будто бы упущенной победе:

Немцы начали с ними бой.
Русские имели много стрелков,
которые мужественно приняли первый натиск,
находясь перед дружиной князя.
Видно было, как отряд братьев-рыцарей
одолел стрелков;
там был слышен звон мечей,
и видно было, как рассекались шлемы.
С обеих сторон убитые
падали на землю.
Те, кто находился в войске братьев-рыцарей,
были окружены.
Братья-рыцари достаточно упорно оборонялись,
но их там одолели...

Первыми побежали княхты, за ними — благородные рыцари. Княжеские дружины устремились в погоню и гнали их пять верст, до «Суболичского берега». Часть рыцарского войска русские ратники загнали на хрупкий лед Сиговицы. Тонули всадники и кони, закованные в тяжелое железо, и не было им спасения. Пятьсот рыцарей пали в этом сражении, пятьдесят «нарочитых воевод» Александр Невский взял в плен и привел в Новгород. Давно уже не терпели тевтонцы такого сокрушительного поражения.

Торжественно встретил Великий Новгород победителей. Следом за своим князем шли «полк за полком, бьюще в бубны и трубяще в трубы», тянулись обозы с захваченным в бою рыцарским оружием, которым можно было вооружить целую рать.

Военные историки спустя столетия будут внимательно изучать Ледовое побоище и с удивлением писать о военном искусстве Александра Невского: многое он совершил впервые.

Впервые в полной мере были использованы условия местности: высокий берег, к которому был прислонен русский пехотный строй, не позволил немцам развить первоначальный успех после прорыва пешего полка.

Впервые было организовано преследование разбитого противника вне поля боя: раньше русские воеводы после победы «стояли на костях», празднуя победу.

Тактическое окружение всего немецкого войска, которое завершило разгром врага, было единственным таким случаем для всего средневековья. Этот сложнейший маневр требовал умелого руководства боем и решительности.

Впервые тяжелая рыцарская конница была разбита в полевом сражении войском, в основном состоящим из пехоты. Да и потери немцев оказались невероятными для рыцарских войн. Например, в весьма известной битве при Брюмеле (1119) между англичанами и французами было убито... три рыцаря!

Неудивительно, что в том же году ливонские рыцари послали прислать в Новгород послов «с поклоном» и заключили мирный договор, отказавшись от всех своих недавних захватов. Северо-западная граница Руси была защищена!

О знаменитой Невской битве и не менее знаменитом Ледовом побоище, навечно прославившими князя-ратора Александра Ярославовича Невского, написано в рас-

сказано немало. Значительно меньше известно о других походах Александра Невского против немецких, шведских и литовских феодалов.

Трудную войну пришлось вести Новгороду с пограничными литовскими князьями, которые, пользуясь отвлечением основных новгородских сил на войну с немецкими рыцарями, резко активизировали свои набеги. Продупредить эти набеги было почти невозможно: литовцы пробирались по лесистым водоразделам, обходили крупные города и нападали на маленькие городки и села. Захватив добычу и пленных, они старались быстро уйти по глухим лесным тропам. Князь Александр Невский применил единственно возможную тактику: перехватывать отступавших литовцев и отбивать добычу. Для этого требовались стремительность, хорошее знание местности и военных хитростей врага, решительность — качества, которыми отличался Александр Невский. Некоторые годы были отмечены целой серией литовских вторжений, особенно на южные лесистые и наименее охраняемые окраины Новгородской земли. Так, в течение 1243 года дружины Александра Невского разгромила «семь ратей», и, по словам летописца, литовцы «начаша блюстися имени его».

В 1245 году литовцы напали большими силами. Они «воевали Торжок и Бежецкие волости», захватили большую добычу. За ними пошел в погоню из Торжка князь Ярослав Владимирович, но потерпел поражение в первой же битве: литовцы «многих избили и коней поимали». На помощь спешили рати из Твери и Дмитрова. Вместе с тверичами и дмитровцами князь Ярослав Владимирович снова выступил против литовцев и догнал их под Торопцом. И вновь потерпел поражение: «был бой великий под Торопцом, и бились весь день, и одолела Литва, и бежал князь в Торопец». Казалось, война проиграна. Но той же ночью в Торопец прибыл со своей новгородской дружиной князь Александр Невский, преодолев за считанные дни расстояние в триста шестьдесят верст. Наутро опять была «брانь великая и сеча злая». По словам летописца, тогда «победили Литву и отняли полон весь». Новгородцы вернулись обратно, а Александр Невский с одной своей конной дружиной («с двором своим») продолжал погоню, догнал врага под Жижичем и разгромил. На обратном пути в Новгород он «встретил иную рать, и сотворил с ними битву великую, и одолел супостатов». Три победы

подряд после обидных поражений — это поистине удивительно!

Выдающимся полководцем и дипломатом проявил себя Александр Невский и в войне со шведами, которые пытались завоевать Финляндию и создать надежный плацдарм для наступления на Северо-Западную Русь: после отрезвляющего поражения в Невской битве шведский король уже не решался на авантюристические вторжения непосредственно в новгородские владения. Второй крестовый поход шведских феодалов был направлен на Финляндию, на самую дальнюю окраину новгородских владений, заселенную финским племенем еми. В Швецию снова приехал папский легат Вильгельм, получивший к тому времени сан кардинала Сабинского, и вел переговоры с королем Эриком и ярлом Биргером. Тогда и был решен вопрос о походе. Осенью 1249 года большое войско во главе с Биргером высадилось на побережье Финляндии и двинулось в глубь страны, к центральным финским озерам. Подробности этого похода неизвестны. Автор «Хроники Эрика» отметил только, что «язычники потерпели поражение, а христиане победили». Началась шведская колонизация страны, обращение в католичество местного населения — еми, которое раньше тяготело к Новгороду. «Хроника Эрика» добавляла:

Ту страну, которая была вся крещена,
русский князь, как думаю, потерял.

Так оно и было в действительности. Шведские владения теперь вплотную приближались к коренным новгородским землям. Случилось это в отсутствие князя Александра Невского. В 1247 году он должен был отправиться в Монголию, к великому хану, и возвратился в Новгород лишь в 1250 году, когда шведское завоевание Финляндии уже стало фактом. А потом была борьба за великолкняжеский «стол», которая завершилась в 1252 году победой Александра Ярославовича Невского. Он стал главой Руси, и первым же крупным внешнеполитическим мероприятием нового князя явилась война со шведскими крестоносцами. Медлить было нельзя: поведение крестоносцев становилось вызывающим. Шведы подбирались к Карельскому перешейку...

Известно, что инициаторами нового наступления на Северо-Западную Русь были два немецких феодала из

датской Эстонии: Дитрих фон Кивель и Отто фон Люнебург, отправившие в 1254 году послание римскому папе, в котором говорилось, что «язычники», живущие proximity от их владений, желают принять католичество (речь шла о населении Водской и Ижорской земель). Утрата этих земель отрезала бы Новгород от Западной Европы. Папа немедленно поддержал инициативу «верных сынов церкви» и даже назначил гамбургского каноника Фридриха Газельдорфа «епископом Карельским». В 1256 году специальной папской буллой было предписано начать во всей Северной и Средней Европе — в Швеции, Норвегии, Дании, на Готланде, в Пруссии, восточной Германии и Польше — проповедь с призывом к новому крестовому походу. Но общеевропейского крестового похода на этот раз не получилось: на призыв папы откликнулась только Швеция. Не присоединился к походу и Ливонский орден — урок, полученный на льду Чудского озера, не прошел даром. Но опасность новгородским рубежам грозила немалая. Это был поход, организованный самим шведским королем. Шведское войско высадилось в устье реки Нарвы (Нарвы), к которой примыкали владения Дитриха фон Кивеля (русские летописцы называли его «Дитман»). Захватчики начали срочно сооружать крепость на восточном, русском берегу реки. Опираясь на нее, они рассчитывали покорить земли води, ижоры и карел. Крепость должна была держать под своим контролем важнейшие торговые пути по реке Неве и Финскому заливу.

Но широко задуманная военная акция провалилась. В Новгороде спешно собиралось ополчение, на «низ», во Владимиро-Сузальскую землю, были посланы гонцы — звать на помощь Александра Ярославовича Невского. Об этих приготовлениях стало известно шведам, «они же, окаянные, услышавшие, побегоша за море», бросив недостроенную крепость. Видимо, здесь сыграло определенную роль и приближение зимы, шведы опасались, что если море замерзнет, то при поражении они не смогут отступить на кораблях. А рисковать после Невской битвы шведы не хотели. Вместе с ними бежал и незадачливый «Дитман» — оставаться в своих владениях, примыкавших к новгородским землям, он побоялся. Когда великий князь Александр Невский с «низовскими полками» прибыл в Новгород, захватчиков на русской земле уже не было. Казалось бы, дальнейший поход не нужен

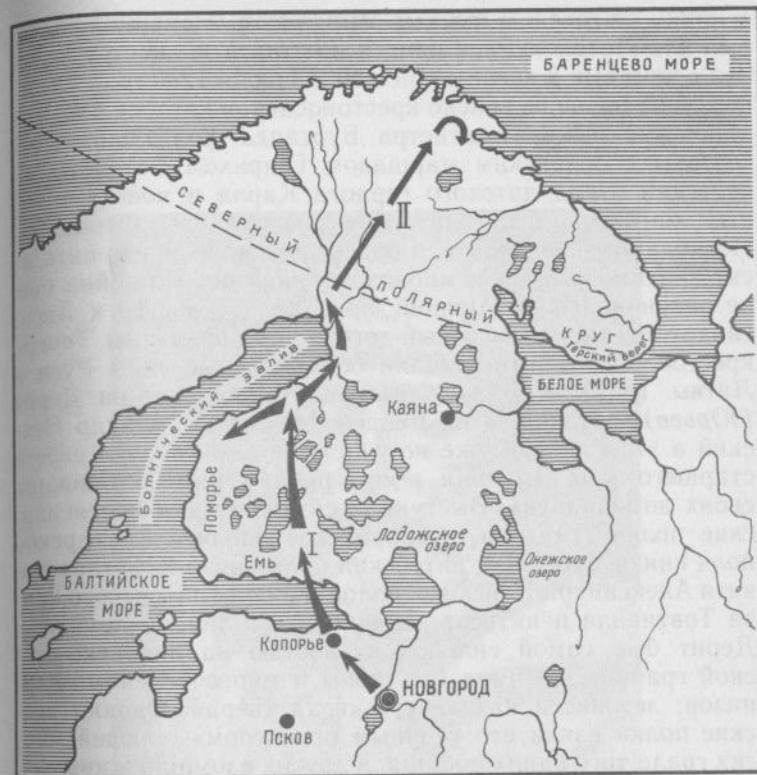
Но князь думал иначе. В глубокой тайне он готовил поход в Центральную Финляндию, недавно захваченную Швецией.

С «низовскими полками» и новгородским ополчением Александр Невский двинулся к Копорью и только там объявил о цели похода. Часть новгородцев вернулась, а с остальными полками он пошел по льду Финского залива в землю еми. Александр Невский выбрал самое удобное в стратегическом и политическом отношении направление похода: не на давние шведские владения в юго-западной Финляндии, где шведы успели прочно закрепиться, а на земли еми, завоеванные семь лет назад, — там можно было надеяться на поддержку местного населения. Расчет полностью оправдался. Народ еми поддержал русское войско, а карелы даже совместно выступили в поход. Папа римский сетовал в своей булле, что русское войско в Финляндии «многих, возрожденных благодатью священного источника, прискорбным образом привлекло на свою сторону, восстановило, к несчастью, в языческих обычаях». Но несмотря на поддержку местного населения, поход проходил в очень трудных условиях. Сильные морозы, метели и снежные заносы, отсутствие дорог, короткий приполярный день, дремучие леса мешали движению. Летописец повествовал: «И бысть зол путь, яко же не видаша ни дни, ни ночи, но всегда тьма». Несмотря на это, русское войско, разрушая по пути крепости и опорные пункты шведов, прошло через всю Финляндию и «воеваша Поморье все». Сам по себе этот поход был подвигом.

По скромным летописным сведениям академик Б. А. Рыбаков попытался восстановить маршрут полярного похода Александра Невского в 1256 году: из Новгорода — до Копорья, от Копорья по льду Финского залива на лыжах в Финляндию, по финским лесам и замерзшим озерам, через «горы непроходимые» — в «Поморье», на побережье Ботнического залива в районе Улеаборга. На обратном пути войско прошло земли еми в южной Финляндии. Б. А. Рыбаков делает и еще одно не лишенное оснований предположение: русские «вои» перешли во время этого похода полярный круг и достигли берегов Баренцева моря.

В конце зимы Александр Невский и его воины благополучно возвратились в Новгород.

Значение этого похода огромно. От оборонительной тактики в войнах со шведскими крестоносцами Александр

Условные обозначения

I ← Паход в Поморье

II → Предполагаемый паход к Баренцеву морю

Полярный поход Александра Невского (1256)

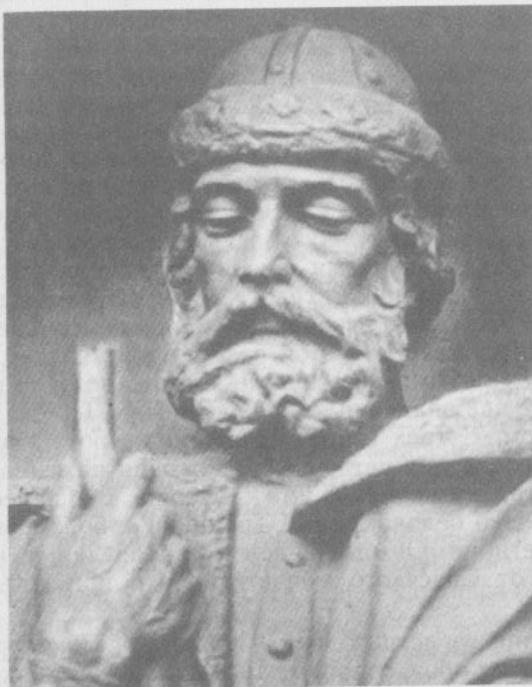
Невский перешел к активной, наступательной, нанеся неожиданный удар по землям, которые шведские феодалы уже считали своими. Шведское правительство отказалось от своих планов завоевания Карелии. Призыв римского папы подняться на крестовый поход против карел не был реализован. Кроме того, шведские нападения на русские рубежи прекратились более чем на четверть века.

Но оставалась постоянная угроза — со стороны Ордена. Великий князь Александр Невский проявил дипломатическую мудрость, постаравшись улучшить отношения с

великим литовским князем Миндовгом. Немецкий орден был для Литвы и Руси общим врагом. Миндовг уже воевал с немцами и воевал успешно. 13 июля 1260 года на реке Дурбе большое войско крестоносцев, в которое входили ливонские рыцари магистра Бургарда фон Горнгузена, тевтоны с орденским маршалом Генрихом Ботелем, ревельский отряд датского герцога Карла и войска местных коммюров, было наголову разгромлено литовцами. Погибли все предводители орденского войска, сто пятьдесят знатных рыцарей, множество кнехтов. Но война еще не закончилась, и Миндовг прислал посольство к Александр Невскому. Союзный договор был заключен. Теперь крестоносцам противостояли объединенные силы Руси и Литвы. Русские должны были пойти походом на Дерпт (Юрьев), литовцы — на Венден. Но сам Александр Невский в этом походе уже не участвовал, он послал своего старшего сына Дмитрия, и «все полки с ними, и ближних своих домочадцев». Выступили суздальские и переяславские полки Дмитрия, новгородское ополчение, тверской полк князя Ярослава, витебский полк князя Константина, зятя Александра Невского, полоцкий полк литовского князя Товтвила и пятьсот всадников его личной дружины. Дерпт был самой сильной крепостью на ливонско-русской границе, он имел три стены и многочисленный гарнизон; летописец назвал его «град тверд». Однако русские полки взяли его «единым приступом», «людей многих града того одних побища, а других изомаша живыми». Немцы срочно запросили мира...

Благодаря внушительным военным победам над рыцарями-крестоносцами Александр Ярославович Невский добился главного: остановил широкую крестоносную агрессию на западные рубежи Руси. Подписанное с немцами «Докончание» урегулировало торговые отношения. Это «Докончание» оказалось очень долговечным. Спустя полтора столетия новгородцы еще заключали с магистром Ордена «мир по старине, како был при великом князе Александре Ярославиче».

Русский народ по достоинству оценил заслуги Александра Невского, его самоотверженную борьбу за родную землю и военное искусство. В годы Великой Отечественной войны был учрежден орден Александра Невского, которым награждались генералы и офицеры Советской Армии за личную отвагу, мужество и храбрость, умелое командование.

ДОВМОНТ ПСКОВСКИЙ

Непроходимыми лесами покрыта Псковская земля. Между лесными дебрями — болота на сотни верст, только кое-где прорезанные насыпями-гатями. Мало дорог в Псковской земле, а в весеннюю распутицу или в дождливую осень и они становятся непропеездами. Издавна путями жизни и торговли стали реки, к ним тянулись городки, села и деревни. Самая широкая и полноводная река, названная Великой, впадает с юга в Псковское озеро. На этой реке и стоит Псков.

Псковский каменный кремль-детинец возвели на высоком холме при впадении в Великую речки Псковы и назвали Кромом. С трех сторон защищали Кром обрывистые речные берега, а с четвертой — высокая каменная стена, которая тоже имела свое имя — Перша. Выше нее поднимался только белокаменный Троицкий собор, стоявший в центре детинца. Он был виден и из Завеличья, и из Запсковья, от Спасского монастыря, что при устье речки Мирожи.

...В один из летних дней 1266 года к Пскову медленно подполздал обоз, сопровождаемый конными псковскими ратниками. Рядом с телегами шли воины в коротких литовских кафтанах, без оружия. Их было сотни три. Литовцы не походили на пленников, хотя и были безоружны. Литовское оружие — панцири, шлемы, боевые топоры, копья, тяжелые прямые мечи — было свалено на телеги. С предводителем литовского воинства, рослым молодым всадником в круглом литовском шлеме, с золотой цепью на груди, знаком высокого княжеского достоинства, ехали рядом псковские бояре, почтительно приотстав на полкорпуса коня.

Всадники выехали на холмистую гряду, спускавшуюся к речке Усохе. Отсюда был виден весь Псков: каменная громада Перши, деревянные стены Предгородья, а перед

ними — дворы смердов и ремесленников, разбросанные по зеленой равнине, изрезанной ручьями и оврагами.

Деревянные ворота Предгородья были, по дневному времени, распахнуты настежь, и всадники въехали в длинную узкую улицу, которая вела через посад к детинцу. Тянулись по обеим сторонам улицы бревенчатые избы ремесленников, приземистые купеческие домины с подклетями для товаров, боярские хоромы с высокими кровлями и затейливо изукрашенными крылечками — Псков был богатым городом. А над всем этим, вознесясь под самые облака, тяжкой глыбой нависала стена Перши. Казалось, деревянные постройки посада склонились перед каменным величием детинца, навсегда признав его верховодство.

Псковичи, стоявшие вдоль бревенчатой мостовой, смотрели дружелюбно, но без любопытства. Трудно было удивить торговый Псков заморскими гостями! К тому же, как сразу отметили опытные купеческие глаза, на этот раз литовцы приехали без товаров. А если так, то торговым людям они без интереса.

Не догадывались псковичи, что в их город приехал человек, с именем которого будет связан немалый период бурной истории Пскова — литовский князь Довмонт.

Кровавые события привели литовского князя в пограничный русский город. Совсем недавно Довмонт, князь Нальшанайский, был при дворе великого князя Миндовга, гордился своим родством с ним: они были женаты на родных сестрах. И вдруг — смерть жены Миндовга и ее странное завещание ему: жениться на ее сестре, уже ставшей женой Довмонта. Смирился Нальшанайский князь, но заставил обиду. Жмудский князь Тренята, племянник Миндовга, составил заговор против своего дяди и вовлек в него Довмонта. Воспользовавшись тем, что Миндовг послал свое войско за Днепр, они схватили и убили великого князя. Тренята возложил на свою голову золотую корону литовского великого князя, но удержать власть не сумел. Бывшие дружины Миндовга ушли в Пинск, где княжил его младший сын Воишельк, и начали войну. Тренята был убит, а конное войско Воишелька обрушилось на Нальшанайскую землю, наследственное владение Довмонта. Довмонт лишился всего: городов, войска, княжеского венца. Только триста воинов привел он в Псков, спасаясь от неминуемой гибели.

Почему Довмонт приехал в Псков — понятно. Но зачем

понадобился литовский выходец всемогущим псковским боярам, которые заправляли городскими делами?

Псков переживал тревожные времена. Умер великий князь Александр Невский, твердой рукой оберегавший северо-западные рубежи Руси. Новый великий князь Ярослав Ярославович не имел ни силы, ни полководческих талантов, отличавших его старшего брата. Да и не до Пскова было новому правителью. Власть его еще не утверждалась, много хлопот доставляли непокорные новгородские вечники, никак не желавшие признать его господином. В Пскове великий князь посадил наместником своего сына, княжича Святослава, который больше думал не об обороне рубежей, а о том, как упрочить власть великого князя над городом — такой была воля отца. А Пскову нужен был князь-ратоборец, способный защитить город и от Литвы, и от Ордена, к тому же не связанный никакими обязательствами по отношению к великому князю, а потому — послушный воле настоящих хозяев города: посадника, тысяцкого, бояр, духовенства. Выбор «господы» пал на князя Довмонта. Он был известным военачальником, ничто не связывало его больше с Литвой. Князь-изгой! И в Псковской земле Довмонт не был чужаком. Многие литовские князья происходили из славян, их родным языком был русский, да и само Великое княжество Литовское историки не без оснований называли «Литовско-Русским государством».

Псковский летописец сообщил об этом событии очень кратко: «Заратилась Литва между собою, и взял Воишелк землю Литовскую. Тогда же князь Довмонт с дружиною своею прибежал в Псков. И крещен был в церкви Троицы, и наречен Тимофеем, и посадили его на княжении в граде Пскове».

Не стало литовского князя Довмонта. Отныне и до самой смерти князь Довмонт-Тимофей Псковский — защита городу и людям его. И прославился праведный меч его, обнаженный за землю Русскую. Этим мечом позже благословлялись на подвиги псковские князья. Спустя двести лет «Довмонтов меч» торжественно вручили сыну великого князя Василия II Темного — Юрию, и это было посвящением во владители Пскова: «дали ему меч в руки князя Довмонта». Но это будет позже, когда имя Довмонта пргримит на Руси, а пока ему еще только предстояло заслужить воинскую славу.

...Небольшая конная рать тайком покинула Псков.

Князь Довмонт повел на своего злейшего врага князя Герденю Полоцкого дружину и «три девяноста» псковских «ратных мужей». С псковичами был воевода Давид Якунович, с литовцами — воевода Лука Литвин. Через дремучие леса, тянувшиеся от реки Великой до самой Двины, рать пробралась незаметно. Для внезапного нападения — единственной возможности взять такой сильный и многолюдный город, как Полоцк, — у Довмонта не хватало сил. Но он сумел совершить казалось бы невозможное: ворвался в Полоцк, взял в плен «княгиню Герденеву» и его детей, захватил богатую добычу и благополучно ушел. Обозы с добычей и толпы пленных успели перебраться через Двину, пока князь Гердена собирал войско для погони, созывал своих союзников-князей.

В пяти верстах за Двиной князь Довмонт остановился. Он отпустил в Псков обозы и пленных под охраной псковичей («два девяноста мужей отпустил с полоном, а в едином девяносте сам остался, ожидая погони»). На берегу Двины расположилась стража во главе с воеводами Давидом Якуновичем и Лукой Литвином. Вскоре у брода через Двину показались литовцы. Их было много — семь сотен. Кроме дружинников князя Гердена, привели своих вадников его союзники князья Гогорт, Лотбей, Лючайло. Литовцы начали переправляться через реку.

Стража своевременно известила Довмонта о появлении врага. Конная дружина его выехала из леса и неожиданно ударила по литовцам, столпившимся на берегу. Те не успели даже принять боевой порядок. Первым пал в бою князь Гогорт. Гердена кинулся со своими дружинниками обратно через брод. Остальные литовцы были опрокинуты в реку. Но только семьдесят воинов сумели доплыть до близлежащего острова Гоидова. Победа была полной, причем достигнута малой кровью. По словам псковского летописца, «тогда же убиен был един псковитянин Антоний, сын Лочеков, брат Смолигов, а иные все без вреда сохранены были и возвратились с радостью к городу Пскову и с многою корыстью».

Торжественно встретил Псков князя-победителя. Большое впечатление произвела эта победа и в Новгороде. Когда великий князь Ярослав позвал новгородцев в поход на псковичей, осмелившихся изгнать его сына-наместника и принять на княжеский «стол» Довмонта, вчe отказалось его поддержать. Князь Довмонт закрепился в Пскове.

А вскоре — новый поход, и снова успешный. «На зиму ходили псковичи на Литву с князем Довмонтом». В 1267 году вместе с псковичами пошли на Литву и новгородцы, разорили пограничные области. Литовские князья не только не сумели защитить свои владения, но даже не решились организовать погоню. По словам летописца, «ходили новгородцы с Елиферием Сбыславичем и псковичи с Довмонтом на Литву и много повоевали и приехали все здоровы». Таких успешных и бескровных походов давно не помнили на порубежье. Присмирели устрашенные литовские князья, на многие годы прекратились литовские набеги на псковские земли. Но оставался другой, еще более опасный враг — рыцари-крестоносцы. Вскоре князю Довмонту довелось скрестить меч и с ними...

Снова обострилась обстановка на северо-западной границе. Датские рыцари, засевшие в приморских городах Колывани и Раковоре, препятствовали новгородской торговле. Зашевелились и немцы. Новгородское посольство отправилось к великому князю Ярославу — звать на помощь «низовские полки». Возглавить войско должен был Дмитрий Переяславский, старший сын Александра Невского, молодой, но уже прославившийся в битвах с немцами князь. Зимой 1268 года в Новгороде собрались «низовские полки». Пришли переяславцы с князем Дмитрием, владимирцы князя Святослава, старшего сына великого князя, тверичи князя Михаила, сузальцы князя Юрия, полки из Смоленска и Полоцка. Спешно собиралось новгородское городское ополчение, которым командовали посадник Михаил Федорович и тысяцкий Кондрат. Подходили отряды ладожан и ижорцев. Подоспел со своими псковскими дружинами и князь Довмонт. Никогда еще не собиралось в Новгороде такое большое войско, по данным немецких летописей, его численность превышала тридцать тысяч человек!

Немцы прислали пышное посольство, в котором были доверенные люди и от ливонского магистра, и от рижан, и от юрьевцев, и от мариенбургцев, и от других городов немецкой земли. Послы предложили заключить мир, обязались не помогать колыванцам и раковорцам, «людям датского короля». Новгородцев это вполне устраивало: главная цель похода — датские рыцари, отколоть от них немцев было очень важно. Мир подписали. К ливонскому магистру отправился новгородец Лазарь Моисеевич — привести «к кресту» рыцарей, «божьих дворян», в Ригу

с той же целью послали «доброго мужа» Семена. Как только послы возвратились, было объявлено о походе на Раковор. 23 января 1268 года войско выступило из Новгорода. Вместе с обозами двигались осадные орудия, которые изготовил «порочный мастер» Тогал.

Сначала полки шли медленно, с остановками, до порубежной реки Наровы добирались три недели — воеводы давали отдых людям, пока еще была своя земля. Границу перешли без боев, здесь не оказалось ни укреплений, ни датских сторожевых застав. Рыцари не решились выйти в поле, спрятались за городскими стенами. 17 февраля вдали показались зубчатые стены и башни Раковора. Войско остановилось на берегу реки Кеголи, верстах в трех от города, и заночевало. До цели похода оставалось совсем немного.

Но утром 18 февраля к реке Кеголе неожиданно подошла немецкая рыцарская рать. Громоздкая немецкая «свинья», зловеще поблескивая оружием и доспехами, преградила дорогу. Вероломный магистр нарушил им же самим предложенный мир.

Русские полки принимали привычный боевой порядок: пешее «чело», где становилось новгородское ополчение, справа и слева от него — крылья конных княжеских дружин. Так выстраивал полки перед Ледовым побоищем Александр Невский, такой боевой порядок был хорошо известен его преемникам, князьям и воеводам. Но знали о нем и немцы и, конечно, что-то приготовили в противовес. Тогда князь Дмитрий Переяславский, предводитель русского войска, применил новинку. На левом крыле он поставил сравнительно немногочисленную дружину тверского князя Михаила, а остальные конные полки сосредоточил на правом крыле, чтобы удар отсюда был неожиданно сильным. Здесь встал он сам с отборной переяславской конницей, здесь же был и князь Довмонт с псковичами.

Начало боя повторило, на первый взгляд, знаменитое Ледовое побоище. С оглушительным лязгом оружия и воинственными криками врезалась в новгородский пеший строй немецкая железная «свинья». Пятились новгородцы под страшным напором, но продолжали сражаться. Потери были тяжелы, но клин рыцарского войска так и не сумел пробить «чело». Стройные ряды рыцарей рассыпались, теперь каждый сражался поодиночке. Рослые всадники в рыцарских доспехах, мерно поднимая и опуская

длинные мечи, плыли над головами пеших новгородских воинов, как черные варяжские ладьи над бурными волнами. И, как ладьи, тонули в волнах новгородского ополчения. Новгородцы вырывали рыцарей из седла железными крючьями на длинных древках... Чтобы помочь новгородской пехоте, с левого крыла ударила тверская дружина князя Михаила. Это не было неожиданностью для немцев, резервные отряды рыцарей выехали на встречу и задержали ее. В схватку на фланге втягивались все новые и новые отряды рыцарей. И тогда с другого фланга ударила отборная русская конница: Переяславцы, псковичи, владимирцы. Удар был неожиданно сильным, рыцари начали отступать. Часть из них поскакала к недалекому лесу, но большинство устремилось к Раковору, чтобы спрятаться за крепостными стенами. Их неотступно преследовала дружиная конница. Дорога отступления вдоль реки Кеголи превратилась в дорогу смерти. «Негде коням ступить в трупах немецких», — вспоминает летописец.

От полного разгрома рыцарей спасло приближение еще одной немецкой рати. Преследование пришлось остановить и строиться для нового боя.

Но немцы не решились напасть. Поле битвы, залитое кровью, покрытое множеством трупов в рыцарских доспехах и плащах кнектов,казалось таким страшным, что они остановились на другом краю поля иостояли до темноты. Ночью рыцари тихо ушли. Переяславские дозоры не обнаружили их ни за два, ни за четыре, ни за шесть часов пути. Это была победа...

Три дня простояло русское войско «на костях», отдавая после страшной сечи и хороня павших. Особенно тяжелыми были потери в новгородском пешем ополчении, остановившем натиск рыцарской железной «свины». Среди убитых опознали новгородских бояр Твердислава Черного, Микифора Редитина, Твердислава Моисеевича, Михаила Кривцова, Ивача, Бориса Ильдитинича, брата его Лазаря, Ратшу, Василия Воиборзова, Осипа, Жирослава Дорогомиловича, Парамона, Полюда и иных многих. Убит был и посадник Михаил Федорович, сражавшийся в воинском строю. Не нашли среди павших тысячи Кондрата, Радислава Болдыжевича, Данилу Мозничу, «порочного мастера» Тогала — не то немцы, отступая, уволокли с собой, не то снегом засыпало где-нибудь в овражке. Многое полегло и псковичей; князь Довмонт

не щадил ни себя, ни своих воинов. Зато и честь взял немалую, имя его ратники называли рядом с именем предводителя войска, славного витязя князя Дмитрия.

Возвратилось в Новгород русское войско, разошлись по своим городам «низовские полки», а князь Довмонт продолжал войну. Его конные дружины прошли по всей земле Вирумаа, до самого моря, сокрушая рыцарские замки, наводя страх на датчан. Автор «Повести о князе Довмонте» писал: «Князь Довмонт прошел горы непроходимые и вириян пленил до моря, и повоевал Поморье, и возвратился в Псков, наполнив землю свою множеством полона».

И позже князь Довмонт участвовал в защите новгородских земель. Но и новгородцы не оставляли Псков в беде. В 1269 году «пришли немцы в силе великой под Псков». Приступ князь Довмонт отбил, но для того, чтобы отогнать рыцарей от города, сил у него не оказалось. Десять дней осаждало рыцарское войско город. На помощь Пскову поспешили новгородцы. На конях и в быстрых ладьях-насадах они двинулись против врага. Осада была снята. Как сообщает новгородский летописец, «немцы увидели новгородский полк, побежали за реку. Новгородцы же приехали в Псков и взяли мир через реку по всей воле новгородской». Но это, пожалуй, единственный случай, когда Псков пришлось выручать из беды. Обычно князь Довмонт справлялся сам.

Впрочем, немцы побаивались нападать на город, ограничиваясь набегами на пограничные псковские земли. Но и тут их настигала заслуженная кара. Например, в 1271 году, по сообщению псковского летописца, «остаток собравши поганые Латины, и пришедшее тайно, взяша украины неколико псковских сел, и возвратиша вскоре». Князь Довмонт, «не стерпя обиды», немедленно бросился в погоню. На пяти насадах у него было всего шестьдесят «мужей пскович», а немцев оказалось восемьсот. На реке Мироповне псковичи нагнали врага и разбили наголову. Много немцев погибло в бою, еще больше утонуло в реке во время бегства. Только два немецких насада успели переплыть на остров, покрытый густыми зарослями. Казалось, беглецы спаслись. Но князь Довмонт приказал поджечь сухую траву: «Князь же Довмонт, ехав, повеле зажеши остров, и егда начаша погании бегати, палима траве, всполеша огнем и власи на них и порты, и тако победи их апреля 23-го».

В следующем, 1272 году ливонский магистр организовал большой поход на Псков, и снова потерпел поражение, хотя силы, собранные им, были весьма значительными. По словам летописца, он «совокупи много вои свои и ополчився в силе тяжце», «прииде ко Пскову, ови на конех, инии в кораблях и в лодьях, и с пороки, хотя пленити». Речь, таким образом, шла не о набеге, а о попытке взять Псков. Князь Довмонт не стал отсиживаться за крепостными стенами и ждать помощи из Новгорода. Врага разбили в «прямом бою». Летописный рассказ хорошо передает напряженную картину боя, решительность предводителя псковского войска: «Довмонт же в множестве ярости мужества своего, не дождав полков новгородских, с малою дружиною с мужи псковичи, выехав, изби полки их, а самого мастера (магистра — В. К.) раниша по лицу. Они же трупиа своя многы учаны накладше, отвозоша в землю свою, а прочии остаток их устремиша на бег, месяца июня 18 день» (по другим сведениям — 8 июня).

Поспешно отступив от города, рыцари продолжали нападать на пограничные земли, «начаша Латина насилие псковичам деяти нападением и граблением». Довмонт не только отогнал насильников, но и перенес войну на их собственную территорию. Он «еха с мужами своими псковичи, и плени землю их и села чудские пожже, и полона много приведоша в землю свою».

После этого похода записи о немецких нападениях на Псковскую землю исчезают из русских летописей более чем на четверть века!

Да и о самом князе Довмонте Псковском будто забыли летописцы. Это молчание красноречивее многих слов. Оно означает, что немецкие железноголовые рати, устрашенные мечом Довмента, на время оставили в покое псковские рубежи. А в усобицах князей Довмонт участия не принимал, хотя многие князья-соперники хотели бы привлечь на свою сторону прославленного воителя.

Время для Руси настало мятежное, боролись сильные правители за великое княжение Владимирское, а вместе со столичным градом Владимиром — за власть над остальными князьями. Сменяли друг друга Ярославичи — Ярослав Тверской и Василий Костромской. Потом Александровичи наверх поднялись — Дмитрий, старший сын Невского, стал великим князем. Но шел на него средний Александрович — князь Андрей Городецкий, и заполыхала

усобица на Руси. Князь Андрей перекупил в Орде, у нового ордынского хана Тудаменгу, «ярлык» на великое княжение Владимирское, и ханы Кавгадый и Алчедай повели на Русь конные татарские тумены — сажать Андрея на велиокняжеский «стол». Было это в 1281 году. Страшная беда обрушилась на Русь. По словам летописца, «татарове разсыпашася по всей земле, ищуще великого князя Дмитрия Александровича, и опустошиша вся около Мурома, около Владимира, около Юрьева, около Суздаля, около Переяславля, около Ростова, около Твери, и до Торжку, и дале, близ Новагорода, гнашася за великим князем Дмитрием Александровичем». Схватить Дмитрия им не удалось, он вместе с семьей и боярами заблаговременно отъехал в свою крепость Копорье, где хранилась и его казна. Там Дмитрий хотел переждать ордынское нашествие, накопить силы. Надеялся бывший великий князь и на помочь новгородцев, с которыми вместе столько раз сражался против рыцарских ратей. Но новгородские бояре предали князя, перехватили его в пути, потребовали передать новгородским наместникам Копорье. «В заклад» они взяли двух дочерей князя Дмитрия, его ближних бояр с женами и детьми. В Копорье стал новгородский гарнизон, там осталась княжеская казна, содержались под арестом его бояре и слуги; других людей Дмитрия содержали под стражей в Ладоге. Обессиленный, покинутый всеми, Дмитрий Александрович «иде за море».

И вот тут-то в первый и единственный раз в усобице включился князь Довмонт Псковский, причем на стороне слабейшего. То ли былое боевое братство сыграло роль, то ли родство (Довмонт был зятем Дмитрия Александровича), то ли увидел псковский князь в изгнаннике единственного правителя, способного защитить мечом Русь от многочисленных врагов, но Довмонт Псковский стремительным ударом взял Копорье и Ладогу, освободил людей князя Дмитрия, вернул ему казну.

Скупые строчки летописи повествуют об этом дерзком рейде Довмента Псковского: «Изыде изо Пскова князь Довмонт Псковский, и взял же Копорья всю казну тестя своего, а бояр его и слуг изведе из Копорья и отоспал ко тестю своему к великому князю Дмитрию Александровичу. И шед взя Ладогу, в ней же были многи люди великого князя Дмитрия Александровича. Он же изведе их, также отосла ко тестю своему...»

Дмитрий Александрович сумел вернуть себе великое княжение. А спустя четыре года он впервые в русской истории разгромил в полевом сражении ордынское войско, вторгшееся в его владения. В исторической литературе обычно утверждается, что «первое правильное сражение» с монголо-татарами завоевателями, выигранное русскими, произошло только в 1378 году на реке Воже в Рязанской земле. На самом деле это случилось значительно раньше. Летописец сообщал в 1285 году: «Князь Андрей Александрович Городецкий привел царевича из Орды на старейшего своего брата, великого князя Дмитрия Александровича», татары были «в розгонех семо и тамо», но великий князь, «собрався со многою ратью и иде на них, и побеже царевич во Орду».

Не оставил Довмонт Псковский в беде своего старого боевого товарища и в 1293 году, когда на Русь обрушилась «Дюденева рать» и Дмитрий Александрович опять вынужден был покинуть стольный Владимир. Он принял великого князя в Пскове, «прияша с честью», как добавил псковский летописец. Не побоялся Довмонт ни ханского гнева, ни обиды нового великого князя Андрея...

1299 год, последний год жизни Довмонта Псковского и последние его подвиги во славу земли Русской.

Весенней темной ночью, в канун дня Герасима-гравчника (4 марта)¹ немцы незаметно подкрались к городу («безвестно», как напишет потом летописец). Коротконогие убийцы-кнехты переползли через частокол, ограждавший псковский посад, и тихими ватагами разошлись по спящим улицам. Посадских сторожей они вырезали тонкими, как шило, «ножами-убивцами». Крались к детинцу, словно ночные разбойники.

Первыми почуяли опасность знаменитые кромские псы, недремные стражи Пскова: ощетинились, заскутили, просовывая лобастые головы в щели бойниц.

Чужие на посаде!

Взревела, будя стражников, труба на Смердьей башне. Набатным звоном откликнулся большой колокол Троицкого собора. Псковичи вооружались и бежали к стенам. На башню поднялись князь Довмонт и воеводы. Предстояло принять трудное решение. На улицах посада гибли люди — свои, псковские. Но как им помочь?

¹ Здесь и далее даты в скобках даются по старому стилю.

Существовал суровый закон обороны городов: если враг под стенами, нельзя открывать ворота, потому что главное все-таки детинец, а не посад. Лучше пожертвовать посадом, чем рисковать городом. Нет прощенья воеводе, который впустил врага в город, сердобольно желая спасти людей с посада. Большой кровью может обернуться такая сердобольность.

Но князь Довмонт решился, он был уверен в себе и в своих воинах. Из раскрытых ворот вылетела дружинная конница, скрылась в посадских улицах, освещенных пожарами.

Страшен бой в тесноте, между глухими частоколами, на шатких мостиках через ручьи и канавы, в туниках и во дворах. Страшен и непонятен, потому что трудно разобрать даже, кто впереди — свои или чужие, кого рубить сплеча, не упуская мгновения, а кого брать под защиту.

Своих узнавали по белым исподним рубахам, потому что посадские люди, застигнутые врасплох, выбегали из домов без кафтанов, простоволосые, босые. Узнавали по женскому плачу и испуганным крикам детей, потому что мужики пробивались к Крому вместе с семьями. Чужих отличали по отблескам пламени на круглых шлемах, по лязгу доспехов, по тому, как отшатывались они, узрев перед собой всадников с длинными копьями в руках.

Дружинники сбивали немецкие заслоны, пропускали через свои ряды беглецов, медленно пятились, ожидая, когда те втянутся в ворота. И спасли многих, хотя и погибло немало.

Может быть, Довмонт и не решился бы на вылазку, если бы городские ворота не прикрывал надежный охабень¹, где находились вооруженные воины. Они пропустили беглецов с посада и дружинников, успев захлопнуть ворота перед набегавшими из дыма кнехтами.

Надолго запомнилась псковичам эта страшная ночь: зарево пожара над зубцами Перши от пылающего посада, багровые отблески пламени на куполах Троицкого собора и зловещая темнота в Запсковье и Завеличье, отданных на поток и разорение.

¹ Охабень (захабень) — длинный узкий коридор, примыкавший с внутренней стороны крепостной стены к воротам; на другом конце его были еще одни, внутренние ворота, которые должны были остановить врага, если он ворвется в охабень через наружные ворота. Поверх охабня был настил с бойницами для лучников.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Утром свежий ветер с Псковского озера отогнал дым. За обугленными развалинами посада стояли цепи княхтов. Левее, на берегу речки Псковы, возле пригородной церкви Петра и Павла, высились большие шатры знатных рыцарей, развевались стяги с черными крестами. К стенам Пскова враг подтягивал «пороки», готовясь начать осаду. Со всех сторон тянулись к городу отряды рыцарей и пехотинцев, немцы окружали город неторопливо, обстоятельно, явно не ожидая, что псковичи осмелятся выйти в поле. Но именно так поступил опытный Довмонт.

С глухим стуком упали перекидные мосты через ров перед Великими и Смердьими воротами, густо побежала по мостам псковская пехота. Потом выехала конница и, обгоняя пешцев, устремилась по берегу речки Псковы к переполошившемуся рыцарскому стану. А от устья Псковы спешила к шатрам псковская судовая рать. Князь Довмонт и псковский тысяцкий Иван Дорогомилович руководили боем.

И не устояли рыцари перед неистовым натиском псковичей, побежали. Спасаясь от разящих копий и мечей, прыгали с кручи в реку. В клубах пыли откатывались прочь кучки рыцарей, сумевших прорваться через кольцо окружения. Княхты врассыпную бежали к речке Усохе, карабкались на известковые холмы, как черные муравьи.

Меч, обнаженный князем Довмонтом Псковским за правое дело, снова оказался победоносным!

Псковичи праздновали победу, не зная, что эта битва — лебединая песня прославленного князя. Весна набирала силы, но сам Довмонт, окруженный любовью и благодарностью горожан, медленно угасал, как будто отдал в последней битве все оставшиеся у него жизненные силы. А может, его настиг мор, неожиданно проникший в Псков, многие люди тогда умерли... Недаром записал летописец: «Был тогда в Пскове мор велими зол, тогда и князь Довмонт, мало поболев, преставился месяца мая в 20 день. Тело его положили в церкви Троицы».

А вскоре нарекли князя Довмента Псковского «святым». Не за смиление нарекли, не за молитвы и иные христианские добродетели, но только за ратную доблесть. Всю свою долгую жизнь не расставался князь Довмонт с боевым мечом, не расстался и после смерти. Автор «Сказания» специально отметил, что «бранное оружие его положили над гробом его на похвалу и утверждение граду Пскову...»

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Известный советский писатель С. П. Бородин, автор исторического романа «Дмитрий Донской», так воссоздает художественную картину решительного удара русского засадного полка на Куликовом поле:

«Мамай, глядя с холма на битву, увидел — войска его, теснившие русских к Непрядве, остановились, смешились и — в наступившей вдруг тишине — повернули обратно.

Бежала генуэзская пехота, истаивая, как волна, докатившаяся до песка; подминая все на своем пути, на нее накатилась волна неудержимых косоголов, за косогами вслед бежали, завывая, татары...

Русские, откинутые было к Непрядве, остановились и с радостным воплем вернулись преследовать побежавших татар.

Только теперь Мамай разглядел, как, разбрзыгивая тоурменские шапки, опрокидывая серые косожские панхи, из лесу вымчалась в бой свежая русская конница.

Удар был внезапен. Так завещал Чингиз. Его нанесли свежие силы по утомленному врагу. Так завещал Чингиз. И свежая конница, насыдая на плечи врага, не давая ему ни памяти, ни вздоха, погнала его прочь, уничтожая на полном ходу. Так Русь исполнила три завета Чингиза¹.

Конечно, за полтора столетия боев с ордынскими захватчиками русские воеводы превосходно изучили их тактику и особенности ведения войны, нашли противов действие внезапным фланговым ударам и ливням стрел, которыми осыпали неподвижно стоявший пеший строй татарские конные лучники; не были для них секретом и «заветы Чингиза», которым слепо поклонялись ордынские

ханы и темники¹. Но не только в этом причина победы в Куликовской битве 1380 года. На Руси выросли свои полководцы, и их военное искусство оказалось выше, чем у ордынских военачальников. Они вели справедливую освободительную войну против насильников, в которой пользовались народной поддержкой.

Первое место среди этих полководцев по праву занимает выдающийся русский полководец XIV столетия — московский князь Дмитрий Иванович, получивший после Куликовской битвы почетное прозвище Донской.

Больше двадцати лет шел князь Дмитрий Иванович к своей славной победе с того первого похода 1361 года, когда одиннадцатилетний московский князь согнал с великокняжеского «стола» своего соперника — суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Он «собрал силу многую, и пошел ратью к Владимиру, и выгнал его из Владимира, он же бежал в Суздаль, просидев на великом княжении во Владимире всего двенадцать дней». Потом были войны с другим сильным соперником — тверским князем Михаилом Александровичем, который заручился поддержкой великого литовского князя Ольгерда. Трижды, в 1368, 1370 и 1372 годах, литовцы совершали опасные походы на Москву, но белокаменные стены Московского Кремля, построенные при князе Дмитрии Ивановиче, оставались неприменимыми. Крепло и множилось в непрерывных войнах русское войско, а молодой московский князь приобретал драгоценный боевой опыт, который так поможет ему в борьбе с ордынскими ханами.

Последняя война с Тверью в 1375 году была своеобразной «генеральной репетицией» сбора общерусского войска. Именно тогда, по мнению академика Б. А. Рыбакова, впервые появились разрядные книги, в которые заносились подробные списки полков и воевод. Для похода на Тверь князь Дмитрий Иванович сумел поднять двадцать русских князей. Местом сбора войска князя Дмитрия Ивановича стала вся Русь. Тверской князь запросил мира, отказался от претензий на великое княжение и от самостоятельной внешней политики в отношениях с Ордой и Литвой.

Великий князь Дмитрий Иванович добился больших

¹ Темник — предводитель тумена (десятитысячного отряда ордынской конницы).

успехов в укреплении своей власти над Русью. Но главной его заботой всегда оставалась южная граница, откуда угрожали многочисленные ордынские тумены. Русь продолжала оставаться под властью ордынских ханов. Сбросить иноземное иго — это была важнейшая национальная задача, и великий князь взялся за ее решение.

Все пути в Орду оказались под наблюдением московских застав. В Москве теперь заблаговременно узнавали о готовящихся ордынских походах. Дмитрий Иванович перешел к тактике активной обороны от ордынцев, не ждал их под стенами своих городов, но сам выходил навстречу. Главная линия обороны проходила по реке Оке, ее называли просто «берег». Русские полки стояли на протяжении ста восьмидесяти верст, от Коломны до Калуги, преграждая путь врагу. А еще дальше, за Окой, тянулась линия засек и сторожевых разъездов.

В русских летописях сохранились сведения о трех больших походах великого князя Дмитрия Ивановича к южному рубежу. В 1373 году ордынцы нападали на Рязанское княжество, их конные разъезды рыскали в непосредственной близости от московских владений. По словам летописца, «Дмитрий Иванович собрався со всею силою своею и стоял у реки Оки на брезе». Русские полки простояли «на берегу» все лето «татар не пустиша». В 1376 году Дмитрий Иванович не ограничился обороной «берега», но сам ходил ратью за Оку, «стерегася рати татарскии». В том же году московские и нижегородские полки ходили ратью на Волжскую Болгарию. Казанцы выплатили огромный по тем временам выкуп — пять тысяч рублей, приняли в свой город русского «таможника». Впечатление от этой победы было огромным: ордынцев начали бить в их собственных владениях.

Наконец, в 1378 году русское войско встретило татар в Рязанской земле на реке Воже. Ордынский поход был предпринят большими силами. Правитель Орды Мамай, по словам летописца, «собрал воинов много и послал Бегича ратью на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую». Русские полки раньше ордынцев успели подойти к реке Воже, правому притоку Оки, и приготовились к бою. Появление русских полков так далеко в «поле» оказалось неожиданностью для ордынских военачальников, и Бегич не решился форсировать реку, «стоял много дней». Такая затяжка не устраивала князя Дмитрия, он стремился к решительному сражению. Русские пол-

ки «уступили берег», как бы приглашая ордынцев идти вперед. 11 августа, «зело при вечере», Бегич начал наконец переправу...

Боевой строй русского войска был традиционным: три полка. В центре находился большой полк самого Дмитрия Ивановича, на крыльях — полки князя Даниила Пронского и Андрея Погоцкого. Замысел сражения заключался в том, чтобы отразить силами большого полка (здесь была пехота, вооруженная длинными копьями) натиск ордынской конницы, а затем перейти в общее наступление, прижать ордынцев к реке и уничтожить.

Большой полк Дмитрия Ивановича выстоял. Передовые сотни ордынцев начали заворачивать коней, на них напирали другие конные отряды, все смешалось. Тогда вперед пошли русские полки. Ордынцы побежали к реке, многиетонули. Погибло пять ордынских «князей», в том числе и сам Бегич. Только наступившая темнота позволила остаткам ордынского воинства спастись. Утром русская конница переправилась через Вожу и захватила весь ордынский обоз. Победы добились малой кровью, были убиты только два русских воевода — Дмитрий Монастырев и Назар Данилов Кусков. Ордынцев же, по словам летописца, «кубили множество».

Решительная победа на реке Воже показала, что Русь готова к большой войне с Ордой. А такая война приближалась — правитель Орды Мамай готовился к нашествию. По свидетельству летописца, он выступил в поход «со всеми князьями ордынскими и со всею силою татарскою и половецкою», да еще по пути «многие орды присоединил к себе». В ордынском войске было много наемников: «бесермены и армяне, фрязы (генуэзцы) и черкесы, и бургасы». Особую опасность представляла тяжеловооруженная генуэзская пехота, которая могла наступать глубокой фалангой, выставив вперед длинные копья. Историки считают, что войско Мамая превосходило по численности русскую рать по меньшей мере вдвое, оно достигало трехсот тысяч человек. Кроме того, Мамай заключил союз с великим литовским князем Ягайло, который тоже двинулся с полками к русским рубежам. Неустойчивую позицию занимал рязанский князь: он начал переговоры с Мамаем о союзе и, одновременно, послал гонцов в Москву, предупреждая об ордынском нашествии. Над Русью нависла грозная опасность. Мамай не скрывал, что собирается повторить «Батыевый погром».

Однако Русь была уже не та, что при хане Батые. Заметных успехов достигло дело политического объединения, Москва стала признанным политическим и военным центром страны. Изменилось и русское войско. Его ядром был «двор» великого князя и многочисленные, хорошо вооруженные московские полки. К ним примыкали полки «подручных» князей. Была создана общерусская военная организация: не князья-вассалы, как бывало прежде, собирали рати, а велиокняжеские воеводы: сложились своеобразные военные округа, из которых приходили полки. Рати Московская, Коломенская, Звенигородская, Можайская, Переяславская, Владимирская, Юрьевская, Муромская, Мещерская, Стародубская, Суздальская, Городецкая, Нижегородская, Костромская, Углицкая, Ростовская, Ярославская, Мологская, Галицкая, Бежецкая, Белозерская, Устюжская, Новоторжская... Вся Русская земля готова была подняться по призыву великого князя Дмитрия Ивановича.

Изменилась и тактика русского войска. Вместо прежнего трехполкового строя теперь использовался шестиполковый: добавились сторожевой, передовой и засадный полки. Боевой строй стал более глубоким и гибким, чего не ожидали ордынцы. Так, выдвинутый вперед на Куликовом поле сторожевой полк не допустил до основных полков ордынских конных лучников, передовой полк сбил темп атаки ордынской конницы и дал возможность большому полку встретить ее во всеоружии, а засадный полк, ударив в решительный момент, переломил ход сражения. Победа над Мамаем ковалась задолго до Куликовской битвы — совершенствованием тактики русского войска, боевым опытом и талантом военачальников, единым руководством со стороны великого князя...

Широко известна картина художника А. П. Бубнова «Утро на Куликовом поле», ее репродукция есть даже в школьном учебнике. Князь на белом боевом коне с мечом в руке, полковые стяги, напряженное ожидание на лицах воинов, все это верно подмечено художником. Но вот вооружение русских ратников было другим. На картине — рогатины и копья, простоволосые головы, только у немногих доспехи, а меч вообще только у князя, да и стоявшие ратники толпой. Не такое войско было у великого князя Дмитрия Ивановича!

Русь переживала в XIV веке большой экономический подъем, в руках великого князя были сосредоточены зна-

чительные материальные ресурсы, которые позволяли хорошо вооружить все войско, а мастерство русских оружейников славилось далеко за пределами страны. Оружие было единообразным и хорошего качества. Это, прежде всего, длинные и крепкие копья «таранного действия» с узколистным наконечником, с массивной втулкой, прочным древком; такие копья легко пробивали кожаные татарские доспехи вместе с нашитыми на них железными и медными бляхами. Многие воины имели также короткие метательные копья-сулицы, которыми было удобно сражаться и в рукопашном бою. Оружием ближнего боя оставались боевые топоры, секиры-чеканы, палицы, кинжалы и ножи. Основным вооружением конных дружиинников являлся прямой русский меч длиной сто двадцать — сто сорок сантиметров, с колюще-рубящим клинком, а также сабли — длинные, тонкие, с сильно загнутыми к концу клинками. Саблями было удобнее сражаться против быстрых ордынских всадников. По словам летописца, русское войско выходило на бой «цветно и доспешно», многие воины имели надежное защитное вооружение. Головы русских ратников прикрывали плавно вытянутые и заостренные кверху шлемы-шишаки с металлическими наушниками и кольчужной сеткой-бармицей, которая скрывала шею. Тело предохраняла кольчуга из мелких железных колец, хотя широко была распространена и «дощаная защита» — пластинчатая или наборная броня, которая была настолько прочной, что татарские сабли и стрелы не могли пробить ее. А вместо длинных и тяжелых миндалевидных щитов (какие изображены на картине А. П. Бубнова) русские воины ограничивались небольшими круглыми щитами, очень удобными в бою. Сплошной строй одетых в доспехи воинов — такой была русская рать на Куликовом поле. Автор «Сказания о Мамаевом побоище» так описывал ее: «Доспехи русских сынов, как вода всебыстрыя, блещут, а шлемы на их головах, как роса во время ясной погоды, светятся!»

Поход Мамая начался в июне или в начале июля 1380 года. По словам летописца: «Мамай перевезяся великою реку Волгу и пришел на устье Воронежа, и тут стал со всеми силами, кочуя». Он ждал, когда на помощь ему выступит литовский великий князь Ягайло, чтобы вместе идти к Оке. Союзники рассчитывали, что их вторжение в русские земли будет неожиданным, но просчитались. Далеко в степи, возле Дона, стояла московская застава,

«крепкие сторожевые по имени Родион Жидовинов, да Андрей Попов сын Семенов, да Федор Стремен Милюк, и иных 50 человек удалых людей двора великого князя». Андрей Попов сумел бежать от татарских дозорных и 23 июля прискакал в Москву с известием о приближении огромного войска Мамая: «Идет на тебя, государь, царь Мамай со всеми силами ордынскими, а ныне на реке на Воронеже». Это была первая «прямая весть» о походе.

Князь Дмитрий Иванович немедленно разослал гонцов по городам и селам, начал «собирать воинства много и силу великую, соединяясь с князьями русскими и князьями местными». Местом сбора войска была объявлена Коломна, куда князья должны были подойти «месяца июля в 31 день».

Коломна прикрывала самый центр «берега», отсюда русское войско могло двинуться и прямо на юг, через Рязанскую землю, и на запад, если Мамай попытается обойти укрепления с этой стороны. Со столицей Коломну связывал удобный водный путь по Москве-реке.

А пока князь вел усиленную разведку. Он «послал на сторожу крепких оружейников Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василия Тупика, Якова Ислебятева и иных, и повелел им на Быстрой или на Тихой Сосне стеречь со всяким опасением и под Орду ехать языка добывать, и истину уведать Мамаева хотения». Всего в отряде разведчиков, посланных к Дону «под Орду», было, по словам летописца, семьдесят человек. Вскоре туда же послали «другую сторожу», на этот раз — тридцать три всадника. Сторожа сумели взять пленного, «языка нарочитого царева двора», от которого стало известно, что Мамай не торопится с нападением, ждет, пока подойдут литовцы князя Ягайло, и что до осени прямой опасности вторжения нет. Медлительность Мамая позволила Дмитрию Ивановичу собрать полки и захватить в свои руки стратегическую инициативу. Он решил перейти к наступательным действиям, чтобы не позволить Мамаю и Ягайло соединиться. Часть войск, как и предполагалось, сходилась в Коломну, остальные собирались в Москве.

Утром 20 августа русское войско выступило из Москвы. Воинов было так много, что они пошли сразу по трем дорогам («того ради не пошли одною дорогою, что невозможно было им вместиться»). К Коломне полки подошли 24 августа, преодолев за три дневных перехода более ста километров. Здесь, на просторном Девичьем поле, был

устроен смотр всему воинству. Автор «Сказания о Мамаевом побоище» торжественно повествует: «В воскресенье после заутрени начали в ратные трубы трубить и в органы многие бить, знамена многие распростерты у сада Панфилова. Русские сыны заполнили поля коломенские, так что никому невозможно обозреть их очами от множества их войска. Князь же великий Дмитрий Иванович, выехав с братом своим с князем Владимиром Андреевичем, увидел множество собранного войска и возрадовался радостью великою». Летописец добавил, что «от начала мира не бывала такова сила русских князей». Здесь же, на Девичьем поле, были произведены назначения воевод. Засадный полк, которому отводилась особая роль в битве, возглавили двоюродный брат великого князя Владимир Андреевич Серпуховский, воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынец, Роман Михайлович Брянский, Василий Михайлович Кашинский. Всего, по свидетельствам летописцев, в войске Дмитрия Ивановича состояло двадцать три русских князя, не считая многочисленных воевод. По подсчетам историков, это составляло не менее двух третей всех возможных военных сил Руси. Пришел к князю со своим полоцким воинством и один из литовских князей Ольгердовичей — Андрей. И правы были летописцы, когда писали, что на войну вышла «вся сила русская», «сыны крестьянские от мала до велика».

Итак, русское войско своевременно собралось в стратегически важном пункте. Предстояло решить, как двигаться дальше. По прямой от Коломны до Куликова поля, куда подходил Мамай, примерно сто пятьдесят километров и дорогу эту хорошо знали русские воеводы, по ней только что ходили и благополучно вернулись «сторожи крепкие». Но путь лежал бы по рязанским владениям. Рязанский князь Олег занимал колеблющуюся позицию, вторжение в его земли могло подтолкнуть к прямому союзу с Мамаем, и великий князь московский решил обойти Рязанское княжество с запада. Одновременно этот маневр отрезал Мамая от литовской помощи. Русское войско двинулось от Коломны вдоль берега реки Оки, к устью Лопасни. Сюда пришли из Москвы «все вои остаточные» во главе с московским тысяцким Тимофеем Васильевичем Вельяминовым — большой полк, которому предстояло остановить первый, самый опасный ордынский натиск.

В конце августа русские полки «начали возити-

ся за Оку». Воинов было так много, что переправа заняла не один день. Первым «перебрёлся с двором своим» великий князь Дмитрий Иванович.

Стратегическая обстановка была следующей. Конные тумены Мамая кочевали возле Дона. Туда же медленно двигались литовские полки Ягайло, они были где-то возле города Одоева, от которого до Куликова поля примерно сто пятнадцать километров. Дмитрию Ивановичу от Оки до Куликова поля предстояло пройти около ста двадцати пяти километров. Нужно было спешить, чтобы разгромить Мамая до подхода его союзника. Начался стремительный рейд русского войска на юг. Вперед князь Дмитрий снова «отпустил третью стражу избранных витязей, чтобы встретиться с татарами сторожевыми в степи: Семена Мелика, да Игнатия Креня, да Фому Тынину, да Петра Горского, да Карпа Олексина, Петрушу Чурикова и иных бывалых людей 90 человек». Им было велено «своими очами увидеться с татарами полками».

4 или 5 сентября русские полки пришли «на место, называемое Березуй, за тридцать три версты от Дона». Сюда же прибыли «двою из сторожевых» — Петр Горский и Карп Олексин, и привели знатного пленника. Тот пленник поведал: «Уже царь на Кузьмине гати стоит, но не спешит, ожидает Ягайло Литовского и Олега Рязанского, а о твоем войске царь не знает, не ждет и встречи с тобой, а после трех дней будет он на Дону». Русское войско получило время подготовиться и выбрать место для решительного сражения. Таким местом оказалось Куликово поле.

Утром 6 сентября передовые русские полки вышли к Дону неподалеку от устья реки Непрядвы. Полчища Мамая отделял от этого места лишь один дневной переход, на следующий день они могли быть на Куликовом поле. В деревне Черново собрались на совет русские князья и воеводы, соратники князя Дмитрия Ивановича. Было решено идти за Дон и искать победы в «прямом бою». В тот же день через Дон переправился сторожевой полк, на следующий день по нескольким мостам — остальные полки. Общая переправа началась утром 7 сентября и продолжалась до темноты. Место переправы известно: в одном-двух километрах от устья Непрядвы, близ современной деревни Татинки, Куркинского района. Затем великий князь приказал разрушить мосты: отступать он не собирался...

Выбор места для решительного сражения подтвердил военный талант великого князя. Куликово поле было с трех

Поход русской рати к Дону (1380)

сторон ограждено реками. С запада и северо-запада оно примыкало к Непрядве, с севера — к самому Дону, с востока и северо-востока — к речке Рыхотке. Мамай имел возможность наступать только с юга, со стороны Красного Холма, на небольшом пространстве шириной в четырнадцать километров. Это пространство русские полки закрывали сплошным сомкнутым строем. Ордынцы, таким образом, были поставлены перед необходимостью прямого, фронтального удара: обойти русское войско с флангов, то есть применить свой излюбленный маневр, они не могли. Великий князь Дмитрий Иванович вынуждал Мамая принять бой в невыгодных для ордынцев условиях.

Русские полки вышли на Куликово поле раньше, чем подоспели первые конные тысячи Мамая, и уже вечером 7 сентября успели принять боевой порядок. Так они и простояли всю ночь в боевом строю. Это было очень важно, потому что утром на Куликово поле опустился густой туман, он помешал бы правильно разместить полки.

Всего в русском боевом строю было пять линий. Впереди, на значительном удалении от остального войска, встал сторожевой полк под командованием князя Семена Обо-

ленского и Ивана Тарусского. Он состоял из легкой конницы и должен был связать боем и отогнать ордынских конных лучников, не допустив их до большого полка.

Далее выстроился передовой полк, состоявший, в основном, из пешцев. Ему предстояло принять первый удар ордынской конницы, задержать и ослабить его, а потом в дело вступят главные силы русского войска: большой полк и стоявшие в одном ряду с ним полки правой и левой руки.

Позади большого полка был поставлен резерв, который мог оказать помощь главным силам.

Наконец, за полком левой руки, в примыкавшей к Куликову полю Зеленой дубраве, укрылся засадный полк князя Владимира Андреевича и воеводы Дмитрия Боброка-Волынца. Он предназначался для внезапного удара по прорвавшемуся противнику.

Перед утром великий князь Дмитрий Иванович объехал полки, призывая их на подвиг: «Братья, князья и воеводы, и молодые люди от мала и до велика! Уже, братья, сегодня день уходит, а ночь приближается, бодрствуйте и мужайте каждый из вас, уже ведь гости наши близко от нас, на реке на Непрядве, утром ведь, братья, все будем от них пить чашу общую, чашу смертную, за землю святорусскую! Да будет мир с вами, братья мои, потому что спешат татары!»

Действительно, из темноты, оттуда, откуда надвигалось ордынское воинство, слышался «стук великий и клич», а в русском стане царила «тихость великая». Каждый понимал, что утром — бой...

Утро Куликовской битвы описано автором «Сказания о Мамаевом побоище»: «Настал 8 день месяца сентября. На рассвете в пятницу, на восходе солнца, была мгла как дым. И начали знамена простираясь, ратные трубы трубить. Уже русские кони оживились от трубного зова, каждый воин под своим знаменем. Радостно видеть стройные полки, расставленные крепким воеводой Дмитрием Боброком-Волынцем. Когда же настал седьмой час утра, начали с обеих сторон в трубы трубить, и слились голоса трубные в единый голос, слышать страшно. Полки же русские и татарские еще друг друга не видят, потому что утром мглистое как дым, но земля грозно стонет. Обширное поле Куликово перегибается, реки выступили из своих берегов, потому что никогда не было столько людей на том месте...»

Великий князь еще раз объехал полки, вернулся в боль-

шой полк, где возле великокняжеского знамени собрались князья и воеводы. Он сошел с белого коня, снял пышное княжеское одеяние и приказал принести себе доспехи простого дружины. Тут он объявил, что будет сражаться в боевом строю, на «первом сступе», как простой воин. Его пробовали отговаривать: «Не подобает тебе, государю Русской земли и великому князю, самому биться в полках. Тебе, государю, подобает под знаменем стоять!» Но Дмитрий остался непреклонен: «Хочу с вами общую смертную чашу испить и тою же смертью умереть. Если же умру, то с вами, если спасусь, то с вами!» В одежду и доспехи великого князя переоделся постельничий Михаил Бренк, и великий князь «черное знамя велел оруженосцу своему возить над ним». Сам же Дмитрий Иванович растворился в рядах простых воинов.

По-разному оценивали военные историки это решение великого князя. Некоторые считали, что таким образом он потерял управление боем. Навряд ли это справедливо. В страшной тесноте и сумятице битвы централизованное управление было практически невозможно. Вступал в дело заранее составленный план, уяснение каждым воеводой своей задачи, инициатива военачальников. Решение же князя сражаться в доспехах простого воина обеспечивало многие преимущества. Это был пример, воодушевляющий ратников. Растворившись среди войска, великий князь становился как бы бессмертным: последний сражающийся ратник мог оказаться князем. А ведь гибель предводителя войска обычно подрывала боевой дух, ордынцы старались прежде всего вывести из строя русских князей. И действительно, им удалось убить Михаила Бренка в одеянии великого князя, но паники это не вызвало. Русские воины знали, что настоящий великий князь среди них, в боевом строю.

Между тем ордынцы начали наступление. Вперед вынеслись массы конных лучников, но были отброшены сторожевым полком. Начали сближаться главные силы. «И выступила сила татарская на холм,— повествует летописец,— и пошла с холма. Также и христианская сила пошла с холма и стала на поле чистом, на месте твердом. И страшно было видеть две силы великие, съезжающиеся на скорую смерть. Татарская сила была черная, а русская сила в светлых доспехах, как река льющаяся, как море колеблющееся, и солнце светло сияло на ней, лучи испуская».

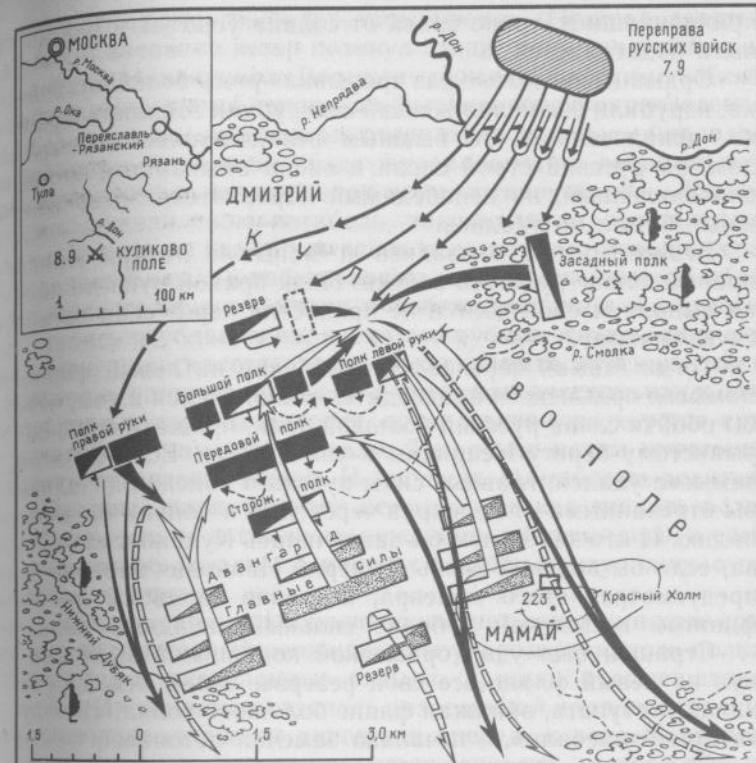
Ордынцы наступали в обычном для степняков порядке: сильные конные крылья, состоящие из отборных войск, резервные тумены позади Красного Холма, где находилась ставка Мамая. Но слишком узким оказалось Куликово поле для фланговых ударов, и Мамаю пришлось изменить план боя. Он резко усилил центр, выдвинув туда тяжелую генуэзскую пехоту. Густая фаланга генуэзов медленно двинулась на русский строй. «И гудела земля, горы и холмы тряслись от множества воинов бесчисленных», — добавлял летописец.

Однако схватке главных сил предшествовал еще один яркий эпизод — поединок русского витязя инока Александра Пересвета с ордынским богатырем Темир-мурзой. Церковники постарались придать подвигу «изящного послушника инока Пересвета» чисто религиозную окраску. Он будто бы был «вооружен схимой», отличался «святостью», и силу ему дал господь бог. На самом деле Александр Пересвет был профессиональным воином-дружииником, хотя и служил духовному феодалу, игумену Троицко-Сергиевого монастыря. Летописец специально отмечал его воинское мастерство и физическую силу: «сей Пересвет, любечанин родом, когда в миру был, славный богатырь был, величую силу и крепость имел, величеством же и широтою всех превзошел, и умел был к воинскому делу и наряду».

В этой схватке не было победителя и побежденного: поединщики «ударились крепко копьями, и копья переломились, и оба упали с коней своих на землю мертвыми, и кони их пали».

Генуэзская пехота и ордынская конница всей своей массой навалились на передовой полк, и «была брань крепкая и сеча злая». Почти все воины передового полка погибли, но врага встретил большой полк, основу которого составляли стойкие московские пешцы. Неистовый натиск ордынцев был остановлен, хотя потери большого полка оказались тяжкими. «Пролилась, как дождевая туча, кровь обоих — сыновей русских и сыновей поганых; пало бесчисленное множество трупов мертвых: много русских побито было татарами и Русью татар, падал труп на труп, и падало тело татарское на тело русское...»

Автор «Сказания о Мамаевом побоище» добавлял живописные подробности: «Крепко сражались, жестоко друг друга уничтожали, не только от оружия, но и от великой тесноты под конскими копытами умирали, потому что нель-

Условные обозначения

- Бой русского передового полка с авангардом монголо-татар
- Перемещение резерва русских войск для прикрытия левого фланга и тыла большого полка
- Преследование монголо-татар русскими войсками
- Фронтальный удар главных сил монголо-татар и прорыв левого фланга русских войск
- Внезапный удар засадного полка и разгром монголо-татар

Куликовская битва (1380)

зя было вместиться на том поле Куликовом: то место между Доном и Непрядвою было тесным. Выступили из полков кровавые зори, а в них сверкали сильные молнии от блескания мечей. И был треск великий и шум от ломающихся копий и от ударов мечей, так что нельзя было в тот горький час обозреть это грозное побоище. Уже многих убили, многие богатыри русские погибли, как деревья

приклонившись, точно трава от солнца усыхает и под ко-
пыта подстилается...»

Ордынцы несколько раз прорывали ряды большого пол-
ка, изрубили велиокняжеский стяг, убили Михаила Брен-
ка, привлеченные его пышным велиокняжеским наря-
дом, но русский строй снова и снова смыкался и стоял,
окровавленный, но непобедимый. Прорваться здесь кон-
нице Мамая не удалось.

Безуспешными оказались и попытки Мамая смять
правый фланг русского войска. Полк правой руки до кон-
ца выполнил свой долг и не пропустил через себя татар-
скую конницу.

Тогда Мамай перенес главный удар на левый фланг.
Замысел ордынского предводителя заключался в том, что-
бы обойти слева русский большой полк, прижать его к об-
рывистому берегу Непрядвы и уничтожить. Если бы этот
замысел удался, главные силы русского войска оказались
бы отрезанными от переправ через Дон и попали бы в за-
падню. И кто знает, чем бы закончилась Куликовская бит-
ва, если бы великий князь Дмитрий Иванович заранее не
предусмотрел этого маневра, поставив за своим левым
флангом в Зеленою дубраве сильный засадный полк...

Страшен был удар ордынской конницы: Мамай дви-
нулся на левый фланг все свои резервы. Полк левой руки
начал отступать, обнажая фланг большого полка. «Всюду
татары одолевали», — печально замечал летописец.

Ордынская конница прорывалась все дальше и даль-
ше, тесня большой полк к Непрядве и открывая свой тыл
удару засадного полка. Воеводы засадного полка прояви-
ли большую выдержку и тонкий анализ ситуации, они
дождались, пока в сражение с большим полком втянутся
все ордынские резервы. И только тогда — ударили!

Драматические минуты ожидания и сокрушительный
удар засадного полка в тыл татарской коннице красочно
описаны автором «Сказания о Мамаевом побоище»: «Ви-
дя такой урон русских сынов, князь Владимир Андреевич
не мог терпеть и сказал Дмитрию Волынцу: «Какая польза
в стоянии нашем, какой будет у нас успех, кому будем
пособлять? Уже наши князья и бояре, все русские сыны
жестоко погибают, как трава клонятся!» И сказал Дмит-
рий Волынец: «Беда, князь, велика, но еще не пришел наш
час». Сыны же русские в полку его горько плакали, видя
своих друзей, побиваемых погаными, непрестанно стреми-
лись они в бой. Волынец же запрещал им, говоря: «По-

дождите немного, будет ваше время». Пришел девятый
час, и внезапно ветер потянул сзади, понуждая выйти на
татар. И закричал Волынец громким голосом: «Князь
Владимир, время приспело!» Выехали из дубравы Зеленои,
точно соколы приученные оторвались от золотых колодок,
ударили на великие стада журавлиные, на великую силу
татарскую, и начали татар немилостиво убивать. Татары
же увидели свою погибель, закричали на своем языке,
говоря: «Увы нам! Русь снова перехитрила: меньшие сра-
жались с нами, а добрые воины все сохранились!» И обра-
тились татары в бегство и побежали. Сыны же русские
гнались и убивали их, точно лес рубили, точно трава под
косою подстилается под конские копыта русских сынов.
Многие раненые вставали и помогали русским удальцам,
убивая татар без милости, но не могли уже хорошо сра-
жаться, а сами изнемогали. Татарские полки опустоши-
лись от русских мечей. И побежал Мамай сам девятый,
как серый волк. Многие же сыны русские гнались вслед
Мамаю, но не догнали его: уже кони их утомились, а сами
они сильно устали... а мечи их и сабли притупились о голо-
вы татарские...»

Современник правильно описывает перелом в ходе сра-
жения, внесенный неожиданным ударом засадного полка.
Ордынцы, атакованные с тыла, пришли в замешатель-
ство. Их конница оказалась разрезанной надвое: передние
тысячи продолжали двигаться вперед, к реке Непрядве,
попытались даже переправиться через нее, но кони падали
с крутого обрыва, всадники тонули в поднявшейся воде.
Остальная конница обратилась в беспорядочное бегство
мимо Красного Холма, где стоял со своими военачальни-
ками Мамай, мимо сражавшегося еще русского большого
полка. В окружении немногочисленных телохранителей-
нукеров ускакал и сам Мамай, что еще больше увеличи-
ло панику. «Услышав это, — сообщал летописец, — все
его темные власти и князья побежали. Видя это, и прочие
иноплеменники, одержимые страхом, от мала до велика
бросились в бегство. Христиане же, видя, как татары с Ма-
маем побежали, погнались за ними, избивая и рубя без ми-
лости. И в этой погоне одни татары, пораженные оружи-
ем, пали, а другие в реке утонули. И гнали их до реки до
Мечи, и там бесчисленное множество бежавших погибло.
Княжеские же полки гнали их, избивая, до стана их и за-
хватили много богатства и все имущество их». Преследо-
вание продолжалось почти пятьдесят километров, лишь

немногие ордынцы, среди которых оказался и сам Мамай, сумели спастись.

Тяжелыми были потери и в русском войске. «Уже и день кончился, солнце заходило, затрубили во всех полках русских в трубы. Гроздно видеть и жалостно смотреть на кровопролитие русских сынов: человеческие трупы, точно великие стога, наворочены; конь не может быстро через них перескочить, а в крови по колено бродит, и реки три дня текли кровью...»

Страшные картины открывались перед великим князем, когда он объезжал поле битвы. Вот «место, на нем лежат 12 князей белозерских, убитых вместе, а близ того места лежит воевода Микула Васильевич убитый». Там, где дрался большой полк, великий князь нашел «любимца своего Михаила Андреевича Бренка, а близ него лежит Семен Мелик, твердый страж, а близ него лежит Тимофей Волуевич». Потом Дмитрий «пришел на иное место, нашел Пересвета-чернеца и близ него нарочитого богатыря Григория Капустина». Великий князь «велел трубить в ратные трубы, созывать людей» и подсчитывать потери.

Вот как повествует об этом автор «Сказания о Мамаевом побоище»: «Говорят боярин московский, именем Михаило Александрович, а был в полку у Микулы у Васильевича, умел он хорошо считать: «Нет у нас, государь, 40 бояринов московских, да 12 князей белозерских, да 13 бояринов-посадников новгородских, да 50 бояринов Новгорода Нижнего, да 40 бояринов серпуховских, да 20 бояринов Переяславских, да 35 бояринов владимирских, да 50 бояринов суздальских, да 40 бояринов муромских, да 33 бояринов ростовских, да 20 бояринов дмитровских, да 70 бояринов можайских, да 50 бояринов звенигородских, да 15 бояринов углицких, да 20 бояринов галицких. А молодым людям счета нет...» Особенно тяжелыми оказались потери в полках московских городов, они сражались стойко и сдержали главный удар воинства Мамая. Маленький Можайск потерял в битве семьдесят бояр, Звенигород — пятьдесят, Серпухов — сорок. А всего, по подсчетам военных историков, в Куликовской битве погибло двенадцать князей и четыреста восемьдесят три боярина-воеводы, что составляло примерно шестьдесят процентов всех знатных воинов. Из простых воинов уцелела едва половина — такой невероятной по упорству и самоотверженности русских «воев» была Куликовская битва! Недаром летописец заключает свой рассказ печаль-

ными словами: «Оскудела вся земля Русская воеводами и слугами и всеми воинствами...»

Тяжелы были потери, но значение победы в кровавом Мамаевом побоище велико. Победа положила начало полному освобождению Руси от ордынского ига. Мамай так и не сумел оправиться от поражения и вскоре был убит в междуусобной борьбе со своими соперниками. Легенда о непобедимости завоевателей рухнула окончательно, и Дмитрий Донской передал своему сыну великое княжение без ханского «ярлыка», как свою собственную вотчину.

Разгром полчищ Мамая сразу изменил всю военную обстановку. Литовский великий князь Ягайло, который с тридцати тысячным войском находился 8 сентября всего в тридцати километрах от Куликова поля, поспешно отступил. «Тогда Литва с Ягайло побежали назад с большою быстротою, не будучи никем гонимы», — поясняет летописец. Рязанский князь Олег тоже бежал в Литву. Все противники Дмитрия Донского были посрамлены.

Восемь дней простояло русское войско на поле битвы, «на костях», как тогда говорили. Погибших хоронили в братской могиле возле нынешнего села Монастырщина. 1 октября 1380 года войско возвратилось в Москву и было торжественно встречено горожанами.

В войне с Мамаем и в победоносной Куликовской битве великий князь Дмитрий Иванович Донской проявил себя выдающимся полководцем, военные историки неоднократно возвращались к этим событиям. Дмитрий Донской впервые в истории феодальной Руси сумел провести общерусскую мобилизацию военных сил, сосредоточил их в одном, стратегически удобном месте (в Коломне), под единным командованием. Он принял в борьбе с Ордой активный, наступательный план войны, встретив полчища Мамая далеко за пределами своей страны. Князю удалось стратегическим маневром разъединить своих основных противников, Мамая и Ягайло, и разгромить ордынцев до подхода литовской помощи. Впервые в истории русского военного искусства Дмитрий Донской разделил войско на шесть полков (вместо традиционных трех), обеспечив гибкость и большую глубину русского боевого строя на Куликовом поле. Разрушив переправы через Дон, князь впервые в мировой военной истории использовал такой тактический маневр, как прикрытие тыла своего войска рекой. Западноевропейские полководцы по-

вторили это только спустя два с половиной столетия, в период так называемой Тридцатилетней войны (1618—1648). Дмитрий Донской выделил сильный стратегический резерв (засадный полк), неожиданный удар которого решил исход битвы. Наконец, немедленно было организовано длительное преследование бегущих ордынцев, что довершило разгром противника и привело к гибели значительной части войска Мамая. Летописец отметил, что по сравнению с русскими воинами ордынцев было «четверо избитых».

Рассказ о Дмитрии Донском как о полководце не будет полным, если не упомянуть о его огромном личном мужестве и самопожертвовании. Как простой ратник, великий князь сражался на самых опасных участках боя. Сначала, по свидетельству летописца, он был в сторожевом полку, «на первом сступе», затем «отъехал в великие полки», где оставался до конца сражения. «Все доспехи его избиты и пробиты, но на теле его не было ни одной раны. А бился с татарами лицом к лицу, став впереди в первой схватке, справа и слева от него дружину его били, самого его обступили вокруг, как обильная вода по обе стороны, много ударов ударялось по голове его и по плечам и по животу, но от всех ударов бог защитил его в день битвы, и таким образом среди многих воинов он сохранен был невредимым».

После битвы среди воинов, собравшихся к полковым стягам, великого князя Дмитрия Ивановича не оказалось, и его начали искать. Князь Владимир Андреевич рассказывал «самовидцев». Об этом эпизоде подробно рассказал автор «Сказания о Мамаевом побоище»: «И сказал ему первый самовидец, Юрка-сапожник: «Я видел его на третьем часу, сражался он железной палицей». Второй самовидец Васюк Сухоборец: «Я видел его в четвертом часу, бился он крепко». Третий — Сенька Быков: «Я видел его в пятом часу, бился он крепко». Четвертый — Гриша Хрулец: «Я видел его в шестом часу, бился он крепко с четырьмя татарами». Некто по имени Степан Новосельцев сказал: «Я видел его в седьмом часу, крепко сражавшись перед самым твоим выездом из дубравы, шел он пеший с побоища, тяжко раненный. А на великого князя наезжали три татарина». Из этих рассказов видно, что Дмитрий Донской находился на поле боя в течение всего сражения, от схватки сторожевого полка с ордынскими лучниками до решающей атаки из Зеленои дубравы засадного

полка. Он сражался и уцелел: его нашли в избитых доспехах под березой, привели в чувство и посадили на коня...

Известный советский историк академик М. Н. Тихомиров так оценивал историческое значение Куликовской битвы: «В истории русского народа «Донское побоище», так называли его современники, было великим событием. Сражение на Дону сделалось символом непобедимого стремления русского народа к независимости, и ни одна русская победа над иноземными врагами, вплоть до Бородинского сражения 1812 года, не послужила темой для такого количества прозаических и поэтических произведений, как Куликовская битва»¹.

И это было действительно так. Мамаево побоище подробно описано всеми современниками-летописцами. Софоний-рязанец сложил о славной победе Дмитрия Донского поэтическую повесть «Задонщина». Для него это было торжество Руси над извечными врагами-ордынцами: «Уже ведь застонала земля татарская, бедами и горем покрылась. Принуило у царей их желание и похвальба на Русскую землю ходить, веселье их поникло. Уже ведь по Русской земле распространились веселье и отвага, и вознеслась слава русская над позором поганых. Уже брошено диво на землю. Уже грозы великого князя по всей земле текут. Уже поганые оружие свое побросали и головы склонили под мечи русские. Трубы их не трубят, приуныли голоса их!»

Верно и то, что Куликовская битва оказалась связанный в сознании русских людей с грозными событиями наполеоновского нашествия, с Отечественной войной 1812 года. Великий русский полководец М. И. Кутузов, когда готовил в Тарутинском лагере контрнаступление против Наполеона, написал в своем взволнении: «Река Нара будет для нас так же знаменита, как и Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные ополчения Мамая»². После Отечественной войны 1812 года было решено для увековечения славы русского оружия соорудить памятники-obelisks на местах сражений, причем памятники были трех разрядов — «по важности мест сражения». Для Куликова поля, так же как и для Бородина, предназначался памятник первого разряда, потому что «слава соотечественников наших, действовавших на Куликовом

¹ Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 335.

² Кутузов М. И. Сборник документов. М., 1955. Т. 4. Ч. 2. С. 651

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

поле, столь глубоко и справедливо вкоренилась в мнении народном...» Красноречивое признание!

А первым памятником павшим героям стала церковь на Куликовом поле, срубленная из могучих дубов Зеленой дубравы. До нашего времени она не сохранилась. Зато по-прежнему стоит на площади Ногина в Москве каменная церковь Всех Святых на Кулишках, заложенная самим Дмитрием Донским в память павших на Куликовом поле русских воинов. В память в с е х сразу, отсюда и название — Всех Святых...

А памятник на самом Куликовом поле был поставлен только в 1850 году, его проект разработал известный русский архитектор А. П. Брюллов. Двадцативосьмиметровый чугунный столб поднялся над Красным Холмом, надпись на нем гласила: «Победителю татар великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому — признательное потомство». Над мемориальным комплексом Куликова поля позднее работал выдающийся архитектор А. В. Щусев, по проекту которого был создан Мавзолей В. И. Ленина. Храм-памятник, похожий обликом на мощную крепость, украсил Куликово поле. В 1980 году у его стен состоялось всенародное торжество, посвященное шестисотлетию Куликовской битвы. И прозвучали над Куликовым полем строки из замечательного стихотворного цикла Александра Блока, посвященного славной победе русского оружия:

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути — горючий белый камень.
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взыграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
Говорят мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

ИВАН III

ва стремились к завоеванию Москвы, а ливонские рыцари все еще не были сокрушены.

К концу своего княжения Иван становится совершенно независимым государем; женою его делается племянница последнего императора Византии. Казань лежит у его ног, и остатки Золотой Орды стремятся к его двору. Новгород и другие народоправства приведены к повиновению. Литва ущербlena, и великий князь ее — игрушка в руках Ивана. Ливонские рыцари побеждены.

Изумленная Европа, которая в начале царствования Ивана III едва подозревала о существовании Московского государства, затиснутого между литовцами и татарами, вдруг была огорожена внезапным появлением колоссальной империи на ее восточных границах. Сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, вдруг услышал однажды высокомерную речь от московитянина¹.

Ясно, что для достижения всего этого потребовались огромные военные усилия, целая серия победоносных войн с ордынцами, ливонскими и шведскими рыцарями, литовскими и польскими феодалами, собственными удельными князьями. Большие походы великокняжеских полков и стремительные рейды конных ратей, осады и штурмы крепостей, упорные полевые сражения и скоротечные пограничные стычки — вот чем заполнены страницы русских летописей второй половины XV — начала XVI столетий. Обстановка военной тревоги была повседневным бытом, служилые люди почти не слезали с коней.

Казалось бы, правитель государства, «государь всей Руси» Иван III Васильевич должен непрерывно находиться в походах, возглавлять полки в больших сражениях, руководить осадой неприятельских городов. В действительности же так не случилось. Немецкий посол Сигизмунд Герберштейн с удивлением писал: «Лично он только раз присутствовал на войне, именно, когда подвергались захвату княжества Новгородское и Тверское; в другое время он обыкновенно никогда не бывал в сражении и все же всегда одерживал победу, так что великий Стефан, знаменитый палатин Молдавии, часто вспоминал про него на пирах, говоря, что тот, сидя дома и предаваясь сну, умножает свою державу, а он сам,

¹ По кн.: Разин Е. А. История военного искусства. М., 1957. Т. 2. С. 299—300.

Рубеж XV и XVI столетий — новая страница отечественной истории, эпоха образования могучего Российского государства.

Завершалось объединение русских земель под властью «государя всея Руси» Ивана III Васильевича, создавалось общерусское войско, которое пришло на смену княжеским дружинам и феодальным ополчениям.

Время складывания единого государства было одновременно временем формирования русской (великорусской) народности. Родло самосознание русского народа, объединенного великой исторической целью — свергнуть ненавистное ордынское иго и завоевать национальную независимость. Даже само название «Россия» появилось именно в этот период, заменив прежнее — «Русь».

Было свергнутое ордынское иго, больше двух столетий тяготевшее над русскими землями. Россия начала успешную борьбу за возвращение западнорусских земель, захваченных литовскими феодалами, нанесла серьезные удары своим извечным врагам — ливонским рыцарям-крестоносцам. Казанский хан фактически стал вассалом великого московского князя.

Россия получила международное признание как большое и сильное государство. В западноевропейской генеалогии многие авторы вообще начинали родословную русских правителей «от Иоанна III», а известный английский поэт, публицист и историк Джон Мильтон в своем трактате «История Московии» подчеркивал, что «Иван Васильевич первый прославил русское имя, до сих пор неизвестное».

Очень высоко оценил государственную и военную деятельность Ивана III Карл Маркс: «В начале своего княжения Иван III все еще был данником татар; власть его все еще оспаривалась другими удельными князьями; Новгород... господствовал на севере России; Польша, Лит-

ежедневно сражаясь, едва в состоянии защитить свои границы».

Да что чужеземец, германский посол! Не понимал этого и кое-кто из соотечественников, современников первого «государя всея Руси!»

По традиции, складывавшейся столетиями, идеалом полководца был князь-витязь, лично водивший полки в бой, как Александр Невский, или даже сражавшийся мечом в боевом строю простых ратников, «на первом ступе», подобно князю Дмитрию Донскому в Куликовской битве. Великий же князь Иван III личного участия в сражениях не принимал, часто во время войны вообще оставался в столице или в каком-нибудь другом, стратегически важном городе. Это давало повод его политическим противникам упрекать великого князя в нерешительности и даже сомневаться в его личном мужестве — к сожалению, эти упреки повторили и некоторые историки, представляя Ивана III только как государственного деятеля и искусствого дипломата.

К Ивану III нельзя подходить с мерками «удельного периода», когда князья выходили в бой со своим «двором» и дружинами «подручных князей», только своим авторитетом обеспечивая единство действий и руководство боем. На рубеже XV и XVI столетий происходило то, что известный военный историк А. Н. Кирпичников называет крутой ломкой традиционной системы вооружения и тактики боя. Сущность этой ломки заключалась в переходе от феодальных ополчений к общерусской армии.

Основу армии теперь составляли «государевы служилые люди», дворянская поместная конница, объединенная в полки под командованием велиокняжеских воевод. Все назначения тщательно фиксировались в разрядных книгах, там же указывались цели похода. Дворянская конница имела хорошее защитное вооружение («дощатые брони»), удобные для рукопашного боя сабли, даже легкое огнестрельное оружие — «ручницы».

Появились новые для средневековья военные формирования — отряды «огненных стрельцов», или «пищальников», и «наряд» (артиллерия). «Пищальники» набирались из горожан и тоже ставились под командование велиокняжеских воевод. Пехоты, вооруженной ручным огнестрельным оружием, было уже достаточно. Например, Новгород и Псков обязаны были выставлять по приказу великого князя по одной тысяче «пищальников».

Из сельского населения в пехоту набиралась «посошная рать».

Была разработана четкая система сбора ратных людей. Неизмеримо усложнилась вся военная организация. В этих условиях непосредственное ведение военных действий возлагалось на велиокняжеских воевод, которые практически воплощали стратегические и тактические планы, разработанные великим князем Иваном III и его военными советниками.

«Большим воеводам» перед походом вручался «наказ», подробная инструкция, где поименно перечислялись полковые воеводы, указывалось, где и как поставить полки, как организовать их взаимодействие, как поступить в той или иной конкретной ситуации. Вот, например, какой «наказ» был дан «угорским воеводам» (то есть воеводам, посланным с полками оборонять «берег» пограничной реки Угры от ордынцев): «...Пищальников и посошных людей князю Михаилу Ивановичу Булгакову и конюшему Ивану Андреевичу разделить по полкам, сколько где пригоже быть на берегу. А воевод им расставить по берегу, вверх по Угре и вниз по Угре, и до устья, по всем местам, где пригоже. А будет коли пригоже, посмотря по делу, отделив им воевод с людьми от себя, послать за Угрю, и им тогда велеть итти за Угрю — князю Ивану Михайловичу Воротынскому да окольничему Петру Яковлеву, да князю Федору Пронскому, да князю Андрею Курбскому, да Алешке Кашину и иным, которым пригоже, а людей с ними послать из всех полков, сколько пригоже. А посмотря по делу, будет им пригоже всем итти за Угрю с людьми, и им оставить тогда на Угре князя Тимофея Тростенского да князя Андрея Оболенского, да князя Семена Романовича Мезецкого, а людей им оставить детей боярских не по многу, и пищальников, и посошных людей...»

Казалось бы, в «наказе» все четко расписано и предусмотрено, но его составители отнюдь не сковывали самостоятельности и инициативы воевод, наоборот, непрерывно подчеркивали, что полки следуют ставить «где пригоже», поступать «посмотря по делу». Полное доверие к воеводам, поощрение самостоятельных, активных действий в рамках общего плана обороны!

Конечно, это не случайно. Русская армия эпохи образования Российской государства, национальная по составу (в армиях западноевропейских государств преобла-

дали тогда наемники-иностранные), решавшая глубоко национальные задачи по обороне Отечества от внешних врагов и по возвращению ранее захваченных соседями русских земель, выдвинула немало способных полководцев, в верности и военных способностях которых «государь всея Руси» мог быть уверен. Это делало необязательным личное присутствие Ивана III на театре военных действий. И естественно, что он выступает в первую очередь как военный руководитель огромной страны, передоверяя своим воеводам проведение отдельных операций или даже целой военной кампании. Как верховный командующий, Иван III должен был охватывать своим руководством всю страну, и часто это было удобнее делать из столицы, чем из какого-нибудь пограничного города. К тому же в связи с выходом Российского государства на мировую арену увеличилось значение дипломатической подготовки войны. Создание выгодной внешнеполитической ситуации требовало постоянных забот со стороны правителя государства, и это было порой важнее, чем непосредственное участие в военных действиях. Заботой великого князя являлось также то, что военные историки называют политическим обеспечением войны. Не следует забывать, что централизация еще только началась, в стране сохранялись остатки феодальной раздробленности, внутреннее сплочение было решающим условием победы над внешними врагами. А это внутреннее сплочение должен был обеспечить «государь всея Руси», и бывали моменты, когда чисто военные дела как бы отодвигались на второй план.

Видимо, поэтому многие историки и представляют Ивана III только выдающимся государственным деятелем и дипломатом. На самом деле он был и выдающимся военным деятелем России, который оставил заметный след в развитии военного искусства.

Сигизмунд Герберштейн ошибался, когда писал, что великий князь Иван III лично только раз присутствовал на войне — во время присоединения Новгородской земли. Но именно в этом походе 1471 года прослеживаются многие черты военного искусства Ивана III.

Поход планировался с тщательным учетом внешнеполитической ситуации. Антимосковская боярская группировка Новгорода во главе со вдовой посадника Марфой Борецкой сумела заручиться поддержкой польско-литовского короля Казимира IV, который обязался «всести

на коня за Великий Новгород, и со всею своею радою литовскою, против великого князя, и боронити Великий Новгород». Иван III выбрал момент, когда вмешательство короля казалось наименее вероятным. Резко обострились польско-венгерские отношения, которые отвлекли внимание Казимира IV от новгородских дел. В этих условиях объявить «посполитое рушение», то есть привлечь к походу польскую шляхту, было невозможно. Оппозиционное новгородское боярство оказалось в международной изоляции.

Не менее важной явилась и политическая подготовка похода, который проводился Иваном III под лозунгами борьбы против «измены», против «латинства». С самого начала великий князь постарался придать походу общерусский характер. «Князь великий разосла по всю братью свою, и по все епископы земли своея, и по князи и по бояри свои, и по воеводы и по вся воя своя; и якоже вси снidoша к нему, тогда всем возвещает мысль свою, что ити на Новгород ратию, понеже бо и всем измениша и накоежды правды обретеся в них не мало». В грамотах, посланных в Псков и Тверь, Иван III перечислил «вины» новгородцев: «Отчина моя Новгород Великий отступают от мене за короля, а архиепископа свою поставит им у его митрополита Григория латынина суща». Перед выступлением из Москвы Иван III «прием благословение от митрополита Филиппа и от всего святейшего собора». Все эти шаги способствовали сплочению войска, оправдывали в глазах народных масс военную акцию против Новгорода, обеспечивали прочный тыл.

Сам поход был тщательно спланирован. Стратегическая идея Ивана III заключалась в том, чтобы охватить ратями Новгород с запада и востока, перекрыть все пути, ведущие в Литву, и отрезать город от его восточных владений, откуда могла подойти помощь. Осуществление этого плана поручалось воеводам, которые должны были действовать самостоятельно, на значительном удалении друг от друга. Сам великий князь намеревался выступить с главными силами в благоприятный момент, когда воеводы по сходящимся направлениям будут приближаться с разных сторон к Новгороду.

Начало военных действий тщательно скоординировали по времени. Раньше других, в конце мая, нача-

ла «воевать» восточные окраины Новгородской земли та рать, которой предстояло совершить самый дальний поход. В июне из Москвы выступила вторая рать во главе с воеводами Холмским и Пестрым-Стародубским. Она должна была подойти к реке Шелони, соединиться там с псковскими полками и вместе наступать на Новгород с запада. Третья рать под командованием князя Оболенского-Стриги вышла на Вышний Волочек, чтобы дальше идти на Новгород вдоль реки Мсты с востока. Главные силы во главе с самим великим князем начали поход 20 июня и медленно двигались через Тверь и Торжок к озеру Ильмень.

Приближение велиокняжеских полков с разных направлений вынудило новгородских военачальников раздробить свои силы. Двенадцатысячное новгородское войско поспешило на восток, для обороны Заволочья. Отборная «кованая рать» вышла к реке Шелони, против полков князя Холмского, туда же поплыла по озеру Ильмень новгородская «судовая рать». Для новгородцев это были вынужденные решения: по словам летописца, московские воеводы шли на город «разными дорогами со всех рубежей». Стратегический замысел Ивана III, направленный на разъединение сил противника, начал приносить плоды.

14 июля князь Холмский разгромил новгородскую рать на реке Шелони, прямой путь на Новгород был открыт. Новгородскую рать, посланную на восток, полки Василия Образца разбили на Северной Двине. Оборонять город новгородским властям оказалось нечем. Главные силы велиокняжеского войска еще не развернули военные действия, а исход кампании был уже предрешен. Из Новгорода приехали послы просить мира «по всей воле» великого князя. Сам Иван III, по словам летописца, «не поиде к Новугороду и возвратися с усть Шелони с честию и победою великою»...

Отличительной особенностью великого князя было то, что он никогда не искал решения внешнеполитических задач, стоявших перед Российской государством, чисто военными средствами. Военные усилия сочетались с активной дипломатической деятельностью, с поисками политических решений, и в умелых комбинациях военных и дипломатических средств первые далеко не всегда оказывались главными.

Так, на западной границе во взаимоотношениях с Поль-

ско-Литовским государством и Ливонским орденом великий князь старался действовать прежде всего дипломатическими средствами, подкрепляя их, в случае необходимости, кратковременными военными акциями. Иное — на южной границе. Обеспечить ее безопасность от Большой Орды, а тем более добиться окончательного освобождения от ордынского ига можно было только военными средствами, дипломатия должна только обеспечивать наиболее благоприятные условия для решительного удара. И в этом случае «государь всея Руси», вопреки сложившемуся мнению, сам руководит военными действиями...

1470 год. В ожидании возможного нападения хана Большой Орды Ахмед-хана (летописцы именуют его Ахматом) Иван III стоит с войском в Коломне, на берегу реки Оки — главном рубеже обороны южной границы.

1472 год. К реке Оке посланы воеводы «со многими силами». Были проведены весьма значительные оборонительные мероприятия. По свидетельству летописца, вдоль берега Оки стояли «на полуторастах верстах 100 и 80 тысячи князя великого силы». 30 июля после получения «прямых вестей» Иван III сам «поиде вборзе к Коломне». Прямой путь к Москве надежно прикрыт, и Ахмед-хан вынужден повернуть на запад, пытаясь обойти главные силы русского войска.

Сражение с ордынцами в 1472 году под Алексином — один из героических эпизодов нашей военной истории. Казалось, Алексин — небольшой городок на высоком правом берегу Оки (то есть даже не прикрытый водной преградой от нападения со стороны степи!) — не мог оказать серьезного сопротивления многотысячной орде хана. По словам летописца, «в нем людей мало бяше, ни пристроя городского не было, ни пушек, ни пищалей, ни самострелов». Однако первый приступ ордынцев горожане отбили. На следующий день ордынцы «пакы приступи к граду с многими силами, и тако огнем запалиша его, и что в нем людей быша, все изгореша, а которые выбегоша от огня, тех изнимаша».

Жертвы героических защитников Алексина не были напрасными, они выиграли у противника главное — время. Пока ордынцы штурмовали деревянные стены города, противоположный, еще не занятый ими берег Оки перестал быть безлюдным местом, как накануне. Прикрывая броды через Оку, там встали воеводы Петр Федорович

и Семен Беклемишев. Правда, пока они были «с зело малыми людьми», но на помощь спешили другие велико-княжеские полки. По словам летописца, ордынцы «поидоша в борзее на берег к Оце с многою силою и ринушиася вси в реку, хотя перелезти на нашу сторону, понеже бо в том месте рати не было, но толико стоял туто Петр Федорович да Семен Беклемишов с малыми зело людьми. Они же начаша с ними стрелятися и много бишаася с ними, уже и стрел мало бяше у них, и бежати помышляху, а в то время приспе к ним князь Василеи Михайлович с полком своим, и по сем придоша полци княже Юрьевы Васильевича, в то же час за ними и сам князь Юрий прииде, и тако начаша одолети христиане. Полци великого князя и всех князе придоша к берегу, и бысть многое множество их. И се и сам царь (Ахмед-хан) прииде на берег и видев многие полки великого князя, аки море колеблющи, доспеси же на них бяху чисты велми, яко сребро блестающи, и вооружени зело, и начат от брега отступати по малу, в ноши той страх и трепет нападе на нь, и побеже...»

Быстрый маневр русского войска и сосредоточение значительных сил на переправах через реку под Алексином оказались неожиданными для ордынцев и решили исход войны. Обращает на себя внимание тот факт, что русские полки появились здесь через день после первого приступа ордынцев к Алексину, хотя главные силы великокняжеского войска первоначально стояли достаточно далеко: по берегу Оки от Коломны до Серпухова. Видимо, продвижение ордынцев к Алексину постоянно фиксировалось русскими разведчиками, и воеводы двигались вдоль другого берега Оки параллельно ордынцам, чтобы прикрыть любое удобное для переправы место. Такое согласованное движение многочисленного войска невозможно без умелого общего руководства находившихся в Коломне великого князя Ивана III и его военных советников. Кстати, сам Иван III возвратился в Москву только «месяца августа в 23 день».

Военное поражение Ахмед-хана в 1472 году (то, что это было именно поражение, несмотря на отсутствие генерального сражения, не вызывает сомнений: ни одна из целей ханского похода не была достигнута, ордынцы понесли значительные потери и поспешно отступили!) имело далеко идущие последствия. Политический авторитет хана значительно упал, его

власть над Россией становилась чисто номинальной. Вскоре Иван III вообще отказался от уплаты ордынской дани. Только путем большой войны, причем обязательно с решительным исходом, Ахмед-хан мог надеяться на восстановление своей власти над непокорными русскими землями. Военное столкновение Орды и России стало неизбежным. Обе стороны готовились к войне, искали союзников.

Ордынцы сумели договориться о совместном выступлении против России с королем Казимиром IV, заручились поддержкой Ливонского ордена. С осени 1479 года ливонские войска начали стягиваться к русской границе, причем, по свидетельству ливонского летописца, магистр ордена фон дер Борх «собрал такую силу против русского народа, какой никогда не собирал ни один магистр ни до него, ни после». В 1480 году, когда Ахмед-хан двинулся на Россию, ливонцы неоднократно нападали на псковские земли, отвлекая часть русских полков от обороны южной границы. По оценке советского историка К. В. Базилевича, автора известного труда о внешней политике России во второй половине XV века, осенью 1480 года Иван III стоял перед оформленной или неоформленной коалицией врагов: Ордена, действовавшего в союзе с немецкими городами в Лифляндии и Эстляндии (Рига, Ревель, Дерпт), короля Казимира IV, имевшего возможность располагать польско-литовскими силами, и Ахмед-хана, поднявшегося со своей Большой Ордой.

Этой коалиции великий князь Иван III мог противопоставить только союз с крымским ханом Менги-Гиреем, используя противоречия между Крымом и Большой Ордой. После многолетних и трудных переговоров союзный договор был подписан в самый канун нашествия. Крымский хан обязывался: «А пойдет на тебя Ахмат царь, и мне, Менли-Гирею царю, на Ахмата царя пойти или брата своего отпустить с своими людьми. Также и на короля, на вончего нашего недруга, быти нам с тобою заодин». Это был большой успех русской дипломатии, но, как показали дальнейшие события, военное значение союза с Крымом было ничтожным. России пришлось отражать ордынское нашествие собственными силами.

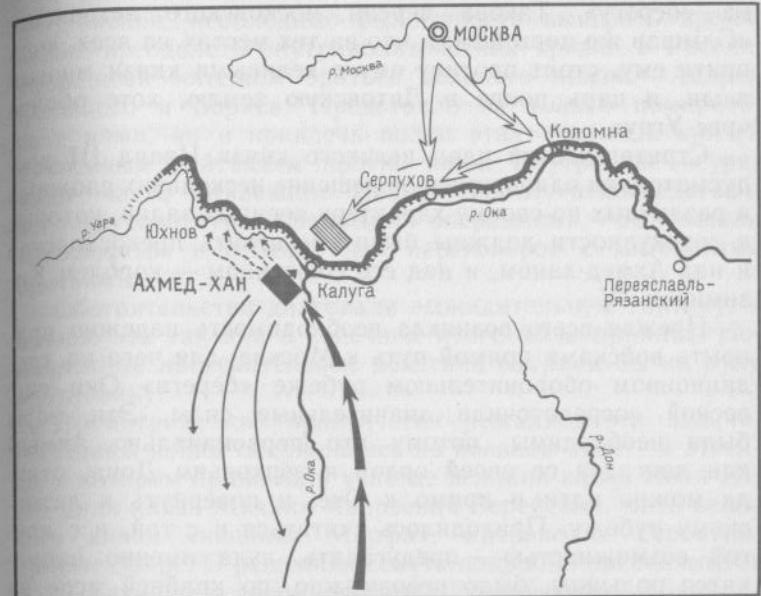
В исторической литературе война с Большой Ордой в 1480 году порой сводится к «стоянию на Угре», после

которого, с наступлением зимы, Ахмед-хан просто увел свои орды обратно в степи. На самом деле, это были крупномасштабные военные события, в которых столкнулись стратегические планы двух военачальников: хана Большой Орды и «государя всея Руси». Об этих событиях хотелось бы рассказать подробнее — они интересны и сами по себе и показательны для уяснения особенностей русского военного искусства эпохи образования Российского государства.

Непосредственную подготовку к нашествию на Россию Ахмед-хан начал зимой 1480 года. Вскоре об этом стало известно в Москве. По свидетельству московского летописца, в середине февраля уже «слышащиеся нахождение на Русь безбожного царя Ахмута Большие Орды». В апреле летописец писал об опасности большого ордынского похода уже более определенно, причем подчеркивал далеко идущие политические цели хана: «Злонемнитые царь Ахмат Большия Орды поиде на Русь, похвallyся разорити и все пленити, и самого великого князя, яко же при Батыи беше». Тогда, весной же, Иван III принял первые меры по обороне южной границы, «отпусти воевод своих к берегу противу татарам». Предосторожность оказалась не лишней. На правом берегу Оки появился разведывательный ордынский отряд. Убедившись, что «берег» уже прикрыт московскими полками, ордынцы «поплениша Беспуту и отъидаша». Видимо, Иван III правильно оценил этот набег, как глубокую разведку накануне большого нашествия, и заранее начал собирать войска. Во всяком случае, в дальнейших летописных записях о событиях 1480 года нет упоминаний ни о рассылке гонцов в разные города, ни о сборе в Москве ратей. Ордынцев ждали, и войска были уже собраны для отпора завоевателям.

В чем заключался стратегический план Ахмед-хана? Основную ставку он делал на совместное выступление с королем Казимиром IV. Поэтому на первом этапе войны главной целью ордынцев стало соединение с польско-литовским войском. Сделать это можно было где-нибудь возле литовских рубежей, и Ахмед-хан «послал паки к королю, чтобы на межех соединитися». Русский летописец уточнял время и место встречи ордынского и королевского войска: «на осень на усть Угры».

Низовые Угры действительно было очень удобным для

Условные обозначения
 ← Русские войска
 Укрепления русских войск
 ← Главные силы Ахмед-хана
 Отход войск Ахмед-хана

Поход Ахмед-хана (1480) и «стояние на Уграх»

этого местом. Из Литвы сюда вела прямая дорога, причем прикрыта со стороны московских владений рекой. Хан мог подойти сюда, минуя Рязанское княжество, по окраинам литовских владений. Для ордынцев это был самый безопасный путь, позволяющий подкрасться к русской границе без потерь.

Темпы похода ордынцев были поставлены в полную зависимость от степени готовности короля Казимира IV к войне. Московский летописец отмечает, что «поиде злонемнитый царь Ахмат тихо велми, ожидая короля с собою».

Трудно сказать, был ли фланговый удар через Угры с самого начала задуман Ахмед-ханом или это вынужденное решение. Возможно, на выбор направления главного удара повлияли доставленные разведывательным отрядом «вести» о том, что московские полки уже стоят

на «берегу». Такова версия московского летописца: «Слышав же царь Ахмат, что на тех местах на всех, куда прити ему, стоят противу ему с великими князи многыя люди, и царь поиде в Литовскую землю, хоте обойти чрес Угру».

Стратегический план великого князя Ивана III предусматривал одновременное решение нескольких сложных и различных по своему характеру военных задач, которые в совокупности должны были обеспечить превосходство и над Ахмед-ханом, и над его союзником — королем Казимиром IV.

Прежде всего возникла необходимость надежно прикрыть войсками прямой путь к Москве, для чего на традиционном оборонительном рубеже «берега» Оки еще весной сосредоточили значительные силы. Эти меры были необходимы, потому что первоначально Ахмед-хан двигался со своей ордой к верховьям Дона, откуда можно идти и прямо к Оке, и повернуть к литовскому рубежу. Приходилось считаться и с той, и с другой возможностью — предугадать, куда именно направятся ордынцы, было невозможно, по крайней мере на данном этапе похода. Тем более, что сам Ахмед-хан, возможно, допускал и прорыв прямо через переправы на Оке, если бы они вдруг оказались недостаточно защищенными.

Следовало также подумать об организации обороны Москвы и других городов на случай неожиданного прорыва ордынцев — такого поворота событий тоже нельзя было исключать.

Необходимо было как-то ослабить главный удар Ахмед-хана, заставить его раздробить свои силы. Это могло быть достигнуто организацией отвлекающих ударов по ордынцам на второстепенных направлениях — тактика, которую Иван III так успешно использовал в войне с Новгородской феодальной республикой.

Кроме этого, предстояло каким-то образом помешать королю Казимиру IV оказать действенную помощь своему союзнику. Оттянуть от русских рубежей королевскую армию могло нападение на владения короля крымского хана, с которым Иван III был связан военным союзом. Связать руки Казимиру IV могли и вооруженные выступления русских князей, вассалов короля, уделы которых находились на временно захваченных Литвой западно-русских землях.

Наконец, необходимо было просто выиграть время, чтобы преодолеть внутриполитический кризис в России, вызванный мятежом братьев великого князя — Андрея Большого и Бориса. Предстояло не только помириться с ними, но и привлечь полки этих удельных князей к военным действиям против хана. Внутренние неурядицы часто отвлекали Ивана III от непосредственного руководства военными операциями, вынуждали «отъезжать» в столицу для переговоров с мятежными братьями...

Обстоятельства диктовали выжидательную тактику, и именно эта тактика в конечном итоге была принята. Немедленные наступательные действия сыграли бы на руку противнику.

Посмотрим, как практически решались эти задачи.

Планы войны обсуждались на военном совете в Москве, в котором принимали участие великий князь Иван III, его дядя князь Михаил Андреевич Верейский, мать великого князя «инокиня Марфа», митрополит Геронтий, думные бояре. О решениях совета подробно рассказывает В. Н. Татищев в своей «Истории Российской»: «Положиша тако: на Оку к берегу послать сына своего великого князя Ивана Ивановича (Меньшого) да брата Андрея Васильевича Меньшаго, и с ними князеи и воевод с воинством, колико вскоре собрать мосчно; а низовые воинства с ханом Удовлетем да со князем Василием Звенигородским послати наспех плавное на град Болгары, зане тамо людей мало, и тако учиниша. А князь великий Иван Васильевич остался в Москве ожидати верховых воинств».

Перед нами развернутый план войны, предусматривающий и оборону «берега» Оки дополнительными силами, и отвлекающий удар «судовой рати» по Волге на владения Большой Орды, и проведение мобилизации в северных городах. «Верховые воинства» должны были, по всей вероятности, составить стратегический резерв под командованием самого великого князя.

Развёртывание полков вдоль «берега» имело на этот раз существенные особенности — основные силы были сосредоточены не в Коломне, как обычно, а на западном фланге, в районе Серпухова и Тарусы. Там были поставлены сын великого князя Иван Меньший и его брат Андрей Меньший, главные воеводы русского войска, «а с ними многие воеводы и воинство бесчисленное». Отсюда полки

могло было легко и быстро передвинуть к Коломне, если бы Ахмед-хан решился нанести прямой удар на Москву, или к Калуге, если бы он попытался обойти оборонительную линию через литовские владения. Таким образом, группировка русских войск в районе Серпухова, Тарусы обеспечивала условия для решения сразу двух стратегических задач: обороны «берега» и прикрытия литовского рубежа.

Впрочем, и на этот раз оборону «берега» удалось сделать сплошной, прикрыв меньшими по численности полками все возможные места переправы через Оку от Коломны до района сосредоточения главных сил: «прочии же князи и воеводы по иным местом у Оки по берегу». Этому способствовало и то, что бродов и «перелазов» на глубокой и полноводной реке было сравнительно немного, как немного было и вообще пригодных для форсирования водной преграды мест — с легкими подходами, с пологими берегами. Между Коломной и Серпуховом таких мест насчитывалось не более десятка, в основном возле впадения в Оку ее малых притоков. Большая же часть берега была покрыта непроходимыми для конницы лесами, на многие километры тянулись отвесные обрывы, не очень высокие, но непреодолимые со стороны реки. Такие участки достаточно было прикрыть конными сторожевыми разъездами.

Дальше события развивались так.

В Москве были получены сведения о подходе Ахмед-хана к верховьям Дона, и «князь велики Иван Васильевич, слышав то, поиде сам противу ему к Коломне месяца июня в 23 день, и тамо стояша до покрова» (до 1 октября). Таким образом, к «берегу» был выдвинут стратегический резерв и сам великий князь прибыл для общего руководства обороной.

Одновременно начался рейд русской «судовой рати» по Волге, «под улусы ордынские», под командованием воеводы князя Василия Звенигородского и татарского «служилого царевича» Удовлета (Нурдовлета).

Между тем окончательно прояснилось направление главного удара ордынцев: «царь Ахмат поиде в Литовскую землю, хотя обойти чрес Угру». Война вступила в следующий этап, который потребовал новой перегруппировки русских войск, что и было сделано великим князем Иваном III. Полки из Серпухова и Тарусы были переведены еще западнее, в город Калугу и непосред-

ственно на «берег» реки Угры. Основным силам во главе с сыном великого князя велено было стоять в Калуге, «на усть Угры», остальные полки должны были занять позиции выше по реке. «Берег» Угры становился тем оборонительным рубежом, на котором предполагалось остановить ордынцев.

Опередить Ахмед-хана, успеть раньше к реке, занять и укрепить все удобные для переправы места, броды и «перелазы» — вот что больше всего заботило великого князя.

Великокняжеские воеводы успели это сделать!

Теперь «коломенское сидение» Ивана III утратило свой смысл, и 1 октября он возвратился в Москву для переговоров с мятежными братьями. Как сообщает летописец, «в то время придоша на Москву послы братьи его, княж Ондреевы и княж Борисовы, о миру. Князь же велики жаловал братю свою, послов отпустил, а самим им велел прити к себе вбзоре». Иван III, таким образом, хорошо использовал передышку, которую дала ему медлительность Ахмед-хана и его обходное движение через литовские владения, и ликвидировал внутренний конфликт: полки братьев великого князя должны были усилить великокняжеское войско.

Другой целью поездки в Москву была, по-видимому, организация обороны столицы. Великий князь «град окрепив, а в осаде в граде Москве сел митрополит Геронтеи, да великая княгини инока Марфа, да князь Михаил Андреевич, да наместник Московской Иван Юрьевич, и многое множество народа от многих градов». За Москву можно было теперь не беспокоиться, и 3 октября Иван III выехал к войску.

Великий князь располагался в Кременце (село Кременецкое, между Медынью и Боровском), примерно в пятидесяти километрах позади русских полков, оборонявших берег реки Угры. Выбор именно этого места для своего и общего резерва пребывания свидетельствует о правильной оценке Иваном III общей стратегической обстановки, о его готовности в случае необходимости активно вмешаться в военные действия.

На выгоды кременецкой позиции неоднократно обращали внимание историки. Польский историк Ф. Папэ писал, что позиция самого Ивана III под «Кременецким селом» была превосходна, ибо не только служила резервом, но еще заслоняла Москву со стороны Литвы.

Дополнительные аргументы в пользу кременецкой позиции приводит советский историк К. В. Базилевич, отмечая, что конная масса татар могла быстро передвигаться вдоль берега, выбирая наиболее удобные и хуже защищенные места для переправы. Узкая Угра не представляла сильного естественного препятствия для противника, поэтому со стороны тактических требований было бы неразумно держать все силы у самой реки. В данном случае прорыв на левый берег Угры поставил бы обороняющиеся войска в тяжелое положение. Кременецкая позиция давала возможность быстро перебрасывать войска к угрожающему участку.

Как же была организована оборона самого берега реки Угры?

Основная группировка русских войск во главе с князем Иваном Ивановичем Меньшим была сосредоточена в районе Калуги и прикрывала устье Угры. Как показали дальнейшие события, русские воеводы правильно оценили обстановку и прикрыли главными силами действительно самое опасное место: именно здесь произошло генеральное сражение.

Другие русские полки, по словам летописца, «ста по Оке и по Угре на 60 верстах», вдоль самой Угры от Калуги до Юхнова. Дальше вверх по Угре были уже литовские владения, и туда воеводы не заходили. На этом шестидесятиверстном пространстве и состоялось знаменитое «стояние на Угре». Основной задачей «береговых воевод» было предотвращение прорыва ордынской конницы через реку, для чего было необходимо защитить все удобные для переправы места. На это прямо указывает летописец: «воеводы пришед сташа на Угре, и броды и перелазы отняша».

Впервые в русской военной истории заметная роль в отражении ордынцев отводилась огнестрельному оружию, о чем свидетельствуют миниатюры летописного «Лицевого свода» (то есть иллюстрированной летописи), посвященные «стоянию на Угре». На них изображены пушки и пищали, противопоставленные ордынским лукам. Вологодско-Пермская летопись называет в составе «наряда» на реке Угре также «тюфяки»¹. Заблаговременно выставленные на «перелазах» через реку «тюфяки» пред-

¹ «Тюфяк» — короткая, стрелявшая картечью («дробосечным железом») пушка, имевшая коническую форму для веерного разброса картечи; использовалась для стрельбы по живой силе противника.

ставляли собой грозное по тем временам оружие. Достаточное распространение получило и ручное огнестрельное оружие — «ручницы», они были даже на вооружении дворянской конницы. В русском войске находились также многочисленные отряды «пищальников», которые и раньше использовались для «береженья» бродов через пограничные реки.

Выбор основной оборонительной позиции вдоль реки Угры мог определяться не только ее выгодным стратегическим положением, но и желанию эффективно использовать «наряд» и принципиально новые рода войск — «пищальников» и «огненных стрельцов». «Наряд», еще не обладавший достаточной маневренностью, выгодно было использовать не в быстротечных полевых сражениях, а именно в позиционной войне, поставив пушки, тяжелые пищали и «тюфяки» на бродах через Угру. Здесь ордынская конница, лишенная свободы маневра, вынуждена была наступать прямо на пушки и пищали русского войска. Иван III, таким образом, навязывал Ахмед-хану свою стратегическую инициативу, вынуждал его начинать бой в невыгодных для ордынцев условиях, максимально использовал свое превосходство в огнестрельном оружии.

Этими же соображениями диктовалась и необходимость строго оборонительных действий. При наступательных операциях за Угрой русское войско утрачивало свое важнейшее преимущество — «огненный бой», потому что «ручницы», которые можно было взять с собой, отнюдь не компенсировали отсутствие тяжелого «наряда».

При организации обороны Угры великий князь показал себя искусным военачальником, сумевшим максимально использовать сильные стороны своего войска и, одновременно, создать такую ситуацию, при которой преимущества ордынцев не могли бы проявиться в полной мере. Для фланговых и обходных маневров у ордынской конницы не было достаточного простора, что вынуждало ее к «прямому бою» на переправах через Угру. В такого рода военных действиях русское войско было сильнее не только потому, что имело огнестрельное оружие — защитное вооружение русских воинов было много лучше, а это обеспечивало им преимущество и в рукопашном бою. Фронтальное наступление на пушки и «тюфяки», на сомкнутый строй одетых в крепкие доспехи русских воинов оказалось гибельным для ордынцев, они понесли огромные потери и не добились успеха.

Если верно выражение, что истинный полководец выигрывает сражение до его начала, то великий князь личный раз подтвердил это, выбрав наиболее выгодный для русского войска способ действий и вынудив ордынцев к «прямому бою». И тем не менее создание благоприятных условий для победы — это еще не сама победа. Победу предстояло добывать в жестоких сражениях: огромное войско Ахмед-хана неумолимо надвигалось на русские рубежи...

Маршрут похода хана к Угре хорошо прослеживается по свидетельствам летописцев: он «поиде со всеми своими силами мимо Мченеск, и Любутеск, и Одоев». Ордынцы, таким образом, шли по водоразделу между верховьями Дона и Оки, по «верховским княжествам», подвластным тогда Литве. Показательно, что они совсем не тронули соседний Тульский край, где могли ожидать сопротивление, и даже обошли Елецкое княжество, которое считалось московским владением. Ахмед-хан явно не желал ввязываться в бои. И Оку он форсировал не там, где стояли русские заставы, а выше устья Угры, опять-таки в пределах литовских владений, где не могло быть русских воевод. Затем уже по другому, левому берегу Оки он двинулся к угорскому устью. В случае успешного прорыва через Угу отсюда вела большая дорога через Калугу, Малоярославец и Медынь в глубь русских земель.

Неправы те историки, которые считали, что «узкая» Угра, а в настоящее время это действительно узкая речка, не могла быть серьезным препятствием. В XV веке Угра являлась довольно глубокой и широкой рекой. Сохранились данные о ее промерах в середине прошлого века, когда леса вдоль реки не были сведенены, причем данные именно по тому участку, который нас интересует,— от устья до Юхнова. На всем этом протяжении Угра была судоходной, имела глубину от двух с половиной до пяти метров и ширину от восьмидесяти до ста пятидесяти метров. Форсировать ее можно было только по бродам. Кроме того, подходы к бродам были затруднены из-за крутизны берегов, множества оврагов и речек, болот, лесных чащоб. Географические описания Угры пестрят пометками: «спуски к переправе круты и затруднены для обозов», «берег крутой», «местность заболочена», «леса великое обилие». Отдельные обрывистые участки берега достигали высоты двухсот метров над уровнем моря, нередки были известковые утесы, вообще неприступные. Подходы к Угре за-

труднялись также множеством притоков, мелких речек и ручьев. Например, только в Юхновском уезде в Угру впадали речки: Верболовка, Гордота, Слоча, Еленка, Ливониевка, Волста, Сигоста, Воровка, Жижала, Вуйка, Воря, Ужатка, Ремиж, Кунова, Сохна, Полянка и другие.

Сравнительно удобное для переправы место было выше Юхнова, против устья реки Вори, но в этом случае ордынское войско должно было уйти далеко в сторону от основного направления похода и попадало в местность, по которой трудно было двигаться к Москве: ордынцам пришлось бы форсировать несколько рек — Изверию, Шаню, Лужу и Протву, прорыться через дремучие леса. В «Топографическом описании Калужского наместничества» (1785) было записано, что Медынский уезд «в лесе красном и черном имеет великое обилие», причем основные лесные массивы тянутся «по рекам Воре, Извере, по речкам Цветушке и Кисловке от Юхновского до Гжатского уезда», то есть именно по тем местам, где должна была бы после переправы идти ордынская конница. Ясно, что с военной точки зрения переправа возле устья Вори была нецелесообразна.

Место для переправы главных сил Ахмед-хана, обозов и осадных орудий должно было удовлетворять по меньшей мере трем условиям: удобные подходы, низкие ровные берега, где можно было бы развернуться, и быстрый выход после переправы на важное стратегическое направление.

Всем этим условиям удовлетворяло устье реки Угры.

От угорского устья до впадения речки Росвянки берега были низкими, песчаными, позволяющими вести наступление широким фронтом (до пяти километров). Дальше, за Уграй,— луга, на которых могла развернуться переправившаяся ордынская конница. Как указывалось выше, отсюда шла большая дорога в глубь московских владений.

Отдельные ордынские отряды могли, конечно, сделать попытки прорваться выше по Угре, по немногим бродам, но главные силы Ахмед-хана вынуждены были наступать близ устья — именно там, где их ждали русские полки, сосредоточенные в районе Калуги...

Многовековое противоборство Руси и Орды вступало в завершающую стадию. Русские ратники сражались за будущее, за независимость родной земли, за свое право на самостоятельное историческое развитие, ордынцы же до-

бивались исторически нереальной цели — восстановления тяжкого ига над огромной страной, в которой уже складывалось могучее централизованное государство. Осенью 1480 года на берегах Угры спор был окончательно решен.

Ордынская конница появилась против угорского устья в начале октября. Точная дата неизвестна, данные различных летописцев не согласуются между собой, но большинство историков называют 8 октября. Видимо, с этой датой можно согласиться. О генеральном сражении с полчищами Ахмед-хана не сохранилось цельного повествования, подобного «Задонщине» или «Сказанию о Мамаевом побоище», но записи разных летописцев, взаимно дополняя друг друга, дают возможность воссоздать картину военных событий осени 1480 года.

Противники сошлись лицом к лицу. На левом берегу Угры, у самой воды, против «перелазов», выстроились русские полки князя Ивана Ивановича Меньшого. Длинными цепями стояли русские лучники и «пищальники», отряды «огненных стрельцов». Здесь же находились тяжелые пищали и «тюфяки». Русские воеводы старались максимально использовать превосходство своего войска в огнестрельном оружии, расстреливая ордынцев во время переправы. Грохот пушек и пальба из «ручниц» должны были ошеломить степняков, устрашить и деморализовать. Конные полки дворян и «детей боярских» в доспехах, с саблями и «ручницами» стояли в готовности ударить на ордынцев, если им где-нибудь удастся зацепиться за наш берег. За частоколами была оставлена пешая «посошная рать», еще одна боевая линия. Согласованные действия «наряда», «огненных стрельцов», дворянской конницы и «посошной рати» обеспечивали прочность обороны.

Сражение на переправах через Угу началось в час дня 8 октября и непрерывно продолжалось четыре дня. Ахмед-хан снова и снова гнал вперед свои конные тысячи, но ордынцам так и не удалось преодолеть водную преграду и завязать рукопашный бой. Тяжелый полевой «наряд», пушки и «тюфяки», заранее поставленные против «перелазов», сыграли решающую роль: медленно плывущих к русскому берегу ордынцев расстреливали прямо в воде, тяжелые ядра пищалей поражали скопление ордынской конницы на другом берегу, «дробосечное железо» хлестало прямо в лицо выбиравшихся на мелководье ордынцев, непрерывно стреляли «пищальники» и «огненные стрельцы». Внесли свою лепту в отражение врага и

русские лучники: стрелы из боевых луков поражали более чем за сто шагов, лучники обладали большой скорострельностью — до десяти выстрелов в минуту. А ордынцы не имели возможности эффективно использовать свое излюбленное и, надо сказать, опасное оружие — массированную стрельбу из луков. Барахтающимся в угорской воде стрелять было невозможно, а с противоположного берега стрелы до русского строя не долетали. На это обстоятельство специально обращает внимание летописец: «наши стрелами и пищальми многих побиша, а их стрелы меж наших падаху и никого не уезвляху».

Сражение было продолжительным и упорным. «Князь великий Иван Иванович, сын великого князя, да князь Ондрей Васильевич Меншой, брат великого князя, ставша крепко противу безбожного царя и начаша стрелы пущати и пищали и тюфяки и бишася 4 дни», ордынцы «по многи дни приступаху бьющеся и не взмогоша». Ахмед-хан потерял множество воинов и вынужден был отказаться от дальнейших попыток прорваться через угорское устье. «Царь же не возможе берег взяти и отступи от реки от Угры за две версты, ста в Лузе».

Но военные действия на этом не закончились. Сильные ордынские отряды двинулись вверх по реке, чтобы попытаться прорваться через Угу на других «перелазах» и бродах. Летописец сообщал, что «знахари ведяху его ко Угре реце на броды». Но везде ордынцы встречали отпор, на местах возможных переправ стояли русские воеводы с пищальми и «тюфяками». Ахмед-хан «покушался многажды перелести реку во многих местах, а не могоша воспрещением от русских вои. И много паде срацин его ту, и без числа претопоша в реце».

Сражение на реке Угре было начисто проиграно ордынцами. Как показали дальнейшие события, это предопределило общее поражение Ахмед-хана. В действие вступили факторы, предусмотренные великим князем Иваном III, но оказавшиеся неожиданными и гибельными для хана.

В ближнем тылу ордынского войска против завоевателей выступило население русских «верховских княжеств», временно находившееся под властью Литвы. На подавление этого выступления хан был вынужден послать значительные силы, сняв их с угорского рубежа. На несколько недель активные военные действия на Угре прекратились. По сообщению летописца, Ахмед-хан «распусти

вои по всем землям Литовской, всего в Литовской земле стоял 6 недель, а градов литовских плени: Мченеск, Белев, Одоев, Перемышль, два Воротинска, старой да новой, два Залидова, старой и новой, Опаков, Серенеск, Мезыск, Козелеск. А всех градов плени 12, а волости все плени и полон вывел.

Здесь летописца можно было бы поправить: все эти «грады» не «литовские», а русские, с русским населением и русскими князьями, только временно попавшие под власть Литвы. Однако в главном летописец прав: выступление «верховских княжеств» надолго отвлекло Ахмед-хана от наступления на Москву, великий князь получил желанную передышку. Он даже завязал переговоры с ханом, преследующим ту же цель — выиграть время. Естественно, что Иван III на какие-либо серьезные уступки ордынцам идти не собирался.

Между тем крымский хан Менгли-Гирей приступил, наконец, к выполнению своих союзнических обязательств, он «воева королеву землю Подольскую, служа великому князю». Нападение на южные рубежи не могло не обеспокоить короля Казимира IV и не повлиять на его политику. Реальную помощь Ахмед-хану он так и не решился оказать, что еще больше ухудшило положение ордынцев. Вести войну с Иваном III ордынскому хану теперь пришлось один на один. Однако неправы те историки, которые считают, что лишь нападение крымского хана на Подolia вынудило короля Казимира IV отказаться от похода. Крымский набег был кратковременным и небольшим по масштабам. Более существенным представляется выступление в самой Литве русских князей, вассалов короля, о которых сообщает летописец: «понеже бо быша ему свои усобицы». О «заговоре князей» в Литве в 1480 году писали многие историки. В этих условиях начинать большую войну с Россией было просто опасно.

К причинам, заставившим короля Казимира IV отказаться от совместного с Большой Ордой похода на Россию, можно прибавить еще одну — чисто военного характера. Под Кременцом сосредоточились стратегические резервы Ивана III, которые после 20 октября были подкреплены полками его братьев Андрея Большого и Бориса. Эти полки надежно заслоняли Москву с запада, тем более, что Ахмед-хан, застрявший за Угрой, не смог бы прийти на помощь королю. Самому же Казимиру IV идти на соединение с ордынцами на правобережье Угры с военной

точки зрения было бессмысленным: русская оборона «берега» уже показала свою надежность, простое численное увеличение войска не сулило перелома в войне. Можно сказать, что не только внешнеполитическая и внутриполитическая обстановка не благоприятствовала вступлению короля Казимира IV в войну, но и обстановка военно-стратегическая, созданная Иваном III. Для Ахмед-хана это обернулось потерей единственного реального союзника.

Наконец начинал приносить свои плоды рейд русской «судовой рати» на собственные владения хана, «под улусы ордынские». Некоторые подробности этого рейда сообщает казанский летописец: великий князь Иван III «посыпает, отаи, царя Златы Орды пленити, служивого своего царя Нурдовлета Городецкого, а с ним же воеводу князя Василья Ноздреватого Звенигородского со многою силою, доколе царь стояше на Руси. Царь же того не ведающим, они же Волгою в лодиях пришедши на Орду, и обретоша ю пусту без людей, токмо в ней женеск пол, стар и млад, и тако ея поплениша, жен и детей варварских и скот весь: овех в полон взяша, овех же огню и воде и мячу предаша, и конечное хотеша юрты Батыевы разорити. И прибегоша вестницы ко царю Ахмату, яко Русь Орду его расплениша, и скоро, в том же часе, царь от реки Угры назад обратися бежати».

Летописец здесь, конечно, преувеличивает — не только рейд русской «судовой рати» вынудил Ахмед-хана к отступлению, но удар по глубоким тылам Орды не мог его не обеспокоить.

Тем не менее Ахмед-хан все еще не оставлял попыток прорваться через реку Угру то в одном, то в другом месте. Тщетно! Русские полки надежно обороняли «берег». Большое сражение произошло на крайнем западном фланге «противостояния», под Опаковым городищем. Весь расчет Ахмед-хана строился на внезапности нападения из глубины литовских владений — здесь русские воеводы не могли ждать врага. К Опакову городищу было послано ордынское конное войско, сам же хан остался близ устья Угры, ожидая, чем закончится эта вылазка.

Но русские воеводы внимательно следили за передвижениями ордынцев, умело маневрировали полками, вследствие чего возле Опакова городища ордынскую конницу встретила не сторожевая застава, а достаточно сильное войско, которое отразило последнюю отчаянную попытку

врага прорваться через неприступную для него оборону. «Царь же хоте искрасти великого князя под Опаковым городищем, хотя перелести Угру, а не чая туто силы великого князя. И посла князе своих,— повествует летописец.— Прилучи же ся туто множество князе и бояр великого князя, не дадяше перелести Угру».

Ахмед-хан оказался в стратегическом тупике. Анализируя ситуацию конца октября, известный советский академик Л. В. Черепнин отмечал, что общая политическая ситуация изменилась явно не в пользу Ахмед-хана. Прекращение феодальной войны на Руси, отсутствие военной помощи со стороны Казимира, начавшиеся морозы — вот комплекс причин, вызвавших отступление Ахмед-хана.

Нетрудно представить себе обстановку безнадежности и уныния, царившую в ордынском стане. Для них, действительно, началось изнурительное и бессмысленное «стояние». Надежды прорвать русскую оборону больше не было, но если бы ордынцы каким-то чудом все-таки сумели перейти Угру, то впереди их ждали новые водные преграды и дремучие леса, большое резервное войско великого князя Ивана III. На пути к Москве Ахмед-хана ожидали бы новые сражения, исход которых невозможно было предугадать. В окрестностях Угры, совершенно разоренных самими же ордынцами во время карательного похода на «верховские княжества», не хватало продовольствия и корма для коней. Из собственных улусов на Волге приходили известия о страшном разгроме, учиненном русской «судовой ратью». В степях кочевали крымские татары. Менгли-Гирей еще не приступил к активным военным действиям против Большой Орды, но мог сделать это в любой момент — следовательно, существовала реальная угроза с тыла. Приближалась зима, сулившая новые беды и лишения. Кстати, зима 1480 года пришла раньше, чем обычно, и оказалась очень суровой. Уже «с димитриева дни» (26 октября), по сообщениям летописцев, «стала зима, и реки все стали, и мразы великии, яко же не моши зretи».

Сразу после ледостава великий князь Иван III отвел полки с берега реки Угры: эта оборонительная позиция утратила свое значение. Угра перестала быть преградой для ордынской конницы, а растянутая линия русских полков становилась уязвимой для ордынских ударов. Прорвавшись в одном месте, Ахмед-хан мог ударить во фланг и в тыл «береговым полкам». Оттянув полки в глубину и собрав их вместе, Иван III создавал выгодные

условия для полевого сражения, если все-таки ордынцы решатся пойти на Москву. С военной точки зрения это было единственно правильное решение.

Летописные известия об этом этапе войны хорошо раскрывают и ход, и смысл этого маневра: «Егда же река ста, тогда князь велики повеле сыну своему и брату своему князю Андрею и всем воеводам со всеми силами отступити от брега и прийти к себе на Кременец», а потом «князь же велики с сыном и з братьем и со всеми воеводами придоша к Боровску, глаголюще, яко на тех полех с ними бой поставим».

Но Ахмед-хан через реку, уже оставленную русскими полками, перейти не решился. Простояв несколько дней возле Угры, он приказал отходить. По свидетельству летописца, «прочь царь пошол от Угры в четверг, в канун михайлова дни» (8 ноября). По записи разрядной книги Ахмед-хан «побежал от Угры в ночи ноября в 6 день». Отступление ордынцев было похоже на бегство: «хан пометався тяжкая».

На обратном пути ордынцы пробовали пограбить окраины русских земель, но Иван III быстро организовал преследование, «отпустил братию свою, князя Ондрея да князя Бориса да князя Ондрея Меншого со множеством воевод своих», и ордынцы, узнав, что «князи близко», «не могы зла сотворити месту тому и побеже тое же ночи на ранней зоре, а князи придоша на станы его на обед», то есть шли буквально по пятам за отступавшими.

Действия русской конницы показывают, как смело великий князь Иван III, если того требовала обстановка, мог переходить к активным наступательным действиям. Да и стоит ли вообще осуждать Ивана III за оборонительный план войны, как делали некоторые его, не очень дальновидные, современники?

Вопрос этот достаточно важен для общей оценки военного искусства великого князя. В одной из работ Фридриха Энгельса есть любопытные рассуждения о соотношении оборонительного и наступательного образа действий, о правомерности и даже выгодности, при определенных условиях, чисто оборонительных операций и даже целых оборонительных военных кампаний: «Обороняющаяся армия имеет своей задачей, меняя место и театр военных действий, расстраивать расчеты неприятеля, отвлекать его подальше от его операционной базы и принуждать сражаться в такие моменты и в таких местах, которые

совершенно не соответствуют тому, что он ожидал и к чему готовился, и которые могут быть для него определенно невыгодны... История величайших сражений мира показывает, как нам кажется, что в тех случаях, когда атакуемая армия обладает стойкостью и выдержкой, достаточными для того, чтобы обеспечить ее непрекращающееся сопротивление до тех пор, пока огонь нападающих не начнет ослабевать и не наступит истощение и упадок их сил, а затем оказывается в состоянии перейти в наступление и в свою очередь атаковать, оборонительный способ действий является самым надежным¹. Далее автор отмечает: «Однако существует мало армий или даже народов, на которые можно было бы возложить ведение такого рода сражений»².

Войско Российской государства оказалось именно такой армией, а русский народ — таким народом, которые смогли вести оборонительную войну и одержать победу над своим извечным врагом — ордынским ханом. В сложной международной и внутренней обстановке великий князь Иван III принял самый надежный в данной ситуации оборонительный план войны. Принял, последовательно провел в жизнь и добился победы с минимальными потерями.

Но когда того требовала ситуация, великий князь переходил к активным наступательным действиям, отдавая предпочтение именно такой тактике. Так было, например, в 1481 году, когда понадобилось решительно пресечь агрессию Ливонского ордена на новгородской границе. Двадцатитысячная великолукская рать смело вторглась в пределы Ливонии и захватила сильные крепости Феллин и Тарваст. Так было во время пограничных войн с Литвой в конце XV — начале XVI веков за возвращение западно-русских земель (об этом пойдет речь в дальнейшем).

В этих войнах проявились характерные черты военного искусства Ивана III: стремление вести военные действия за пределами своей страны; наличие общего стратегического плана войны; разработка серии ударов в разных направлениях, что приводило к распылению сил противника; понимание необходимости постоянно владеть военной инициативой.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 14. С. 71—72.

² Там же.

Активными, наступательными были действия Ивана III и в продолжавшейся войне с остатками Большой Орды.

Когда воинство Ахмед-хана, «наги и босы», «страхом гонимые», бежало зимой 1480 года в степи «невозвратным путем», против хана немедленно выступили соперники в борьбе за власть. Ногайские татары разгромили кочевья Ахмед-хана, а самого его убили. Во главе Орды встали «Ахматовы дети», которые пытались продолжать политику своего незадачливого родителя. О завоевании России они, конечно, не могли и думать, но пограничные русские земли подвергались их набегам. Военная активность «Ахматовых детей» против России сдерживалась их постоянной враждой с Крымским ханством. Великий князь Иван III дипломатическими средствами поддерживал эту вражду, а в случае необходимости предпринимал и активные военные действия, помогая своему временному союзнику крымскому хану. Иван III посыпал далеко в степи, «под Орду», конные отряды «детей боярских» и служилых татарских «царевичей», или просто ограничивался военными демонстрациями на своей южной границе. Как бы то ни было, но военное давление со стороны России «Ахматовы дети» ощущали постоянно.

В 1485 году Иван III писал крымскому хану Менгли-Гирею, что «посыпал под Орду уланов и князей и казаков всех, сколько их ни есть в моей земле. И они под Ордою были все лето и делали, сколько могли».

В 1487 году снова «ходили под Орду наши люди, а брата твоего Нурдовлатова царевы люди, да там под Ордою улусы имали и головы поимали».

Очень тревожная обстановка сложилась в степях в 1491 году. Орда «Ахматовых детей» подступила к самому Перекопу. Крымского хана спасла военная помощь, оказанная русским союзником. Весенний поход 1491 года может быть примером тщательно спланированной и блестяще осуществленной наступательной операции, когда два русских войска двинулись в Дикое Поле по сходящимся направлениям, соединились в заранее намеченном месте и своими маневрами вынудили «Ахматовых детей» прекратить наступление на Крым.

Вот как описывает этот поход летописец: «Тоя же весны, месяца майя, прииде весть к великому князю Ивану Васильевичу, что идут ординские цари Сент-Ахмет и Шиг-Ахмет с силою на царя Мин-Гирея Крымского. Князь

же великий на помошь крымского царю Мин-Гирею отпустил воевод своих в Поле под Орду, князя Петра Микитича Оболенского да князя Ивана Михайловича Репню Оболенского же, да с ними многих детей боярских двора своего, да Мердоулатова сына царевича Сатылгана с уланы и со князи и со всеми казаки послал вместе же со своими воеводами. А казанскому царю Махмет-Аминю велел послать воевод своих с силою вместе же с царевичем и с великого князя воеводами. А князю Андрею Васильевичу и князю Борису Васильевичу, братии своей, велел послать своих воевод с силою вместе с своими воеводами. И снисходяша вместе великого князя воеводы с царевичем Сатылганом и с казанского царя воеводами, со Абаш-Уланом и со Буташ-Сеитом, в Поли, и княже Борисов воевода тут же их наехал, и поидаша вместе под Орду. И слышавше цари Ординские силу многу великого князя в Поли и убоявшеся, взвратиша от Перекопи; сила же великого князя возвратиша в свояси без брани».

В грамоте, посланной из Москвы в Крым к великокняжескому послу Василию Ромодановскому, содержатся некоторые важные дополнения к летописному тексту: всего «великого князя людей» в походе было, оказывается, «рати 60000». Пока крымский хан «сидел в осаде» за перекопскими укреплениями, отбиваясь от «Ахматовых детей», русские воеводы «под Ордой улусы у них имали и люди и кони отганивали».

Таким образом, русский поход «в поле» был очень значительным по масштабам (шестьдесят тысяч воинов), включал и великокняжеские полки, и полки его братьев-князей, и отряды служилых «царевичей», и даже казанскую «помощь». Русские воеводы прошли почти до Перекопа, преодолев широкую полосу безлюдных степей. Для успешного совершения такого похода требовалась четкая организация, опыт вождения войск по незнакомой местности, хорошее снаряжение, взаимодействие полков.

В крупномасштабных военных операциях против Орды, Литвы и Ливонии накапливали опыт и совершенствовали военное искусство великокняжеские воеводы — русские военачальники эпохи образования и укрепления Российского государства. Кончалось время, когда в одном лице объединялся правитель и полководец.

О русских полководцах XV—XVI столетий наше дальнейшее повествование.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ФЕДОР КУРБСКИЙ ЧЕРНЫЙ

ИВАН САЛТЬК-ТРАВИН

По традиции начало присоединения к Российскому государству Западной Сибири связывается с именем прославленного атамана Ермака Тимофеевича, который со своей казацкой вольницей в начале восьмидесятых годов XVI столетия приплыл на реку Иртыш, разгромил хана Кучума и потом «бил челом Сибирским царством» царю Ивану IV Грозному. В действительности же присоединение Западной Сибири началось значительно раньше, и первыми русскими воеводами, возглавившими в 1483 году большой поход в сибирские земли, были князь Федор Курбский Черный и Иван Салтык-Травин.

Восьмидесятые годы — славное время отечественной истории. Россия разгромила Ахмед-хана, ненавистное ордынское иго окончательно свергнуто. Всеноардная борьба с ордынскими завоевателями, начало которой положил на Куликовом поле в 1480 году великий князь Дмитрий Донской, победно завершена.

Но неправы были те, кто считал, что с ордынской опасностью покончено. Еще кочевали в Диком Поле, поблизости от русских рубежей, остатки Большой Орды, и «Ахматовы сыновья» замышляли новые набеги. Казанский «царь» Али-хан (*Алегам*) враждебно относился к Москве, казанцы начали нападать на заволжские земли. Для «береженья от Алегама» приходилось постоянно держать в городах «от казанской украины» воевод с полками. Казанского хана поддерживала Ногайская Орда, мурзы которой со своими конными отрядами тоже участвовали в набегах на русские земли. К союзу с Казанью склонялось Сибирское ханство во главе с ханом Ибаком. Складывалось нечто вроде единого фронта татарских «царств» — от Волги до Иртыша, — враждебного России. Самым же опасным было то, что под угрозой оказались новые русские владения в Приуралье — Великая Пермь.

Приуральские владения и раньше подвергались набегам со стороны vogulov (*манси*), живших по обе стороны Уральских гор. В 1445 году они разорили Усть-Вымский городок на реке Вычегде, убили местного епископа. В 1467 году с vogулами воевали вятчане и пермяки. В 1481 году vogульские отряды вторглись в Пермь Великую и осадили город Чердынь. Их удалось отогнать только с помощью рати из Великого Устюга.

Особую активность в нападениях на русское Приуралье проявлял vogульский «князь» Асыка, владетель «княжества Пельмского». Он всегда нападал неожиданно и при приближении русских ратей, посланных на помощь местному населению, быстро уходил обратно за «Камень» (так называли тогда Уральские горы). Образумить его мог только большой военный поход в «закаменную землю», в его собственные владения, и в 1483 году «князь великий» послал рать на Асыку, vogульского «князя».

Однако цели похода были гораздо шире, чем просто желание наказать вероломного vogульского «князя» и обезопасить восточные владения России. К тому времени реальной стала угроза подчинения всей Западной Сибири сибирскому хану. Разрозненные и слабые в военном отношении vogульские и остяцкие князьки (предки нынешних хантов) не могли оказать серьезного сопротивления татарской агрессии. Хан Ибак уже продвинул свои владения до Тавды и Среднего Иртыша, подчинял местное население, требовал ясак и воинов для своего войска. Только защита и покровительство со стороны России могли остановить агрессию. Добровольное присоединение сибирских князей к Российскому государству — вот чего должны были добиваться посланные в Западную Сибирь русские воеводы. Таким образом, перед ними стояли и военные, и дипломатические задачи. Кроме того, внушительная военная демонстрация в непосредственной близости от Сибирского ханства должна была нарушить «единчество», которое начало было складываться между казанским «царем» Али-ханом и сибирским «царем» Ибаком.

Поход был задуман широко, и силы для него привлекались значительные. В состав «судовой рати» (двигаться в основном предполагалось по рекам) вошли отряды из Вологды и Великого Устюга, из Двинской земли (вычегжане, вымычи, сысоличи — по названиям рек Вычегды, Выми, Сысолы), Приуралья (пермяки, чердынцы). Однако основу ее, наиболее боеспособную часть составляли вели-

кокняжеские служилые люди. Летописцы особо отметили, что великий князь Иван III послал в поход «двор свой», «своих детей боярских». Поход, таким образом, имел не местный, а общегосударственный характер, что вполне соответствовало значительности поставленных перед ним задач. И возглавили его не местные власти Двинской земли или Великой Перми, но «государевы воеводы», причем из самых известных, опытных. Историк С. Б. Веселовский, большой знаток российского «служилого класса» того времени, называл, например, Ивана Салтыка-Травина заслуженным, выдающимся воеводой, причем ставил его в один ряд с таким известным военачальником эпохи образования Российского государства, как «большой воевода» И. Д. Руно.

Кто же они были, эти воеводы, первые сибирские «землепроходцы»?

Князь Федор Семенович Курбский Черный принадлежал к самой верхушке феодальной знати. Свою родословную Курбские вели от внука знаменитого киевского князя Владимира Мономаха — Ростислава Смоленского. Один из предков воеводы, тоже по имени Федор и тоже по прозвищу Черный, стал во второй половине XIII века ярославским князем, от него и произошли Курбские. Первым принял это имя (по вотчине на реке Курбице, расположенной в двадцати пяти километрах от Ярославля) князь Семен, отец воеводы. В разрядной книге Ф. С. Курбский Черный упоминается среди «больших воевод», которые были посланы в 1482 году в Нижний Новгород «беречь от Алегама царя». Войско в Нижнем Новгороде собрали очень большое, пришел даже «Аристотель с пушками», а «судовая рать ходила по Волге мало не до Казани, и много повоевав, возвратилась». Не этот ли опыт командования большой «судовой ратью» послужил причиной назначения князя Федора Курбского Черного в сибирский поход?

Не менее известным человеком был и воевода Иван Иванович Салтык-Травин. Он тоже вел свою родословную от смоленских князей. Прадед воеводы — Иван Собака — был боярином при двух московских князьях: Дмитрии Донском и Василии I, прославился строительством белокаменного Кремля в Москве в 1367 году. Дед — Семен Трава — тоже имел боярский чин. Однако его сыновья, в том числе и отец Салтыка-Травина, уже числились в «детях боярских», были «государевыми служилыми людь-

ми», профессиональными военными. Впрочем, Иван Салтык-Травин сохранил часть родовых вотчинных владений, имел своих «служилых людей», «прикащиков», «страдных людей», был связан с верхушкой московского боярства (например, с боярином В. Б. Тучкой Морозовым), хотя сам боярского чина не получил. Он тоже имел опыт возведения «судовой рати». В 1469 году Иван Салтык-Травин упоминается в списке «детей боярских», ходивших походом на Вятку, а позднее «судовой воевода Иван Иванович Салтыков Травин» сам возглавляет большие походы.

Такое «парное» назначение было обычным для того времени. Формально во главе рати ставился потомок великих или удельных князей, который своей знатностью придавал авторитет всему предприятию (порядок местничества, по которому военные назначения зависели от «породы» человека, еще господствовал на Руси), но ему «в товарищи» назначался опытный и способный воевода, и часто фактическим руководителем являлся именно последний. Наверное, так было и на этот раз. Летописные сведения противоречивы: в Устюжском летописном своде и в Никоновской летописи первым поименован Курбский Черный, а вторым — Салтык-Травин, в Вологодско-Пермской летописи — наоборот.

Летописи при описании походов того далекого времени обычно не балуют историков точными датами и географическими ориентирами. Сибирский поход 1483 года — исключение, значительную его часть можно проследить с точностью до одного дня. Из Вологды воевода Иван Салтык-Травин «поидша в судах месяца апреля в 25 день». В Великом Устюге он соединился с ратью князя Федора Курского Черного и дальше они шли вместе. «Пошла рать с Устюга мая в 9 день», — сообщает летописец. Запомните эту дату, с нее начинается отсчет дням, неделям и месяцам сибирского похода 1483 года!

«Судовая рать» поплыла от Великого Устюга вниз по реке Сухоне на больших кораблях с палубными надстройками и плоскими днищами — насадах, и на ушкуях — кораблях поменьше, но все же вмещавших до тридцати человек с оружием и припасами. Ушкуи тоже были приспособлены для дальних путешествий, их покрывали палубы, под которыми находились каюты. Суда имели высоко поднятые нос и корму, вырезанные в виде медвежьих, птичьих или моржовых голов. При попутном ветре поднимали паруса, в безветрие или против течения шли на

веслах. У рулей стояли опытные «кормники», хорошо знавшие северные реки — по ним новгородские «ушкуйники» ходили еще несколько столетий назад, проникая за «Камень», до самой Обской губы. Но такой большой поход совершался впервые...

По обжитой Двинской земле плыли легко и весело. Из устья Сухоны свернули в Северную Двину, течение само несло суда. Ночевали на берегу, рядом с ладьями, варили уху в больших медных котлах. Потом свернули в реку Вычегду, пошли на веслах, останавливаясь возле городков, принимая местные отряды. Верстах в тридцати выше устья Вычегды, на высоком правом берегу реки — городок Усолье, дальше — Усть-Вымский городок, резиденция пермского епископа с многочисленными деревянными церквами, с Архангельским монастырем. Церковь этого монастыря славилась тем, что поставлена была на пне необыкновенно большой березы — святилище зырян-язычников. Между Усольем и Усть-Вымским городком, на лесистых берегах — обнесенные деревянными стенами погосты, церковки с шатровыми кровлями, деревни по пять-шесть дворов, разбросанные далеко друг от друга. В этом kraю люди жили охотой, рыболовством, лесными промыслами. Из местных охотников выходили знатные воины.

Устье реки Сысолы. Здесь много укрепленных городков — рядом немирная Вятская земля, население которой привыкло к опасностям, быстро собирались за крепостные стены, где в амбара хранилось оружие. Каждый мужчина в Сысольской земле — умелый ратник, поэтому воеводы охотно принимали сысольцев на свои ушкуи.

А впереди было устье реки Кельты...

До этого места путь «судовой рати» бесспорен — к «Камню» из Великого Устюга всегда ходили по реке Вычегде. Но дальше было два пути — печорский и камский. Если «кормники» выбирали печорский путь, они поднимались вверх по притоку Вычегды — реке Выми к известному Вымскому волоку, преодолев который по реке Ижме выплывали в Печору, а затем по притокам Печоры добирались до «Камня». Дальше — каменный волок и верховья притоков Оби — уже в сибирской земле.

В данном случае этот путь не подходил. По нему «судовая рать» уклонилась бы далеко на север, в сторону от цели похода — «княжества Пельмского». Оставался камский путь.

На реку Каму можно было попасть, свернув с Вычегды в ее приток — Кельтму-Вычегодскую. Она вытекала из большого болота, называемого Гуменцо. С другой стороны этого болота брала начало уже Кельтма-Камская, впадавшая в Каму. Расстояние между истоками этих двух речек было совсем небольшим, лишь «малое болотце, мерою не более двух верст», как указывалось в географических описаниях прошлого века. Весной и в дождливое лето это болото было проходимо для судов, если идти не на веслах, а толкать их шестами. Думается, именно так и вышла на Каму «судовая рать» Федора Курбского Черного и Ивана Салтыка-Травина.

Судовой караван выплыл на простор Камы, спустился до притока ее речки Вишеры, где стоял последний русский город Чердынь — деревянные стены, шесть башен над косогором, издалека видные, грозные. Не раз встречали горожане набеги vogуличей, тайком приходивших из-за «Камня». Здесь заканчивался переход по своей земле, начинался собственно поход, и первым противником «судовой рати» стали горные тесини.

Весь путь от Великого Устюга до Уральских предгорий занял примерно месяц, суда двигались в среднем по сорок — пятьдесят верст в день. Быстро умели ходить наши предки на веслах и парусах, преодолевать волоки. Но теперь счет времени стал другим.

Сначала река Вишера текла в низких берегах, одетых хвойными лесами, спокойно и неспешно, и непонятно было, почему местные жители называли ее Яхтелья, то есть река порогов. Но чем дальше плыл вверх по реке судовой караван, тем берега становились выше, горбились лесистыми горами, обрывались к воде утесами. Беспокойной стала река, коварной: острова, мели, каменные перекаты. Из-за поворотов выплывали навстречу каравану огромные утесы: Ясбурский камень, Витринский камень, Головский камень...

Близ устья речки Вилсуй, притока Вишеры, караван остановился. Здесь был поворот прямо к «Камню»: по Вилсую и дальше, до самого перевала. Вот тогда-то и начались настоящие горные речки.

Не вода была в Вилсую — камни пополам с пеной. Ушкуи тянули бечевой, сложив на палубах бесполезные весла. Ратники скользили на мокрых камнях, срывались в бешено кипящую воду, снова упрямо хватались за бечеву. И так — верста за верстой, день за днем, без устали. Со-

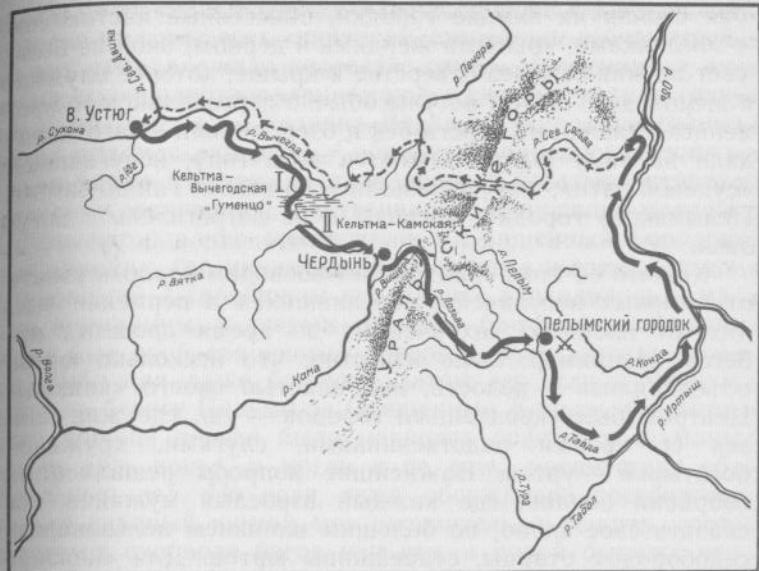
всем близко уже Растесный камень, за которым кончалась река и начинались горы. По другую сторону перевала, неподалеку от истоков Вилсая, были истоки первой сибирской речки Коль, притока Вижая. А речка Вижай вливалась в большую уже реку Лозью, которая протекала по окраине «княжества Пельмского», владения «князя» Асыки. Небольшое, кажется, расстояние по сравнению с двумя тысячами верст предыдущего водного пути, но с каким трудом пришлось его преодолевать!

Летописцы не сообщали никаких подробностей небывалого горного волока через перевалы Среднего Урала, но можно предположить, каких неимоверных усилий это стоило, сколько трудов, настойчивости и смекалки приложили русские ратники, чтобы перетащить на руках через «Камень» тяжелые суда, «тюфяки» и пищали, припасы и снаряжение, необходимые для сражений и многомесячного похода по «земле незнамой», какой была тогда для русских людей Сибирь.

Скорее всего, «тюфяки», пищали, огненный припас, ядра и «дробосечное железо», тюки с товарами и продовольствием, весла, рули, снасти сняли с судов еще перед перевалом, но и без всего этого тяжесть была великая. Ушки катили вверх по бревнам, впряженаясь в бечеву десятками людей. Пушки волокли на деревянных полозьях, тоже бечевой, остальное несли на плечах. И так — день за днем, со стенами и надсадным хрипом, до изнеможения. Простоволосые, в пропотевших нательных рубахах, ратники были похожи на мужиков-страдников. Да это и была настоящая страда — до кровавого пота, через силу.

Вполз судовой караван на перевал, начался спуск — тоже нелегкий и опасный. Теперь ушки не тянули бечевой, а сдерживали, упираясь пятками в камни. И, наверное, великим счастьем показались ратникам быстрые струи горной речки Коль: хоть и немного воды, и перегораживали судовой путь бесчисленные пороги и каменные перекаты, но все-таки не на руках нести ушки, кое-где можно было плыть по течению. Нелегким был путь и по порожистому Вижаяу, но шире стала вода, уже не такая бешеная, а от устья Вижая вниз по реке Лозье и совсем приволье. Правда, еще верст двести Лозьва текла в высоких крутых берегах, но порогов было мало, глубина достаточная, дно песчаное.

Негде было здесь селиться людям: берега обрывались прямо в студеную воду. Но верст за восемьдесят до

Условные обозначения

I
II | Кельтма-Вычегодская
Кельтма-Камская
«Гуменко»
«Каменный волок» | ←
→ | Поход 1483 г.
Предполагаемый путь возвращения
Сражение у Пельмского городка |
|---|---|--|---|

Сибирский поход (1483)

устья Лозьвы левый берег начал постепенно слаживаться, потянулся песчаными отмелями, лесами, болотами. Здесь встречались первые селенья vogульских охотников и рыболовов — паулы. В шалаши, крытых берестяными полотнищами, жили большие vogульские семьи — юрты, объединявшие людей разных поколений, насчитывающие по несколько десятков человек: деды, сыновья, внуки с женами и детьми. Зимой, когда болота замерзали, vogулы уходили в тайгу и там «лесовали» до весны. Добывали лесного зверя разными хитроумными способами: строили на многие версты жердяные «загоны» и облавой загоняли туда лосей; рыли на медведей глубокие ямы-ловушки с острыми кольями на дне; настораживали на звериных тропах большие луки-самострель; ставили силки и петли на зайцев; белок и соболей били из луков тупыми стрелами, чтобы не попортить шкурки. Где-то в лесных чащо-

бах стояли их зимние городки, обнесенные частоколом, с землянками, крытыми жердями и дерном; окон не было, свет проникал через отверстие в крыше, которое служило и дымоходом. Летом вогулы обычно переселялись во временные селения на берега рек и озер, ловили и заготавливали на зиму рыбу. Однако в этом году, испугавшись «судовой рати», они разбежались по лесам. Так до самого Пельмского городка воеводы и не встретились с вогулами.

Кое-что об этом «княжестве» воеводам удалось узнать от «мирных вогуличей», поселившихся в пермских землях, от пленных, захваченных во время прошлых набегов. Например, было известно, что несколько юртов объединялись в волость, под властью своего «князца». Центром был укрепленный городок — уш, где жил князек со своими родственниками, слугами, дружиной богатырей — уртов. Важнейшие вопросы решались на собрании воинов, где каждый взрослый мужчина мог сказать свое слово, но большим влиянием пользовались седобородые старцы, старейшины юртов. Для «князца» собирали ясак белыми шкурками, рыбой, вяленым мясом диких зверей. Но настоящей власти у «князца» не было. Старейшины юртов могли послушаться его, а могли откочевать со своими родичами, и тогда разыскать их в лесах было почти невозможно. Могущество «князца» зависело от благорасположения старейшин: хотели — посылали в городок своих воинов, не хотели — «князец» оставался с немногочисленными уртами.

Так же и «большой князь» Асыка, считавшийся повелителем обширных земель от «Камня» до великой реки Оби, не был хозяином своего княжества. Каждый малый «князец», укрывшийся в укрепленном городке со своими родственниками, слугами и горсткой богатырей-уртов, мнил себя самостоятельным владетелем. Ежегодный ясак да немного воинов в княжеское войско — вот все, что мог потребовать от него Асыка. Собрать «князцев» вместе, заставить их явиться в столицу — Пельмский городок могла только общая выгода или общая опасность. Хитрому Асыке не раз удавалось соблазнить их богатой добычей, уговорить вместе с ним отправиться за «Камень», на Каму или Печору. Но ходить походами за «Камень» становилось все опаснее. Русские воины сражались зло и умело, даже сам Асыка попал однажды в плен и только чудом сумел бежать. «Князцы» присыпали теперь своих воинов неохотно — не верили в удачу.

Но даже если Асыке удавалось собрать в Пельмском городке на совет всех «князцев», старейшин и богатырей, не ему принадлежало последнее слово. Над умами и душами людей властвовали шаманы, а главный шаман (слуга Нури-Торума¹ — Хозяина Верхнего Мира) постоянно сидел рядом с «князем». Собрание начиналось с поклонения богам. «Князцы», старейшины и богатыри отправлялись к священной лиственнице, приносили жертвы. Потом неторопливо шествовали в Священный Городок, в кумирницу, где множество идов тоже ждали жертвоприношений. Старейшины поодиночке расходились в малые кумирницы, к старым родовым божкам: у каждого юрта был свой священный предок — волк, олень, лисица, рыба или даже бабочка. Затем все шли в Черную юрту на берегу Пельмы за Священным Копьем, без которого вообще нельзя было начинать совета, а шаманы могли дать копье, а могли и не дать, препятствуя обсуждению дел. Но если даже обсуждение состоялось, только главный шаман мог окончательно решить, соответствует оно воле богов или нет, и порой бывало, что шаман не соглашался с «князем». Тогда приходилось посылать гонца на Конду-реку, в древнее святилище, куда не было доступа никому, кроме шаманов. Оракул святилища решал, кто прав. Правым почему-то всегда оказывался главный шаман, и «князь» Асыка предпочитал не спорить с ним.

Шаманы... «Князцы»... Старейшины юртов... Седобородые старцы... Богатыри-урты, каждый из которых имел свое хозяйство, промыслы, рабов и свободу в выборе предводителя... Как объединить их?

Известие о том, что русские воины на больших лодках переплыли через «Камень» и плывут по сибирским рекам Лозье и Тавде, приближаясь к столице «князя» Асыки, обеспокоило «князцев» и старейшин. Тюменские татары давно нападали на вогульские земли, но они воевали окраины, а русские суда плыли к Пельмскому городку, который боги избрали для своего обитания. И дружины вогульских «князцев» начали собираться по зову «большого князя» Асыки. Здесь, при впадении Пельма в реку Тавду, «большой князь» Асыка решил дать бой прещельцам.

¹ Нури-Торум — медведь, верховное божество вогулов, по преданию спустился с неба и поселился в Уральских горах.

Крытые берестой большие лодки-обласы и быстрые, юркие челноки-берестянки подплывали к устью реки Пелым, где расположился Пелымский городок, обнесенный земляным валом и деревянными стенами. Внутри городка стояли избы из бревен с пологими двускатными крышами, покрытыми полосами сшитой бересты, с небольшими, высоко прорубленными дверями и окнами, затянутыми рыбьими пузырями; амбары на столбах, куда поднимались по бревнам с зарубками; просторное помещение для «собрания воинов». В таком укрепленном городке вполне можно было отсидеться, но Асыка не желал прятаться от русских воевод, надеясь на многочисленность и храбрость своих воинов.

«Князцы» и старейшины в окружении уртов и старших слуг важно шествовали к белой юрте Асыки. Карабульский сотник громко называл имя прибывшего. Тот кланялся «князю», отстегивал саблю, скидывал отороченный мехом халат и в одной долгополой рубахе усаживался на циновку. Рабы проворно подносили деревянное блюдо с крошевом из сырых почек, сердца, костного мозга, оленьих языков и губ — «богатырскую пищу», от которой воин становился сильнее и отважнее. Рядом с блюдом лежали круглые лепешки, замешанные на рыбьем жире и крови, куски вареного и вяленого мяса. Нож был у каждого — в деревянных ножнах, привязанных к ноге, чтобы его можно было легко и быстро вытащить. Еду запивали медовым напитком из берестяных ковшиков. Пир продолжался целый день. Сомлевшие «князцы» засыпали тут же, в шатре, а проснувшись, снова принимались за еду.

Возле шатра пировали урты. В больших железных котлах варились болтушка из сушеної рыбы, приправленная мукой, диким чесноком и кореньями. Над кострами жарились туши кабанов. Рабы мелко рубили в деревянных корытцах свежую нельму. Асыка не жалел припасов. Известно ведь, что сытый воин — сильный воин.

Простые воины, охотники и рыболовы ставили шалаши поодаль, тихо сидели вокруг маленьких костерков, о чём-то шептались. Многоопытному Асыке это не нравилось. Урты бодры и веселы, они готовы сражаться с кем угодно и где угодно, в этом их жизнь, их предназначение. Но почему молчаливы и пасмурны воины из паулов? Почему их так мало? Не пришли воины с Лозьвы, Конды... Да и «князцы» явились не все...

А «судовая рать» Федора Курбского Черного и Ивана Салтыка-Травина уже плыла по реке Тавде к городку. Шумели по обе стороны дремучие леса, селенья на редких полянах были покинуты жителями. Наконец, на низком левом берегу Тавды, там, где в нее вливается речка Пелым, за широкой пойменной луговиной показался городок «князя» Асыки: бревенчатые стены с башенками, желтые откосы вала, высокая крыша дома «собрания воинов». А между городком и рекой, на лугу, белая большая юрта, множество шалашей из бересты, чадящие костры, людская сутолока.

Всполошились vogуличи, узрев «судовую рать», толпой побежали к берегу. Навстречу каравану вынеслись легкие берестянки с vogульскими лучниками. Их отогнали выстрелами из пищалей и «тифяков», не дали пустить стрелы. Боевой vogульский лук — опасное оружие, дальнобойное и меткое. Его склеивали из двух полос дерева: внутренняя — из упругой кедровой крени, наружная — из березы. Весь лук обвертывали тонкими полосками вываренной бересты, чтобы предохранить дерево от влаги. Тетива изготавлялась из волокон крапивы, тщательно вымоченной и обернутой тончайшими берестяными полосками. Большой vogульский лук достигал длины двух метров. Стрелы еловые, длинные, с железными наконечниками, вклеенными в древко серой и обмотанные нитками. Такие стрелы могли пронзить человека насовсем...

Ушки подплывали к берегу, где стояли, выставив копья с наконечниками в виде двусторонне заточенного ножа и охотничьи рогатины, воины из паулов. Снова залп из пищалей, «тифяков», «ручниц». Берег затянуло клубами черного порохового дыма. Прямо с бортов прыгали на песок вологжане, вычегжане, сысоличи, вымичи, устюжане. Московские дети боярские перезаряжали «ручницы» и стреляли с ушкуев. Дрогнули vogуличи и начали разбегаться.

Дольше держались богатыри-урты. У них были мечи, удобные для рукопашного боя, а у богатых даже кольчуги, которые попадали к vogулам от татар и ценились очень дорого. Но устоять против русских ратников, вооруженных легкими и удобными для боя саблями, защищенных панцирями и кольчугами, они не смогли. Когда «князь» Асыка в окружении своих телохранителей поскакал к близлежащему лесу, побежали и они...

Было это 29 июля 1483 года.

Летописные известия позволяют восстановить некоторые подробности боя. Вологодско-Пермская летопись сообщает кратко: «придоша на vogуличи месяца июля в 29 день, и бой был, и побежали vogуличи, Асыка и сын его Юшман». Никоновская летопись добавляет, что vogульский «князь немного бился с ними и побежал в непроходимые места и стремнины», то есть бой был быстротечным, упорного сопротивления vogулы не оказали. Об этом же свидетельствует рассказ устюжского летописца: «был бой на устье реки Пелыма. На том бою убили устюжан 7 человек, а vogуличей пало много, а князь vogульский убежал». Победа, таким образом, была одержана с минимальными потерями с русской стороны.

Конечно, «судовая рать» имела явное превосходство в вооружении (огнестрельное оружие, доспехи), но только этим нельзя объяснить такой быстрый успех. Видимо, местное население не имело особого желания сражаться с русскими. Простые охотники и рыболовы мирно соседствовали с пермяками, часть vogульских родов, живших западнее Уральских гор, уже давно стали русскими подданными. Перед сибирскими «народцами» стоял выбор: попасть под власть «тюменского царя» Ибака или искать покровительства России. Последнее по многим причинам было предпочтительнее...

Показательно, что после разгрома и бегства «князя» Асыки, больше не было сражений с vogулами. Были отдельные стычки в прибрежных селениях, когда русские ратники высаживались с судов — и только. Не осмелился выступить против «судовой рати» и хан Ибак, хотя воеводы проплыли по краю его владений, по реке Тавде и Иртышу.

С разгромом Асыки была достигнута непосредственная цель похода: «княжество Пелымское» больше не могло угрожать «Перми Великой», но воеводы Федор Курбский Черный и Иван Салтык-Травин решили идти дальше, на Обь, где властвовал «большой князь» Молдан и другие сибирские «князья». Летописец сообщает: «Пошли вниз по Тавде-реке, мимо Тюмени в Сибирскую землю; воевали, идучи, добра и полону взяли много. А от Сибиришли по Иртышу-реке вниз, воюючи, да на Обь-реку великую, в Югорскую землю». И здесь обошлось без больших сражений. Летописцы отмечали только, что воеводы «князей югорских воевали и в полон вели», «поимали князя Молдана на реке Оби и княжых Екмычевых двух сы-

нов поимали». Захват знатных заложников впоследствии сыграл важную роль в подчинении vogульских и остыцких племен. О боевых потерях летописцы вообще молчат, хотя отметили, что «в Югре померло вологжан много, а устюжане все вышли». Видимо, сказались тяготы дальнего похода, непривычная пища.

Сама великая река Обь произвела огромное впечатление на русских людей. Летописец, повествуя о «судовом шествии», с удивлением писал, что «ширина ее шестьдесят верст». Судя по тому, что в летописях упоминаются «югорские» князья и «Югра»¹, «судовая рать» прошла по реке Оби далеко на север.

Только здесь, на реке Оби, воеводы поняли, что есть враг много опаснее, чем vogульские лучники и дружины богатырей-уртов,— это немерянные сибирские расстояния. Путевые дни складывались в недели, а вдоль бортов ушкуев тянулись унылые обские берега, и каждый новый день казался повторением пройденного. Левый берег Оби — плоский, испятнанный болотной ржавчиной, ощетинившийся низкими кустарниками — словно сползал в воду. Правый берег был высокий, скалистый. Над обрывом шумел лес, и не было ему конца. Река — единственная проезжая дорога в здешних местах, с нее не свернешь. Неразумного, рискнувшего отклониться от текущей воды, подстерегали зыбкие болота, непролазные буреломы, цепи озер. И тайга, которую перерезали лишь звериные тропы. Путь «судовой рати» Федора Курбского Черного и воеводы Салтыка-Травина был предопределен самой природой, и ушки поспешно плыли на север, навстречу студеным ветрам. К исходу клонился август, последний месяц лета. Тысячеверстный обратный путь страшил своей огромностью, а ведь на этом пути предстоял еще один каменный волок...

Судовой караван останавливался у редких селений, где жили остыки, близкие сородичи vogулов. У них тоже были свои «князцы», свои старейшины, и воины тоже собирались для советов в «собрание воинов». Воеводы собирали ясак, наказывали старейшинам, чтобы не причиняли зла людям «судовой рати», потому что их «большой князь» Молдан тоже плывет на судах, и сопротивление будет ему во зло. Тяжелели ушки от драгоценной пуш-

¹ «Юграй» русские летописцы называли земли, примыкавшие к Северному Уралу, вплоть до Обской губы.

нины, от оленьих, тонко выделанных шкур, от «рыбьего зуба» (моржовые клыки), который местные жители привозили со Студеного моря (*Северный Ледовитый океан*).

Ратники, побывавшие в осяцких селениях, рассказывали о непонятных обычаях осяков. Свою посуду они водой не мыли: поедят и выбросят за порог собакам, те вылизывают дочиста. Покойников хоронят со всем добром, кладут в срубе над могилой лук со стрелами, сети, топор, нож, котел и прочее, что в жизни надобно. Однако все вещи предварительно ломают и портят — чтобы не украли, не обидели покойного. Вдова вырезает из дерева идола, называет его именем покойного мужа, одевает, потчует едой и целый год спит с ним в одной постели. Потом идола хоронят с большим почетом, будто настоящего покойника. А вот женский пол был у осяков не в почете. Девочкам при рождении даже имени не давали, звали всех одинаково — «ими-баба» (*маленькая женщина*). К чужим женщинам не допускали, держали в шалаши. Интересно было смотреть, как шаманы отгоняли болезни: плясали до безумия, до дурной пены из уст, колотили в большие бубны, кричали протяжно: «Ко-о-о!»

...В нижнем течении река разделилась на два рукава. По левому — Малой Оби — и поплыла «судовая рать», постепенно отклоняясь к западу. Упиралась за горизонт коренной высокий правый берег, по обе стороны судового хода тянулись бесчисленные плоские острова, изрезанные протоками, покрытые кустарником и невысоким, клочковатым лесом. Среди плоской равнины тихо вливалась в великую реку Обь тоже немалая река Сосьва, истоки которой стекали с Северного Урала. По Сосьве пролегал дальнейший путь «судовой рати» — домой, в Великий Устюг.

Верстах в пятнадцати от устья Сосьвы, на высоком левом берегу, стояла столица югорского «князя» Пыткея — Сумгут-ваш (*Березовый городок, ныне город Березов*). И здесь обошлось без боя: местные жители принесли на суда ясак и пропустили дальше по реке.

Подниматься по широкой, спокойной Сосьве было не трудно, но места здесь были скучные: болотистые низины, редкие возвышенности с гребенками леса, ивняки на прирусловых валах — взгляду не на чем остановиться. Речка Ляпин, приток Сосьвы, встретила судовой караван многочисленными излучинами, островами, мелями. Вперед-

ди уже синими горными цепями маячил «Камень», поднимался на глазах, устрашая даже неробких. Как одолеть эдакую высоту?

Но одолеть было необходимо, осень уже напоминала о себе жесткими утренними заморозками. Не одолеешь горы — помрешь...

Знали это и воеводы, торопившие людей, и ратники, упрямо налегавшие на весла. Хорошо хоть, путь был известен по прежним походам новгородских «ушкуйников»: за каменным волоком, по другую сторону Северного Урала, берет начало речка Щугор, приток Печоры, ну а там, считай, дома! Только быстрей, быстрей надо одолеть «Камень», потому что до Великого Устюга почти две тысячи верст речного пути, а зима на носу!

Приступали к «Камню», как к стенам вражеской крепости,— яростно, жертвенно, тянули бечеву и простые ратники, и воеводы. Теснины здесь были покруче, чем на вишерских перевалах. После каменного волока даже пороги и водовороты речки Щугор показались благом: сама река понесла ушкуи, только подправляй бег кормовыми веслами да отталкивайся шестами от камней и береговых утесов.

Печора встретила ратников холодными северными ветрами, секущими злыми дождями, но на душе было радостно. Если даже зазимовать придется, то на своей земле. Но можно и успеть — почти месяц до ледостава, а речной путь известен: Печора, Ижма, Ухта, Вымский волок, сама река Вымь, Вычегда, Двина, Сухона — и вот он, родимый Устюг!

1 октября 1483 года «судовая рать» Федора Курбского Черного и Ивана Салтыка-Травина возвратилась в Великий Устюг. «На Устюг пришли на покров», — заканчивает рассказ о сибирском походе устюжский летописец. Шесть месяцев продолжался поход, пройдено, по самым скромным подсчетам, более четырех с половиной тысяч километров. Масштабы поистине богатырские!

Военный успех похода был несомненный, оставалось ждать его политических результатов. Ведь не только для того, чтобы наказать vogульского «князя» Асыку за набеги, ходила по сибирским рекам «судовая рать», в таком случае она могла возвратиться после победы у Пельмского городка.

Ждать пришлось недолго. В том же году, по сообщению летописца, «приходили к великому князю от vogульского

князя Юмшана, Асыкина сына, бить челом об опасе¹ шурина его vogулянина Юрга да сотник его vogулянин Анфим». Согласие Ивана III на посольство было, конечно же, сразу получено: речь шла об установлении вассальной зависимости сибирских князей, в чем было заинтересовано Российское государство. И уже весной 1484 года в Москву прибыло представительное посольство. Этот факт зафиксирован несколькими летописцами. Составитель официальной Никоновской летописи сообщал, что «пришел к великому князю Юмшан, сын Асыкин, от vogуличей. Великий же князь Юмшана пожаловал и устроил его дань давать себе». Более подробно написал о посольстве устюжский летописец: «Пришли с челобитьем князья vogульские и югорские, vogульский князь Юмшан да Колпа, а сибирский князь Лятик, а югорский князь Пыткой, а большой князь югорский Молдан, того с собою наперед князь Федор Курбский привел». Вологодско-Пермская летопись подчеркивала, что посольство это было не от отдельных князей, пусть даже самых сильных, а от всей сибирской земли: «Приходили к великому князю бить челом vogулятин Пыткой с поминками с великим от князей кодских от Лаба и от Чангила и от всей земли...»

Формула договора не вызывает сомнений: все сибирские князья (имеется в виду, конечно, Западная Сибирь, присоединение Восточной Сибири относится к XVII веку) признали вассальную зависимость от России, обязались давать ежегодную дань. Иван III, по словам летописца, «за себя их привел и дань на них уложил». В дипломатических документах конца XV века титул «государя всея Руси» был дополнен словами: «великий князь Югорский, князь Кондинский и Обдорский». Западная Сибирь оставалась «под рукой» России и при великом князе Василии III. Германский посол Сигизмунд Герберштейн в двадцатых годах XVI века называл Василия III, в числе прочих титулов, и «великим князем Югорским», писал в своих «Записках о московитских делах», что из «Сибирской области» привозят в Россию беличьи шкурки, что жители «области Югра... выплачивают государю дань мехами», и все народы, живущие по реке Оби до самого устья, «считаются данниками государя московского», а «по берегам Оби и по соседним рекам в окрестности расположено повсюду много крепостей, властелины которых

(как говорят) все подчинены государю московскому».

По-разному складывались русско-сибирские отношения впоследствии. В тридцатых — сороковых годах XVI века, когда казанские татары резко усилили свои набеги на русские земли в Поволжье и Приуралье и, по словам летописца, ходили «многими походами в многие лета», эти связи временно прерывались. Но после разгрома Казанского ханства в 1552 году в Москву поспешило сибирское посольство, полностью признавшее власть Ивана IV Грозного над Западной Сибирью. Этот факт тоже зафиксирован летописцем: «Пришли послы ко царю и великому князю из Сибири от сибирского князя Едигеря и от всей земли Сибирской, Тягриул да Паньяды, да били челом от князя Едигеря и от всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял в свое имя и от сторон от всех заступил и дань свою на них положил и дорогу своего прислал, кому дань собирать. И царь их пожаловал, взял князя их и всю землю во свою волю и под свою руку и дань на них положить велел. И послы... правду за князя и за всю свою землю дали на том, что им давать государю со всякого черного человека по соболю... И царь послал к ним посла своего и велел всю землю Сибирскую к правде привести и, черных людей переписав, дань свою сполна взять».

В грамотах иноземным государям царь Иван Грозный по праву именовал себя «всех Сибирские земли и Северные страны повелитель». Когда в 1557 году «пришел от Едигеря, князя Сибирского, посол Боянда, а привез дани семьсот соболей», то Иван Грозный счел такую дань недостаточной и «на сибирского посла опалу положил». В следующем же году новые послы от Едигера «привезли дань Сибирской земли сполна» и клятвенную грамоту «с княжею печатью», обязавшись «впредь ежегодно дань царю и великому князю с всей Сибирской земли давать». Сам Едигер писал, что «учинился в холопстве», то есть полностью признавал власть Ивана Грозного над собой. Сибирский «царь» Кучум, свергнувший и убивший Едигера, тоже начал с того, что в 1571 году прислал ясак в том же размере, что и прежде. Но затяжная и принявшая неудачный для России оборот Ливонская война привела к временному разрыву русско-сибирских отношений: «царь» Кучум перестал присыпывать ясак, занял враждебную позицию. Тогда-то и последовал поход Ермака, с которым будто бы связано начало присоединения Сибири.

¹ Опас — охранная грамота для иноземных послов.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Но это уже заблуждение позднейших историков. Во времена Ермака Сибирь считали «вечной вотчиной» московских государей, которой они владели «искони», уже почти столетие. Сохранился интересный отрывок из наказа «приставам», которые встречали в 1586 году польского посла М. Гарабурда (этот отрывок впервые опубликован советским историком А. А. Преображенским). На вопрос посла: «А нечто спросят про Сибирь, каким обычаем Сибирское царство казаки взяли и как ныне устроено?», «приставам» было велено ответить так: «Сибирское царство искони вечная вотчина государей наших. А взял Сибирь великий государь Иван Васильевич всея Руси, царя и государя и великого князя Федора Ивановича прадед, тому ныне близко ста лет, и дань положил соболями и лисицами черными».

Понятно, что дьяки тогдашнего Посольского приказа по традиции приписывали присоединение Сибири самому «государю всея Руси» Ивану III. Но не сам он, конечно, «взял Сибирь», сделали это «судовые воеводы» Федор Семенович Курбский Черный и Иван Иванович Салтык-Травин, которые повели в поход по великим рекам, через каменные волоки русскую рать.

Великие свершения предков живут только памятью народа, а память питается историческим знанием. Пусть портретная галерея памяти пополнится именами воевод Федора Курбского Черного и Ивана Салтыка-Травина, с которыми связано действительное начало присоединения Сибири, ставшей исконно русской землей.

ДАНИИЛ ЩЕНЯ

ДАНИИЛ ХОЛМСКИЙ

Эпоха образования Российского государства, вторая половина XV столетия, выдвинула много способных полководцев. Грандиозны и исторически значимы были задачи, которые решались в это время,— централизация страны и отражение внешних врагов потребовали больших военных усилий от московских воевод, сподвижников великого князя Ивана III. Одним из таких воевод был Даниил Дмитриевич Холмский. Потомок тверских князей, он служил Москве усердно и верно. В 1468 году отличился в войне с казанскими татарами. Он был тогда воеводой в Муроме и, когда казанский отряд появился под городом, предпринял смелую вылазку и разгромил врага. В следующем году Даниил Холмский участвовал в русском походе на Казань.

В 1472 году, когда Ахмед-хан пытался напасть на русские границы (подробно об этом походе рассказывалось в седьмой главе), воевода Даниил Холмский фактически возглавил оборону «берега» на самом ответственном участке, на прямом пути из Дикого Поля к Москве. Московский летописец сообщал: «Того же лета злочестивый царь Ордински Ахмут подвигся на Русскую землю со многими силами, подговорен королем. Слышевше же то князь велики посла воевод своих к берегу со многими силами; прежде всех Федора Давыдовича отпусти с коломничи, а князя Данило да князя Ивана Стрига со многими людьми к берегу посланы».

Как уже говорилось, Даниил Холмский отличился в войне с Новгородом в 1471 году, ему принадлежит честь блестящей победы на реке Шелони. И во время второго новгородского похода 1477—1478 годов он, командуя передовым полком, стремительно перешел по льду озера Ильмень и в одну ночь окружил Новгород. Позже подошли полки великого князя Ивана III. Нов-

городская феодальная обособленность была ликвидирована.

Умелым полководцем и дипломатом показал себя Даниил Холмский и в войне с ливонскими рыцарями, окружившими в 1473 году Псков. По словам летописца, «того же лета пришел посол псковский бити челом великому князю, чтобы пожаловал, оборонил их от немец, поеже бо уже перемирье их отошло, а идут на них немци». Тогда и «послал князь великий Пскову на помочь князя Даниила Дмитриевича Холмского; а с ним многиа полки своя». Помощь подоспела вовремя, немцы не успели захватить город. «Пришедшим же им во Псков и услышавше немци, что пришли воеводы великого князя Пскову на помочь со многими людми, а начаша послы посла своя во Псков о миру, и мир докончаша на всеи воли Псковской на 20 лет». Вскоре полководец был пожалован боярским чином. Даниил Дмитриевич Холмский оказался среди самых ближних людей великого князя. По записи разрядной книги, именно его взял Иван III с собой в Новгород осенью 1479 года, когда накануне нашествия Ахмед-хана особенно остро стоял вопрос об урегулировании русско-ливонских отношений: «Октября в 26 день князь великий Иван Васильевич всея Русии поехал с Москвы в свою отчину в Великий Новгород. А с великим князем бояре князь Данило Дмитриевич Холмской, Петр Федорович, Яков Захарьевич, Василей да Иван Борисовичи...» Холмский, таким образом, поименован в «разряде» при великому князе первым. Это было признание.

В 1480 году Даниил Холмский среди воевод, отравивших нашествие на Россию Ахмед-хана.

И, наконец, главный ратный подвиг полководца — взятие Казани в 1487 году. Разрядная книга сообщала об этом походе скромно: «Лета 6995-го (1487 года) согнал с Казани Магмадаминя-царя¹ брат ево Алегам, пришед из Нагай по слову с казанцы. И князь великий Иван Васильевич всея Русии послал на Казань воевод своих по полкам, и они, шед, Казань взяли с Магмадаминем-царем. В судех: в большом полку князь Данило Дмитриевич Холмской да князь Осиф Ондреевич Дорогобужской...»

¹ Казанский хан Мухаммед-Эмин был сторонником мирных отношений с Российской государством. Посадив его в Казани «из своей руки», Иван III обеспечивал безопасность восточной границы Руси.

Подробнее рассказывает о первом «Казанском взятии» (последнее «Казанское взятие» было в 1552 году при Иване IV Грозном) летописец: «То же весны, апреля 11, отпустил князь великий Иван Васильевич всеа Русии воевод своих к Казани, князя Данила Дмитриевича Холмского, да князя Александра Васильевича Оболенского, да князя Семена Ивановича Ряполовского, да князя Семена Романовича, а царя Магмет-Аминя Казанского отпустил князь великий на другой недели по Велице дни в вторник, апреля 24. А пришли воеводы великого князя и с силою под город под Казань месяца маиа в 18 день, и взяша город Казань¹ июля в 9 день, и царя Алегама Казанского изымашас материю и сего царицею, и с двема браты и с сестрою, и с его князми, и приведоша их на Москву. И князь великий Иван Васильевич всеа Русии царя Махмет-Амина из своей руки посадил на царство в Казани...»

Это был огромный военный и политический успех. Казанское ханство снова «замирилось», что было очень важно в преддверии войны за возвращение западнорусских земель.

Разрядная книга и в последующие годы упоминала о «большом воеводе» Данииле Дмитриевиче Холмском. В 1492 году, когда началась война с Литвой за «верховские княжества», «послал князь великий воевод своих в Северу» (в Северские земли). Снова все русское войско возглавлял Холмский: «в большом полку князь Данило Дмитриевич Холмской». В 1493 году, в год своей смерти, он назван среди самых ближних воевод, составляющих, видимо, военный совет великого князя Ивана III. После перечисления воевод, расписанных по полкам и направленных в разные города, в разрядной книге значится: «А у великого князя воеводы князь Иван Юрьевич, князь Данило Дмитриевич Холмской, князь Александр Васильевич Оболенской, князь Семен Иванович Ряполовской...»

А тем временем на московском небосклоне уже поднималась новая звезда — воевода Даниил Щеня, талантливейший полководец эпохи образования Российского государства, водивший в битвы русские полки при двух великих князьях Иване III и Василии III.

На памятнике «Тысячелетие России» они изображены рядом — Даниил Дмитриевич Холмский и Даниил Ва-

¹ Эти слова выделены самим летописцем.

сильевич Щеня, и за каждым из них — многолетняя ратная служба Отечеству, исторического значения победы: «Казанское взятие» — у Холмского, «Смоленское взятие» — у Щени...

Даниил Васильевич Щеня был отдаленным потомком великого князя литовского Гедимины, «Гедиминович в седьмом колене», как тогда говорили. Но предки воеводы, князья Патрикеевы, давно перешли на московскую службу и занимали видное место при дворе великого князя Василия II Темного (1425—1462). Дед воеводы князь Иван Юрьевич Патрикеев считался первым в военной иерархии Российского государства, был «наместником московским» и «большим воеводой». Но не знатность и не родственные связи выдвинули Даниила Щеню (мало ли было при дворе Ивана III разных Гедиминовичей и Рюриковичей!), а выдающиеся военные способности.

О детстве и юности Даниила Щени неизвестно ничего. Первый раз «государева разрядная книга» упомянула его имя в 1475 году среди двенадцати бояр, сопровождавших Ивана III во время поездки «в свою отчину в Великий Новгород миром». На достаточно скромном месте, где-то в середине боярского списка, значились «князь Иван Булгак да князь Данило Щеня Васильевичи». Спустя десять лет — еще одно упоминание. Вместе с князем Иваном Патрикеевым и Яковом Захарыным, известными уже тогда полководцами, Данииле Щене в 1486 году было поручено вести переговоры с послом германского императора.

Боярин, придворный, дипломат — так начинал свою службу Даниил Щеня. А чисто военное поручение он впервые получил в 1489 году, когда «послал князь великий Иван Васильевич всеа Руси рать свою на Вятку за их неисправление, князя Данила Васильевича Щеня да Григория Васильевича Морозова и иных воевод со многою силою». В записи разрядной книги о вятском походе Щеня поименован первым, во главе большого полка. Это было выражением высокого доверия, потому что сам поход был большим по масштабам и очень важным для России. По сообщению летописцев, под командованием Щени находились «москвичи и владимирцы, и тверичи, и иных городов ратные люди», а всего «было на Вятке великого князя силы 60 тысяч и 4 тысячи».

«Неисправления» жителей Вятской земли, о которых

упоминал летописец в своей записи о походе, были действительно серьезными и опасными для Российского государства.

Вятская земля, бывшее владение Великого Новгорода, еще сохраняла значительную самостоятельность. Она представляла собой как бы огромную поляну среди глухих лесов, отгородивших Вятку от коренных русских областей. Удобные речные пути по Каме и Вятке вели только на юг, к границам Казанского ханства, с которым местная знать поддерживала мирные отношения. В самой Вятской земле были татарские поселения, подвластные «арским князьям». В 1485 году, во время очередного русского похода на Казань, «вятчане отступили от великого князя», и против них пришлось послать войско. Воевода Юрий Шестак-Кутузов вошел в Вятскую землю «со многою силою». До сражений дело не дошло, вятская знать предпочла вступить в переговоры, и воевода «умирился с ними и возвратился».

Однако «умирение», о котором сообщал летописец, было непродолжительным. В следующем же году вятчане напали на Великий Устюг. Город не взяли, но разграбили три волости и сумели уйти от погони, хотя «устюжане в погоню за ними ходили». Вскоре вятчане еще раз учинили разбойное нападение на устюжские земли, пришли «изгоном», на судах. В 1488 году «великого князя воеводы стояли на Устюге, стерегли земли устюжские от вятчан, а сила с ними была двиняне, воожане, каргопольцы, а стояли до осени». Было ясно, что вопрос можно решить только военным путем: на мирные обещания вятчан надеяться не приходилось. Тогда-то и объявили поход.

Войско Даниила Щени вошло в Вятскую землю. 16 августа 1489 года была взята столица Вятской земли — город Хлынов. «Изменники и коромольники» схвачены и отосланы в Москву. По свидетельству летописца, «писались вятчане в слуги великому князю», приняли московского наместника. О признании власти великого князя заявили и «арские князья». Вятская земля окончательно вошла в состав Российского государства.

Это был единственный, если так можно сказать, внутренний поход воеводы. Дальнейшая его военная судьба оказалась связанной с западной границей, где решался

жизненно важный для России вопрос — возвращение русских земель, захваченных Литвой.

Великое княжество Литовское воспользовалось ослаблением Руси после страшного Батыева погрома для расширения своих владений. В конце XIII века великие литовские князья присоединили Полоцкую землю с городами Полоцком, Минском, Витебском; в начале следующего столетия — Турово-Пинское княжество. Затем к Литве отошли Волынь, Подolia, Киевское и Чернигово-Северское княжества, Смоленская земля. Эти обширные области имели русское население, княжили там князья русского княжеского рода, признавшие вассальную зависимость от Литвы. По подсчетам историков, собственно литовцев в государстве было не более одной трети, его часто даже называли Литовско-Русским. Но связанное с Польшей династической унией, Великое княжество Литовское проводило враждебную России политику, всячески препятствовало политическому объединению русских земель. Предпринимала Литва и открытые военные нападения. Каменные стены Московского Кремля неоднократно осаждались литовскими ратями. Литовская граница проходила совсем близко, всего в ста километрах от Москвы. Можайск был порубежным городом. На юго-западе литовские владения вплотную подступали к Калуге. На северо-западе за Литвой оставались города Великие Луки, Ржев и Торопец. Вернуть исконно русские земли, захваченные литовскими князьями, можно было только войной...

Помогло встречное стремление русских князей, оказавшихся под властью Литвы, к воссоединению с Россией. Юридическое положение этих князей было неопределенным. Считалось, что они «служили на обе стороны» — России и Литве. Это давало легальную возможность для перехода на «московскую службу», и многие русские князья воспользовались этим. «Отъехали» от Литвы князья Воротынские, Бельские, Мезецкие, Одоевские — конечно, вместе со своими городами и землями.

Польский король Казимир IV, который одновременно являлся великим литовским князем, пробовал протестовать, посыпал в Москву посольства. Но протесты неизменно отклонялись, посыпали великокняжеские дипломаты отвечали так: «Ведомо королю самому, что нашим предкам, великим князьям, князья Одоевские и Воротынские

на обе стороны служили с отчинами, а теперь наши слуги старые к нам приехали служить со своими отчинами, так они наши слуги».

Когда «королевские люди» пытались препятствовать «отъездам» русских князей силой, на помощь последним приходили московские воеводы с полками. Почти на всем протяжении русско-литовской границы начались военные действия, которые историки называют «странной войной» (1492—1494). Формально война между Россией и Великим княжеством Литовским не объявлялась, велиkokняжеские полки в ней не участвовали, военные действия против «королевских людей» вели сами местные князья, московские пограничные воеводы и наместники участвовали в них будто бы по своей инициативе, без приказа «государя всея Руси».

«Странная война» продолжалась и после смерти короля Казимира IV, когда великим литовским князем стал его сын Александр, не получивший еще польской короны.

Даниил Щеня в то время был «большим воеводой» в Твери. С его именем связан один из самых удачных походов «странной войны» — взятие Вязьмы. Тверской летописец сообщал под 1493 год: «Посыпал князь великий Иван Васильевич воевод своих под Вязьму ратью; они же Вязьму-град взяли и к целованию привели, а вяземских князей и панов привели на Москву, и князь великий повелел им себе служить». Среди воевод, участвовавших в этом походе, Щеня был поименован первым.

5 февраля 1494 года после длительных и трудных переговоров был подписан мирный договор с Литвой. Великого князя Александра Казимировича вынудили признать «отъезды» своих вассальных князей на «московскую службу». Этот «мир» представлял собой, конечно, лишь временную передышку, остановить процесс воссоединения русских земель было уже невозможно.

А пока великий князь Иван III выиграл время для решения еще одной важной внешнеполитической задачи — оказание отпора шведским феодалам, которые захватили Финляндию и исподволь подбирались к Великому Новгороду. С прошлого века шведы удерживали три новгородские волости на севере Карелии. Ими была построена сильная крепость Выборг, которая стала плацдармом

для нападений на русские владения на Ладожском озере и на реке Неве. Дальнейшее продвижение шведов становилось опасным...

В пограничной войне с Литвой, которая только что закончилась, Даниил Щеня был одним из многих воевод, пусть отличившимся дерзким рейдом на Вязьму, но ничем особым не выделявшимся. Не менее успешно действовали, брали штурмом города и громили литовские рати и князь Даниил Холмский, и Яков Захарьин, и князь Федор Рязанский, и Василий Шуйский, и князья Воротынские, и многие другие. Поход на шведов был первым самостоятельным походом Щени. Здесь он был заранее назначен «большим воеводой», возглавил велиkokняжеские полки, выступавшие из Москвы. Новгородские и псковские силы должны были присоединиться позднее, встав под его же начало.

Военные действия начались в июне 1495 года. Передовые отряды русского войска, сравнительно небольшие по численности, вошли в Карелию (об одном из таких отрядов в четыреста воинов сообщала шведская рифмованная хроника). Отряды вели разведку, громили шведские пограничные заставы. А в августе в поход выступили главные силы: из Москвы — «большой воевода» Даниил Щеня с велиkokняжескими полками, из Новгорода — воевода Яков Захарьин, из Пскова — наместник князь Василий Шуйский.

8 сентября 1495 года русское войско подошло к Выборгу, где засел с большим рыцарским гарнизоном комендант крепости Кнут Поссе. Он попытался сделать вылазку из крепости, но она закончилась полной неудачей. «Плохо пришлось шведам тогда, русские их всех перебили», — печально повествует шведский хронист.

Началась осада, длившаяся три месяца. Каменные стены и башни Выборга шведы считали неприступными, к тому же русские не имели опыта штурма таких крепостей. Против каменных стен были бессильны метательные орудия. Возле крепости, стоявшей на островке, нельзя было соорудить «приметы», искусственные насыпи, по которым русские в прошлых войнах всходили на стены.

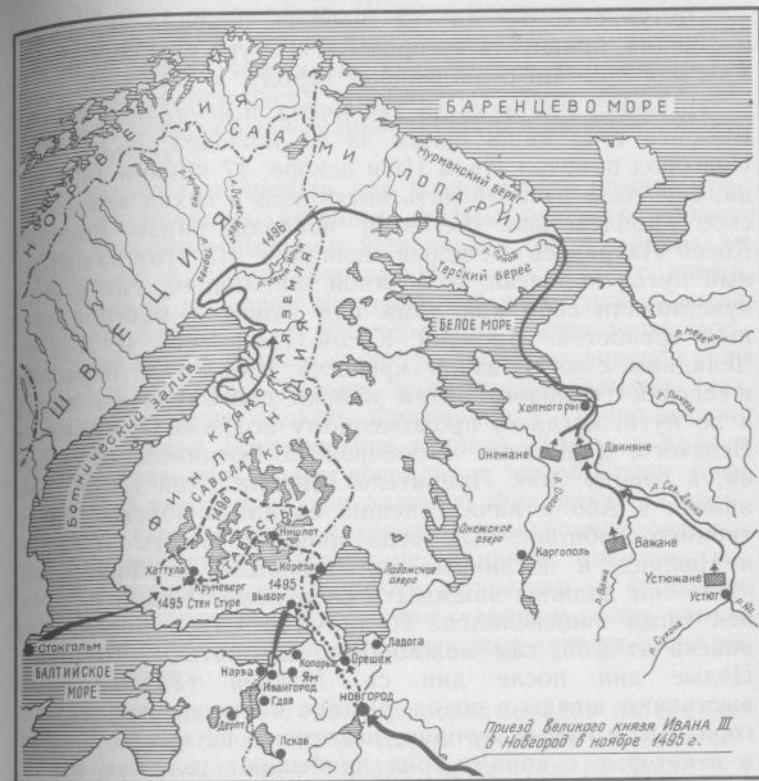
Действия «большого воеводы» Даниила Щени оказались неожиданными для шведских военачальников. При осаде Выборга он широко применил артиллерию, крупно-

калиберные пушки и пищали, которые, по словам того же автора шведской хроники, причинили защитникам крепости «много горя». Вместо трудоемких и опасных из-за обстрела со стен «примётов» были использованы многочисленные штурмовые лестницы. Таких приемов осады крепостей еще не знала история русского военного искусства.

Пока главные силы готовились к приступу, конные отряды опустошали окрестные земли, разрушали шведские опорные пункты. Летописцы специально отметили, что русские воеводы «землю немецкую воевали, и жгли, и пленили».

Штурм Выборга начался 30 ноября 1495 года. Русские летописи не сообщают никаких подробностей, отмечая только, что «под Выборгом убили из пищали Ивана Андреевича Суботу Плещева». Но сохранилась шведская рифмованная хроника, отрывки из которой опубликованы советским историком К. В. Базилевичем. Штурм Выборга описан в ней довольно подробно: «Русские показали свою мощь. Столь много тысяч расположилось перед Выборгом, большое пространство они заняли палатками. На три мили вглубь и в ширину расселились русские. Поэтому Выборг был в сильнейшем беспокойстве. У них были пищали большие и в большом числе. Они хотели стену Выборга пробить большими и малыми пищалями, и часто в несколько тысяч человек бросались на Выборг».

Пушечным огнем были разрушены две башни, в третьей — пробит большой пролом. Шведы поспешно возвели насыпь позади пролома, чтобы преградить дорогу внутрь крепости. С трех сторон русские воины двинулись на приступ со штурмовыми лестницами. Небольшому отряду удалось через пролом ворваться в башню и засесть там. Другие отряды взошли на стены и удерживали их семь часов, несмотря на яростные контратаки шведов. По приказу Кнута Поссе под своды башни, захваченной русскими, закатали бочки со смолой и подожгли. Смельчаки погибли от огня и дыма. Шведы, сражавшиеся с русскими воинами на стенах, отбрасывали штурмовые лестницы, чтобы не подошло подкрепление. Русских, ворвавшихся в крепость, становилось все меньше, но никто не сдавался, предпочитая смерть позорному плену. «Те, которые попадали вниз, потеряли свою жизнь; те, которые находились на стенах, попадали в воду», — писал автор шведской хроники.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- 1495 Поход русских войск под Выборг и на шведскую землю под начальством Ильи и Петра Ушатых (б составе отрядов Двинян, Важан, Онежан, Устюжан)
- 1496 Экспедиция весной 1496 г. в Каянскую землю под начальством Ильи и Петра Ушатых (б составе отряда Финляндии)
- 1495 Вторичный поход в Финляндию с 17.01.1496 г. на области Тавастланд и Саволакс
- 1495 Походы шведских войск под начальством Стена Стуре и разрушение Ивангорода

Походы в Финляндию (1495—1496)

Повторять штурм русские воеводы не стали. Можно только гадать о причинах: то ли потери оказались слишком тяжелыми, то ли приближение зимы заставляло торопиться с возвращением — ведь для подготовки нового штурма требовалось время...

25 декабря 1495 года русское войско возвратилось в Новгород.

Отступление русских от Выборга вызвало ликование в Швеции, правитель которой Стен Стуре уже собрал армию для помощи осажденному городу.

Но война еще не была закончена, и неудачный штурм Выборга стал лишь одним из ее эпизодов. В Великий Новгород приехал Иван III и вскоре, 17 января 1496 года, еще одна русская рать выступила в поход «на Свейское королевство». Ее вели воеводы князь Василий Косой Патрикеев и Андрей Челядинин. На этот раз «ратный путь» пролегал по Южной Финляндии, где шведы чувствовали себя как дома под защитой многочисленных крепостей. Василий Косой Патрикеев и Андрей Челядинин с ходу взяли крепость Нишлот и перебили шведский гарнизон. Затем войско повернуло на запад и по пути, когда-то проложенному полками Александра Невского, двинулось к побережью Ботнического залива, к городу Або. Правитель Швеции Стен Стуре сам явился в Або и начал спешно собирать войско. Автор хроники сообщает: «Он тогда приказал писать на Аланд и Нюланд, и посланные должны были по Финляндии итти, они должны защищать свои дома. Каждый человек тогда зашевелился. Тогда Стен Стуре повел свои войска от Або, там можно было слышать много шума. Целые дни после дня св. Матвея (24 февраля) выступают шведы в поход, рыцари и много шведов, благородные и самые лучшие; некоторые из них с санями, а некоторые с конями; они прибывают так, как могут; девять сотен придворных было там, и все они хотели итти вперед; две тысячи прибыло с Аланда, все благородные люди и набожные. Когда все собрались, всего их собралось свыше 40 тысяч; и они были вооружены прекрасно...»

Хронист рисует картину общей мобилизации — так напугало правителя Швеции движение русского войска к Ботническому заливу. Однако все эти грандиозные приготовления оказались бесполезными. Русские воеводы узнали о выступлении Стена Стуре с сорокатысячной армией и уклонились от невыгодного для них сражения. Они искусными маневрами ушли от погони и возвратились «с полоном многим» в Новгород.

За неполных два месяца рать Василия Косого Патрикеева и Андрея Челяднина прошла полторы тысячи километров, в том числе по чужой, «свейской» земле не ме-

нее девятисот километров. И это в условиях суровой северной зимы, по глубоким снегам, лесам, а в конце похода — по хрупкому весеннему льду озер и по болотам! По свидетельству летописца, в 1496 году «зима вельми лютая была, морозы были великие и снеги, а на весне паводь великая была».

Только-только прошли для Стена Стуре зимние тревоги, как начались весенние походы русского войска. В апреле войско Василия Патрикеева вновь подходило к Выборгу. А другая русская рать во главе с воеводами Иваном и Петром Ушатыми той же весной из устья Северной Двины на судах пересекла Белое море, поднялась по рекам Кольского полуострова до финской границы и устремилась дальше, в «Киянскую землю» (так называли русские область Финляндии у северо-восточного побережья Ботнического залива). Здесь, в районе «девяти рек», они долго воевали, а на обратном пути разорили Северную и Центральную Финляндию. Протяженность этого похода, в котором участвовали ратники из Двинской земли (устюжане, двиняне, онежане, воожане), привычные и к морским переходам, и к речным волокам, и к дорогам по дремучим северным лесам, свыше двух тысяч километров. Ответных мер шведы даже не успели принять.

Однако в августе 1496 года отряд шведов на семидесяти кораблях-бусах «из-за моря» приплыл к Ивангороду. Не подготовленный к осаде город (там не оказалось даже «запаса ратного») они сумели взять неожиданным приступом и устроили поголовную резню, не пощадив ни женщин, ни детей. Но уже через несколько дней шведы бежали, узнав о приближении войска из Пскова. За двенадцать недель псковичи полностью восстановили разрушенные укрепления Ивангорода. Это нападение, скорее, носило характер военной демонстрации, чем серьезного похода.

В марте 1497 года в Новгород приехало шведское посольство, было заключено перемирие сроком на шесть лет. Урегулирование отношений со Швецией стало для России крайне необходимым: вот-вот ожидалось возобновление войны с великим княжеством Литовским. «Мир» 1494 года не прекратил «отъезды» порубежных князей на «московскую службу». Выразили желание «отъехать» от литовского великого князя владетели Чернигово-Ста-

родубского и Новгород-Северского княжеств — Семен Иванович Можайский и Василий Иванович Шемячич, затем князья Трубецкие и Мосальские со своими городами и волостями. Великий князь литовский Александр попытался воспрепятствовать этому. Тогда воевода Яков Захарьян занял Брянск и быстро привел князей «к крестному целованию».

Так началась русско-литовская война 1500—1503 годов, которая прославила имя воеводы Даниилы Васильевича Щени и вписала много славных страниц в русскую военную историю.

Начало войны сложилось явно в пользу России. Почти без сопротивления «передавались» русским воеводам многие города, еще считавшиеся «за Литвой»: Путивль, Мценск, Серпейск, Стародуб, Гомель, Любич, Новгород-Северский, Рыльск. Теперь уже были не пограничные стычки, а широко задуманная великим князем Иваном III военная кампания. О сущности стратегического плана Ивана III мы узнаём из сочинения германского посла С. Герберштейна: «Первый отряд направляет он к югу против Северской области, второй на запад, против Торопца и Белой, третий помещает он посередине против Дорогобужа и Смоленска. Кроме того, он сохраняет в запасе часть войска, чтобы она могла скорее всего подать помощь тому отряду, против которого будет замечено движение литовцев». Вот этой-то «частью войска», которая «сохраняется в запасе», то есть стратегическим резервом, и командовал воевода Даниил Щеня. Пока не определились намерения великого литовского князя Александра, полк Щени стоял в Твери, откуда было удобно идти и к ливонской границе. В Москве знали о том, что Литва ведет активные переговоры о союзе с Ливонским орденом, поэтому вмешательства ливонских рыцарей в войну нельзя было исключать.

Тройной удар по Литве, о котором писал С. Герберштейн, развивался успешно. На юге Яков Захарьян, Иван Репня-Оболенский, Тимофей Тростенский и другие московские воеводы взяли почти всю «Северскую землю». В центре воевода Юрий Захарьян «с товарищами» неожиданным приступом захватил Дорогобуж, последнюю литовскую крепость на пути к Смоленску. Непосредственная угроза Смоленску (до него от Дорогобужа всего семьдесят пять верст) больше всего обеспокоила великого кня-

зя Александра. Он спешно отправил туда «воевод своих, многих панов и гетманов со многими людьми». Литовское войско возглавил гетман Константин Острожский, о котором современники отзывались как о военачальнике, наделенном «выдающейся храбростью и военными способностями». Действия гетмана Острожского всегда отличались дерзостью и решительностью. Узнав, что Юрий Захарьян стоит под Дорогобужем «с малыми людьми», гетман повел свое войско к городу. Победа казалась несомненной.

Лазутчики не обманули гетмана: войска у воеводы Юрия Захарьяна было действительно немного. Но не бездействовала и русская разведка. Великий князь Иван III верно оценил обстановку: наступил момент вводить в дело стратегический резерв. И «князь великий Иван Васильевич всея Руси послал к Юрю на помошь воеводу боярина своего князя Данила Васильевича Щеня с тверского силою». Другой летописец уточняет, что в составе этой «тверской силы» находились великолюбивые бояре и дворяне, и «дети боярские», и иные «многие силы». Важно было, кто первым подойдет к Дорогобужу: гетман Острожский или Даниил Щеня. Преуспел русский воевода, хотя от Твери до Дорогобужа было втрое дальше, чем от Смоленска,— почти двести пятьдесят километров.

Успели подойти к Дорогобужу и русские подкрепления с юга, из «Северской земли»: воевода Яков Захарьян, князь Семен Стародубский, князь Василий Шемячич и другие. Срочно была проведена новая «роспись» полкам. Общее командование принял Даниил Щеня, воевода большого полка. Юрий Захарьян, ранее командовавший русским войском под Дорогобужем, принял сторожевой полк.

Здесь произошел эпизод, очень характерный для местнических порядков: пониженный в должности Юрий Захарьян жаловался великому князю на «умаление чести». Ответ Ивана III был немедленным и резким: «Гораздо ли так чинишь, говоришь: в сторожевом полку быть тебе не пригоже, стеречь князя Данилов полк? Ино тебе стеречь не князя Данилу, стеречь тебе меня и мое дело!»

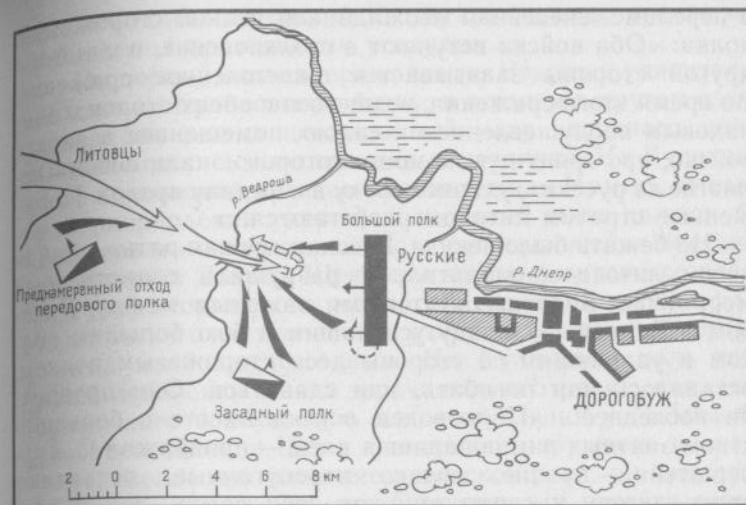
Всего, по польским источникам, под Дорогобужем собралось сорок тысяч русских воинов, а у гетмана Острожского имелось тридцать пять — сорок тысяч че-

ловек, у той и другой стороны были пушки и пища, число которых неизвестно, но которые сыграли значительную роль в сражении. Силы, таким образом, оказались примерно равными. Исход сражения решался военным искусством полководцев и мужеством простых воинов.

Русское войско расположилось станом на Митьковом поле, в пяти километрах западнее Дорогобужа. Место было выбрано очень удачно: через Митьково поле проходила единственная удобная дорога от Смоленска к Дорогобужу. Правый фланг русской армии прикрывал Днепр, противоположный болотистый берег которого исключал возможность обходного маневра литовцев. Левый фланг упирался в большой лес, а впереди, за полем, верстах в двух, протекала речка Ведроша, приток Днепра. В лесу укрылся засадный полк. Важно заманить литовцев на Митьково поле, заставить их перейти Ведрошу и втянуться в бой с большим полком. Тогда удар русского засадного полка может переломить ход сражения. Даниил Щеня намеревался не просто остановить и отбросить гетмана, но полностью разгромить его армию.

План воеводы удался.

Гетман Острожский тоже стремился к решительному сражению, но, в отличие от русских, не имел точных данных о противнике: он по-прежнему считал, что против него стоит малочисленный отряд Юрия Захарынина. Литовцы легко опрокинули русский передовой полк, выдвинутый за Ведрошу, захватили пленных, которые то ли не знали, то ли не захотели сказать о действительной численности русского войска. С. Герберштейн писал: «Когда оба войска подошли к реке Ведроше, то литовцы, бывшие под предводительством Константина Острожского, окруженнего огромным количеством вельмож и знати, разузнали от некоторых пленных про число врагов, а также и их вождей, и возымели от этого крепкую надежду разбить врага». Литовцы «стали искать переправы или брода» через реку, но оказалось, что на большой дороге сохранился мост, по которому навстречу им, на западный берег Ведроши, уже вышли русские воины. Их было немного — Даниил Щеня продолжал осуществлять свой план заманивания литовцев под удар сторожевого полка. Бой на западном берегу Ведроши был скоротечным, русский от-

Бой на реке Ведроше (1500)

ряд начал отступать. Об этом эпизоде тоже сообщает С. Герберштейн: «Раньше всего переправились на противоположный берег несколько московитов и вызвали на бой литовцев: те без всякой боязни оказывают сопротивление, преследуют их, обращают в бегство и прогоняют за реку».

По мосту все литовское войско переправляется через Ведрошу на Митьково поле. Русские воеводы не мешают переправе, ждут, пока через реку перейдут последние литовские полки, пушки, обозы. Неподвижно стоит между берегом Днепра и лесом большой полк воеводы Даниила Щени, пропуская через свои ряды отступающих воинов передового полка.

Вот уже наступающие на Дорогобуж литовские полки прошли мимо засады. Взметнулись вверх знамена русских полков, затрубили боевые трубы. Большой полк грудью встретил врага. Почти шесть часов продолжалась ожесточенная сеча. Большой полк выстоял. Все литовские резервы оказались втянутыми в сражение. И тогда во фланг и в тыл литовского войска ударил сторожевой полк воеводы Юрия Захарынина.

С. Герберштейн, сумевший записать подробности сражения на реке Ведроше со слов очевидцев, так повествует

о переломе, внесенном неожиданной атакой сторожевого полка: «Оба войска вступают в столкновение, и с той и с другой стороны завязывается ожесточенное сражение. Во время этого сражения, ведшегося с обеих сторон с одинаковым воодушевлением и силою, помещенное в засаде войско, про грядущую помочь которого знали весьма немногие из русских, ударяет сбоку в середину врагов. Пораженные страхом литовцы разбегаются...»

Но бежать было некуда. Русская «пешая рать», обойдя лесом литовцев, захватила и разрушила единственный мост через Ведрошу. Литовцам, зажатым между Днепром и Ведрошой, между устоявшим в бою большим полком и ударившим со стороны леса сторожевым полком, оставалось или погибать, или сдаваться. Они предпочли последнее... «Полководец войска вместе с большинством знатных лиц попадает в плен,— продолжал С. Герберштейн,— прочие, сильно перепуганные, оставляют врагу лагерь и сдают ему как себя самих, так и крепости...»

В плен были взяты: сам главный литовский воевода гетман Константин Острожский, маршалок Григорий Остикович, маршалок Лютавр, другие «люди имениные», множество простых воинов (новгородский летописец называет число: пятьсот человек). Еще больше литовцев погибло в сражении, по некоторым сведениям — до тридцати тысяч. Разгром был полный, отборная армия гетмана Острожского фактически перестала существовать.

Это сражение произошло 14 июля 1500 года. Через три дня о победе стало известно в Москве. По свидетельству летописца: «С боя пригнал к великому князю Михаилу Андрееву сыну Плещеева, июля в 17 день, в пятницу, и сказал великому князю воеводу его здравие и божию помочь над литовскою силою, и была тогда радость великая на Москве».

Радоваться, действительно, было чему: Литве нанесли сокрушительное поражение, исключавшее активные военные действия со стороны великого литовского князя Александра. Победа на реке Ведроше закрепила предыдущие военные успехи; отошедшие к России Чернигово-Северские земли избавлены от опасности литовских вторжений. С. Герберштейн писал в своем сочинении «О московитских делах»: «Таким образом через одно только сражение и в один и тот же год владыка Московский достиг того, что

великий князь литовский Витовт¹ добился в течение многих лет и с превеликими усилиями...»

На первый взгляд, сражение на Ведроше удивительно похоже на Куликовскую битву: и в том, и в другом случае исход боя решил неожиданный удар засадного полка. Однако имелись и существенные различия. На Куликовом поле инициатива целиком принадлежала Мамаю, он выбирал направления ударов, и засадный полк должен был действовать в зависимости от складывавшейся обстановки. Воевода Даниил Щеня сам заманил литовское войско под удар сторожевого полка, спрятанного в лесу на фланге литовского наступления, и ударили в тот момент, который считал наиболее выгодным. На Куликовом поле перед русским войском стояла задача только отразить нападение ордынского войска, путь для отступления у Мамая был свободен. Даниил Щеня планировал окружение и полное уничтожение или пленение литовской рати, он намеренно дал возможность гетману Острожскому перейти серьезную естественную преграду — реки Ведрошу, а затем, уничтожив мост, поставил литовское войско в безвыходное положение.

Тем не менее взять Смоленск в 1500 году не удалось. Русские потери под Ведрошой тоже были значительными, и воеводы «писали к великому князю, чтоб к ним людей прибавил». Быстро пополнить полки оказалось невозможно. Неспокойно было и на степной границе, поблизости от которой кочевали орды «Ахматовых детей», остатки Большой Орды. До наступления зимы эта опасность сохранилась, и пришлось держать часть войска на юге. А зимний поход на хорошо укрепленный Смоленск был сопряжен с большими трудностями. Позднее Иван III писал крымскому хану Менгли-Гирею: «А к Смоленску, господине, воевод с людьми не посыпал того для, что снеги выпали великие, да у корму конского от Смоленска мало, не на чем многим людям стоять».

Было и еще одно обстоятельство, пожалуй, самое важное,— реальной стала возможность нападения со стороны Ливонского ордена. «Большой воевода» Даниил Щеня вернулся в Тверь. Туда же приехал и сын великого князя — Василий Иванович. Именно здесь собирались глав-

¹ Витовт — великий князь Литвы (1392—1430), при котором литовские владения на востоке дошли до верховьев реки Оки и Можайска, трижды совершаил походы в Московское княжество.

ные силы русского войска, которые могли, при необходимости, выступить как против Литвы, так и против Ордена. Дальнейшие события подтвердили разумность и дальновидность этого решения. Ливонский орден начал войну.

В августе 1501 года магистр Ливонского ордена Вальтер фон Плеттенберг подступил к Изборску. Ответные действия новгородских и псковских воевод оказались неудачными: в десяти верстах от Изборска, на реке Серице, русские потерпели поражение и поспешно отступили к Пскову. Тогда в Великий Новгород был направлен Даниил Щеня, назначенный «большим воеводой» и наместником. Фактически Иван III возложил на него руководство всей войной с Ливонским орденом.

В октябре 1501 года Даниил Щеня начал «воевать землю немецкую». Русские полки быстро вошли в Ливонию, разрушая по пути рыцарские замки. Первое сражение произошло у Гельмеда, верстах в восемидесяти от границы, на «немецкой земле». Ливонцы вышли навстречу «с многою силою, с пушками и пищалями», однако, по свидетельству летописца, «воеводы великого князя одолели, одних избили, иных поимали, а многи их утекли, и били поганых немцев на 10 верстах, а не саблями светлыми секли их, но били как свиней шестоперами». От Гельмеда рать Даниила Щени пошла по ливонской земле на север, мимо Юрьева к Колывани (*Ревелю*), затем повернула на восток, к Нарве. В ноябре она снова пересекла ливонско-русскую границу возле Ивангорода, совершив огромный полукруг по Ливонии и опустошив все епископство дерптское, половину епископства рижского, области Мариенбурга и Нарвы, то есть добрую треть Ливонии. Позднее ливонские военачальники оправдывались тем, что «этот набег русские совершили чрезвычайно быстро», поэтому ответных мер предпринять не удалось. Но это скорее не оправдание, а похвала «большому воеводе» Даниилу Щене, стремительный рейд которого по «немецкой земле» не задержали ни леса, ни многочисленные реки и речки, ни рыцарские замки, которых тоже было множество. Орден долго не мог оправиться после опустошительного «ответного визита». Магистр Плеттенберг до весны не предпринимал никаких активных действий. Зимой 1501/02 года на ливонской границе сохранялось спокойствие, что вполне устраивало великого князя Ивана III, который в это время готовился к новому походу на Смоленск и именно туда стягивал основные силы.

С весны 1502 года возобновились набеги ливонцев на псковское пограничье, но производились они незначительными силами и отражались псковскими воеводами. Осенью в поход выступил сам магистр Плеттенберг. 2 сентября немцы «со всем злоумышлением» подходили к Изборску, но крепости не взяли и прошли дальше, к Пскову. 6 сентября рыцарское войско «с пушками» подступило к Пскову, обстреляло его. Псковичи предприняли удачную вылазку, отбили несколько приступов. На третий день магистр снял осаду.

Воевода Даниил Щеня, снова посланный великим князем в Новгород, бросился на помощь Пскову. Видимо, московского войска у него было немного, полки состояли из новгородцев под командованием наместника Василия Шуйского и псковичей. Отступавших немцев они нагнали у озера Смолино 13 сентября 1502 года. Это был самый тяжелый бой в военной биографии Даниила Щени...

Ратники передового полка захватили немецкие обозы. Воеводы Андрей Кропоткин и Юрий Орлов-Плещеев не сумели удержать своих людей от грабежа «немецкого коша», боевые порядки нарушились. Расплата оказалась горькой: неожиданным ударом немцы разбили передовой полк: погибли воины, погибли воеводы. Остальные полки Даниила Щени еще не приняли боевой порядок, растянулись по дороге, подходили «изрывкою», как образно сказал летописец. В этой обстановке самым благоразумным было бы остановиться или даже отступить, чтобы приготовиться к генеральному сражению. Но в таком случае немцы смогли бы беспрепятственно уйти и сохранить силы для следующих нападений. Воевода решил атаковать.

Русскому войску противостояла мощная фаланга немецкой пехоты, первая линия которой состояла из полуторы тысячи человек, с пушками и аркебузами¹. Яростной и неудержимой была атака московских и новгородских ратников. Немцам не помог и «огненный бой». Четыреста немецких пехотинцев были убиты сразу, их знамя захвачено русскими. В сече погибли начальник немецкой пехоты Матвей Пернауэр, его брат поручик Генрих, знаменосец Конрад Шварц. Большие потери понесла и немецкая конница, прикрывавшая отход пехоты. Это был успех,

¹ Аркебуза — фитильное ружье с широким раструбом дула.

но это еще не было победой: ослабленное, но все еще боеспособное орденское войско продолжало стоять у озера Смолино.

Видимо, и русские полки понесли значительные потери, так как Даниил Щеня решил возвратиться в Новгород. По свидетельству немецкой «Хроники Рюссова», магистр Плеттенберг «со своими людьми был совершенно утомлен», он отказался от преследования отходивших русских, «стоял на месте до третьего дня и поджидал неприятеля, не придет ли он снова».

Общая военная обстановка торопила Даниила Щеня. З декабря он был отозван великим князем Иваном III из Новгорода — «воевать в Литовскую землю».

В конечном итоге «полупобеда» при Смолине обернулась большим стратегическим выигрышем. Орденскому войску был нанесен такой урон, что магистр прекратил набеги на Псковскую землю. Высвободились войска, так необходимые на литовском театре военных действий, там, где решался исход всей войны.

В 1503 году великий князь литовский Александр, ставший к тому времени и польским королем, запросил мира. По условиям мирного договора Иван III сохранил почти все отвоеванные у Литвы земли: девятнадцать городов и семьдесят волостей. Западная граница России была отодвинута на линию Дорогобуж — Гомель — Чернигов. Однако древний русский город Смоленск остался за Литвой.

А «большого воеводу» Даниила Щеню опять послали оборонять Псковскую землю от ливонских рыцарей, и опять во главе велиокняжеской рати. По словам летописца, в 1503 году «немцы приходили ратью на Псков. А великому князю весть пришла наперед. И он послал ко Пскову силу, а воевода был у них князь Данило Васильевич Щеня, да с ним было много князей, и бояр, и детей боярских. Они же немцам не дали к городу приступить и встретили их далеко от града и с немцами бились». В том же году Иван III «послал рать устюжен и двинян стеречь Ивангород от немцев».

В 1506 году обострилось положение на «казанской украине», и немедленно туда был переброшен Даниил Щеня, признанный уже воевода: в военной иерархии Российского государства он занимал второе место вслед за «воеводой московским». В разрядной книге записано: «По казанским вестям послал великий князь в

Муром князя Даниила Васильевича», причем специально оговаривалось, как только «воеводы сойдутся казанского для дела», быть «в большом полку Данилу Васильевичу».

При новом великом князе Василии III Даниил Щеня стал, наконец, «воеводой московским», официально заняв пост главнокомандующего. Приближалась новая война с Литвой и Польшей, во главе военной организации Российской государства, естественно, оказался самый известный и опытный полководец.

В 1507 году новый великий князь литовский Сигизмунд I Старый принял решение о войне с Россией, в феврале его поддержал литовский сейм, а в марте начались военные действия. Сначала это были мелкие пограничные стычки, в которых принимал участие и Даниил Щеня. В июле 1508 года он вместе с Яковом Захарыным осадил Оршу. Однако артиллерийский обстрел не разрушил городских укреплений. К тому времени к берегу Днепра близ Орши вышло большое войско Сигизмунда. Десять дней противники стояли друг против друга на разных берегах. Продолжать осаду Орши, имея перед собой «литовскую силу», было опасно, и русские воеводы отвели полки к Вязьме. В сентябре Даниил Щеня стремительным рейдом захватил Торопец, «а которые люди литовские приводили торопчан к целованию за короля, и те люди бежали». Это был один из самых удачных походов кампании 1508 года, проходившей с переменным успехом. Щеня со своими людьми остался для обороны Торопца.

Вскоре в Москву приехало литовское посольство, в начале 1509 года был заключен мирный договор с Литвой. Честолюбивые замыслы Сигизмунда I — вернуть утраченные после войны 1500—1503 годов владения — провалились, он официально признал присоединение этих земель к России. Не возражал против урегулирования русско-литовских отношений и Василий III. Военные действия показали, что к решению главной задачи — возвращению Смоленска — русская армия еще не готова. Попытки взять сильно укрепленные города оканчивались неудачей. Нужно было создавать мощные осадные пушки, способные разрушать каменные стены и башни.

Мир между Россией и Литвой обеспокоил Ливонский орден. Ровно через неделю после возвращения из Литвы московского посольства, которое привезло утвержденный

Сигизмундом I договор, в Москву приехал ливонский посол Голдорн, и сразу же было заключено перемирие сроком на четырнадцать лет.

Нельзя сказать, что для России начались мирные годы: на рубеже первого и второго десятилетий XVI века начались набеги крымских татар, на «берег» Оки и Угры ежегодно приходилось посыпать воевод с полками, даже «большой воевода» Даниил Васильевич Щеня выходил на «крымские украины» с «многими воеводами». Но главным оставалась все-таки подготовка к смоленскому походу...

Город Смоленск являлся ключом к решению задачи исторического значения — воссоединения с Россией братских украинского и белорусского народов, к дальнейшему продвижению в Прибалтику. Днепровский речной путь связывал Смоленск с Киевом, со всей Украиной. Близлежащий Витебск открывал путь в Прибалтику по Западной Двине. Большие сухопутные дороги вели на Минск и Вильно. Богатый и многолюдный город, торговый и ремесленный центр обширной области, Смоленск, по оценкам современников, имел «почти равную с Москвою величину». Стратегическое значение Смоленска хорошо понимали и противники России. И Казимир, и Александр, и Сигизмунд прилагали все силы, чтобы удержать его, при малейшей угрозе немедленно посыпали на помощь смолянам войска. Смоленск имел первоклассные по тем временам укрепления, стены его выдерживали огонь из больших пушек. Удачным было и само расположение города: он стоял на холмах, к тому же был прикрыт рекой. Русский летописец писал: «град же, имея твердость, стреминами гор и холмов великих затворено и стенами великими укреплено». Так что в военном отношении взятие города казалось почти невозможным. Однако русское население Смоленска не было на стороне Литвы. В городе неоднократно поднимались восстания против литовских наместников, были случаи, когда горожане приглашали в Смоленск русских князей и даже «откладывались» от Литвы. Литовские великие князья всячески заигрывали с городской верхушкой, давали смолянам привилегии. Так, король Александр в 1500 году освободил смоленских купцов от торговых пошлин на всей территории своего государства сроком на пятнадцать лет, в 1502 году смоленским мещанам было предоставлено право не платить шесть лет подати, а в 1505 году король

дал смолянам грамоту, предоставлявшую им разные льготы и запрещавшую незаконные действия наместников. Однако все это, как показали дальнейшие события, не перевесило естественную тягу жителей Смоленска к воссоединению с Россией.

Сигизмунд I надеялся на помощь крымского хана Менгли-Гирея, который тоже был обеспокоен усилением России. Королевские послы зачастили в Бахчисарай. Осенью 1512 года Василий III достоверно узнал, что Сигизмунд «наводит» на русские земли «крымского царя» и недавние набеги крымцев «на украинные места» были произведены «по королёву же наводу». Вмешательство крымского хана осложнило обстановку, но не остановило русского похода на Смоленск.

Первый смоленский поход начался в ноябре 1512 года. Из Вязьмы быстро двинулся к городу передовой отряд русского войска. Князю Репне-Оболенскому и конюшему Челяднину, которые вели этот отряд, было велено взять только смоленские посады и, не задерживаясь, двигаться дальше, к Орше и Друцку. Туда же спешили из Луцк полки князей Одоевского и Курбского, новгородские и псковские «пищальники» князя Василия Шуйского. Передовые отряды должны были очистить от противника окрестности Смоленска, а потом прикрыть с запада главные силы от возможного удара короля Сигизмунда, не давая ему прийти на помощь осажденному городу. Свою задачу передовые воеводы выполнили. И тогда 19 декабря 1512 года из Москвы выступили основные силы во главе с самим великим князем. Фактическим руководителем был опытный воевода Даниил Щеня, который находился с великим князем и значился по «росписи» воеводой большого полка, то есть занимал самую высокую должность в войске.

28 декабря великолукские полки прибыли в Можайск, где к ним присоединились рати из Дмитрова, Волоколамска, Городца.

В начале января 1513 года основные силы русского войска подошли к Смоленску и начали осаду. Сигизмунду не удалось прислать помочь горожанам, потому что передовые отряды русских надежно прикрыли Смоленск с запада. К тому же войско из «Северы» во главе с князем Василием Шемячичем и другими воеводами совершило дерзкий отвлекающий рейд на Киев и даже сожгло городские посады. Первый этап зимней кампании, таким обра-

зом, удалось полностью. Но дальше дело застопорилось. В Смоленске оказался сильный гарнизон, мощные стены выдержали многодневный пушечный огонь, а приступы отбивались с большими потерями: во время одного из первых приступов погибло две тысячи русских ратников...

Чтобы уменьшить потери от «огненного боя» со стен, было решено предпринять ночной штурм. Начать штурм поручили псковским «пищальникам». По распоряжению великого князя Василия III в лагерь «пищальников» привезли три бочки пива и три бочки меда. Сотник Хоруза почевал каждого уходящего в бой — словно благословлял на подвиг. Неслышино ступая по снегу, уходили в темноту «пищальники», с саблями у пояса, с «ручницами» за спиной, со штурмовыми лестницами в руках. Следом двинулась «посоха» — вооруженная копьями, топорами, длинными ножами, булавами и кистенями пехота. Застыли у пушек и пищалей пушки, готовые ударить по гребню стены, поддержать штурмующих.

Литовские караульные поздно заметили скользящие в темноте тени русских пешцев, штурмовые лестницы уже легли на стены. Первые псковичи забрались на верх, когда из бойниц ударили литовские пушки. Потекли потоки горящей смолы, поджигая штурмовые лестницы. Литовцы теснили проникших на стену псковичей, которых становилось все меньше и меньше. Удалили русские пушки — по гребню стены, по метавшимся с факелами в руках литовцам. С криками подбегала, подняв над головами штурмовые лестницы, «посоха». А в лицо ей языки пламени, ядра и свинцовые пули аркебузов, камни, стрелы, горящая смола. Набегали толпы пешцев и снова откатывались, столь сильно огрызался град Смоленск, свой вроде бы город, а ныне хуже чужого, смертоносный...

Не удался и ночной штурм.

Шесть недель стояли великолкняжеские рати под Смоленском, то швыряя ядра из пушек и пищалей, то с воинственными криками бросаясь на приступы. Тщетно!

На исходе февраля великий князь Василий III приказал снять осаду. Наступила ранняя весна, дороги разрушали оттепели и паводки, не оставалось корма для коней. В начале марта войско вернулось в Москву.

И сразу, буквально через несколько дней после возвращения Василия III в столицу, было принято решение о новом походе на Смоленск, теперь уже летнем. В разрядной книге записано: «марта в 17 день приговорил князь великий и с боярами идти к Смоленску в другие». Тогда же была сделана «роспись», где «быть воеводам по украинам береженья для». В Вязьме, на литовской границе, был оставлен «в большом полку боярин князь Данила Васильевич». Это понятно: район Вязьмы являлся тем плацдармом, с которого начнется новый смоленский поход. Как всегда, «большой воевода» Щеня оказался на решающем направлении войны.

Но второй смоленский поход начался не сразу. «Того же лета июня в 14 день князь великий Василий Иванович всея Русии пошел в Боровск своего для дела смоленского, и пришел в Боровск июня в 18 день, а из Боровска пошел к Смоленску сентября в 5 день». Сразу возникает два вопроса: почему Василий III пошел в Боровск, отклонившись к югу от прямой дороги на Смоленск, и почему он простоял там так долго, упуская самые удобные для похода летние месяцы?

На оба эти вопроса ответ один: реальная опасность вторжения с юга, со стороны крымского хана Менгли-Гирея, который состоял «в единичестве» с королем Сигизмундом. Из Боровска представлялась возможность действовать в любом направлении — и против хана, и против короля. Об этом прямо говорил летописец: в Боровске великий князь «берегся от своих недругов, от короляпольского и от царя крымского». Кроме того, на южную границу, для «украинского бережения», пришлось выдвинуть значительные силы. Пять полков были посланы в Тулу, еще пять полков заняли оборонительную линию по реке Угре, «посошные люди» и «дети боярские» из разных городов охраняли броды и «перелазы» через реку Оку. В Москву поступали сведения, что Менгли-Гирей собирается напасть «на великого князя украину, на Тулу, и на слуг его, на князей Василия Шемячу и Василия Стародубского» (то есть на «Северскую землю»), что хан уже послал к русским границам «царевича Мухаммед-Гирея и иных своих детей со всеми своими людьми». В июне крымские татары действительно приходили под Брянск, Путивль, Стародуб. Но сам хан, видимо, узнав, что главные силы русского войска не ушли к Смоленску, а стоят в Боровске, не решился на большой поход. В июле на «крым-

ской украине» продолжались небольшие стычки, а затем крымцы ушли. Только тогда начался второй смоленский поход...

Русские воеводы придерживались тактики, уже проверенной во время прошлого похода. Передовые отряды русского войска стремительно ворвались в Литовскую землю, сожгли смоленские посады и прошли дальше, чтобы не дать возможности королю Сигизмунду прислать подмогу. Король в панике писал: «Московский враг опустошает и разоряет наши владения. Литовцы же, охваченные страхом, располагают для защиты лишь своими силами, так как приглашать на помощь иноземцев уже поздно».

Только получив вести от воевод о том, что они «отняли у смолян посады» и успешно продвигаются в глубь Литвы, двинулся из Боровска сам Василий III и «под Смоленск пришел сентябрь в 22 день».

Русские воеводы учли уроки прошлой осады и по-заботились об усилении артиллерии. По свидетельствам современников, в войске Василия III было две тысячи больших пищалей, «чего никогда еще ни один человек не слыхивал».

Перед русскими пушкарями стояла трудная задача — Смоленск был первоклассной по тем временам крепостью. Король Сигизмунд хвастливо писал: «крепость мощна, благодаря самой реке, болотам, а также благодаря человеческому искусству, благодаря бойницам из дубовых брусьев, уложенных срубом в виде четырехугольников, набитых глиной изнутри и снаружи; окружена она рвом и столь высоким валом, что едва видны верхушки зданий, а самые укрепления не могут быть разбиты ни выстрелами из орудий, ни таранами, да и не подрыться под них, ни разрушить или сжечь при помощи мин, огня или серы».

Но король ошибся: русские ядра все-таки делали в стенах большие проломы, была разбита одна из башен — Крыношевская. Но то, что разрушалось пушечным огнем днем, ночью восстанавливалось смолянами. Осада затягивалась. Может быть, и удалось бы в конце концов сломить упорство осажденных, но благоприятное для осады летнее время было упущено из-за крымской опасности. «Приспели осени дни студеные, а корму конского скудно было», — печально писал автор «Повести о Смоленском взятии».

А тут еще стали приходить известия, что король Сигизмунд собрал тридцатитысячную армию и готовится идти к Смоленску...

Простояв под городом четыре недели, великий князь Василий III 21 ноября возвратился в Москву. То, что это лишь передышка перед новым походом, понимали и Василий III, и король Сигизмунд. Не надеясь на собственные силы, Сигизмунд нанял семь тысяч польских «жолнеров», для уплаты которым пришлось вводить дополнительные налоги. В смоленскую крепость был назначен новый воевода Юрий Сологуб. Оживленно велись переговоры с крымским ханом, чтобы согласованно выступить против России.

В феврале 1514 года «князь великий Василий Иванович всея Русии приговорил итти в третии к Смоленску», — свидетельствует разрядная книга. Следующие записи дают возможность понять общий план войны. Русские военачальники учли уроки прошлого года и решили, обезопасив себя с юга выдвижением сильного войска в Тулу, направиться весной прямо на Смоленск, чтобы летом закончить дело, невзирая на маневры крымского хана. «Мая в 4 день послал князь великий на Тулу воевод», с ними было пять полков; другие воеводы стояли в Рязани, Серпухове и на реке Угре. Вся «крымская Украина» была надежно прикрыта. Полки, направленные в смоленский поход, снова возглавил воевода Даниил Васильевич Щеня. «Того же месяца в 30 день отпустил князь великий в Дорогобуж боярина своего князя Даниила Васильевича да князя Михаила Львовича Глинского, а из Дорогобужа велел итти часа того к Смоленску», где Щеня должен был принять командование большим полком.

Снова были приняты меры к тому, чтобы отрезать Смоленск от «литовской помощи». 7 июня новгородским наместникам Василию Шуйскому и Ивану Морозову было приказано двигаться к Орше, на «Дрюцкие поля».

8 июня из Москвы выступил великий князь Василий III с братьями Юрием и Семеном, со «всеми силами». Рать для третьего смоленского похода была собрана огромная — до восьмидесяти тысяч человек. Двигалась она медленно, так как к городу везли «большой наряд», тяжелые осадные пушки, которых по одним сведениям

было сто сорок, а по другим — даже триста. «Великие пушки», ядра которых весили несколько пудов, тянули на полозьях сотни «посошных людей», для них приходилось специально строить или укреплять мосты.

Только в середине июля основные силы русского войска подошли к Смоленску. Начались осадные работы. Тысячи «посошных людей» насыпали валы для пушек, перегораживали «рогатками» выезды из города, ставили «тын», чтобы предупредить неожиданные вылазки, готовили «туры» (хворостяные корзины, набитые песком, для защиты от пуль и картечии) в целях прикрытия «большого наряда», расположившегося метрах в шестистах — восьмистах от стен крепости. Артиллерии отводилась главная роль в предстоящей баталии: предыдущие приступы показали, какими большими потерями и какими малыми шансами на успех оборачивались попытки штурмовать неразрушенные стены.

Наконец приготовления были закончены, и 29 июля 1514 года заговорили «пушки великие», «большой наряд». Огонь был сокрушительным. То там, то здесь рушились участки стены, к которым немедленно подбегали русские «пищальники», чтобы помешать литовцам восстановить укрепления. В городе начались пожары: ядра, перелетавшие через стены, убивали людей на улицах.

Летописец так описывал последний день смоленской осады: «Пришел князь великий сам и с своими братьями под город Смоленск с многими силами и с великим нарядом пушечным. И пушки и пищали большие около града поставив, повелел бить град со всех сторон, и приступы великие чинить без отдыха, и огненными пушками в град бить, так что от пушечного и пищального и людского кричания и вопля, также и от градских людей супротивного боя пушек и пищалей, земля колебалась, и друг друга не видели, и весь град в пламени и дыму, казалось, вздымался. И страх великий напал на горожан, и начали из града кричать, чтобы великий государь пожаловал, меч свой унял, а бою велел перестать, а они хотят государю бить челом и град сдать».

Особенно отличился пушкарь Стефан, стрелявший из самой большой пушки. Первым же выстрелом он попал в жерло крупнокалиберной крепостной пушки, ту разорвало, и осколками побило много литовских пушкарей.

Потом Стефан ударили по гребню стены «ядрами мелкими, окованными свинцом», которые буквально смели со стены ее защитников. Не менее губительным был и третий выстрел «большой пушки»¹ умельца Стефана: огромное ядро упало в толпу литовского воинства.

Над воротной башней Смоленска был выкинут белый флаг. Стихла пушечная канонада. Смоленский наместник Юрий Сологуб и местный епископ Варсанофий пришли в шатер Василия III просить о перемирии на один день. Ему было отказано, великий князь требовал немедленной сдачи города. Обстрел города возобновился с прежней силой. «Мещане и черные люди» Смоленска не желали больше сражаться с русскими, и под их давлением власти согласились, наконец, на капитуляцию. В город отправились сын боярский Иван Шигона-Поджогин и дьяк Иван Телешов, чтобы сообщить смолянам условия сдачи. Победители были великодушны: великий князь Василий III обещал отпустить «воевод и жолнеров», которые не пожелают перейти на московскую службу; подтверждалась прежние «жалованные грамоты» городу; город должен управляться «по старине», освобождался он и от некоторых налогов. Осажденные приняли эти условия.

«И июля в 31 день,— продолжает летописец,— князья и бояре смоленские град отворили, а сами пошли пешком к шатрам великому государю челом ударить и очи его видеть, да тут и приказались великому государю и крест целовали. И князь великий их пожаловал, слово свое им жалованье молвил и есть их звал. И в град Смоленск послал боярина своего и воеводу князя Даниила Васильевича Щена и иных своих воевод с многими людьми, и велел им прочих людей, и князей, и бояр, и мещан, и всех людей града Смоленска к целованию привести и речь им государскую жалованью говорить».

Это было почетнейшее поручение — первым войти в побежденную крепость, принять присягу у горожан и говорить с ними от имени «государя всея Руси». Это было признание выдающихся заслуг и ратной доблести «большого воеводы» Даниила Щени, его более чем двадцатилетних воинских трудов на опасном литовском рубеже.

¹ Скорострельность «больших пушек» тогда была очень незначительной, чтобы перезарядить их для следующего выстрела, требовалось не менее двух часов.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Имя воеводы навечно связано в народной памяти с самым значительным событием военной истории начала XVI столетия — возвращением в семью русских городов древнего Смоленска.

Слава Даниила Щени началась со славной победы на Ведроше. Завершилась его военная биография не менее славно — в коленопреклоненном Смоленске, над которым вновь реяли русские стяги¹.

¹ После 31 июля 1514 года ни разрядные книги, ни летописи о Данииле Васильевиче Щене не упоминали.

МИХАИЛ ВОРОТЫНСКИЙ

После «смоленского взятия» основные военные усилия Российского государства были перенесены на юг и юго-восток для защиты от татарских набегов «крымской Украины» и «казанской Украины». На степной границе России, протянувшейся более чем на тысячу километров, шла непрерывная война, в которой иногда случались кратковременные перемирия, но никогда не было прочного мира. По приблизительным подсчетам, только за первую половину XVI века крымские татары сорок восемь раз совершали набеги на русское пограничье, на каждый мирный год «крымской Украины» приходилось три-четыре года войны. А если прибавить казанские набеги, которых было около сорока, то на каждое десятилетие приходился в среднем только один мирный год!

Военную активность Казанского ханства удавалось иногда нейтрализовать дипломатическим путем, выдвигая и поддерживая дружественно относившихся к России претендентов на ханский престол. Можно было организовать походы на Казань: русские «судовые рати» по Великому волжскому пути легко доходили даже до столицы ханства, вынуждая казанцев на какое-то время «замириться».

Опаснее было Крымское ханство, не поддающееся ни дипломатическому, ни военному воздействию. Крымский хан стал вассалом турецкого султана и последовательно проводил враждебную России политику. Разбойничий набеги и захват пленников, которых потом продавали на невольничих рынках в крымских городах, вымогание даров и поминок¹ являлось чуть ли не единственным

¹ Поминки — подарки, посыпавшиеся московским правительством в XV—XVII веках татарским ханам с целью предотвратить набеги их орд на русские земли.

средством существования для крымских феодалов, так как собственная экономическая база Крыма (малопродуктивное кочевое скотоводство) не удовлетворяла стремление хана и его окружения к обогащению. Разгромить это разбойничье гнездо было практически невозможно — Крым отделяли от русских городов огромные просторы Дикого Поля. Преодолеть степи большой армией с артиллерией и обозами нелегко, тем более что единственная сухопутная дорога в коренные «крымские улусы» проходила через Перекоп — узкий перешеек, сильно укрепленный турецкими инженерами. «Янычары с пушками» принимали участие и в непосредственной обороне укреплений, турецкие гарнизоны стояли во многих крепостях Крыма. Решительное наступление на Крымское ханство означало открытую войну с могущественной тогда Османской империей. Оставалось одно — обороняться, надежно прикрыть степную границу, создать такую систему обороны «крымской Украины», которая способна отражать и набеги грабительских шак, и большие вторжения хана.

Это было очень нелегко. Протяженность «крымской Украины» огромна, а противник быстр и неуловим. Русский историк С. Ф. Платонов писал, что свойства врага, с которым приходилось бороться, были своеобразны: это был степной хищник, подвижный и дерзкий, но в то же время нестойкий и неуловимый. Он «искрадывал русскую Украину», а не воевал ее открытой войной, полонил, грабил и пустошил страну, но не завоевывал ее, он держал московских людей в постоянном страхе своего набега, но в то же время не пытался отнять навсегда или даже временно присвоить земли, на которые налетал внезапно, но короткою грозою.

Эти наблюдения справедливы, если говорить о повседневном быте русского пограничья. Но если бы дело ограничивалось только такими короткими грозами!

Крымские ханы были в авангарде турецкой экспансии в Восточной Европе, они преследовали далеко идущие политические цели, вплоть до восстановления ордынского владычества над Россией, и военные силы, находившиеся в их распоряжении, были весьма значительными. В большие походы, с привлечением войска из других татарских юртов и турецкой помощи, крымский хан мог вывести до ста тысяч воинов. Собственное его войско, при полной мобилизации крымских «улусов», достигало сорока —

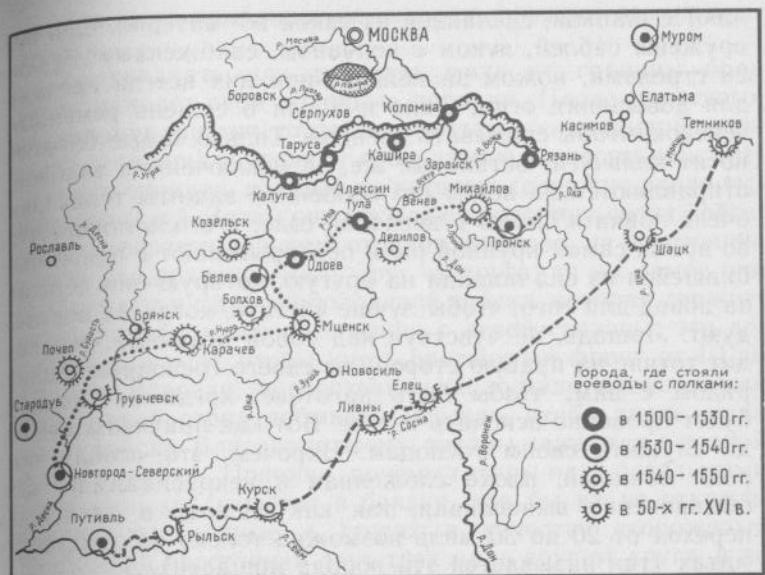
шестидесяти тысяч всадников. Войско возглавлял в походах или сам хан, или «калга» (наследник престола). Крымские «царевичи» могли вывести в поход пятнадцать—двадцать тысяч всадников, а отряды «улусных мурз», которые «искрадывали» русские пограничные земли, состояли из нескольких сотен или тысяч воинов.

Огромные усилия, средства и человеческие ресурсы потребовались Российскому государству, чтобы создать оборонительную систему на южной границе. Далеко в степь высыпались заставы, способные предупредить о готовившихся нападениях. Устраивались лесные «засеки», строились крепости, дороги перегораживались валами и частоколами, в пограничных городах и на берегу Оки, являвшемся главным оборонительным рубежом, постоянно стояли воеводы с полками. В наиболее опасное летнее время на «крымской украине» несли свою нелегкую службу десятки воевод.

Постепенно пограничные укрепления соединились в «засечную черту»—единий, весьма сложный оборонительный комплекс, состоявший из укрепленных городов, лесных и водных преград, специально созданных фортификационных сооружений (валы, рвы, частоколы), которые защищали большие дороги и открытые пространства, удобные для вторжений крымской конницы. Эта оборонительная линия около тысячи километров — уникальный памятник военной фортификации, не имеющий аналогов в мировой истории. Глубина ее обороны достигала двухсот километров, не считая выдвинутых в «поле» сторожевых застав.

Но укрепления только тогда могли сыграть свою роль, когда они защищались достаточными военными силами. Равномерно распределить войска по всему тысячекилометровому рубежу было невозможно, требовался умелый маневр наличными силами, полководческое искусство воевод, тем более что крымцы были врагом не только сильным, но и коварным. Они старались нападать неожиданно, любили обходные маневры, фланговые удары, применяли разнообразные военные хитрости.

Интереснейшие сведения о крымском войске, его тактике и военных хитростях сообщал в своем сочинении «Описание Украины» французский инженер Боплан, почти полтора десятка лет строивший крепости на южной гра-

Условные обозначения

Основная линия обороны «берега»

Оки и Уеры

Передовая линия обороны «окраинных городов» созданная в 30-40 гг. XVI б.

Пограничные области от «поля», прикрытые полками в середине XVI б.

Район сосредоточения резервного войска на реке Пахре

Оборона южной границы в первой половине XVI века

нице Польши. Правда, эти данные относятся уже к следующему столетию, но политическая и военная организация Крыма, тактика татарских набегов были удивительно консервативными, не изменялись в течение длительного времени.

«Вот как одеваются татары,— писал Боплан.— Одежду этого народа составляет короткая рубаха из бумажной ткани, кальсоны и шаровары из полосатого сукна или чаще всего из бумажной материи, настеганной сверху; более знатные носят стеганый кафтан из бумажной ткани, а сверху — суконный халат, подбитый мехом лисицы или куньим высокого сорта, шапку из того же меха и сапоги из красного сафьяна, без шпор. Простые татары надевают на плечи бараний тулуп шерстью наружу во время сильного зноя или дождя, но зимой во время холодов они выворачивают свои тулулы шерстью внутрь и то же де-

лают с шапкой, сделанной из такой же материи. Они вооружены саблей, луком с колчаном, снабженным 19 или 20 стрелами, ножом за поясом; при них всегда кремень для добывания огня, шило и 5 или 6 сажень ременных веревок, чтобы связывать пленных. Только самые богатые носят кольчуги; остальные же, за исключением таковой, отправляются на войну без особенной защиты тела. Они очень ловки и смелы в верховой езде, и столь ловки, что во время самой крупной рыси перепрыгивают с одной выбившейся из сил лошади на другую, которую они держат за повод для того, чтобы лучше убегать, когда их преследуют. Лошадь, не чувствуя над собой всадника, переходит тотчас на правую сторону от своего господина и идет рядом с ним, чтобы быть наготове, когда он должен будет проворно вскочить на нее. Вот как приучены лошади служить своим господам. Впрочем, это особая порода лошадей, плохо сложенная и некрасивая, но необыкновенно выносливая, так как сделать в один раз переход от 20 до 30 миль возможно только на этих бахматах (так называется эта порода лошадей)...»

Полосу степей, отделяющую Крым от русской границы, татары старались пройти быстро и по возможности незаметно, «избирая свой путь по долинам, которые ищут и которые тянутся одна за другой; это делается для того, чтобы быть прикрытым в поле и не быть замеченным. Вечером, останавливаясь лагерем, они по той же причине не раскладывают огней, посыпают вперед разведчиков, чтобы добыть «языка» от своих неприятелей, причем они прибегают ко всякого рода искусству и хитрости, чтобы застать неприятеля врасплох».

Страшен был вид многотысячной конной лавины, надвигавшейся из степи. «Татары идут фронтом по сто всадников в ряд, что составит 300 лошадей, так как каждый татарин ведет с собой по две лошади, которые ему служат для смены. Их фронт занимает от 800 до 1000 шагов, а в глубину содержит от 800 до 1000 лошадей, захватывает, таким образом, более трех или четырех миль, если шеренги их держатся тесно; в противном случае они растягивают свою линию более чем на 10 миль. Это изумительное зрелище для того, кто видит это в первый раз, так как 80 000 татарских всадников имеют более 200 000 лошадей; деревья в лесу не настолько густы, как лошади в поле, и издали кажется, будто какая-то туча поднимается на горизонте, которая растет все более и бо-

лее, по мере приближения, наводя ужас на самых смелых...»

За двадцать или тридцать миль от границы орда перестраивает свои походные порядки. После короткого, на два или три дня, отдыха в «достаточно закрытой местности... татары разделяют свою армию на десять или двенадцать отрядов, каждый из которых содержит около тысячи лошадей. Затем они посыпают половину своих войск, в составе шести или семи отрядов, направо, на расстояние одной или полутора миль друг от друга; то же самое они устраивают и с другой половиной войска, которая держится на подобном же расстоянии с левой стороны; это делается для того, чтобы иметь растянутый фронт от 10 до 12 миль. Впереди, на расстоянии около мили, идет сильный сторожевой отряд добывать «языка», чтобы знать, куда вести войско. Благодаря этому, татары движутся с полной безопасностью. Причина, почему татары идут отдельными отрядами, заключается в боязни, как бы их не открыли казаки, рассеянные в степях в качестве сторожевых пикетов на расстоянии двух-трех миль друг от друга, и не узнали бы точно их числа, потому что, в противном случае, они могут известить лишь о том отряде, который был виден». Поэтому очень трудно было определить, куда именно направляются главные силы крымского войска —«кош». Неожиданно прорвавшись через оборонительные линии, «кош» двигается внутрь страны, «плотною массою, медленно, но безостановочно, день и ночь, давая лошадям не более одного часа для корму», рассыпая по сторонам крылья легкой конницы, которая грабит и опушает окрестности и захватывает пленников. Воины в крыльях сменяются, чтобы пограбить могли все; задача же «коша» — ударить всей массой по пограничным войскам, если воеводы успеют вывести навстречу полки.

При приближении больших русских ратей татары отступали обратно в степи; догнать их, отбить добычу и пленных было чрезвычайно трудно, и не только из-за быстроты татарских коней-бахматов. Вырвавшись в Дикое Поле, они мгновенно рассыпаются на множество мелких отрядов, которые «расходятся лучеобразно в разные стороны». Мелкие отряды делились еще и еще, пока совсем не растворялись в степях. «Татары знают степь так же хорошо, как лоцманы — морские гавани». Вообще, «встретить татар довольно трудно, разве как-нибудь слу-

чайно, застав их за едой, питьем или ночью во время сна, но и тогда они держатся всегда настороже, рассыпаются в разные стороны, как мухи, куда кто может, но, убегая, оборачиваются и пускают из лука стрелу так метко, что на расстоянии 60 или 100 шагов никогда не дают промаха по человеку».

Только далеко от границы, километрах в пятидесяти, уже «чувствуя себя здесь в безопасности, делают большой роздых, восстанавливают свои силы, приводят себя в порядок. В течение этого отдыха, который продолжается одну неделю, они собирают вместе всю свою добычу, которая состоит из рабов и скота, и разделяют ее между собою. Самое бесчеловечное сердце тронулось бы при виде того, как разлучаются муж со своей женою, мать с дочерью, без всякой надежды увидеться когда-нибудь, отправляясь в жалкую неволю к язычникам мусульманам, которые наносят им бесчисленные оскорблении,— продолжает Боплан.— Грубость их позволяет им совершать множество самых грязных поступков, как, например, насиловать девушек и женщин в присутствии их отцов и мужей. Наконец, у самых бесчувственных людей дрогнуло бы сердце, слушая их крики и песни победителей среди плача и стонов этих несчастных русских, которые плачут с воплями и причитаниями. Итак, эти несчастные разлучаются в разные стороны: одни идут в Константинополь, другие — в Крым, третья в Анатолию...»

Война на «крымской украине», непрерывная и жестокая, шла с переменным успехом. Часто русские воеводы успевали преградить дорогу татарскому «кошу», разгромить его и отбить пленников. Так было, например, в 1517 году. Основные силы татар тогда направились прямо на Тулу, и «ходило их тысяч с двадцать», а конные крылья начали разорять окрестные села и деревни, грабить и захватывать пленных. Но об этом крымском походе в Москве знали заранее, и успели выдвинуть к реке Оке значительные силы. Русские воеводы не ограничились обычной обороной «берега», а смело перешли реку. Во главе полков стояли известные воеводы Иван Воротынский, Василий Одоевский и другие. Вперед были посланы с конницей «легкие воеводы», которые, по словам летописца, «начали мешать татарам со всех сторон, и не дали им воевать, да и у них многих людей побили». Тем временем «большие воеводы» пошли прямо против

«коша», и «татары, прослыши великого князя воевод, вскоре возвратились». Но уйти им с добычей и пленниками не удалось. «А наперед им зашли по лесам многие пешие люди украинные,— повествует летописец,— и им дороги засекли, и многих татар побили. А спереди люди от воевод конные, подоспев, начали татар топтать, и по бродам и по дорогам их бить, а пешие люди украинные по лесам их били, а иные многие татары в речках потонули, а иных живых поймали, как узнали от достоверных, мало их пришло в Крым, говорят, тысяч с пять, да и те пешие и нагие, а, говорят, всех на украине побили».

Но бывали и неудачи — тяжкие, кровавые. В 1521 году великий князь Василий III, по словам летописца, «ниоткуда брани на себя не ждал и сам в то время браны не готовил ни на кого, воинские же его люди многие были тогда в своих областях без опасения». А крымский хан Мухаммед-Гирей выступил в поход со всеми своими «царевичами и мурзами», и «со всею с Ордою с Заволжскою, и с ногаями». Есть сведения, что к походу присоединились и казанские татары. Общая численность ханского войска достигала ста тысяч человек — сила по тем временам огромная. Нападение было неожиданным. Татары подошли к «перелазам» через Оку раньше, чем туда подоспели русские полки, и прорвались через «берег», разорили «Коломенские места, и Каширские, и Боровские, и Владимирские, и под Москвой воевали». Пострадали даже окрестности столицы. «Татары под Москвой повоевали, и монастырь Николы-чудотворца на Угриши и великого князя село любимое Остров сожгли, а иные татары и в Воробьеве, в великого князя селе, были и мед на погребах великого князя пили, и многие села князей и бояр около Москвы пожгли, а людей пленили». Подобного разорения русская земля давно не знала.

Но больше крымским татарам повторить свой прорыв через Оку не удавалось. В 1541 году хан Сагиб-Гирей тоже собрал, по свидетельству летописца, «тысяч со сто и более», причем с ним были даже «турского царя (турецкого султана) люди с пушками и с пищалями». Ханский «кош» дошел до Оки, но и только. Весь «берег» надежно прикрыли русские полки. Первая попытка татар «лезти через реку» была отбита передовым полком, а ночью к месту боя «при-

шел великого князя большой наряд, и повелели воеводы пушки большие и пищали к утру готовить». На этом и закончились военные действия на Оке. «Просышал царь, что пропускают пушки большие, а того дня их не было, и от берега побежал». Следом устремились со своей конницей «легкие воеводы», они «отставших много татар побили, и иных живых татар поймали да к большим воеводам отослали». Преследование продолжалось до самого Дона.

Пограничные войны с крымскими татарами требовали быстрых перемещений полков, обходных маневров, дерзких рейдов «легких воевод» наперерез отступавшим ордынцам, упорной обороны пограничных крепостей и «перелазов» через реки, организации разведки, словом, всего многообразия тактических приемов, инициативы, самостоятельности действий. «Воеводы от поля» были опытными и искусными полководцами. Наиболее известным из них стал князь Михаил Иванович Воротынский, составитель первого русского устава сторожевой и пограничной службы.

Отец воеводы Иван Михайлович Воротынский первым из «верховских князей» перешел на московскую службу, оборонял «крымскую украину» от набегов из степи, вместе с великолкняжескими полками воевал с литовцами. Военная карьера Михаила Воротынского началась поздно: Воротынские попали «в опалу» и Михаил с братьями несколько лет провели в темнице. Впервые разрядная книга упоминает о нем в 1543 году как о воеводе пограничного города Белёва. С этого времени начинается «полевая служба» Михаила Воротынского, продолжавшаяся с небольшими перерывами тридцать лет.

В 1544 году он уже был воеводой большого полка и наместником в Калуге, но участия в военных действиях не принимал. Тогда «приходили татары крымские на Рязань», однако были отогнаны местными воеводами без помощи больших полков. По свидетельству летописца, «воеводы князь Василий да князь Петр Семеновичи Серебряные-Оболенские крымских татар побили, а 60 человек поимав, прислали к великому князю, и полон у крымских татар весь отполонили».

С середины сороковых годов центр тяжести борьбы переносится восточнее, на «казанскую украину». Туда переводят и воеводу Михаила Воротынского. В 1545 году он «годовал» в «Васильгороде» (Васильсурске), по-

строенном в 1522 году в устье реки Суры и являвшемся передовым русским оплотом против Казанского ханства; стоявшие за его деревянными стенами полки перекрывали путь по правому берегу Волги. Приближалась решительная война с Казанским «прегордым царством», которая выдвинула Михаила Воротынского в первый ряд русских полководцев.

В 1547 году, когда русские рати ходили «к Казани горнею стороню», Михаил Воротынский был воеводой полка правой руки («в правой руке», как записано в разрядной книге). В 1549 году, когда снова был объявлен поход на Казань, приказано «в Ярославле быть воеводам левой руки князю Михаилу Ивановичу Воротынскому да Борису Ивановичу Салтыкову». В 1550 году он снова упомянут разрядной книгой в числе воевод «от казанской украины» — был в Костроме наместником, однако в июле «по крымским вестям» был срочно отозван в Коломну, а затем вместе с другими воеводами «ходил с Коломны царевича поберечь» к Рязани. В 1551 году Михаила Воротынского отпустили в свой «удел», в Одоев, возвращенный ему царем Иваном Грозным вместе с почетным званием «слуги». Но недолго. Под тем же годом в разрядной книге записано, что «с Дмитриева дня (26 октября) по ногайским вестям на Рязани были слуга и воевода князь Михаил Иванович Воротынский да воевода Андрей Михайлович Курбский». Такая уж была служба у русских воевод того времени — каждый год, без перерывки, до смерти илиувечья. Или... до государевой опалы.

Но пока звезда «слуги и воеводы» князя Михаила Ивановича Воротынского поднималась все выше. В «приговоре» 1552 года о казанском походе записано: «В большом полку воеводы боярин князь Иван Федорович Мстиславский да слуга князь Михаил Иванович Воротынский». Михаил Воротынский, таким образом, занял второе место в военной иерархии Российского государства.

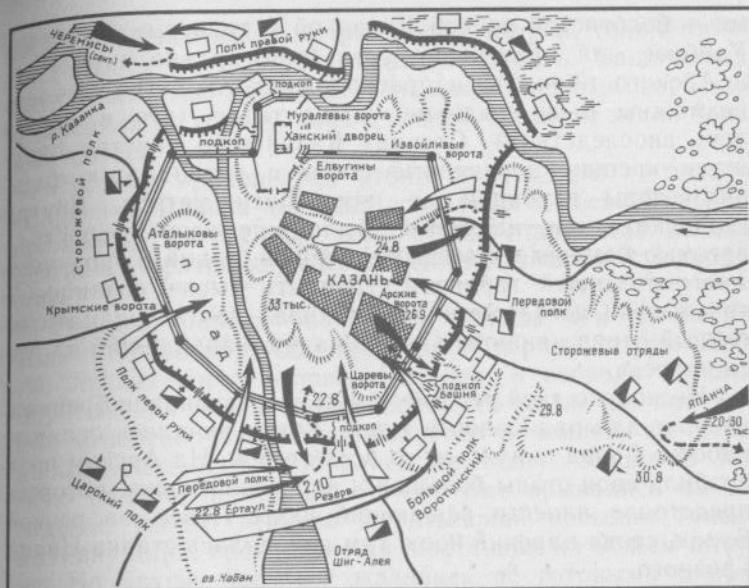
Казанский поход готовился в сложной обстановке: в любой день можно было ожидать нападения крымского хана с юга. Недаром в «приговоре» говорилось, как царю «итти на свое дело и на земское к Казани и как ему своего дела беречь от своего недруга, от крымского царя». Неслучайно, конечно, местом сбора войск была названа Коломна: отсюда, при необходимости, можно повернуть пол-

ки и на юг, на «крымскую украину». Царь Иван Грозный должен в Коломне «с людьми собираться и ждать из Крыма вестей», и лишь после того, как «будут вести полные про царя крымского, что ему на украине не быть», «итти на свое дело к Казани». Более того, под вопросом оказалось участие самого царя в казанском походе. По свидетельству летописца, «в совете было много различных слов, чтобы государю не самому быть, но послать воевод, многие потому что были государю в то время недруги, крымский хан и ногаи».

Опасения не были напрасными. Крымский хан напал на Тулу. 22 июня 1552 года «пригнал с Тулы гонец от князя Григория Темкина, что сам царь (крымский хан) пришел и приступает к Туле, и иные многие люди воюют, а наряд с ними многий и многие янычары турецкие». Защитники Тулы отразили все приступы и «с нечестивыми бились, и от города отбили». На помощь им уже спешили «легкие воеводы» с конными ратями. Крымский хан принял их за авангард всего русского войска и поспешно отступил. Это отступление было похоже на паническое бегство, хан Девлет-Гирей даже «телеги пометал и верблюдов много порезал, а иных живых бросил», при переправах через реки «пушки некоторые и кули потопил, и порох». 1 июля все «воеводы к государю на Коломну с тульского дела пришли и сказали государю, что царь пошел незвратным путем, а станичники за ним поехали многие, и которые станичники приезжают, те сказывают, что царь великим спехом идет, верст по 60 и по 70 в день, и коней бросает много». Теперь можно было начинать казанский поход.

Среди воевод, отразивших набег Девлет-Гирея, был и Михаил Воротынский. По записи разрядной книги, «царь и великий князь велел итти к Туле... из большого полка слуге и воеводе князю Михаилу Ивановичу Воротынскому». Вероятно, он и возглавлял полки, отогнавшие крымских татар: старше его чином воевод в полках, выдвинутых за Оку, не было.

В начале июля русское войско выступило в поход. Есть данные, что численность его достигала ста пятидесяти тысяч, хотя некоторые военные историки, например Е. А. Разин, считают эту цифру завышенной. «Наряд» состоял из ста пятидесяти «больших пушек», которые сыграли решающую роль во взятии Казани. По двум маршрутам — через Владимир и Муром и через Рязань и

Условные обозначения
 ————— Расположение и действия русских войск
 → Действия татарских войск и их отступление

Осада и штурм Казани (1552)

Мещера — полки двигались к Свияжску, русской крепости в двадцати пяти километрах от Казани, которая была построена во время прошлого казанского похода. Всего за четыре недели русские мастераозвели деревянные стены и башни, дома и амбары для припасов. Так была создана база осады.

Русское войско, которое пришло в Свияжск 13 августа, получило там боеприпасы, продовольствие, средства осады, пушки — боевые запасы накапливались давно, по Волге сюда приходили судовые караваны. 17 августа началась переправа через Волгу, длившаяся два дня. За это время на судах и на плотах были перевезены десятки тысяч воинов, тяжелый «наряд», ядра и порох, материалы для осадных работ.

19 августа русские полки подступили к Казани.

Казань была сильной крепостью, к тому же защищенной с двух сторон серьезными естественными преградами:

ми — болотистой речкой Казанкой и тинистым Булаком. Удобное для приступов место было только с востока, с Арского поля, но из расположенного за полем леса, возможны были тыловые удары татар (что и случилось впоследствии). Столицу Казанского ханства окружали крепкие деревянные стены с пятнадцатью башнями, рвы глубиной до пятнадцати метров. Внутри городских стен, на холме, была еще одна крепость с восемью башнями и высокой дубовой стеной. Город имел многочисленный гарнизон: тридцать тысяч казанцев и три тысячи ногаев; его поддерживал почти тридцатитысячный отряд конницы князя Яланчи, нападавший из Арского леса.

Несколько дней русские воины заготавливали бревна и хворост для палисадов и туров, потом начались осадные работы. Город окружили со всех сторон. На Арском поле разбили свои ставки большой и передовой полки, которым предстояло нанести решающий удар. Левее, за речкой Булак, стоял царский полк, там находилась ставка Ивана Грозного.

Все ближе и ближе продвигались к стенам крепости линии туров и бревенчатых палисадов, под их прикрытием устанавливались пушки. Осадным работам очень мешал огонь со стен и многочисленные вылазки казанцев. Против Арских и Царевых ворот установкой туров руководил «большой воевода» Михаил Воротынский. Туры в этом месте уже прибились к самому рву. Казанцы ночью устроили неожиданную вылазку. В темноте разгорелся жестокий бой. Михаил Воротынский сражался в первых рядах, получил несколько ран и спасся только благодаря крепости своих доспехов. В конце концов казанцы были сброшены обратно в ров, туры удалось отстоять.

29 августа установленные за турами пушки начали обстреливать Казань «стенобитным боем и верхними пушками огненными». Русские размысли¹ рыли подкопы под стены и башни. Взрывом одиннадцати бочек пороха был уничтожен подземный ход, по которому казанцы ходили за водой. Еще раньше перегородили плотиной и отвели от города речку Казанку. На Арском поле выстроили дере-

вянную башню высотой тринадцать метров, только больших пушек на ней насчитывалось десять. Башню подкатили к стене между Царевыми и Арскими воротами и стреляли по городу, «аки с небес». Казанцы несли большие потери.

Русским приходилось отбивать и удары с тыла — «царевич» Яланча нападал из Арского леса. Это продолжалось до тех пор, пока отряд «царевича» не был разгромлен ратью князей Горбатого-Шуйского и Серебряного.

Осадные работы затянулись больше чем на месяц. Только 30 сентября был предпринят первый штурм. Против Арских ворот взорвали подкоп, и воевода Михаил Воротынский повел воинов большого полка на приступ. Ров мгновенно засыпал хворостом и землей, по штурмовым лестницам взобрались на стену. Захватив Арскую башню, передовые отряды уже врывались на городские улицы. Михаил Воротынский послал гонцов в ставку царя, прося помощи, наставая на общем штурме. Но другие воеводы оказались не готовыми к приступу. Ратникам большого полка пришлось уйти из города...

Однако Арская башня осталась в руках русских стрельцов.

Весь день 1 октября по городу били «большие пушки», стрельцы метко стреляли из-за туров, сбивая со стены казанцев, а под прикрытием огня тысячи ратников заваливали рвы. Штурмовать город предполагалось со всех сторон, чтобы обороняющиеся не могли маневрировать своими силами, но главный удар по-прежнему планировался со стороны Арского поля большим полком Михаила Воротынского. Розыски закончили подкопы под стену неподалеку от Арских ворот, в которые заложили сорок восемь бочек пороха, и под Ногайские ворота. В ночь с 1 на 2 октября Воротынскому стало известно, что казанцы узнали о подкопах. Это грозило провалом всего плана. Воевода наставлял на немедленном общем штурме. За два часа до рассвета все полки двинулись к стенам Казани...

Воеводам было известно, что дополнительного приказа на штурм не будет, сигнал — взрыв подкопов. Русские воины притаились за турами, скимая в руках пищали и рукоятки сабель. Тихо было в предрассветные часы 2 октября под Казанью.

¹ Розмысли — инженеры в Русском государстве XVI—XVII веков, руководившие, главным образом, строительством укреплений и изготовлением артиллерийских орудий.

Как только над Арским лесом начало подниматься солнце, оглушительные взрывы раскололи тишину. Обрушилась стена возле Арских ворот. Огненный смерч разметал Ногайские ворота. И тотчас же ударили все пушки «наряда», сбивая с гребня стены казанцев. Многочисленные стрельцы непрерывным огнем поддерживали штурмовые колонны. Через проломы воины большого полка воеводы Михаила Воротынского ворвались в город.

Успешными были и действия стоявшего рядом передового полка, который тоже сумел преодолеть стены. Другим штурмовым колоннам не удалось ворваться в город, но свое дело они сделали: противник перебросил подкрепления против большого полка только тогда, когда ратники Михаила Воротынского уже сражались на городских улицах. Между тем казанцы начали контратаковать, в жестоком уличном бою потеснив русских. Воевода Михаил Воротынский просил у Ивана Грозного помощи, и помощь пришла. Половина царского полка переправилась через реку Булак к проломам, которые удерживали стрельцы, и через них вошла в город. Теперь уже теснили русские полки, медленно пробиваясь к мечети, которую казанцы обороняли особенно упорно. Другой очаг сопротивления был в укрепленном ханском дворце. Но и там защитникам города не удалось удержаться. «Царь» Едигер был взят в плен. Шеститысячный отряд казанцев попытался вырваться из города, спустился со стены к речке Казанке, но с противоположного берега их встретили пушечным огнем. Уцелевших казанцев окружили и почти всех пленили. Взятие Казани окончилось. Царь Иван Грозный в окружении воевод торжественно въехал в город.

После «Казанского взятия» князь Михаил Иванович Воротынский был включен в состав «ближней думы» царя, но в первую очередь оставался по-прежнему воеводой. В 1553 году, когда снова были поставлены воеводы «по украинным городам крымских для людей приходу», Михаил Воротынский вместе с князем Иваном Шуйским возглавлял большой полк в Коломне. В 1554 году мы уже видим его «в Свияжском городе на годовании», во главе русского гарнизона на «горной стороне» Волги. Там же воевода оставался и в следующем году. Весной 1556 года Михаил Воротынский уже на «крымской украине», во главе большого полка в

Коломне, летом — с большим полком «на устье Протвы», а осенью в передовом полку в Калуге. В 1557 году, получив известия, что «царь крымский вышел со многими с прибылыми людьми», Иван Грозный «приговорил для своего дела и земского итти на Коломну». В этом походе Михаил Воротынский был «дворцовым воеводой», при особе царя.

В 1558 году началась Ливонская война — Россия попыталась решить задачу исторического значения: вернуть выход к Балтийскому морю. Но Михаил Воротынский, как признанный «полевой воевода», был оставлен на «крымской украине». В июне бежавший из Крыма «полонянник» сообщил, что «царь крымский со всеми людьми готов в Перекопе, а к турецкому (к султану) просить людей послал, а как турский царь людей на помочь ему пришлет, и тогда де царь крымский хочет быть на великого князя украины». Немедленно войска были выдвинуты в Калугу и первым воеводой большого полка назначен Михаил Воротынский. В 1559 году в очередной раз «приговорил царь и великий князь Иван Васильевич со всеми боярами, как ему против своего недруга крымского царя Девлет-Гирея стоять и как ему свои украины беречь». Воеводой большого полка вновь стал Михаил Воротынский. Опасность крымского нападения была велика, выступить в поход готовился и сам Иван Грозный. Знаток южной границы Михаил Воротынский получил ответственнейшее задание: «Велел государь слуге князю Михаилу Ивановичу Воротынскому итти на Каширу, а с Каширы итти на Дедилов, а с Дедилова на поле места смотреть, где государю и великому князю полком стоять». Осенью, когда опасность большого крымского вторжения миновала, «слуге князю Михаилу Ивановичу Воротынскому велел государь итти на службу в его вотчину в Одоев».

Военными тревогами был заполнен для Михаила Воротынского и 1560 год. В весеннем «разряде от поля» он записан воеводой «на Туле», затем, после «отпуска больших воевод», возвращен в пограничный Одоев, однако осенью, когда с «поля» пришли вести о готовившемся набеге, снова «на Туле слуга князь да боярин князь Александр Ивановичи Воротынские». В 1562 году в «разряде береговом от поля» вновь упоминается «в большом полку воевода князь Михаил Иванович Воротынский». В этом году крымский хан Девлет-

Гирей с пятнадцатицентной ордой сжег посады Мценска, нападению подверглись Одоев, Новосиль, Белёв и другие «украинные города». Ордынский набег чуть не сорвал поход русского войска на Полоцк. Только умелые действия пограничных воевод позволили отогнать хана. Оборону юга фактически возглавлял Михаил Воротынский.

Тем временем Ливонская война затягивалась, на смену первым блестящим победам пришли тяжкие поражения, продолжение войны требовало крайнего напряжения сил страны. Историки видели причины этого не только во вмешательстве соседних государств — Польши, Литвы и Швеции, но и в полководческом искусстве нового польско-литовского короля Стефана Батория. Все это, конечно, повлияло на ход войны. Но, пожалуй, важнее было то, что России пришлось фактически воевать на два фронта. Южная граница подвергалась непрерывному военному давлению со стороны Крымского ханства. Из двадцати пяти лет Ливонской войны только в течение трех лет не было крымских нападений. Не менее двенадцати раз крымский хан Девлет-Гирей предпринимал большие вторжения в русские земли значительными силами, по нескольку десятков тысяч всадников, количество же мелких набегов вообще не поддается учету. От «поля» приходилось постоянно держать на «крымской украине» десятки воевод с полками. И в том, что южный фронт выстоял против такого натиска, большая заслуга воеводы Михаила Воротынского.

Но после 1562 года его имя вдруг исчезает из разрядной книги. Измена князей Вишневецкого и Бельского привела к многочисленным опалам. Пострадали и князья Воротынские, они были отозваны с южной границы и заключены под стражу, вотчины их конфискованы. Александра Воротынского сослали в заволжский город Галич, «в тын», а Михаила Воротынского с семьей — в Белоозеро. Опальному «большому воеводе» было разрешено взять с собой только двенадцать слуг и столько же «черных мужиков» и «женок». Возможно, сыграла роль и близость Михаила Воротынского к Алексею Адашеву, возглавлявшему правительство «избранной рады»: падение правителя тяжело отразилось на судьбе его друзей и сторонников.

Впрочем, содержался в ссылке Михаил Воротынский в довольно хороших условиях, ему ежегодно отпускалось

из казны около ста рублей, сумма по тем временам весьма значительная. В 1565 году Михаил Воротынский получил только в счет «недодачи» за прошлый год три ведра рейнского вина, двести лимонов, несколько пудов изюма, тридцать аршин «бурской» тафты и другое добро. И тем не менее, ссылка была тяжелым испытанием для Воротынского, потому что она означала отлучение от ратных дел, составлявших смысл жизни прославленного полководца...

К счастью, опала продолжалась недолго. Осенью 1565 года в разрядной книге появилась запись о новом назначении Михаила Воротынского и назначении высоком: «Сентября в 15 день царь и великий князь приговорил с боярами для бережения от воинских людей» быть «боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичу Воротынскому», причем имя воеводы стояло в «росписи» вторым после двоюродного брата царя князя Владимира Андреевича, а сам он был поставлен воеводой большого полка. Ему возвратили Одоевский удел. Перед Земским собором 1566 года Воротынский вместе с князьями Мстиславским и Бельским официально руководил Боярской думой.

Возвращение Михаила Воротынского не было случайным. В 1567 году Крым и Польша заключили военный союз. Тураецкий султан готовился оказать крымскому хану прямую военную помощь, планировал совместный поход на Астрахань, присоединенную к Российскому государству. Советский историк А. А. Новосельский, автор большого исследования о борьбе России с Крымом, считает, что во второй половине шестидесятых годов центр тяжести войны совершенно явно был перенесен на южный и восточный фронт. Без такого опытного воеводы, как Михаил Воротынский, на «крымской украине» было трудно обойтись.

1567 год застал Михаила Воротынского в Серпухове воеводой полка правой руки. Трехтысячная крымская орда пришла тогда на «московские украины», ограбила Северскую землю. В 1568 году Михаил Воротынский снова в Серпухове воеводой передового полка. В летней кампании этого года ему отводилась ведущая роль. В разрядной книге записано, что в случае, если «царь или царевичи учнут которые украины воевать», то против них «за реку итти боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичу Воро-

тынскому с товарищами по полкам», причем самому Воротынскому быть в большом полку.

Воевода Михаил Воротынский снова возглавил оборону южной границы.

1569 год принес новые военные тревоги. Семнадцати тысячная турецкая армия при ста тяжелых пушках, с многочисленными отрядами крымцев и ногайцев (их собралось до сорока тысяч человек) двинулась на Астрахань. Но все приступы турок были отбиты, «янычары с пушками» с позором отступили, немногим из них удалось вернуться в Азов. Астраханский поход провалился.

Весной 1570 года пятидесятисычная крымская орда подступала к Рязани и Кашире. С большим трудом ее удалось отогнать и отбить полон. Михаил Воротынский находился сначала в Серпухове, затем, когда Иван Грозный «велел итти с Москвы на берег большим воеводам», в Коломне, а когда царь сам выступил в поход, «князь Михаила Иванович Воротынский с товарищами были у государя же в Серпухове».

Царский поход в Серпухов был вызван многочисленными «вестями» станичников, сообщавших, что хан с большими силами движется к «украине», и Иван Грозный решил «искать прямого дела», то есть разгромить крымцев в решительном сражении. Для этого ему пришлось отложить уже подготовленный поход на Ревель. Время шло, а крымские татары не появлялись. А тут еще путивльский наместник Петр Татев прислал «грамоту», что по его поручению сторожевые казаки ездили в Дикое Поле и не обнаружили даже следов крымской конницы.

В Серпухове собрали военный совет, который пришел к грустному выводу (решение совета сохранилось в разрядной книге): «Царю и великому князю самому и сыну его царевичу Ивану стоять в Серпухове нечего для того, что про царя и про царевичей и про больших людей все станичники во всех местах, где, сказали, видели людей и по сакме смеялись до тридцати тысяч, то соглаши...»

Случай был чрезвычайный, и отнести к нему следовало со всей серьезностью — сторожевая служба явно не справилась со своей задачей. Требовалась ее коренная реорганизация, что и было поручено самому опытному

«воеводе от поля», руководителю всей обороны «крымской украины» князю Михаилу Воротынскому.

Поручение оформили специальным царским «наказом», текст которого сохранился в делах Разрядного приказа: «Лета 7079 (1571 год), января в 1 день, приказал государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси боярину своему князю Михаилу Ивановичу Воротынскому ведать станицы и сторожи и всякие государевы польские службы».

«Наказ» дает возможность проследить всю процедуру разработки важнейшего военного документа — первого русского устава сторожевой и пограничной службы, создание которого непосредственно связано с именем воеводы Михаила Воротынского.

Михаил Воротынский начал с подробного изучения документов Разрядного приказа, касающихся пограничной службы на южной границе, «велел доискаться станичных прежних списков». Затем в Разрядный приказ были вызваны с «крымской украины» служилые люди, прежде всего те, кто имел большой опыт по охране границы, «преж того ездили лет за десять и за пятнадцать». Были привлечены к работе над уставом даже те, кто давно покинул службу по старости или увечью, но «наперед того в станицах и на сторожи езживали или в плену были, и ныне из плена вышли».

В самом начале 1571 года «из всех украинных городов дети боярские, станичники и сторожи и вожи (проводники) к Москве все съехались», и «станичных голов и их товарищей, станичников, и вожей, и сторожей велел государь распросить, а распрося, расписать подлинно, из которого города и по которым местам и до каких мест пригоже станицам ездить, и на которых местах сторожам на сторожах стоять».

Обстоятельно расспросив опытных служилых людей, «как бы государеву станичному делу было прибыльнее», князь Михаил Воротынский «приговор велел писать». Одновременно на границу были посланы «станичные головы», чтобы самолично убедиться в правильности расстановки сторожевых застав. По «украинным городам» ездили с той же целью воеводы и дьяки Разрядного приказа. Только после полуторамесячной напряженной работы, 16 февраля 1571 года был, наконец, одобрен и принят «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», первый в истории России пограничный устав. «По госу-

дареву, цареву и великого князя Ивана Васильевича всея Руси приказу, боярин князь Михайло Воротынский приговорил с детьми боярскими, с станичными головами и с станичниками о путивльских, и о тульских, и о рязанских, и о мещерских станицах, и о всех украинных дальних и ближних, и о месячных сторожах, из которого города к которому урошицу станичникам поваднее и прибыльнее ездить, и на которых сторожах и из которых городов и по скольку сторожей ставить, где было б государеву делу прибыльнее и государевым украинам было бережнее, чтобы воинские люди на государевы украины безвестно войною не приходили, а станичникам бы к своим урошищам ездить и сторожам стоять в тех местах, которые б места были усторожливы, где б им воинских людей можно устеречь...»

Два основных элемента составляли пограничную службу на «крымской украине» — сторожи и станицы.

Сторожа — постоянная застава, за которой закреплялось тридцать—пятьдесят верст степной границы. Обычно на ней несло службу до десятка сторожей. Часть их стояла дозором в каком-нибудь укромном, удобном для наблюдения месте, а остальные по двое ездили по степи. Сочетание неподвижного дозора со сторожевыми разъездами позволяло прикрыть немногими людьми значительный участок границы: если крымцы незаметно проскальзывали мимо дозора, следы крымской конницы — «сакму» — обнаруживали разъезды.

Подвижные сторожевые заставы — станицы — состояли из четырех—шести всадников, которые непрерывно ездили вдоль границы, отыскивая татарские «сакмы». За две недели обязательной службы станица проезжала четыреста—пятьсот верст, «с коня не ссадая». Маршруты станичников были намечены так, чтобы, пересекаясь, они охватывали всю степную границу. Проскочить незамеченными не могли даже небольшие отряды крымской конницы.

«Боярский приговор», как и надлежало воинскому уставу, подробно излагает порядок несения станичной и сторожевой службы, тактические приемы охраны границы, правила обеспечения оружием и лошадьми. Составители «приговора» старались предусмотреть буквально все ситуации, в которые могли попасть служилые люди. Многовековой опыт борьбы с коварными степняками был спрессован в строгих строках устава.

Особое внимание уделялось безопасности сторожей и станичников при несении службы. «Стоять сторожам с коей не ссадая,— наказывали составители «приговора». — А станов им не делать, и огни класть не в одном месте. Коли кашу сварить, и тогда огня в одном месте не класть дважды. А в коем месте кто полдничал, в том месте не ночевать, а где кто ночевал, и в том месте не полдничать». Однако эти обязательные меры безопасности вовсе не означали, что сторожа просто прятались: оставаясь невидимыми, они сами должны были видеть все. Им было велено «в лесах не ставиться, а ставиться им в таких местах, где б было усторожливо».

Заметив движение крымской конницы, сторожа обязаны послать гонца в ближайший пограничный город, а сами продолжать наблюдение. «Приговор» обязывал их также «сзади крымских людей на сакмы ездить и по сакмам и по станам людей измечать», чтобы выяснить численность врага. Кроме того, они должны были узнать, «на которые государевы украины воинские люди пойдут», и лишь «про то разведав гораздо, самим с вестями спешить к тем городам, на которые воинские люди пойдут». Особое внимание уделялось подлинности «вестей». Устав строго-настрого предупреждал: «не быв на сакме и не сметив людей и не доведовся допрямо, на которые места воинские людий пойдут, станичникам и сторожам с ложными вестями не ездить»!

Впрочем, каких-либо наказаний за «ложные вести» устав не предусматривал. Его составители из двух зол выбирали меньшее: лучше было лишний раз поднять тревогу, даже ложную, чем узнать о набеге слишком поздно.

А вот за самовольный отъезд сторожей и станичников со службы наказания предусматривались, и очень суровые. «А которые сторожа, не дождавшись себе смены, со сторожи съедут, а в те поры государевым украинам от воинских людей учинится война, и тем сторожам быть казненными смертью». За каждый лишний день служилые люди получали с припоздавшей смены довольно большую по тем временам денежную компенсацию: «по полу-полтине на человека на день». Правильность несения службы контролировали воеводы и станичные головы. Если выяснялось, что «они стоят небрежно и неусторожливо и до урошищ не доезжают, а хотя приходу воинских людей и не будет, и тех станичников и сторожей за то быть

кнутом». Строгость вполне объяснимая: любое «небрежение» пограничной стражи могло привести к тяжким последствиям, неожиданные крымские набеги сопровождались разорением целых волостей и захватом многочисленных пленников.

Но устав не только требовал, он и создавал условия для успешного несения пограничной службы. «Боярский приговор» предусматривал обеспечение сторожей и станичников хорошими конями. Это понятно: служба на степной границе требовала быстрых и длительных переездов, только скорость могла спасти станичников при встречах с татарами, помочь вовремя доставить «вести» в пограничные города. Кто выигрывал в бешеной скачке по степи, тот побеждал!

Воеводам «украинных городов» предписывалось «смотреть накрепко, чтоб у сторожей лошади были добрые и ездили бы на сторожи о дву конь, на которых бы лошадях можно было, видев крымских людей, уехать, а на худых лошадях однолично на сторожи не отпускать». Служилых людей, у которых не оказывалось «добрых лошадей», были обязаны обеспечить конями станичные головы. Случалось, что сторожа и станичники, торопясь вовремя доставить «вести», загоняли своих коней насмерть, теряли имущество. Устав предусматривал в таких случаях денежную компенсацию. Перед отправкой служилых людей на границу воеводы были обязаны «лошади их и рухлядь ценити по государеву наказу, а на которую станицу или на сторожей разгон будет и лошадей их и рухлядь поемлют, и за те лошади и за рухлядь по воеводским отпискам и по ценовым спискам платить деньги».

Строго была регламентирована и продолжительность службы на границе. Каждая сторожа должна была «стоять с весны шесть недель, а по осени по месяцу». Станицы обезжали свой участок границы в течение пятнадцати дней, да еще две недели были в резерве в своем пограничном городе, чтобы прикрыть границу, если «которую станицу разгонят» напавшие татары. Главной заботой составителей «приговора» была организация сторожевой службы на всем протяжении границы, чтобы «однолично сторожи без сторожей не были по весь год ни на один час, доколе большие снеги не укинут...»

Каждый участок границы, на котором стояло несколько сторож и станиц, возглавлялся станичным го-

ловой. В его распоряжении был отряд «детей боярских» численностью сто — сто тридцать человек. Им платили большое по тому времени жалованье — «польская служба» считалась трудной и опасной. «Станичным головам, которые ездят на поле в станицы, давать проезжего по четыре рубля, а детям боярским, которые ездят с ними в станицы, давать проезжего по два рубля человеку».

Были составлены подробные «росписи», где именно быть «стоялым сторожам», на сколько верст и в какую сторону двигаться «разъездным сторожам», до какого урочища нести службу и где встречаться с разъездами соседней сторожи. Всего в росписи было семьдесят три сторожи, которые объединялись в крупные участки: «донецкие сторожи», «путивльские ближние сторожи», «сторожи из украинных городов», «мещерские сторожи» и так далее.

Свои особенности имела сторожевая служба на «засечной черте». Специальная «лесная стража» охраняла заповедные пограничные леса и «засеки». На высоких деревьях сооружались караульные площадки; к таким «призначным деревьям» было велено «лестницы поставить, чтобы видеть с деревья от караула до караула». Там стояли кузова со смолой и берестой, которые поджигались в случае опасности. Клубы черного дыма один за другим поднимались над «призначными деревьями», оповещая о набеге. Постоянно были наготове гонцы, сообщавшие о появлении степняков в пограничные города. Воеводы приказывали «бить по набату и в сурну играть», созывая под защиту крепостных стен местное население.

В пограничном уставе Михаила Воротынского исключительное значение придавалось инициативе и самостоятельности сторожей и станичников, которые действовали небольшими группами на бескрайних степных просторах и в большинстве случаев могли надеяться при столкновениях с татарами только на собственные силы да на отличное знание местности, всех тех бесчисленных урочищ, оврагов, долин, рощ и лесов, в которых можно было спастись от погони. Недаром в «приговоре» подчеркивалось, что сторожа и станичники вольны «ехать, какими местами пригоже»; действовать, «посмотря по делу и по ходу»; самостоятельно решать, что для них самих и для «государева дела» будет «поваднее и прибыльнее».

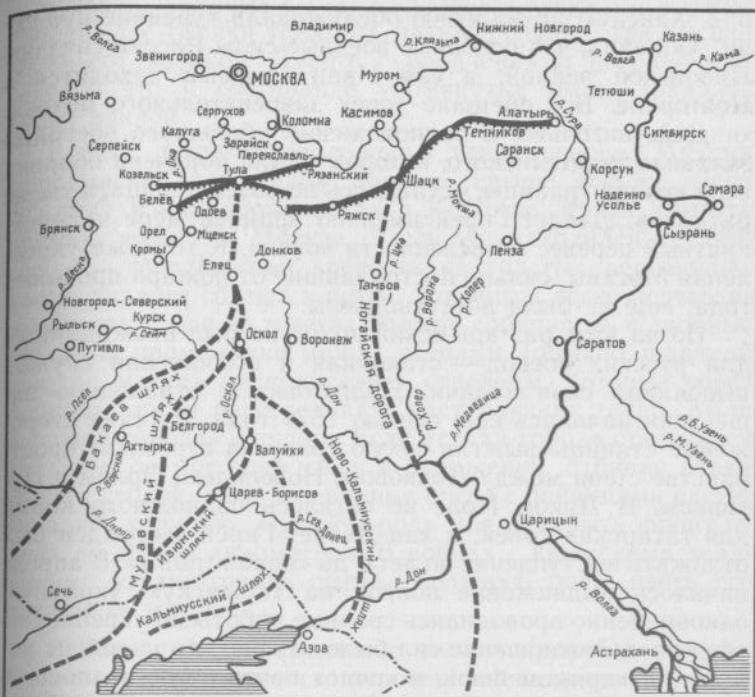
Основные положения «Боярского приговора о станичной и сторожевой службе» действовали более ста лет, вплоть до того времени, когда Российское государство перешло в решительное наступление против крымских хищников. Пожалуй, немногие воинские уставы в мире имели столь долгую жизнь.

Реорганизация станичной и сторожевой службы на основе «приговора» требовала значительного времени, а его-то и не оказалось в распоряжении русских воевод. Весной 1571 года крымский хан Девлет-Гирей начал очередной поход. Он собрал около сорока тысяч конных воинов, крымцев и ногаев. Основные силы России в тот момент направлялись в поход на Ревель, поэтому «береговые воеводы» на Оке имели в своем распоряжении не более шести тысяч ратников. Под Кромами крымская орда «перелезла» Оку и в обход Серпухова, где стоял с опричным войском Иван Грозный, устремилась к Москве. Татары зажгли московские посады и Земляной город, начались пожары в Кремле. Но ворваться в столицу Девлет-Гирею не удалось. Полк воеводы Михаила Воротынского, стоявший на Таганском лугу, отбил все атаки крымцев. А когда хан начал отступление, Михаил Воротынский вместе с своими ратниками «приводил» хана до самого Дикого Поля, громил отставшие татарские отряды.

Однако удачные действия полка Михаила Воротынского мало повлияли на общее положение. Главные силы хана Девлет-Гирея успели уйти со всем награбленным добром и множеством пленников. Крымский посол хвастался в Литве, что «ханские люди» убили в России шестьдесят тысяч человек и еще столько же увезли в полон. Коренные московские волости от берега реки Оки до самой столицы подверглись страшному разорению. Сильно пострадала и сама столица. По свидетельствам очевидцев, два месяца потребовалось только на то, чтобы очистить улицы от обломков.

В это же время восстали казанские и астраханские татары, разорвала вассальные отношения с Москвой Большая ногайская орда.

А Девлет-Гирей готовился к новому нашествию. Теперь он мечтал о полном завоевании России, накануне похода торжественно объявив ногайским мурзам, что «едет в Москву на царство», обещал восстановить иго, «как при

Условные обозначения

Основные дороги (шляхи), по которым татары совершали нападения на Русь

Большая засечная черта к 1571 г.

Засечная черта Российского государства (1571)

Батыев». Больше того, он заранее распределил между своими «царевичами» и мурзами русские города, выдал купцам «проезжие грамоты» для беспошлинного торга на Волге. «И прииде царь с великими похвалами и многими силами на Русскую землю,— повествует летописец,— и расписав всю Русскую землю, кому что дать, как при Батыев». Турецкому султану Девлет-Гирей обещал завоевать Россию в течение года, а царя Ивана пленником привести в Крым.

В поход Девлет-Гирей вывел всю крымскую орду, до шестидесяти тысяч всадников. По дороге к ним присоединились сильные отряды из Большой и Малой ногайских

орд. Ханскую артиллерию обслуживали турецкие пушки. Хан знал, что основные военные силы России связаны Ливонской войной, а сам Иван Грозный находится в Новгороде. Все обещало успех завоевательного похода.

Действительно, в распоряжении «большого воеводы» Михаила Воротынского, которому была поручена оборона всей южной границы, оставалось не более двадцати тысяч ратников. Девлет-Гирей имел по крайней мере четырехкратный перевес в численности войска. К тому же укрепления Москвы, сильно пострадавшие от пожара прошлого года, еще не были восстановлены.

Но на этот раз крымский поход не был неожиданным для русских воевод — станичная и сторожевая служба выполнила свои задачи. Подготовка к отражению нашествия началась еще осенью 1571 года. Русские сторожевые станицы выжгли сухую траву на огромном пространстве степи между Донковом, Новосилью, Орлом и Путинцем. В Диком Поле не осталось подножного корма для татарских коней, и хан Девлет-Гирей вынужден был отложить выступление до лета, до «новой травы». В апреле началось выдвижение полков на «крымскую украину», одновременно проводились срочные работы по укреплению «берега». Соотношение сил было таково, что надежды победить в «прямом бою», в «поле» почти не оставалось, и главным оборонительным рубежом становилась река Ока. Разрядный приказ в своих «наказах» даже запрещал воеводам сходить с ханом «на походе», «на полях без крепостей». За короткое время весь «берег» был укреплен с помощью «посошных людей» и местных крестьян, которые рубили бревна для частоколов, возили лес, рыли землю. Участник событий, автор записок «О Московии» Генрих Штаден сообщал, что Ока была «укреплена более чем на 50 миль вдоль по берегу: один против другого были набиты два частокола в 4 фута высотою, и это расстояние между ними было заполнено землею, выкопанной за задним частоколом. Стрелки могли, таким образом, скрываться за обоими частоколами или шанцами и стрелять по татарам, когда те переплывали реку». Против бродов и «перелазов» через реку поставили пушки. Но главного условия для устойчивой обороны создать не удалось — укрепления оказались малоэффективными без достаточных военных сил, занимавших их...

В разрядных книгах сохранились точные сведения о войске, выделенном Михаилу Воротынскому для обороны

«крымской украины» в 1572 году: около двенадцати тысяч дворян, две тысячи тридцать пять стрельцов, три тысячи восемьсот казаков. Вместе с ополчениями пограничных городов это и составляло упомянутые выше двадцать тысяч воинов.

Войска были расположены так: воевода Михаил Воротынский с большим полком (свыше восьми тысяч человек) и «нарядом» встал в Коломне, чтобы закрыть прямую дорогу к Москве. Здесь же находился «гуляй-город» — передвижная крепость из толстых деревянных досок, заранее сбитых в щиты. Эти щиты легко перевозились в санях или на телегах, быстро собирались в двойные стены. В промежутке между стенами (обычно шириной два-три метра) располагались стрельцы, которые через бойницы могли расстреливать наступающих татар. Были в «гуляй-городе» и пушки. Если «гуляй-город» стягивался кольцом, он мог сражаться в окружении, отбивая атаки со всех сторон; если деревянные щиты с бойницами растягивались в линию, «гуляй-город» мог прикрыть фронт от двух до десяти километров. В войнах с крымскими всадниками «гуляй-город» сыграл большую роль, взять его татары не могли...

В Тарусе был поставлен с полком правой руки (три тысячи пятьсот девяносто человек) воевода князь Одоевский, на Лопасне — воевода князь Репнин с полком левой руки (тысяча шестьсот пятьдесят один человек), в Кашире — князь Шуйский со сторожевым полком (две тысячи шестьдесят три человека), в Калуге — воевода Хворостинин с передовым полком (четыре тысячи четыреста семьдесят пять человек). Такая большая численность передового полка объясняется, видимо, тем, что Михаил Воротынский опасался обходного маневра хана, который в прошлом году прошел на Москву западнее «берега»: Дмитрий Хворостинин как раз и прикрывал эту «старую» дорогу. В его распоряжении находилась даже подвижная «судовая рать», которая могла быстро маневрировать по Оке или Угре — вятчане в стругах (девятьсот человек).

Хан Девлет-Гирей, обойдя стороной сильную тульскую крепость, подошел к «берегу» 26 июля 1572 года. Передовые отряды татарской конницы пытались с ходу форсировать Оку по Сенькиному броду, выше Серпухова, но были отбиты стоявшей там заставой из полка Ивана Шуйского.

На следующий день к серпуховским переправам подошел хан со всей ордой. Но туда уже подоспели и русские подкрепления. Перед «перелазами» через Оку спешно возился «гуляй-город». Турецкие пушки открыли огонь с другого берега, не причинивший, впрочем, большого вреда. Русские пушки пока молчали. Воеводы готовились к завтрашнему бою.

Но хан опередил. Глубокой ночью с 27 на 28 июля ногайская конница Теребердей-мурзы неожиданно перешла Сенькин брод, который охраняли всего две сотни дворян, и захватила переправу. Вскоре переправились через реку передовые отряды крымского войска во главе с Дивей-мурзой. И началась общая переправа орды Девлет-Гирея. Оборона «берега» была прорвана.

«Большой воевода» Михаил Воротынский, по-прежнему стоявший со своим полком в Коломне, узнал о захвате ханом переправы через Оку только утром 28 июля, когда крымская орда уже вышла на левый, московский берег реки. Тем временем быстрая ногайская конница Теребердея-мурзы продвинулась далеко на север, передовые разъезды его «круг Москвы отняли все дороги». Приходилось пересматривать весь план войны.

В этой сложной обстановке «большой воевода» Михаил Воротынский принял единственно верное решение: фланговыми ударами задерживать продвижение хана к Москве, а главными силами догнать татар и навязать им сражение еще до подхода к столице. Такой план не имел аналогов в истории военного искусства: русские полки не преграждали дорогу к Москве, а вынуждали татар остановиться угрозой удара с тыла.

Первым подоспел к Сенькиному броду воевода Дмитрий Хворостинин из Калуги. Однако главные силы Девлет-Гирея уже переправились через Оку. Передовые отряды полка Дмитрия Хворостинина увидели перед собой такое множество татарских всадников, что после короткой схватки воевода решил не продолжать бессмысленного сражения (он имел около трех тысяч воинов без пушек и «гуляй-города» против шестидесятитысячного ханского войска) и отступил. Однако неожиданное появление на фланге русских ратников на какое-то время задержало хана. Вместо того, чтобы сразу двигаться в глубь московских земель, он, по свидетельству Генриха Штадена, «со всей своей силой пошел вдоль по берегу» навстречу Дмит-

рию Хворостинину. Так что маневр калужского воеводы был вполне оправдан.

Тем временем воеводы князь Одоевский и Шерemetev из Тарусы совершили стремительный переход и заняли с полком правой руки позицию на реке Наре, опередив татарскую конницу. Подробности сражения неизвестны, разрядная книга отметила только, что «дело было большое». Остановить хана не удалось, да это было просто невозможно, если вспомнить, что Никита Одоевский насчитывал всего три с половиной тысячи ратников.

Хан вышел на серпуховскую дорогу, ведущую прямо к Москве. Но ему пришлось перестроить свою армию, отвести в арьегард отборную конницу во главе со своими сыновьями. Предосторожность была не излишней: в тот же день, 28 июля, полк Дмитрия Хворостинина догнал ханских сыновей на Молодях, в сорока пяти верстах от столицы. Татарская конница, прикрывавшая тыл Девлет-Гирея, была разгромлена, «царевичи» бежали в стан хана. Есть сведения, что они советовали даже прекратить движение на Москву: «к Москве ити не по што, московские люди побили нас здесь, а на Москве у них не без людей же». Однако Девлет-Гирей решил иначе. Он направил против Дмитрия Хворостинина свежие силы — двенадцать тысяч крымских и ногайских всадников. Но общая обстановка уже изменилась. К Молодям успел подойти из Коломны «большой воевода» Михаил Воротынский и поставил «гуляй-город». Под огонь пушек и пищалей «гуляй-города» Дмитрий Хворостинин заманил преследовавшую его полк ханскую конницу. Ордынцы понесли огромные потери и отхлынули. Воины Михаила Воротынского, Дмитрия Хворостинина и других воевод начали укреплять позицию на Молодях, у речки Рожай. В центре, на холме, стоял «гуляй-город», за стенами которого укрылся большой полк и «наряд». Остальные полки выстроились неподалеку, прикрывая большой полк с тыла и с флангов. Михаил Воротынский считал, что Девлет-Гирей не решится продолжать движение на Москву, понеся в бою 28 июля большие потери и чувствуя у себя за плечами русское войско. Так и случилось. Дьяки Разрядного приказа, комментируя этот военный эпизод, писали: «На том бою многих татар побили, и царь крымский от того убоился, к Москве не пошел, что государевы бояре и воеводы идут за ним».

Орда Девлет-Гирея перешла реку Пахру и остановилась примерно в тридцати верстах от Москвы. Целый день простоял там хан, решая, что делать дальше. В конце концов он приказал повернуть обратно. 30 июля татары снова начали переправляться через Пахру, теперь уже удаляясь от Москвы. Стратегический план Михаила Воротынского оказался правильным: искусные маневры русских воевод и сильные удары по тылам крымского войска вынудили хана отказаться от прямого похода на Москву. Русские воеводы имели возможность хорошо подготовиться к генеральному сражению, встретить врага на заранее выбранной, хорошо укрепленной позиции, а не «на походе» и не в «поле». Это, в конечном итоге, обеспечило победу, хотя Девлет-Гирей по-прежнему сохранял большое численное превосходство.

В тот же день, 30 июля, массы татарской конницы обрушились на русские полки, стоявшие под Молодяями под прикрытием «гуляй-города». Сильной пушечной и пищальной стрельбой большой полк отразил приступ. С флангов нападали конные отряды «детей боярских», которых Михаил Воротынский оставил «вне града». Во время одной из конных атак сторожевого полка сузdalский дворянин Аталахин взял в плен самого главнокомандующего ханского войска Дивей-муру. В плен попал и некий «астраханский царевич». Убиты были предводитель ногайской конницы Теребердей-мура и три знатных мурзы. Сколько погибло при штурмах «гуляй-города» и в сечах с русской конницей простых татарских воинов, определить невозможно, но судя по тому, что Девлет-Гирей прекратил атаки и два дня приводил в порядок свое расстроенное войско,— потери были весьма значительными.

Однако и положение Михаила Воротынского оказалось достаточно сложным. Поредели полки, всех ратников пришлось укрыть за стенами «гуляй-города», который был окружён ордынцами со всех сторон. Русское войско гналось за Девлет-Гиреем налегке, без обозов, и в «гуляй-городе» почти совсем не было продовольствия. «В полках учал быть голод людям и лошадям великий»,— отмечает летописец. Пришлось зарезать часть лошадей и питаться кониной.

2 августа хан Девлет-Гирей возобновил приступы. Ордынцы предпринимали конные атаки, осыпая защитни-

ков «гуляй-города» стрелами, набегали толпами в пешем строю, пытаясь руками расшатать и повалить дощатые щиты «гуляй-города». Стрельцы били их в упор из пищалей через бойницы, «дети боярские» рубились саблями, и «руки пообсекли бесчисленно много». Татар водили на приступы «царевичи», ханские сыновья, которым было приказано во что бы то ни стало отбить Дивей-муру.

Девлет-Гирей спешил: московским воеводой князем Токмаковым была подкинута татарам ложная грамота, будто бы на помощь Михаилу Воротынскому «идет рать новгородская многая». Но военную хитрость нужно было подкрепить активными действиями, и к концу дня, когда натиск ордынцев на «гуляй-город» начал ослабевать, Михаил Воротынский по дну лощины незаметно вышел из-за укреплений, обойдя с тыла ханское войско. В «гуляй-городе» был оставлен воевода Дмитрий Хворостинин с частью войска и всем «нарядом». По установленному сигналу он открыл пальбу из всех пушек и пищалей, а затем устроил вылазку. Одновременно с тыла напали на ошеломленных татар полки Михаила Воротынского. Двойного удара ханское войско не выдержало, к тому же среди татар разнесся слух, что это подошли большие полки самого царя Ивана Грозного. Девлет-Гирей поскакал со своими приближенными и телохранителями к Оке, подавая пример своему ошеломленному воинству. Но спаслись не многие. Среди убитых нашли ханского сына и внука, в плен попало множество крымских и ногайских мурз. Русская конница начала преследование. Завтра уже на Оке была настигнута и разбита пятитысячная орда, пытавшаяся прикрыть бегство хана. Такого сокрушительного разгрома еще не знали воинственные крымские ханы...

Победа русского оружия при Молодях в 1572 году перечеркнула планы турецкого султана и крымского хана установить свое господство в Восточной Европе, вернуть Среднее и Нижнее Поволжье. В этом ее политическое значение. Битва при Молодях была одним из самых значительных событий военной истории XVI столетия, и имя «большого воеводы» Михаила Ивановича Воротынского по праву занимает почетное место в ряду выдающихся русских полководцев...

В пограничных схватках с крымцами началась воен-

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ная карьера молодого князя Ивана Воротынского. И последнее сражение его жизни тоже связано с крымским ханом — старому воеводе в годину Молодинского боя было более шестидесяти лет. Но долго еще отважные сторожа и станичники несли на «крымской украине» свою службу по правилам, установленным «приговором» воеводы Михаила Воротынского, — и после смерти «слуги и воевода» Михаил Иванович Воротынский остался «в службе». Так он и запечатлелся в памяти нашей — в пороховом дыму Молодей и в строгих строках пограничного устава.

ИВАН ШУЙСКИЙ

Ливонская война (1558—1583) начиналась для России удачно. В январе 1558 года русские войска перешли ливонскую границу, весной того же года была взята Нарва, летом — Дерпт (*Юрьев, Тарту*). Ливонские рыцари терпели поражение за поражением. В одиночку воевать против Российского государства им оказалось не под силу. В 1559 году Ливонский орден перешел под «патронат» польского короля Сигизмунда II Августа, остров Эзель был захвачен датчанами, а рыцари Северной Эстонии присягнули на верность шведскому королю. Теперь в Прибалтике России противостоял целый союз сильных европейских держав: Польша и Литва, Швеция, Дания. В начале шестидесятых годов главным противником стали Литва и Польша, объединившиеся в единое государство — Речь Посполитую.

Но и в этой сложной обстановке военное счастье сопутствовало России. Царь Иван Грозный перенес военные действия на территорию Великого княжества Литовского, и 15 февраля 1563 года после трехнедельной осады пал Полоцк. Но затем главные силы русского войска были отвлечены на юг и юго-восток, на борьбу с Крымским ханством и Турцией, попытавшимися в 1569 году захватить Астрахань. Только блестящая победа в Молодинской битве над крымским ханом Девлет-Гиреем позволила возобновить наступление в Прибалтике.

Русские войска взяли острова Эзель, Даго, Моон, города Гапсаль, Пернов, Гельмет и другие, несколько раз угрожали Ревелю. К 1577 году почти вся Прибалтика, за исключением Ревеля и еще нескольких городов, была завоевана русскими воеводами. В 1577 году пятитысячное русское войско с крупными пушками осаждало Ревель, летом того же года Иван Грозный ходил с войском в «польскую» (*Южную*) Ливонию. Один за другим сдава-

лись города и рыцарские замки: Мариенгаузен, Люцен, Режица, Динабург, Вепден...

Казалось, в войне наступает, наконец, перелом.

Но успех не удалось закрепить. Страна была истощенавойной, внутренняя обстановка оказалась очень напряженной. Именно в это время у Ивана Грозного появился опасный и умелый противник — новый король Речи Посполитой Стефан Баторий, один из видных полководцев Европы. При избрании на престол он поклялся польскому дворянству вернуть все земли, завоеванные Россией в Литве и Ливонии, и деятельно готовился к реваншу. Королевское войско было перестроено по западно-европейскому образцу, вместо шляхетского ополчения создана регулярная кавалерия, значительно усиlena пехота. Стефан Баторий нанимал солдат из всех стран Европы, в его войске были даже шотландские солдаты. Главную силу короля — более половины всего войска — составили наемные немецкие и венгерские полки, превосходно вооруженные, опытные и жестокие профессиональные воины. Стефан Баторий располагал мощной осадной артиллерией и готовился к наступательным боям.

Первый свой поход в 1579 году Стефан Баторий направил на Полоцк с тем, чтобы отрезать русские войска, сражавшиеся в Прибалтике. Пятнадцатитысячная королевская армия подступила к городу, который защищали не более шести тысяч русских воинов. После трехнедельной упорной обороны Полоцк пал. Возможно, именно под впечатлением героического сопротивления Полоцка Стефан Баторий и сказал императорским послам: «Московит не такой противник, которого можно было бы недооценивать...»

Второй поход был предпринят осенью 1580 года. Королевская армия осадила Великие Луки. И снова на стороне Стефана Батория было подавляющее численное превосходство: тридцатипятитысячная армия с сильной артиллерией против гарнизона в шесть—семь тысяч. Защитники города сражались до последней возможности, а когда королевские солдаты ворвались за городские стены, взорвали все пороховые погреба, оставив врагу одни развалины. Это был еще один урок королю. Он надеялся на внутренние противоречия в России, на недовольство политикой Ивана Грозного, но просчитался. Иноземцы с удивлением писали о русских: «Должно заметить, что

народ не только не возбуждал против него (царя Ивана Грозного) никаких возмущений, но даже высказывал во время войны невероятную твердость при защите и охранении крепостей, а перебежчиков было вообще мало». Неудивительно, что к своему третьему походу — на Псков — Стефан Баторий готовился особенно тщательно.

Для похода на Псков была собрана огромная армия — около ста тысяч человек: сорок тысяч шляхетской конницы и приблизительно шестьдесят тысяч иностранцев-наемников, в числе которых были венгры, французы, немцы, шотландцы, австрийцы, датчане, шведы, румыны. Русский книжник, современник событий, образно назвал подготовку короля к псковскому походу «собиранием многих орд».

Такие грандиозные приготовления вполне объяснимы: Псков был ключевым пунктом всей обороны северо-западной границы России, он прикрывал дорогу на Новгород, давний объект захватнических устремлений Литвы. Стефан Баторий, решив взять Псков во что бы то ни стало, допускал даже неудачу первого штурма и возможность длительной осады. Секретарь походной королевской канцелярии ксендз Станислав Пиотровский 29 июля в своем «Дневнике последнего похода Стефана Батория на Россию» писал: «Происходило тайное совещание с литовскими сенаторами: обсуждали, в которую сторону обратиться, и решили, что на Псков. На Новгород небезопасно, потому что тогда пришлось бы оставить в тылу Псков и несколько других крепостей. Если московский князь после нашего прихода под Псков не согласится на мирные условия, то мы будем добывать Псков силою; если же не возьмем города, то намерены обложить его и останемся зимовать перед ним».

В личном письме королевский секретарь более откровенен и передает те настроения, которые, вероятно, царили в польском войске перед походом на Псков. 3 августа он пишет: «Итак, мы едем под Псков. Боже, будь милостив и веди нас сам, чтобы наши труды не были напрасны. Во Пскове 3500 княжеских стрельцов, 4000 конницы, а городского населения и боярских детей, поселенных в этой области, 12 000 способных к защите; там есть также стены, но говорят, что уже старые. Мы везем 20 осадных орудий, а недалеко 14 000 пехоты. Мы надеемся, что явится посольство насчет мира. Дай бог этого. Я не думаю

Укрепления Пскова

о псковской прибыли, дал бы бог вернуться в целости домой. Здесь уже осень и такие холода, какие у нас бывают около св. Варфоломея. Уже близка зима. Итак, веселья не будет...

Численность псковского гарнизона королевский секретарь назвал почти точно — по данным военных историков, в Пскове насчитывалось не более двенадцати—пятнадцати тысяч стрельцов, дворян и вооруженных горожан. Стены были не только старые, но и сложенные из мягкого камня-известняка, не способного выдержать удары тяжелых осадных орудий, а частью даже деревянные. Что же так беспокоило ксендза Пиотровского, почему он уповал на «мир» и молил бога, чтобы тот помог им «вернуться в целости домой»? Ответ может быть только один: пугали ксендза известная стойкость и мужество защитников Пскова, слава верного стража земли Русской, с глубокой древности связанная с этим пограничным городом.

Веками создавалась эта русская крепость на правом, высоком берегу реки Великой, при впадении в нее реки Псковы, превратившаяся в конце концов в целую систему оборонительных сооружений. Неприятель, штурмующий Псков, должен был преодолеть четыре мощные оборонительные линии: каменные крепостные стены Большого

города, Среднего города, Довмонтова города и, наконец, кремль — Кром, как его называли псковичи. Деревянная стена тянулась только вдоль реки Великой, но здесь путь к городу преграждала водная преграда и береговые кручи: Довмонтов город возвышался над уровнем реки на десять метров, а Кром — на семнадцать метров. Стена Большого города (именно здесь разворачивались главные события обороны Пскова) простиралась на десять километров, имела тридцать семь башен и сорок восемь ворот. Башни были многоярусными, с удобными переходами на стены и подземными ходами, позволяющими маневрировать силами.

«Любуюмся Псковом. Господи, какой большой город! Точно Париж! Помоги нам, боже, с ним справиться!» — воскликнул ксендз Пиотровский, впервые увидевший Псков.

Сохранилось и более подробное описание псковской крепости, тоже сделанное иноземцем, современником событий — автором «Записок о Московской войне 1578—1582» Рейнгольдом Гейденштейном: «Город, весьма обширный в длину, к северу делается уже; с юга он орошаются рекою Великою, которая в этом месте не только по названию, но вследствие притока многих других рек действительно велика; с севера находится река Псковка, которая протекает посередине города, которому дает название, и впадает в реку Великую. Сам город разделяется на три части, каждая часть отделена одна от другой особыми стенами; вторую часть, направляющуюся к западу, называют они Запсковье, как будто она находится вне Пскова, затем третья и средняя часть есть крепость, в свою очередь разделяющаяся тоже на три части — внешнюю, идущую с севера к реке Великой, они называют кремлем, вторую Довмонтовской, третью называют средней; северный бок, самый длинный, простирается в длину до 8000 шагов и окружен каменною стеною. К этой стене, по взятии Великих Лук и Полоцка, московский царь прибавил другую с внутренней стороны, наложив в промежутке между двумя рядами бревен, которыми она держится, громадное количество земли. Со всех сторон имеются очень крепкие башни, сделанные из того же камня, и так как башни прежней постройки недостаточно были равны между собой и вследствие того не прикрывали себя взаимно от пушечных выстрелов, направленных от одной к другой, то, поставив с углов новые башни, и покрыв их весьма толстым дерном, и разместив по ним окна, он

устроил так, что они находились на равном друг от друга расстоянии; у тех же башен, которые казались частью слишком тесными, частью слишком непрочными для того, чтобы могли выдержать выстрелы от более тяжелых орудий, с внешней части на удобных местах расставил в промежутках другие башни, также деревянные, сделанные с великим тщанием из самых крепких бревен, и снабдил их достаточным количеством больших пушек».

Описание Гейденштейна особенно интересно тем, что он упоминает о больших крепостных работах, проведенных как раз перед осадой города: позади каменной стены была построена еще одна, деревянная, что сыграло решающую роль в отражении генерального штурма. Интересны сведения Гейденштейна и о других приготовлениях к обороне Пскова. «Так как московский царь полагал, что николько не должно сомневаться в том, что король по взятии Лук направится ко Пскову, то снабдил его весьма хорошо всем нужным для выдержания осады и приказал все свести туда в огромном количестве», и в городе «был большой запас всего, относящегося к войне». Действительно, все месяцы осады защитники Пскова не испытывали недостатка ни в оружии, ни в порохе, ни в ядрах, ни в продовольствии.

Но все это были, если так можно сказать, материальные предпосылки для успешной обороны. Общий же ее успех могло обеспечить только умелое военное руководство, и для его осуществления в Псков были посланы лучшие воеводы.

Вот они, руководители обороны Пскова: князья Василий Скопин-Шуйский и Иван Шуйский, воевода Никита Очин-Плещеев, князь Андрей Хворостинин, Владимир Бахтеяров-Ростовский и Василий Лобанов-Ростовский, дьяк Пущечного приказа Терентий Лихачев (он командовал «нарядом»), псковские государевы дьяки Сульмен Булганов и Афанасий Викулин...

Пусть читателя не смущает, что Иван Петрович Шуйский поименован в «росписи» вторым. На самом деле именно он являлся фактическим руководителем обороны Пскова, а вторым был записан по обычному в то время «местническому» счету. Именно ему был вручен царский «письменный наказ», облагающий чрезвычайными полномочиями, и приказано «отвечать за всех воевод». Так писал неизвестный автор «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков». Ему вторит Р. Гейден-

штейн: «В кремле начальствовали: Шуйские Василий и сын его брата Петра по имени Иван, затем Андрей Хворостинин и Плещеев — из них пользовался большим уважением у московского царя Иван Шуйский по своему уму, Хворостинин по телесной и нравственной силе; и потому, хотя Василий был старше Ивана, однако главное начальство поручено было Ивану».

Итак, боярин и воевода князь Иван Петрович Шуйский...

Будущий герой псковской обороны был потомком суздальско-нижегородских князей, ведущих начало от среднего сына Александра Невского — великого князя Андрея Александровича. Дед воеводы, князь Иван Васильевич Шуйский в конце тридцатых — начале сороковых годов (в малолетство великого князя Ивана IV) возглавлял боярскую группировку и фактически был правителем государства. Потом, в 1547 году было торжественное «венчание на царство» семнадцатилетнего Ивана IV и опала бывших правителей — Шуйских. А затем началась опричнина, жестоко ударившая по «княжатам», по Шуйским и их родственникам. Так что первое самостоятельное воеводское назначение Иван Шуйский получил только в 1570 году. В разрядной книге было записано: «В Донкове князь Иван Петрович Шуйский».

Казалось бы, рядовое назначение рядового воеводы: сколько их, разных воевод, «расписывалось» ежегодно в города на «крымской украине»! Но на Ивана Шуйского была возложена особая миссия, и приходится только гадать, чем именно он сумел выделиться среди других воевод. Разрядная книга назвала Ивана Шуйского «украинным воеводой» и в случае крымского нападения ставила его во главе войска, выдвинутого за реку Оку. Там «в большом полку воеводы из Донкова князь Иван Петрович Шуйский да Федор Васильевич Шереметев», и «сходные воеводы» из Новосиля и Орла должны быть под ними, а «большие воеводы» Бельский, Мстиславский и Воротынский по обычью стояли на «берегу».

По «росписи» следующего, 1571 года Иван Шуйский оказывается уже среди «береговых воевод», во главе полка левой руки. В 1572 году он возглавил сторожевой полк в Коломне, затем в Кашире, отличился в войне с ханом Девлет-Гиреем. Небольшой полк Ивана Шуйского оборонял Сенькин брод, а потом участвовал в сражении при Молодях, прикрывая с фланга «гуляй-город». В 1573 году

воевода Иван Шуйский возглавил сторожевой полк во время похода в Ливонию, «на немецкие города», тогда же впервые стал псковским наместником. В 1574 году он получает чин боярина.

Скупые записи разрядной книги не сообщают никаких подробностей этих походов, остается только догадываться о причинах столь стремительного возвышения недавно опального князя. Видимо, Иван Шуйский проявил себя талантливым полководцем, которого Иван Грозный оценил «по уму», как впоследствии писал Р. Гейденштейн. Во всяком случае, в 1576 году, во время очередного царского похода на «берег» против крымского хана, Иван Шуйский значится в «разряде» среди бояр и воевод первым: «а с государем бояре: боярин князь Иван Петрович Шуйский...»

1577 год. Новый немецкий поход Ивана Грозного, и снова «в большом полку псковский наместник Иван Петрович Шуйский», причем ему «с собою государь велел быть». В 1579 году, во время похода «на немецкую на Ливонскую землю», Иван Шуйский остается с царем в Новгороде, а воюют другие воеводы. Создается впечатление, что князь стал военным советником царя.

Записи «разрядов» скупы. Должны были произойти поистине чрезвычайные события, чтобы «высветить» образы русских военачальников того времени. События, подобные героической обороне Пскова...

В 1580 году Иван Шуйский стал псковским наместником, но в записи разрядной книги оговаривалось, что если «король придет к Смоленску», то боярин и воевода Иван Петрович Шуйский должен поспешить «на сход к ржевским воеводам» и возглавить большой полк. Царь Иван Грозный хотел видеть своего воеводу на решающем участке войны. «Королевский поход» на Смоленск не состоялся, а в следующем году главные военные события развернулись вокруг Пскова. Иван Шуйский оказался на месте, ему пришлось «отвечать за всех воевод», что он и сделал с большим успехом.

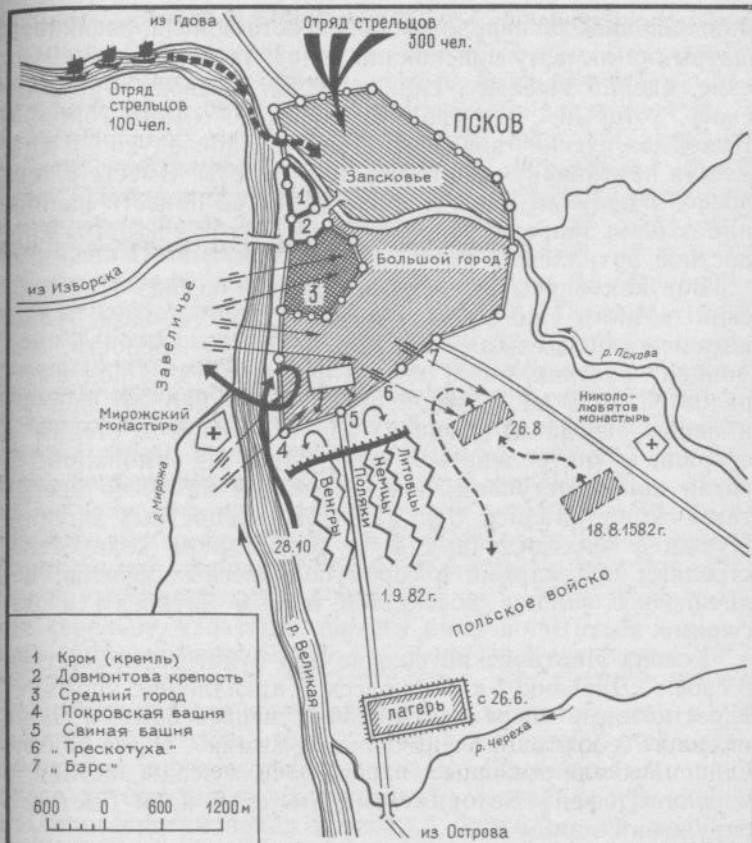
Редкая удача для историка — возможность посмотреть на события как бы с двух сторон: из стана противника и из осажденного русского города. В данном случае такая возможность есть. Сохранились очень подробные подневные записи секретаря королевской канцелярии Станислава Пиотровского о «последнем походе Стефана Батория»

и сочинение неизвестного русского автора «Повесть о приходении Стефана Батория на град Псков». Оба автора — современники и очевидцы событий.

В Пскове заканчивались последние приготовления к обороне. По всем окрестным селам были разосланы грамоты, повелевающие жителям сжигать свои дома, запасы фуражом и продовольствия и уходить в укрепленные города. Тем самым вокруг города создавалась «зона пустыни», за фуражом и продовольствием «королевские люди» вынуждены были ездить за сто—сто пятьдесят километров, где их поджидали конные отряды «детей дворянских», казаков и служилых татар. С самого начала захватчики могли надеяться только на собственные запасы, которые были ограничены. Осаждающие постоянно ощущали нехватку продовольствия. Более того, по приказу Ивана Шуйского были сожжены городские предместья, чтобы осаждающие не нашли укрытия от непогоды и холода.

Все воеводы и головы были «расписаны» по стенам и башням, на которые поставили пушки и пищали, «где в коем месте угодно стояти». Русские воеводы правильно определили главное направление вражеского приступа — юго-восточное, стену Большого города между реками Великой и Псковой, где к городу примыкало большое поле. Именно здесь были поставлены две «великие» пушки, имевшие собственные имена — «Барс» и «Трескотуха». Они швыряли тяжелые ядра более чем на версту — дальность по тем временам очень большая, для поляков, во всяком случае, это оказалось полной неожиданностью.

«Государевы бояре и воеводы промеж себя всю Окольную стену в Пскове на места разделили, в каком месте какому воеводе быть; так же у себя боярских голов и детей боярских, и голов стрелецких и стрельцов, и всех посадских псковских и всех псковичей, по чину всех рассчитав, поставили. Всю стену вооружили людьми и нарядом, пушками и пищальями и ручницами и всякими укреплениями, против государева недруга уготовившись», — так описывает автор «Повести» последние приготовления псковичей. Примечательно, что с самого начала к обороне были привлечены все горожане, способные владеть оружием, и вместе со стрельцами, дворянами, казаками они заняли свои места на стенах.

Оборона Пскова (1581)

18 августа «государевы дети боярские», которые «на заставе были» на реке Черехе (в пяти километрах южнее города), сообщили воеводам, «что уже литовские первые люди на Череху пришли», и велено было в городе «в осадный колокол звонить». Передовые отряды королевского войска появились под самой крепостью, но их отогнали вылазкой. Важно отметить, что с самого начала обороны Пскова носила активный характер, воевода Иван Шуйский не только защищал стены города, но и постоянно наносил удары противнику. Не успел еще гетман Замойский, ко-

мандовавший авангардом королевского войска, раскинуть шатры, как к нему прискакали гонцы за помощью: «Русские, сделав вылазку, сильно теснят воеводу Брацлавского, который с венгерцами проник до самого города». Выходили русские воины за стены и в последующие дни, мешая противнику начать осадные работы. Вместе с тем, воеводы приняли меры к тому, чтобы не понести излишние потери, запретив воинам уходить из-под защиты крепостной артиллерии.

Вот как описывает первые схватки ксендз Пиотровский: «Много уже собралось наших под городом. Наши наездники подъезжали под самые стены крепости, выманивая русских, но те не хотели выходить из-под выстрелов. Стояло их у самой стены несколько сот конных и пеших; когда их теснили, они отступали к стенам и старались отстреливаться из ручниц и самопалов; а когда наши отступали, они гнались за ними, но всегда так, что оставались под защитой крепостных орудий. Пушки у них отличные и в достаточном количестве; стреляют они ядрами в сорок полновесных фунтов, величиною с голову: достанется нашим батареям и насыпям».

Ксендз Пиотровский еще не раз будет возвращаться в своем «Дневнике» к силе русской артиллерии, упомянет ядра, которые «переходят за 50 фунтов весом», и даже «ядра в 70 фунтов и очень большие камни». И это не случайно. Русские пушкари с самого начала осады заставили короля Стефана Батория изменить свой план быстрого окружения города.

26 августа основные силы королевского войска подошли к Пскову. Стефан Баторий приказал «град обхехать и осадить». Но это не удалось, помешал сокрушительный пушечный огонь со стен. Автор «Повести» сообщает: «Государевы же бояре и воеводы из наряда по ним стрелять велели, пушкари же многих людей у них нарядом побили. Они же, к королю приехав, возвестили, что невозможно около града обхехать ради великого многою бою из града от наряда. Король же велел подале от града и лесами обхезжать. Бояре и воеводы и там же из большого наряда стрелять велели». Королевское войско несло большие потери. Сам король первоначально выбрал место для стана неподалеку от города, у погоста Любятова, на Московской дороге. Что случилось дальше, рассказывает автор «Повести»: «Бояре и воеводы не велели по ним днем

стрелять, но весь наряд на них днем приготовить. Когда же многие шатры поставили, ночью повелели по ним ударить из большого наряда; на утро ни одного шатра не увидели и многих, сказывали языки, панов добрых тут побили». Ночной артиллерийский налет был новинкой в военном деле, король такой операции не ожидал. «Сие видев,— добавляет русский книжник,— король побежал к Черехе реке и там стал своими станами за высокими горами, на Промежице».

Сокрушительную силу пушечного огня из Пскова, нарушившего планы Стефана Батория, признает и ксендз Пиотровский. «Из города и из крепости шла усиленная стрельба», только «частые холмы, а также каменные церкви и огорода служили нам прикрытием. Всего лучше было бы поставить королевские шатры у реки Псковы, и уже посланы были на то место шесть возов, но усиленная пальба из крепости заставила нас против воли остаться еще на день у реки Великой. Теперь король и гетман выбрали другое место для лагеря. Хлопот много: назначено было место не далеко от города и уже двинуты туда тяжести, но русские так усилили стрельбу, что наши должны были попытаться и выбрать другое место...» Но и туда долетали русские ядра...

Королевская конница выезжала из лагеря на рекогносцировку, но русские отряды, выходя за городские стены, отгоняли ее; впрочем, сетовал ксендз, «русские ни на один шаг не хотели выйти из-под защиты своих выстрелов», выполняя строгий наказ воевод. А «королевские люди» несли потери. «Один немец, по имени Иксель, должно быть, знатный, погнался за каким-то русским, но сгоряча попал под самые крепостные выстрелы, получил рану в голову, упал с коня и был тотчас захвачен русскими. Хотели некоторые из наших подать ему помощь, но было поздно, потому что стрельба из пушек и ручниц шла сильная. Из прислуки некоторые ездили под самые стены за конским фуражом: трое попалось в руки осажденных. Король очень озабочен».

Конечно, не в мелких схватках под стенами города и единичных потерях крылась причина озабоченности Стефана Батория. Активные действия защитников Пскова и сильный огонь со стен заставили королевскую армию перейти к трудоемким фортификационным работам, которые позволили бы приблизиться к городу и установить

осадные орудия. Воевода Иван Шуйский выигрывал время...

«По просьбе короля и гетмана все жолнеры и двор посылают свои повозки для фашиинника на туры,— пишет Пиотровский, и тут же высказывает свои сомнения, вызванные впечатлениями от силы русской артиллерии:— Бог знает, выдержат ли наши туры, придется, пожалуй, ставить деревянные срубы». Как показали дальнейшие события, его сомнения были небезосновательными.

1 сентября множество «королевских людей» начали рыть траншеи, чтобы по ним безопасно подобраться к стенам. Первую траншею прокладывали литовцы, вторую — немцы, третью и четвертую — поляки, пятую, ближе к реке Великой,— венгры. Все траншеи вели к Покровской и Свиной башням — этот участок стены близ реки Великой был выбран Стефаном Баторием для генерального штурма. Земляные работы продолжались три дня. Ночами ставили туры, насыпали их землей, подбираясь все ближе и ближе к стене. Защитники города открывали «частую стрельбу из орудий, но благодаря бога, большого вреда не нанесли»,— пишет ксендз Пиотровский. Мешала темнота, но вскоре русские воеводы нашли средство противодействовать и ночным работам. «Русские зажгли какую-то деревянную башню, поставленную внутри за стену; все стены, поля и башни, освещенные этим огнем, были ясно видны, как днем. При помощи этого освещения русские вплоть до полуночи осыпали наши окопы ядрами и пулями, чем сильно затрудняли работу. Ночью русские употребляют удивительные хитрости против наших рабочих: не довольствуясь беспрерывно пальбою, они бросают в окопы факелы и каленые ядра, так что не только причиняют вред нашим, но и освещают местность около стен и тем самым заставляют работать под навесами — иначе все видно».

По этим записям можно судить, что секретарь королевской канцелярии явно был встревожен. «Лениво ведем мы осаду. Уже неделя, как стали мы здесь лагерем, а все еще не стреляем и батарей готовых не имеем. Вот уже четыре дня и четыре ночи копаем траншеи, плетем корзины, а русские, видя, куда мы метим, там и укрепляются. Рабочие в окопах говорят, что из города доносится сильный шум. Слышен между прочим постоянный стук топоров; надо полагать не к добру для нас!»

Ксендз Пиотровский не мог, конечно, заглянуть за стены Пскова в эти дни, мы же в состоянии это сделать, вернувшись к русской «Повести о прихождении Стефана Батория».

Прежде всего, воеводы точно определили направление будущего штурма: «угол града, от реки Великой, от Покровских водяных ворот и до польских Свиных ворот; сие место из наряда разбив, так взять город». Именно здесь «королевские люди... лукавым своим умышлением вельми близко к городу прикопались, яко единому городовому рву межь ними и градными стенами быти». Не прошло мимо внимания воевод и то, что противник ставит туры, места для артиллерийских батарей: «одни против Свиных ворот, вторые же туры против Покровской наугольной башни, третьи же туры против того же угла, за Великою рекою». В ночь на 5 сентября «в бойчие трои туры наряд приволокли и поставили». Пока шли осадные работы, защитники города имели возможность значительно укрепить опасное место.

Король Стефан Баторий допустил крупную тактическую ошибку, планируя штурм хорошо укрепленного города на одном узком участке — чуть больше версты. Для опытного полководца это непростительно, ведь три десятилетия назад был пример взятия русскими войсками Казани, где прорыв в районе Арских ворот дополнялся непрерывными приступами к городским укреплениям со всех сторон, так что казанцы не могли маневрировать силами, сосредоточить значительные резервы в месте прорыва. Однако было бы несправедливым упрекать Стефана Батория, скорее, это была не ошибка, а вынужденное решение. Сокрушительным огнем со стен и активными действиями «вне града» воевода Иван Шуйский не позволил королевским полкам приблизиться к городу без больших инженерных работ. Всему королевскому войску потребовалось несколько дней для того, чтобы выкопать пять траншей и поставить туры и батареи против Покровской и Свиной башен. Провести такие же осадные работы вокруг всего города противнику было просто не под силу. Ксендз Пиотровский в своем «Дневнике» высказывал сомнения: «Станем бить с одной стороны, а другая будет оставаться в целости?» Вряд ли не понимал этого и Стефан Баторий, но... сделать ничего не мог! Русские воеводы вынудили его действовать именно так, и это предопределило неудачу штурма, несмотря на огромное численное

превосходство королевского войска (имеется в виду общее численное превосходство, в то время как на предполагаемом участке штурма такого превосходства не было: Иван Шуйский стянул туда все свои резервы). Риск был оправдан: к другим стенам поляки даже не приближались.

Русский автор так описывал дополнительные оборонительные меры русских воевод у опасного места: «Государевы бояре и воеводы повелели против того места всякими укреплениями стены подтверждать. Против же каменной стены, подале, деревянные стены делать и всякие крепости приготовить, для пробития от литовских людей каменной стены. И наряд поставили, и детей боярских и стрельцов, и псковских посадских стрельцов на том же месте поставили, если от Покровских ворот приступу быть». Здесь же находились лучшие воеводы. «В том же в Покровском углу и в Свинах воротах был государев воевода князь Андрей Иванович Хворостинин», общее командование принял там «государев боярин и воевода князь Иван Петрович Шуйский». Сюда же съехались на совет «все государевы бояре и воеводы... пушечного приказу государев дьяк Терентий Лихачев», псковские дьяки и «о градоукреплении смышили».

Итак, в русском стане все было готово к отражению штурма. Перенесемся в осадный лагерь короля Стефана Батория. 6 сентября ксендз Пиотровский записал в своем «Дневнике»: «Сегодня ночью устроены в окопах последние туры и на них поставлено шесть орудий (всего было выдвинуто к месту штурма двадцать крупных осадных пушек); в наступающую ночь будут установлены все остальные и, ей-богу, завтра на рассвете мы скажем псковичам: добный день!»

Радужное настроение ксендза было несколько подпорчено ответными действиями защитников Пскова, и он жалуется: «Они опять поднимаются на хитрости: ночью бросают в наши окопы каленые ядра, которые освещают всю местность; если где заметят наших, занятых работами, стреляют в них, как в мишень, и многих убивают».

Наступило 7 сентября — первый день общей бомбардировки Пскова. Ксендз торжествует: «Сегодня с рассветом начали громить город с трех батарей — польской и двух венгерских. На польской — восемь орудий, направленных

на башню, стоящую у ворот; на венгерских — другие восемь, которые действуют по угловой башне у реки Великой; с третьей батареи, поставленной на той стороне Великой, венгерцы стреляют также по угловой башне. Целый день без перерыва били крепко в башни и стены, и с божией помощью продырявили их ядрами настолько, что завтра подумываем о штурме и надеемся, что эта часть города будет наша. О боже, какой сегодня грохот! Стены клубились, как дым; мы не думали, что они будут так непрочны. В окопах убили пушкаря и из мортир — несколько рядовых: но без этого обойтись нельзя. Из города стреляют тоже не дурно, но из названных двух башен русские должны были поспешно убрать орудия в другое место и прекратить стрельбу».

Большие разрушения, причиненные бомбардировкой, подтверждает и русский источник, причем сведения совпадают даже в деталях: 7 сентября «начали бить из наряда по граду из трех турнов, из двадцати пищалей, и били по граду беспрестанно весь день до ночи. Тако же и наутро пять часов беспрестанно по городу из наряда били и выбили городовые стены, двадцать четыре сажени, да Покровскую башню до земли, да Свиной башни половину до земли же сбили, да местами стены городовые сбили, шестьдесят девять сажен». Таким образом, общая ширина проломов в городских стенах достигала двухсот метров — вполне достаточно, чтобы ввести туда большие штурмовые колонны; к тому же ров перед стеной был завален обломками стен и землей. Казалось, дорога в Псков открыта для «королевских людей»...

Поэтому странной, на первый взгляд, кажется фраза, который секретарь походной королевской канцелярии начинает запись от 8 сентября: «Нынешний день для нас не очень благоприятен...» А дальше идет подробное описание штурма: «Как венгерцы, так и поляки своими выстрелами разбили по одной башне и около каждой из них пробили в стене проломы такой ширины, что через них можно было удобно идти на приступ. Король по совету своих венгерцев хотел непременно с полудня штурмовать крепость. Гетман выбрал несколько человек из пехоты Фаренсбека, 20 пеших немцев и французов и столько же поляков, которые и должны были осмотреть проломы; до их возвращения запрещено было выходить кому бы то ни было из окопов. Перед полуднем начали поспешно готовиться: одни — идти на штурм, а другие — любоваться.

К королю явилось 5 кавалерийских ротмистров с просьбою позволить им пешим участвовать в приступе. Король охотно дал свое согласие. Надевши белые рубахи поверх брони, каждый вывесил перед своею палаткою хоругвь, давая знать, что охотники могут записываться к их знаменам. Удивительное дело, как много набралось охотников записаться!..»

Видимо, уверенность в успехе штурма была полная. «Лишь только охотники двинулись, как другие в нетерпении бросились за ними: впереди венгерцы, за ними — немцы, за немцами толпы наших, без всякого порядка. Венгерцы и немцы, подбежав к наружной разбитой башне, быстро заняли ее; тотчас выкинули четыре хоругви и открыли с нее огонь по русским. Нам издали казалось, что город уже взят. Через четверть часа ринулись наши с своими хоругвями к другому пролому и к другой разбитой башне. Они заняли полуразрушенную башню и набились туда битком, другие через пролом ломились в город, но здесь нашли то, чего не ожидали. Они очутились на обвале стены, соскочить с которой в город было высоко и трудно, каждый рисковал сломить себе шею. Русских за стеной была тьма, так что наши поневоле должны были остановиться. Тогда-то, о господи, со стен посыпалась как град пули и камни на всех тех, которые толпились внизу; те, которые забрались в первую башню, тоже рады бы броситься в город, но и им было невмочь. Затем русские открыли пальбу по башне, где засели поляки, ядром сбили ее щит и крышу, так что она обрушилась на наши войска, стоявшие внизу. Потом русские под обе башни подложили пороху, чтобы выжить наших, подкладывали головни, отчего деревянные связи в башне, где были поляки, быстро загорелись, так что нашим по необходимости пришлось очистить башню. Те, которые сражались в проломе, тоже вынуждены были отступить. Овладевшие другою башнею еще держались, но к вечеру и те ретировались. Не знаю, сколько наших легло при этом штурме, потому что говорить об этом не велят. Я полагаю, убитых до 500; раненых поменьше, секирами, избитых дубинами — очень много. Пехотных десятников, а особенно венгерцев и немцев, погибло довольно. У нас и фельдшеров столько нет, чтобы ходить за ранеными. Трагедия эта продолжалась с 19 до 23 часов...»

Да, у ксендза были все основания считать день 8 сентября «не очень благоприятным» для поляков.

К тому же потери королевского войска, о которых было «не велено говорить», оказались значительно больше, чем полагал ксендз Пиотровский. Русский автор указывал, что «всяких градоемцев у Пскова побитых более пяти тысяч», не считая раненых. Потери защитников Пскова в этот день составили восемьсот шестьдесят три убитых и тысяча шестьсот двадцать шесть раненых, то есть в несколько раз меньше, чем потерял Стефан Баторий.

Не совсем точно описывал ксендз и ход штурма, он передавал то, «что сам видел», а видел он далеко не все, оставаясь во время приступа в королевском лагере. Русский автор «Повести» значительно дополняет картину событий.

Прежде всего, не крутой «обвал» стены помешал штурмующим ворваться в город. Внутри города против проломов оказалась «стена деревянная со многочисленными бойницами». Правда, полностью она была «не сограждена», но пушки и пищали на ней уже поставили, у бойниц находились стрельцы с «ручницами». Ворвавшиеся через проломы венгры и поляки были встречены сильнейшим огнем и остановлены. Потом стрельцы и «дети боярские» предприняли контратаку, которой руководил сам Иван Шуйский, и отогнали «королевских людей» обратно к внешней стене. Труднее оказалось выбить врагов из Покровской и Свиной башен. Здесь решающую роль сыграли «великие» пушки. По словам автора «Повести», «с Похвальского роскату, из великой пищали из «Барса» ударили по Свиной башне и не погрешили: тогда множество воинских людей литовской силы в башне прибили». Затем «государевы бояре и воеводы повелели под Свиную ту башню поднести много зелья (пороха) и повелели зажечь»; башня рухнула, и засевшие в ней шляхтичи «телесами своими псковский великий ров наполнили». Новая контратака защитников Пскова — и «с проломного места литовскую силу сбили», захватив плленных и пушки. Дольше держались «градоемцы» в Покровской башне, но и под нее было заложено «зелье». После взрыва псковичи выбили врага и оттуда. Так была «очищена каменная псковская стена от литовских ног», «ночью же и от стены за градом отбили», «и так литва от города в станы побежала». Попытка короля Стефана Батория взять Псков одним штурмом провалилась.

Зашитники Пскова не ограничились тем, что «сбили со стены» противника, но сами устроили вылазку, преследуя отступавших «королевских людей». «Из города выскочив, христиане далеко за ними, секуще, гнались; которых во псковском рву заставали, тех прибивали; многих же живыми похватав, в город к государевым боярам и воеводам привели, нарочитых языков с набатами и с трубами и со знаменами и с ратным оружием, а потом все здоровы в Псков с бесчисленным богатством возвращались, оружия литовского, изрядных нарочитых самопалов и ручниц разных бесчисленно много в город пронесли...»

Об этом тоже умалчивает ксендз Пиотровский.

Ничего не пишет он и о мужестве простых псковичей. По зову осадного колокола вместе с ратными людьми и воеводами к опасному месту прибежали «псковские народи, с женами и детьми простишись и крепко на врага на бой уготовившись». В сражении принимали участие не только мужчины, но и женщины-псковитянки. Одна из глав «Повести» так и называется: «От жен пособие»: «Сбежалось многое множество жен к проломному месту и тут великолепное пособие воинским людям показали. Одни из них, крепкие, в мужскую храбрость облеклись и с литвой бились и над литвою одоление показали; другие же каменья воинам приносили и тем литву с города и за городом побивали; иные же воинам, от жажды изнемогшим, воду приносили». Это был именно тот массовый героизм, который всегда удивлял иноземцев при осадах русских городов...

После отражения штурма начались работы по восстановлению укреплений. «Государевы бояре и воеводы повелели против проломного того места стену деревянную созворить, со многочисленными бойницами, и многие башни поставили и во многих местах и наряд изготовили против приступа литовской силы. Между каменными и деревянными стенами во граде повелели ров выкопать и поставили в нем дубовый острый чеснок (*частокол из заостренных бревен*), так что никаким образом человеку невозможно промежь его пройти». С помощью этих укреплений были отбиты следующие литовские приступы, причем «королевские люди» больше ни разу не смогли «взойти на стены». «Литовское воинство по все дни, а то и дважды и трижды в день, и в夜里, приступали, и всегда христиане литву от стен отбивали».

Сами осажденные постоянно совершали вылазки, «многие языки литовские во град хватали и королевское и его первосоветников умышление доведывались и против умышлений их готовились». Так Иван Шуйский узнал о готовившейся против Пскова минной войне. Отчаявшись взять город прямыми приступами, Стефан Баторий решил устроить подкопы и взорвать стены. 17 сентября в городе стало известно, что осаждающие «те подкопы все повели», а всего «в разных местах девять подкопов». Иван Шуйский немедленно распорядился рыть «слухи» (*встречные подземные галереи*). Вскоре русские воеводы получили точные сведения о литовских подкопах. Из королевского лагеря бежал в Псков «прежде русский, полоцкий стрелец именем Игнашь». Он рассказал «против коего места ведут» подкопы, «со стены на места указуя». Контрминные работы были ускорены, и «сентября в 23 день русские слухи с подкопами литовскими сошлись», два подкопа — против Свиной и Покровской башен — были взорваны, остальные обрушились сами. Минную войну Стефан Баторий тоже проиграл.

А как выглядели все эти события из королевского лагеря? Вернемся к «Дневнику» ксендза Пиотровского.

«После вчерашнего штурма мы немного смущены,— пишет ксендз и далее поясняет:— Русские в проломах, сделанных нами, снова ставят срубы и туры и так хорошо исправляют их, что они будут крепче, нежели были прежде. Хотим мы покуситься еще на один приступ и подумываем о подкопе...»

Через день, 11 сентября, Пиотровский сетует: «Решительно не понимаю, как это у москалей достает пороха и ядер, стреляют день и ночь...»

12 сентября. Опять эти несносные русские «портят свою стрельбою нам туры, так что на иные велено опять возить хворост. Ведем подкоп под стены, только не знаю, как скоро он будет готов...»

13 сентября. «Продолжаем вести подкоп. Должно быть, наши еще не докопались до рва. Одно знаю, что пока не будет пролома, ничего не сделаем. Господи, помоги нам!...»

20 сентября. «Ничего не делаем в лагере в ожидании пороха и подкопа...»

23 сентября. «Старателю приготовляем все нужное для штурма, в надежде, что через несколько дней подкоп будет готов; надо полагать — дело идет хорошо...»

Но на следующий день — полное разочарование: «Сегодня ночью русские подвели мину под один из наших подкопов и взорвали его на воздух. Русские стреляют по-прежнему, из мортир сыплют массу камней, которыми, стреляя с верху стены в окопы, причиняют много вреда нашей пехоте...»

27 сентября. «Сомневаемся, чтобы подкопы удались: русские взорвали еще другой, тоже довольно значительный, а третий, секретный, о котором никто не знал и на который была вся наша надежда, далее вести невозможна: наши минеры встретили скалу, которую напрасно пытаются пробить, так что вся работа пропала. Мы повесили носы...»

29 сентября. «Несколько сот ядер пришло из Заволжья; ожидаем другой транспорт с ядрами, порохом и орудиями из Риги. Попытаемся еще раз штурмовать, только не знаю, как посчастливится. Пехота бежит из окопов, где становится холодно. Не придет ли скоро конец этой осаде?..»

Наступил октябрь, а с ним пронзительные и холодные ветры. Настроение секретаря королевской канцелярии явно ухудшается, и он записывает в своем дневнике совершенно справедливую мысль: «Войну легко начать, а трудно кончить!»

4 октября. «Вдруг пошел снег с выгою, и настал страшный холод. Мы, подобно лисицам, роемся в земле и прячемся в ямах, но бог знает, что будет с бедной пехотой, каждый раз дезертирует из нее по несколько. На немцев нашла какая-то болезнь, умирает их ежедневно по десятку. А что же будет дальше? Мне кажется, что попомнит наше войско этот Псков...»

А русские воины устраивают вылазки, через литовские заставы пробиваются на помощь гарнизону Пскова отряды стрельцов. По-прежнему русские пушки стреляют по окопам и по королевскому лагерю.

7 октября. «У нас приготовляются к штурму, снаряжают лестницы, веревки, факелы; не знаю, к чему это; должно быть, хотят лезть на стены, так как разбить их мы не можем. Пехота с отчаяния ждет скорее штурма; говорят, что лучше погибнуть от руки врага, чем от холода да голоды...»

8 октября. «Русские, как всегда, вышли из города под защитой крепостного огня, постояли немного, погарцевали и вернулись в город...»

11 октября. «Русские в громадном числе, около 3000 пехоты и 500 конных, сделали вылазку...»

12 октября. «Сегодня русские под Изборском побили 30 отборных хлопов, гайдуков Ухровецкого, которые искали для него продовольствия в деревне...»

13 октября. «Сегодня же около вечера русские сделали вылазку у реки Псковы, где была расположена рота пана Крайчего. Наши, которые находились вблизи, бросились на русских, но те, по обычаю, отступили под прикрытие орудий».

14 октября. «Русские с той стороны города напали на стражу Белявского. Каждый день они делают вылазки, употребляя при этом разные хитрости. В городе беспрерывно строятся и укрепляются...»

Воевода Иван Шуйский превосходно использовал передышку: возвели дополнительные укрепления, постоянными вылазками истощили королевское войско, страдавшее от холода и голода. Разыскивая продовольствие, литовцы несли тяжелые потери. «Много гибнет наших фуражиров, так что в течение одной недели в разных местах погибло их несколько сотен», — жалуется Пиниковский.

Тогда Стефан Баторий решился на новый штурм. На этот раз батареи были поставлены на левом берегу реки Великой, где деревянная стена казалась менее прочной. Зима подгоняла. «О боже, вот страшный холод! Какой-то жестокий мороз с ветром, мне в Польше никогда не случалось переносить такого!» — ужасается польский летописец.

Тяжелые орудия, стрелявшие с другого берега Великой, разрушили часть стены, но успеха не добились. «За эту стену находится другая, деревянная, толщиною в сажень, и набитая землею: русские хорошо укрепляются!»

28 октября начался новый приступ. Венгерская пехота по льду перешла реку, подступила к стене. «Венгры кирками, лопатами и чем попало разбивают фундамент стены и уже так вкопались в стену, что их не видно; русские не могут отогнать этих молодцов ни стрельбой, ни кипятком, который льют сверху». Это был, пожалуй, один из самых опасных дней осады. Но воевода Иван Шуйский и в этом случае нашел выход.

Передаем слово русскому автору «Повести о приходе-

нии Стефана Батория на град Псков»: «Октября в 28 день прискочили литовские гайдуки и градоемцы и каменосечцы под городскую стену и, щитами закрывшись, начали стену подсекать кирками, чтобы стена на Великую реку повалилась. Государевы же бояре и воеводы повелели против них частые окна проверть сквозь стену, и из тех окон из ручниц стрелять и копьями колоть. Литовские же гайдуки из-под стены бежали». На тех «литовских градоемцев», которые глубоко закопались в стену, воеводы «повелели великие кнуты на шесты навязать, по концам привязывать железные крюки, и теми острыми крюками из-под стены выдергивали, стрельцы же из ручниц телеса их клевали». Почти все «приступавшие» были перебиты.

Но Стефан Баторий снова и снова посыпал свое воинство на приступ. «Из наряда по граду пять дней били, и во все те пять дней крепкими приступами к городу приступали». Особенно сильный приступ был 2 ноября, когда осадные орудия «стену от Великой реки сбили». Но и этот приступ русские воины отбили, «попнуждаемых» королем «гайдуков и ротмистров» огнем из пушек «как мост по льду положили... И так, и того дня спасен был великий град Псков! — завершает свой рассказ автор «Повести». — Видев же сие гордый король, что никаким образом невозможно города взять, повелел ротмистрам и гайдукам от града в станы отойти и наряд отволочь. И так, ноября в 6 день, все литовские ротмистры с гайдуками из ям вышли и наряд из всех турок отволокли».

Король Стефан Баторий перешел к «тихому облежанию» Пскова, надеясь сломить горожан блокадой и голodom. Но это было явно безнадежным делом: осаждающие больше терпели лишений от морозов и недостатка продовольствия, чем осажденные.

Ноябрьские и декабрьские страницы «Дневника» ксендза Пиотровского заполнены жалобами на бедственное положение королевского войска. «Боже, как жаль тех трудов и денег, которые мы потратили под Псковом!» — восклицает ксендз.

«Войско дошло до положительной нищеты и никогда столько не переносило, как теперь. Продовольствия нет почти никакого, да неоткуда и привезти; сено едва получаем за 20 миль от лагеря. А сколько тут неприятностей

и трудностей с перевозкой! Одежды и денег положительного неоткуда взять...»

«За тридцать миль вокруг Пскова нельзя достать провианту. А как настанут никольские морозы, да наводятся громады снегу, узнает, небойсь, наш жолнер русскую-то войну!..»

«Здесь нам нечего есть; провиант достаем за 30 миль; лошади падают, люди тоже умирают в большом количестве, больных же очень много. Вообще мы не знаем, что будет...»

«Боже, какие наступили страшные морозы! Хаты наши трещат от них; несколько пахотков, свалившихся от холода с лошадей, совсем замерзли. Один бог знает, что будет дальше; отовсюду на нас беды; голод, болезни, падеж лошадей...»

«Мы заживо погребаем себя в этом лагере, положение наше весьма бедственное; поистине мы достойны рая. Морозы ужасные, неслыханные, голод, недостаток в деньгах, лошади падают, прислуга болеет и умирает; на 100 лошадей в роте 60 больных; но этого разглашать не следует. Венгерцы массами перебегают в город...»

Наемная армия Стефана Батория, прочувствовав, на конец, что означает «русская война», начала разлагаться. Страницы «Дневника» заполнены записями о раздорах в королевском лагере.

«Между жолнерами сильное волнение; между ротмистрами несогласие: одни хотят ожидать денег и потом двинуться, другие и слова не дают сказать...»

«Немцы не хотят ожидать более и просят уплаты и увольнения...»

«Спорят с жолнерами; им дают письменное королевское обязательство относительно уплаты денег. Жолнеры требуют другого обязательства, говоря, что первое не довольно верно...»

В армии началось массовое дезертирство. В начале декабря большой конный отряд немцев, не получив жалованья, покинул лагерь короля и ушел домой. «Лучше бы заключить мир», — пишет Пиотровский, и это было желание всего королевского войска, отчаявшегося взять Псков. «Совет за советом, кого бы выбрать в послы для переговоров с русскими. Но советы собираются втихомолку. Все усилия употребляем, кажется, чтобы заключить мир да домой отправиться...»

Вообще рассуждения о мире, слухи о переговорах с русскими послами стали главной темой «Дневника», особенно после того, как 1 декабря 1581 года король Стефан Баторий уехал в Литву, поручив командование осадной армией гетману Яну Замойскому. И еще одна тема, к которой ксендз Пiotровский возвращается постоянно, — записи о непрекращающихся русских вылазках.

«Русские сделали вылазку на роту Гнезненского, которая была на аванпостах...»

«Русские ободрились. Сделали вылазку, а всех их было на вылазке около тысячи пехоты и несколько сот конницы. Немцы должны были отступить...»

«Производятся большие вылазки: русские по нескольку тысяч выходят из города; но что же из того? Они на шаг не выходят из-под прикрытия своих орудий...»

Воевода Иван Шуйский, таким образом, проводил активную оборону города, предпринимал постоянные вылазки, нанося противнику значительные потери. Продолжались и обстрелы польского лагеря дальнобойными орудиями. Ксендз Пiotровский записывал в своем дневнике: «После утреннего богослужения пушечное ядро,пущенное из города, упало почти у самой палатки, где мы молились, перед королевским шатром, чего еще не случалось до сих пор...»

Последнюю и самую большую вылазку псковичи сделали 4 января 1582 года, в ней участвовало несколько тысяч конных и пеших воинов. Множество жолнеров и гайдуков, более восьмидесяти «добре славных именитых панов» были убиты, захвачено много «языков нарочитых» и богатейшая добыча. «Великой вылазкой» назвал эту операцию русский автор «Повести» и добавил: «Сия же конечная вылазка была. Всех же тех вылазок из града сорок шесть; приступов же было литовских крепких ко граду Пскову тридцать один». Такова боевая статистика псковской обороны!

Актом отчаяния явилась попытка гетмана Яна Замойского вероломно убить главного руководителя псковской обороны воеводу Ивана Петровича Шуйского. 9 января из литовского лагеря в город пришел «русский полонянин» и принес Ивану Шуйскому «велик ларец». От имени «королевского дворянина» Гансумелера в сопроводительной грамоте было написано, что тот собирается перебежать в Псков и посыпает «казну», «и ты бы, государь,

князь Иван Петрович, тот мой ларец у полонянина взял и казну один посмотрел, а иным бы не давал смотреть». На самом деле в ларце была не казна, а «адская машина» с большим пороховым зарядом.

Однако вражеская хитрость была разгадана. Воевода велел «добыть таких мастеров, которые ларцы отпирают, и далеко из воеводской своей избы вынести, и отомкнуть, всячески бережась». В ларце оказались «двадцать четыре самопала, заняренных на все четыре стороны, на верх же взыпано с пуд зелья», с хитроумным «самопальным замком», который должен был «запалить» пороховой заряд, как только приоткроют крышку.

«Такое было канцлерово умыщение и подручных его лукавый совет над государевым, царя и великого князя боярином и воеводою, князем Иваном Петровичем Шуйским, за его праведную государеву службу и за его непобедимое воеводство, и за его благоразумный разум в государевых делах против государевых недругов и всех королевских умышлений, и всего литовского войска гордости».

В этих словах автора «Повести» — обобщенная военная характеристика боярина и воеводы Ивана Петровича Шуйского, признание его выдающихся ратных заслуг...

А через неделю в Псков приехал «великого князя сын боярский Александр, именуемый Хрущов», и сообщил, что в Запольском Яме, местечке неподалеку от города, «государевы послы по государевы приказу с королевскими послами мир учинили». Военные действия прекратились.

Но не этот день автор «Повести» считает концом обороны Пскова, а 4 февраля 1582 года, когда последние литовские отряды ушли из-под города и псковичи открыли, наконец, городские ворота, которые были на запоре пять долгих месяцев осады...

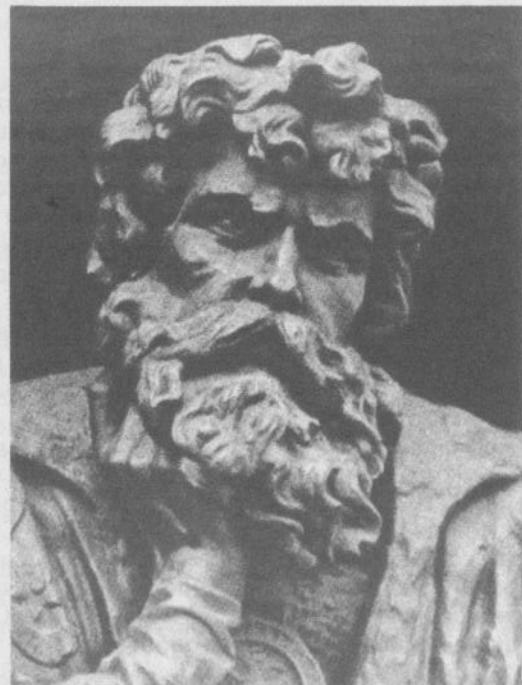
Дальнейшая военная судьба боярина и воеводы Ивана Шуйского тоже была связана с Псковом. По «росписи» 1583 года он упомянут среди воевод «по осадам от немецкой и от литовской украины»: «Во Пскове были бояре и воеводы князь Василий Федорович Скопин-Шуйский да князь Иван Петрович Шуйский...»

Затем он был воеводой в Новгороде, после чего в 1584 году снова возвратился в Псков. Царь Иван Грозный

перед смертью включил прославленного воеводу Ивана Шуйского в состав «регентского совета» при молодом царе Федоре. Город Псков, который Иван Шуйский отстоял от «королевского взятия», был пожалован ему «в кормление». Там он и остался наместником в последующие годы, отлучаясь из пограничного города только для походов против шведов и по московским «государевым» делам.

Два «больших воеводы» — Михаил Воротынский и Иван Шуйский — как бы олицетворяли два фронта борьбы Российского государства в XVI столетии: «крымскую украину» и «литовскую и немецкую украину». Много сотен верст от одной «украины» до другой, но на памятнике «Тысячелетие России» их изображения помещены рядом.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ЕРМАК

Мало кого можно сравнить по известности в народе с победителем Сибирского ханства казачьим атаманом Ермаком Тимофеевичем. О нем сложены песни и сказания, написаны исторические романы, повести и пьесы, описания сибирского похода вошли во все учебники. Стихотворение поэта-декабриста К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака» давно превратилось в народную песню. Ермаку посвятил несколько взволнованных строк В. Г. Белинский, отметая представления о нем и его товарищах как о разбойничьей ватаге: «Подвиги этих витязей никогда не были запечатлены ни зверством, ни жестокостью: они были удальцы и молодцы, а не злодеи!»¹. Великий русский писатель Л. Н. Толстой специально для народного чтения создал рассказ «Ермак». Ермаку посвятил одну из самых известных своих картин «Покорение Сибири» художник В. И. Суриков. Сибирским походом Ермака занимались крупнейшие русские историки, начиная с замечательного сибирского историка, географа и картографа XVII века С. У. Ремезова. О Ермаке писали Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, С. Ф. Платонов, в советское время — С. В. Бахрушин, Р. Г. Скрынников.

Казалось бы, о Ермаке Тимофеевиче известно уже все. Но советский военный историк Н. Лапин обращает внимание на следующий историографический парадокс: «Ермак прежде всего вошел в историю как атаман казачьей дружины, одержавший блестящие победы в Сибири, однако до сих пор мало кто по-настоящему заинтересовался походом Ермака как событием русской военной истории»².

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. II. С. 208—209.

² Военно-исторический журнал, 1966, № 1. С. 35—45.

Действительно, кроме небольшой статьи самого Н. Лапина «Военное искусство в сибирских походах Ермака» специальных военно-исторических исследований о нем нет. Между тем сибирские походы Ермака — яркая страница русской военной истории.

Исторические источники не сохранили сколько-нибудь достоверных сведений, которые позволили бы воссоздать биографию Ермака Тимофеевича. Не известно даже, когда и где он родился, разные города и области оспаривали честь именоваться родиной прославленного атамана: называли и Качалинскую станицу на Дону, и город Борок на Северной Двине, и Тотемскую волость Вологодского уезда, и строгановскую вотчину на реке Чувовой...

Но то, что Ермак был профессиональным воином, точнее — военачальником, документально подтверждено. Два десятилетия он служил на южной границе России, возглавляя станицы, которые посыпались в Дикое Поле для отражения татарских набегов. Один из соратников Ермака, казак Гаврила Ильин, писал в челобитной, что «20 лет полевал с Ермаком в поле». Другой казак, Гаврила Иванов, сообщал, что был на государевой службе «в Сибири сорок два года, а прежде того служил на поле двадцать лет у Ермака в станице и с иными атаманами». Во время Ливонской войны Ермак Тимофеевич был одним из самых известных казацких воевод. Польский комендант города Могилева доносил королю Стефану Баторию, что в русском войске были «Василий Янов — воевода казаков донских и Ермак Тимофеевич — атаман казацкий».

Опытными воеводами показали себя и сподвижники Ермака: Иван Кольцо, Никита Пан, Савва Болдырь, Матвей Мещеряк, которые неоднократно водили полки в войнах с ногайцами.

Вообще вольные казаки в то время участвовали в самых значительных военных событиях, имели свою военную организацию и признанных военных руководителей. Известно, что не менее двух с половиной тысяч казаков в 1552 году штурмовали стены Казани вместе с царским войском. Во время похода на Астрахань казацкий атаман Федор Павлов со своими людьми оборонял важные в стратегическом отношении перевозы через Волгу. В 1563 году в штурме Полоцка участвовало шесть тысяч служилых и вольных казаков. Немало их сражалось и с крымцами

в 1572 году, когда хан Девлет-Гирей пошел на Москву, известно и имя их предводителя — атаман Миша Черкашин. В составе гарнизона Пскова, отразившего в 1581 году многочисленные приступы короля Стефана Батория, было пятьсот казаков.

В летописных известиях о походе Ермака много разнотений, противоречий, в результате которых историки предлагают различные маршруты и даты¹. Но если рассказывать о Ермаке как о полководце, предпочтительнее все-таки выбрать трактовку похода, предложенную военными историками (Н. Лапин, Е. А. Разин). В общем виде события представляются таким образом.

Тыловой базой похода являлись владения купцов и промышленников Строгановых в Приуралье, получивших от царя жалованную грамоту на «камские изобильные места». Строгановы имели разрешение набирать на военную службу «охочих людей», строить укрепленные городки. В казацких отрядах Строгановы нашли готовую военную организацию, способную защитить Приуралье от набегов из Сибири. Когда началась Ливонская война и главные силы государства были отвлечены на запад, на отряды «охочих людей» легла основная тяжесть обороны восточной границы. Самым опасным противником был Кучум — правитель Сибирского ханства, которое подчилило себе коренные народности Западной Сибири: vogulov и остяков. Именно против него и организовывалась экспедиция Ермака.

Поход тщательно подготовили. Первоначально казаков насчитывалось пятьсот сорок, затем их численность увеличилась до тысячи шестисот пятидесяти человек. Построены были большие лодки — струги, каждая из которых вмещала до двадцати воинов с запасами оружия и продовольствия. Судя по численности войска, стругов было около сотни.

Какие силы мог противопоставить Ермаку хан Кучум?

По данным тогдашнего Посольского приказа, Кучум мог вывести в «поле» десять тысяч воинов, в основном конных. Мог он привлечь и отряды подвластных ему vogульских и остяцких «князей». Возможна была помочь ногаев, с которыми сибирский хан поддерживал дружеские

¹ Р. Г. Скрынников, например, предлагает датировать начало похода Ермака 1582 годом.

отношения. Кроме того, Кучум постоянно пользовался поддержкой бухарского хана — из Бухары приходили к нему отряды воинов. Например, незадолго до похода Ермака в Сибирь из Бухары прибыли сто всадников во главе с Шербети-шайхом. Численное превосходство Кучума, таким образом, было подавляющим; на каждого казака приходилось по десятку и даже больше ханских воинов.

Историки обычно объясняли блестящие победы Ермака превосходством в вооружении, прежде всего — в огнестрельном оружии, которого татары будто бы не знали и которое приводило их в ужас. На самом деле, это не совсем верно. С огнестрельным оружием сибирские татары были знакомы, хотя и не имели его в достаточном количестве. Известно, например, что на стенах столицы Кучума стояли две пушки.

Конечно, рать Ермака имела хорошее по тем временам оружие. По словам летописца, ее снабдили «оружием огненным пушечки и скорострельными пищалями семипядными и запасы многими». Пушки были только легкие (тяжелый «наряд» невозможно перетащить через каменный волок), и было их немного, всего несколько штук. Зато имелось триста пищалей, дробовые ружья и даже испанские аркебузы. В целом же ручным огнестрельным оружием вооружили не более одной трети войска, остальные имели луки со стрелами, сабли, копья, топоры, кинжалы, какое-то количество самострелов. Пушки стреляли на двести — триста метров, пищали — на сто метров, причем скорострельность была незначительной: чтобы зарядить пищали, требовалось две-три минуты, то есть по приближившейся татарской коннице казаки могли выстрелить только один раз, а затем принимали рукопашный бой. Так что решающего преимущества Ермаку огнестрельное оружие не давало.

Что же обеспечило успех похода?

Во-первых, умелое руководство и четкая организация войска. Сам Ермак обладал большим военным опытом. Признанными воеводами считались и его ближайшие соратники Иван Кольцо и Иван Гроза. Дружины разделялись на пять полков во главе с выборными есаулами. Полки делились на сотни, сотни — на полусотни и десятки со своими сотниками, пятидесятниками, десятниками. В войске были выделены полковые писари, трубачи,

литаврщики и барабанщики, подававшие сигналы во время сражений. В течение всего похода соблюдалась строжайшая дисциплина. За мелкие проступки воинов наказывали «жгутами», за измену или дезертирство — смертью: «тому по донски указ: насыпав песку в пазуху и посадя в мешок, в воду!» Казаки были искусными, мужественными бойцами, привычными к дальним и трудным походам. Постоянные военные опасности воспитывали дух товарищества, взаимовыручки, уверенности в своих силах. С таким войском можно было добиться многого...

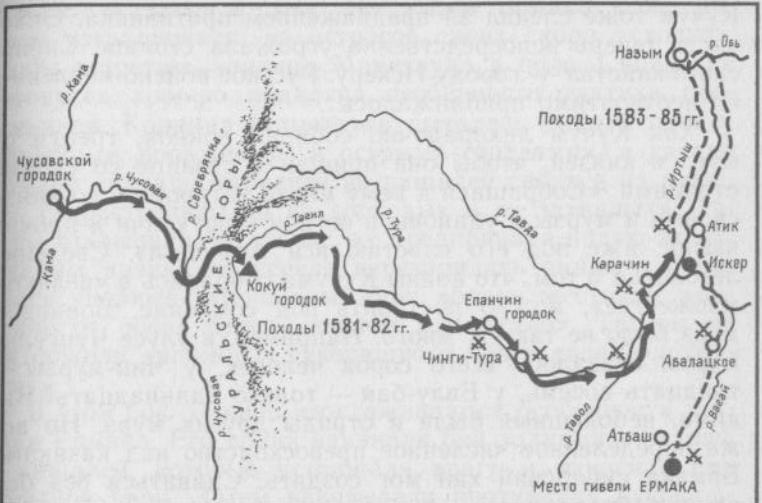
Во-вторых, успехам Ермака способствовала умело выбранная тактика — быстрые маневры «судовой рати», недоступной для татарской конницы, внезапные удары, сочетание «огненного» и рукопашного боя, использование легких полевых укреплений.

В-третьих, Ермак выбрал для похода наиболее выгодное время, когда силы Кучума оказались раздробленными. Как раз накануне похода Ермака хан послал своего старшего сына и наследника Алея с лучшими отрядами на Пермский край.

Наконец, тыл хана Кучума был непрочным. Вогульские и остяцкие «князья», данники хана, только по принуждению присоединились к его войску, на их верность нельзя было рассчитывать, а местные жители, рыболовы и охотники, вообще не хотели воевать с русскими...

1 сентября 1581 года дружины Ермака выступили в поход. Маршрут похода довольно точно прослеживается историками. Сначала он плыл по реке Каме, потом — вверх по реке Чусовой. Сильное встречное течение очень замедляло движение стругов, река изобиловала подводными камнями и мелями, по временам суда приходилось тащить бечевой. Затем по речке Серебрянке «судовая рать» поднялась к Тагильским перевалам, где было удобнее перебраться через «Камень». Казаки рубили просеки в лесах, таскали струги на руках. Некоторые тяжелые суда пришлось бросить.

На перевале казаки построили земляное укрепление — Кокуй-городок, где зимовали до весны, а весной «легкие струги таскали на Тагил реку», уже по другую сторону Уральских гор. Эта зимовка не была временем простого отдыха. Ермак «воеваша всю зиму», «плешиша многих vogулич улусы, овии же добровольно по-

Условные обозначения
← Походы 1581—1582 гг. ←----- Походы 1583—1585 гг.
Х Сражения ● Место гибели Ермака

Поход Ермака в Сибирь

коришася». Ермак, таким образом, создавал тыловую базу похода уже на восточной стороне Уральских гор, вел разведку, привлекал на свою сторону местное население.

По реке Тагил «судовая рать» спустилась в реку Туру, где начинались земли Сибирского ханства. Здесь произошли первые столкновения с сибирскими татарами. Местный мурза Епанча пытался оказать сопротивление, но был разбит, казаки заняли Епанчин-городок (Туринск), затем старую столицу Тюменского «царства» — Чинги-Туру (Тюмень). Путь пролегал теперь по вражеской территории, и приходилось соблюдать осторожность. По словам сибирского летописца, Ермак шел «вниз по Туре со всяким искусством неспешно». Впереди главных сил на легких стругах пробирались разведчики, тщательно опрашивалось местное население — здесь еще сохранились юрты vogулов. В результате сибирским татарам ни разу не удалось напасть на судовой караван Ермака неожиданно, хотя конные разъезды на берегах появлялись часто: хан

Кучум тоже следил за продвижением противника. Опасность теперь непосредственно угрожала столице Сибирского ханства — городу Искеру. Русское войско медленно, но неотвратимо приближалось...

Хан Кучум лихорадочно собирал воинов, требуя от мурз и князей, чтобы они пришли к столице со своими отрядами. «Собрашася к нему мнози татарова и со князи своими и мурзы и улановы и остыаки и вогуличи и прочии языци, иже под его властию вси живущии». Сведения летописца о том, что воины Кучума собрались в «великом множестве», можно поставить под сомнение. Воинов у мурз было не так уж много. Например, в улусе Чунгулы-мурзы оказалось всего сорок человек, у Чин-мурзы — тридцать восемь, у Евлу-бая — только одиннадцать! Видимо, небольшими были и отряды других мурз. Но все же определенное численное превосходство над казаками Ермака сибирский хан мог создать. Сдаваться без боя он не собирался.

Укреплялась столица ханства — город Искер. По словам летописца, хан Кучум «повеле себе учинити засеку подле реку Иртиш под Чювашием, и засыпали землею и многими крепостьми утвердиша». Укреплены были и близлежащие городки Атик и Каачин.

Первую серьезную попытку задержать русское войско хан Кучум предпринял близ устья Туры. Сюда пришли главные силы сибирского войска во главе с племянником хана — Маметкулом, у которого, по летописным данным (видимо, преувеличенным), было до десяти тысяч всадников. Шесть сибирских мурз со своими отрядами, заняв устье Туры, пытались остановить «судовую рать» обстрелом с берегов, но казаки, отстреливаясь из пищалей, быстро миновали засаду и вошли в реку Тобол.

Но и дальше, вниз по Тоболу, плыть пришлось под непрерывным обстрелом: татарская конница, вооруженная дальнобойными луками, неотступно следовала по берегу за стругами. Для защиты от стрел воины Ермака сплели из таловых прутьев большие щиты. Это уменьшило, но не обезопасило казаков полностью — необходимо было отогнать татарскую конницу от берега. Вылазки со стругов воины Ермака предпринимали неоднократно, но самый крупный бой произошел у Бабасановых юрт, где казаки высадились на берег и соорудили остроги из бревен и жердей. Маметкул попытался атаковать русские укрепления «со множеством вои своих» с целью

бросить казаков в реку. Но воины Ермака «того ни мало устрашился, из острогов своих скоро исходят», чтобы встретить конницу Маметкула в поле. Сибирский летописец хорошо подметил особенности тактики противников. Конница Маметкула пыталась добить победу «копейным поражением и острыми стрелами», а казаки Ермака «начаша стреляти ис пищалей своих и из пушечек скорострельных и ис дробовых и из затинных». Татары отхлынули, но тотчас же предприняли новую атаку. Видимо, казаки не успели перезарядить пищали, и начался упорный рукопашный бой: «брань жестока», «падение от обеих сторон многое множество». Татары не выдержали «прямого» рукопашного боя и «вдашеся бегству».

В этом бою хорошо прослеживаются особенности тактики Ермака. Его полки начинали бой залпами из пушек и пищалей, которые устрашали врага и наносили ему большой урон. Затем навязывали противнику рукопашный бой в пехотном строю. Такого «прямого боя» татарские всадники не любили, глубокий пехотный строй оказался непреодолимым для их яростных, но беспорядочных атак. На узких прибрежных участках конница не имела возможности маневрировать, наносить быстрые фланговые и тыловые удары, а порой татарам вообще приходилось спешиваться, в результате чего они теряли свои основные козыри: пешими степняки сражаться не привыкли.

Ермак сделал правильные выводы из первых вылазок. Учитывая недостаточную скорострельность тогдашних пищалей, в последующих боях, по словам летописца: «Ермак товарищем своим козаком повеле стрелять половине, а другой стояти до исправы», чем обеспечивалась непрерывность огня.

Еще одно препятствие ожидало «судовую рать» недалеко от Иртыша, у Карсульского (Караульного) Яра, где река Тобол сжималась обрывистыми берегами. Здесь Маметкул приказал перегородить реку засекой из связанных цепями деревьев («оградиша чрез цепми железными»). Засека обстреливалась с высоких берегов татарскими лучниками. Высадиться у засеки на берег было невозможно — прямо в воду обрывались кручи. Ермаку пришлось отступить.

Три дня в укромном месте Ермак готовился к сражению. Атаковать было решено ночью. Струги, на которых

оставалось всего двести казаков, должны были плыть в темноте к засеке и стрелять из пищалей, привлекая внимание всего татарского войска. Чтобы татары не догадались о военной хитрости, на свободные места в стругах посадили чучела. А главные силы незаметно высадились на берег выше засеки, намереваясь с тыла обойти Маметкула...

Все получилось так, как задумали Ермак и его воеводы. Струги двинулись к засеке, открыли пальбу из пушек и пищалей. Татарские стрелки толпами собирались на высоком берегу Тобола, метали стрелы. А тем временем остальные полки Ермака обошли их по берегу и неожиданно напали. Прогрохотали залпы из пищалей, с обнаженными саблями казаки ринулись в сечу. Воинство Маметкула в панике разбежалось. «Казаки ж одолеша и цепи разломиша», — повествует летописец. Последняя преграда на пути к столице Сибирского ханства пала.

Неожиданным ударом Ермак взял Карабчин, укрепленный городок всего в шестидесяти километрах от Искера. Отбить город попытался сам Кучум, но ему пришлось отступить и вернуться в столицу, причем, по словам летописца, «от Ермаковы дружины мало убьено бысть». Карабчин стал плацдармом для дальнейшего наступления на столицу Сибирского ханства. Показательно, что после неудачного его штурма хан Кучум перешел к оборонительной тактике, «боящеся» казаков. Затем воины Ермака захватили другой укрепленный городок, прикрывавший сибирскую столицу, — Атик. Сражение, которому предстояло решить судьбу Сибирского ханства, приближалось. Силы Кучума были еще весьма значительными, город хорошо укреплен, и перед штурмом Искера, как сообщает летописец, казаки собрались на свой традиционный «круг», чтобы решить, что делать дальше: «Отйти ли нам места сего, или стояти единодушно?» Нашлись и противники штурма, которые ссылались на «великое множество» воинов Кучума, но атаман Ермак сумел убедить сомневающихся: «Не от многих бо вои победа бывает!»

Силы, собранные ханом Кучумом за укреплениями на Чувашском мысу, были действительно большими. Кроме конницы Маметкула здесь находилось пешее ополчение из всех подвластных хану «улусов». Кроме того, воины

его сидели за сильными укреплениями: «Крепок бе Чувашский град окопами».

Первый приступ казаков не удался. Штурм повторился, и снова за окопы прорваться не удалось.

Именно после этого Маметкул, оборонявший Чувашский мыс, и совершил крупную военную ошибку. Ободренный неудачами русских приступов и малочисленностью дружины Ермака, он решился на большую вылазку (сам Кучум участия в сражении не принимал, он расположился со свитой поодаль, на горе). Татары сами разобрали в трех местах засеки и вывели свою конницу в поле. «Разломиша засеку в трех местах, изыдоша вси на выласку», — рассказывает сибирский летописец.

Со всех сторон устремилась татарская конница на небольшую рать Ермака.

Советский военный историк Е. А. Разин считает, что именно в этом сражении Ермаком был впервые применен строй пехотного каре, непреодолимого для атак легкой кавалерии. Блестящие примеры такого строя продемонстрировали позднее выдающиеся русские полководцы П. А. Румянцев и А. В. Суворов в сражениях с крымско-турецкой конницей.

Казаки заняли круговую оборону, встали плотными рядами. Стрельба из пищалей велась непрерывно: пищальники укрывались внутри каре, перезаряжали оружие и снова выходили в первые ряды, чтобы встретить залпом атакующую конницу. Если татарские всадники успевали приблизиться к каре, их встречали сабли, копья, бердыши казаков. Дело доходило до рукопашных схваток. «И бысть сеча зла, за руки емлюще сечахуся». Татары несли огромные потери, но прорвать плотный строй казаков так и не сумели. В бою был ранен предводитель татарской конницы Маметкул. Воины Ермака сполна показали «храбрость свою и жесточь перед нечестивыми».

Неудача в полевом сражении у Чувашского мыса оказалась гибельной для хана Кучума. Насильно собранное ханскоe войско начало разбегаться. Богульские и осяцкие отряды, составлявшие немалую часть его, «убегоша во своя жилища». Отборная ханская конница погибла в бесплодных атаках.

Ночью хан Кучум покинул свою столицу, и 26 октября 1582 года Ермак с дружиной «внидоша во град в Сибирь»,

где нашел «богатства множество и хлеба». Последнее было особенно важно: шел к концу октября, казакам предстояла трудная зимовка в Сибирском «царстве». Хан Кучум бежал в Барабинскую степь, но еще не прекратил сопротивление. Где-то неподалеку от Искера продолжал рыскать со своими быстрыми всадниками и «царевич» Маметкул.

В этих сложных условиях Ермак проявил себя не только дальновидным военачальником, но и дипломатом, политическим деятелем. Удержаться в крепости, удаленной от России на тысячи километров, можно было только при поддержке местного населения, и Ермак сразу же постарался установить дружеские связи с vogульскими и остыцкими «князьями». Ненависть жителей Западной Сибири к хану Кучуму способствовала этому. Известно, что уже на четвертый день после бегства Кучума местный князек Бояр привез казакам рыбу и другие припасы. В столицу бывшего Сибирского ханства начали возвращаться татарские семьи, которым Ермак разрешил жить, «яко же жиша при Кучюме». Даже среди ближайшего окружения Кучума начался разброд. Хана покинул его главный сановник — Карава, который откочевал со своим родом в верховья Иртыша. Мир и союз Ермаку предложил князь Алачей, владения которого были на Оби. Князья Ишбердей и Суклем, жившие за неприступными Яскалбинскими болотами, добровольно признали власть Ермака и сами привезли ясак. Ишбердей даже помог привести к покорности других местных князьев и «пути многи сказа», и «на немирных (враждебных русским «князей») казакам вожь (проводник) изрядной был и верен велми».

Отголоски этих событий сохранились в древнем фольклоре хантов. Ни о какой войне с Ермаком сказители народных преданий даже не упоминали. Наоборот, речь шла о мирных отношениях. Вот два отрывка из записей фольклора хантов: «Остыки с Ермаком не воевали. Когда Ермак пришел, то наш вождь встретился с ним, встали напротив друг друга и поменялись, передавая из рук в руки лук и ружье: тот нашему ружье, а наш — лук...» «Когда Ермак (*и его люди*) пришли в Айолово, решили не трогать остыков, а дать им решить: покориться или воевать. В Айолово семь шаманов собрались и сказали своему народу: «Дайте нам семь дней подумать!»

Посовещались с богом и решили подчиниться и платить дань...»

Но представлять себе первую зимовку Ермака в захваченном Искере, как мирную идиллию, конечно, нельзя. В Барабинской степи продолжал кочевать со своими ордами несмишившийся враг — Кучум. В окрестностях Искера рыскали быстрые конные отряды «царевича» Маметкула, нанося коварные и неожиданные удары, стараясь помешать казакам ловить рыбу, охотиться, сноситься с местными vogульскими и остыцкими «князьями». Татары превосходно знали местность, появлялись внезапно, борясь с ними было очень трудно. Начиналась новая фаза войны — стремительные рейды мелких отрядов, погони и засады, постоянная настороженность, тайные тропы лазутчиков.

Прославленный атаман Ермак сумел выиграть и такую войну...

Впрочем, быстротечные схватки порой перерастали в упорные, кровопролитные бои. В начале декабря 1582 года татарский отряд неожиданно напал на казаков, которые ловили рыбу на озере Абалак, и перебил многих из них. Ермак со своей дружиной спешил на выручку, но неожиданно встретился под Абалаком с многочисленным войском «царевича» Маметкула. «Царевич», по словам летописца, пришел «со многими людми», и случилась «братья велия на мног час». Воины Ермака одержали победу, но потери оказались значительными. В синодике погибшим казакам записано: «Тое же зими бысть бой с нечестивыми под Обалаком декабря в 5 день, и на том деле убиены Сергею, Ивану, Андрею, Тимофею и с их дружиною вечная память...» В синодике поименованы только казацкие атаманы, сколько пало рядовых воинов можно только гадать. Но, вероятно, убитых оказалось много, да и старейшины поименованы в синодике не все. По другим источникам, к этому списку можно добавить имена Богдана Брязги, Окула, Ивана, Карчиги. По косвенным данным, каждый пятый казак, убитый за все время сибирского похода, пал именно под Абалаком.

Казаки выстоили перед неистовым натиском и «царевича» Маметкула розбаша». Позднее посольские дьяки писали о сражении под Абалаком как о крупном военном успехе: после того как «сибирский царь Кучум убежал в поле... племянник Кучумов Маметкул-царевич, собрався

с людми, приходил в Сибирь на государевы люди, и государевы люди тех всех людей, которые были с ним,— больше десяти тысяч — побили...»

Возможно, численность татарского войска здесь преувеличена, но то, что поход Маметкула был серьезным военным мероприятием, преследующим далеко идущие цели,— несомненно. Абалак находился всего в пятнадцати километрах от Искера, на прямой дороге к столице, и в случае успеха Маметкул мог полностью изгнать русских из Западной Сибири. Разгром и поспешное отступление воинства Маметкула сразу изменило обстановку: широкое наступление на Ермака было сорвано. Советский историк Р. Г. Скрынников даже считает, что не взятие столицы Сибирского ханства, а именно победа под Абалаком определила успех экспедиции Ермака.

К сожалению, подробности этого большого сражения неизвестны...

Разгром большого татарского войска Ермак использовал для того, чтобы поставить под свою власть соседние земли. Он разослал в разные стороны казацкие отряды, которые «воеваше по Иртышу и по великой Оби их нечестивые улусы и городки, татарские и остыцкие, до Назима воеваше, и Назим городок остыцкий взяша со князком их и со многими их остыками поплениша и в плен поимаша». Русские потери в этих походах оказались минимальными. Автор одного из кунгурских сказов отмечает: «Вои убитых нет, а раненых каждой бой многаши». Впрочем, это можно объяснить и немногочисленностью казацких отрядов. Например, к Назиму атаман послал всего пятьдесят казаков.

Небольшим был и отряд, разбивший остатки орды Маметкула и взявший в плен самого «царевича». Успеху этой операции способствовали распри, царившие в окружении хана Кучума. «Близкий ясашный мурза» хана — Сенбахта Тагин — «по недружбе» к Маметкулу сам сообщил казакам, что тот кочует по реке Вагай, в ста километрах от Искера. Было это 20 февраля 1583 года. Ермак немедленно послал против своего злейшего врага немногим больше полусотни казаков, но «умных и искусных ратному делу». Ночью казаки напали на татарский стан, перебили стражу и «царевича жива в шатре взяша». Напомню, что случилось это в разгар зимы, когда реки замерзли и казацкие струги не могли быстро перевозить

войско. Для быстроты походов Ермак поставил воинов на лыжи, использовал оленьи нарты, что было невозможно без помощи местного населения. Часть своей дружины Ермак посадил на коней, которых было много захвачено у татар. Стремительные рейды небольших казацких отрядов, тщательная разведка, помощь местного населения — вот что определяло тактику Ермака в зимней кампании.

Это была настоящая «казацкая война», к которой дружина Ермака привыкла еще в Диком Поле, когда находилась в окружении враждебных кочевых орд. Опыт бесконечных «малых войн» на южной «украине» помог казакам приспособиться и к своеобразным условиям Западной Сибири.

Летом 1583 года казацкая «судовая рать» двинулась по Иртышу, подчиняя местных князьков и собирая ясак «з боем и без боя». Выйдя на реку Обь, казаки «видела много пустово места и жилья мало», и после трехдневного плавания по великой реке повернули обратно.

Но казаков становилось все меньше, и Ермак решил просить подмоги у царя Ивана Грозного. Тем же летом из Искера в Москву им была отправлена первая станица из двадцати пяти казаков с атаманом Черкасом Александровым во главе. На двух стругах повезли собранный ясак — пушнину.

Станица повторила путь «судовой рати» до устья Иртыша и поплыла дальше, вниз по реке Оби. Летописец таким образом прочертит маршрут: «поплыла по Иртышу реке вниз и по великой Оби вниз же и через Камень прошли Собью же рекою в Пустоозеро».

Кроме ясака Черкас Александров повез в Москву донесение Ермака о «сибирском взятии». По летописной версии, «писали Ермак с товарищи благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русии самодержцу, что царство Сибирское взяша и многих живущих тут иноязычных людей под его государеву царскую высокую руку подвели, татар и остыков и вагулич привели к шерти по их верам на том, что им быть под его царскую высокую рукою до веку, покамест стояти, а ясак им государю давати по вся годы, а на русских людей зла никакого не мыслить».

Царь Иван Грозный сразу оценил важность «сибирского взятия», посольство было встречено милостиво, тут

же принято решение о подготовке зимнего похода на помочь Ермаку. Однако зимой Уральские горы были неприступны для конной рати, и к Строгановым была послана грамота об отсрочке похода: «Ныне нас слух дошел, что в Сибирь зимним путем на конех пройти не можно».

Здесь мы должны обратиться к известной легенде о том, что Ермак был пожалован шубой с царского плеча и двумя панцирями. Р. Г. Скрыников довольно убедительно доказывает, что такого «пожалования» не было, казаки получили награды за «сибирское взятие» деньгами и сукном, а атаманы — золотыми. Когда тобольским властям в следующем столетии было велено найти «ермаковы панцири», их обнаружить не удалось. Один из панцирей, который приписывали Ермаку, на самом деле принадлежал известному воеводе князю П. И. Шуйскому.

Значительных подкреплений в Сибирь послать не удалось, так как снова обострилась обстановка на южной границе России. Воевода князь Семен Болховской повел к Ермаку отряд, насчитывающий всего триста стрельцов. Сохранилась «разрядная запись» о составе рати Болховского: с ним послали «голов Ивана Киреева да Ивана Васильевича Глухова, а с ними казанских и свияжских стрельцов сто человек, да пермич и вятчан сто ж человек и иных ратных людей 100 человек». Царским повелением Строгановым было приказано подготовить пятнадцать стругов, «которые б струги подняли по 20-ти человек с запасом».

В 1584 году отряд Болховского прибыл в Искер. Казаки встретили его с радостью, даже одарили «мягкой рухлядью», то есть мехами. Но радость была недолгой. Подкрепление оказалось слишком незначительным. К тому же стрельцы почти не привезли с собой продовольствия, а казаки сумели заготовить для зимовки ровно столько припасов, сколько потребуется им самим.

Зимовал Ермак не в Искере, где было мало домов, а на просторном острове Каракине, неподалеку от сибирской столицы. Зима оказалась особенно суровой: сорокаградусные морозы, ледяные ветры, большие снега. Охота стала почти невозможной. На Каракине начался голод, который и погубил стрелецкий отряд. Летописец с горечью писал: «Которые люди присланы были с воеводою со князем

Семеном Болховским и с головами казанские да свияжские стрельцы да перми и вятчаня, а запасу у них не было никакого, и те все присыльные люди померли в старой Сибири з голоду». Умер и сам воевода. «Государевы служилые люди» оказались менее приспособленными к суровым испытаниям, ненадежней снаряжены, чем вечные ратные странники — казаки. Однако и казаки понесли тяжелые потери: у Ермака осталось всего около двухсот боеспособных воинов...

Больше помочь не приходила, хотя в Москве побывало и второе посольство Ермака, которое повезло к царю знатного пленника — «царевича» Маметкула. Его сопровождал помощник умершего воеводы Болховского — Иван Киреев, стрелецкий голова.

А обстановка становилась все сложнее. После пленения своего соперника Маметкула Карава помирисился с ханом Кучумом. Ермак не знал об этом и, согласившись помочь Караве в войне с Казахской Ордой, послал к нему атамана Ивана Кольца, «а с ним 40 человек товарищества». Все казаки были вероломно убиты татарами. Кроме этого, участились нападения на казачие разъезды, добывавшие в отдаленных селениях продовольствие и ясак.

Весной 1584 года Карава со значительными силами окружил Искер, перерезав все дороги. Приступить к городу он не решился, памятуя о многих поражениях сибирского воинства, о страшном «огненном бое» и ратном искусстве казаков. Однако город был обложен плотно, татарские разъезды кружились вокруг него, вне досягаемости пушечного огня со стен. А сам Карава остановился, казалось, в полной безопасности на Саусканском мысе, в трех верстах от города. В стане были и его сыновья, слуги, отборные телохранители. Он надеялся погубить русских осадой и голодом.

Однако Ермак всегда находил выход, предпочитая решительные и неожиданные действия. Темной июньской ночью несколько десятков казаков во главе с атаманом Матвеем Мещеряком незаметно вышли из города, прокрались мимо татарских разъездов и внезапно напали на стан Карави. «Изыдоша из града тайно и напаша на них нощию», — пояснял летописец. Мгновенно была перебита сонная стража, полегли под русскими саблями два

сына Караби, а сам «Караби с треми человеки за озеро убежал».

Всполошились все татарские станы. Воины, бросив осаду Искера, стягивались к Саусканскому мысу. Утром татары начали штурм. Казаки отстреливались. К полудню Караби увел свое воинство. Осада Искера была снята, но опасность продолжала существовать, так как Караби договорился о совместных действиях с ханом Кучумом. Из Барабинской степи потянулись на север конные отряды кучумовых татар. И Ермак отправился в свой последний поход...

Движение на юг, следом за отступившим Караби, может показаться безрассудным, но это было не так. Ермак старался закрепить военный успех под Искером, нанести Караби еще один ощущимый удар, пока тот не опомнился от поражения. Победа могла предотвратить повторную осаду Искера, и Ермак решил рискнуть.

Кроме того, он получил известие, что татары готовятся перехватить бухарский караван, который будто бы направляется в бывшую столицу Сибирского ханства. Караван мог привезти много необходимых для казаков товаров, его следовало выручить. И Ермак «с невеликою своею дружиною» поспешил навстречу. Путь его лежал по реке Вагай, притоку Иртыша.

Источники разноречивы в определении численности казацкого отряда, отправившегося с Ермаком по Вагай: от пятидесяти до трехсот человек. Последнее число представляется явно завышенным: после трудной зимовки и сражения под Искером стольких воинов у Ермака просто уже не было, да и сколько-то воинов пришлось оставить в столице. В тобольских, «разрядных записях» сказано, что «Ермак Тимофеев до 108 человек, пришед против Кучума царя и на Вагайской перекопи стали ночевать на острову». Вероятно, это близко к истине.

Сначала поход проходил удачно, казаки почти не встречали сопротивления, «и все волости покорны были во всем». Но возле Бегичева городища произошел «бой великий», закончившийся победой Ермака. Еще один бой вспыхнул в устье Ишима, он тоже оказался удачным для казаков, хотя пятеро из них были убиты, и дело дошло до рукопашной («яко не оружием, но руками, кто кого мо-

жет»). Штурм городка Кулары победы не принес, но Ермак приказал двигаться дальше: «Назад, де, воротяся, приберем!» Действительно, повернув обратно, Ермак пошел к Искеру, «прогребаючи все городки волости». А повернув атаман на Вагай, поверив лживым известиям о том, что именно там пройдут бухарские купцы. Между тем к Вагаю стягивались конные орды Кучума и Караби...

По реке струги Ермака поднялись до Атбаша — татарского урочища. Это было зловещее место: с одной стороны к Атбашу прилегали дремучие леса, с другой — непроходимые болота, протянувшиеся почти на сто верст.

Татарские лазутчики неотступно следовали за караваном, хоронясь за деревьями и кустами. Когда стало известно место ночевки казаков — на острове, туда подтянулись отряды Кучума и Караби. Татары остановились в трех verstах от русского стана, «в темном диком суземье при речке крутой и топкой вельми», и ждали удобного момента для нападения.

Ночь с 5 на 6 августа 1584 года выдалась дождливой и ветреной. Шум леса и плеск волн скрадывали шаги, а темнота спустилась такая, что невозможно было разглядеть приближающегося врага. Видимо, именно этим, а не тем, что Ермак забыл выставить стражу, объясняется неожиданность нападения: осторожностью казаки никогда не пренебрегали, расплатой за неосторожность была смерть, это знали все...

Другое дело, что казаки, измученные тяжелым гребным переходом вверх по реке, спали, укрывшись от дождя в шалаших, и быстро собраться вместе для отражения нападения оказалось делом нелегким. Но на острове было не избиение сонных, а настоящий бой, который, если бы не гибель самого Ермака, нельзя назвать неудачным.

Силы Кучума явно превосходили силы Ермака, и казакам предстояло, прежде всего, позаботиться об отступлении. Единственная возможность спастись от гибели — пробиться к стругам и отплыть от берега. Русские воины сумели это сделать: из ста восьми казаков, приплывших на Вагай, девяносто спаслись!

Видимо, Ермак отступил одним из последних, задерживая рвавшихся к стругам татар, и погиб уже у самой реки или утонул, не сумев подняться на судно. Даже

непосредственным участникам скоротечного ночного боя нелегко было увидеть, что именно произошло, и, возможно, те два десятка погибших на острове казаков как раз и бились рядом со своим атаманом, прикрывая отход остальных товарищев. Сохранилось несколько версий гибели Ермака, из которых трудно отдать предпочтение какой-либо одной. В строгановской летописи говорится, что «вспряну ту храбрый воин Ермак от сна» и «побеже в струг и не може доити своих си, понеже, бо в дали растояние, и тут ввержеся в реку и утопе». Другой летописец добавляет: «Побеже в струг свой и не може доити, понеже одеян железом, стругу же отплывшу от берга, и не дошед утопе». Сохранилось и татарское предание о гибели Ермака. По легенде, могучий и храбрый Кучугай, мурза Кучума, «устремился за Ермаком в струг; стругу же отплывшу от берга и плывущу по рекы; они же показаша между собою брань велию, сразиша друг с другом». Ермак бил саблей и «нача одолевати», но у него развязался ремень шлема, обнажил горло, и коротким копьем «Кучугай прободе в гортань»...

Сибирские казаки потеряли самого опытного и авторитетного вождя, силы их были на исходе. Уцелевшие воины вместе со своими последними предводителями атаманом Мещеряком и головой Глуховым решили покинуть Сибирское ханство. Они поплыли «Печорским путем», так же как станица Черкаса Александрова и отряд головы Ивана Киреева: по Иртышу, Оби, через уральские «волоки» в Печору. Покидая Искер, казаки не знали, что помочь уже близка: по Тоболу подплывала рать царского воевода Мансурова, которая насчитывала «семьсот человек служилых людей разных городов, казаков и стрельцов». Но к их приходу Искер уже заняло татарское войско, и воевода проплыл мимо, надеясь догнать отступавших казаков. Это ему не удалось. Тогда воевода решил зимовать в Сибири. Близ устья Иртыша служилые люди построили укрепленный Обский городок и остались там.

Смерть Ермака не привела к отходу Западной Сибири от России. Служилые люди сидели в Обском городке и подчиняли местных «князей». Дьяки Посольского приказа разъясняли иноземным послам: «А поделал государь города в Сибирской земле в Старой Сибири и в Новой Сибири на Тюменском городище, и на Оби на усть Иртыша

тут город те государевы люди поставили и сидят по тем городам и дань со всех тех земель емлют на государя». В 1586 году в Сибирь пришло новое войско под предводительством В. Сукина и И. Мясного. На месте древней татарской столицы Чинги-Туры был построен Тюменский острог. В 1587 году голова Данила Чулков основал на Иртыше русский город Тобольск, который надолго стал центром Сибири. Необходимо отметить, что во всех походах и сражениях участвовали «ермаковы казаки». Сведения о некоторых из них сохранились. Гаврила Иванов ставил Тюменский острог, рубил деревянный Тобольский городок, основывал Пельмский и Тарский городки, сражался с Кучумом на Оби. В двадцатых годах XVII века он был атаманом конных казаков в Тюмени. Уже упоминавшийся Черкас Александров был головой в войске воеводы В. Сукина, командовал сотней служилых татар в Тобольске. Он прослужил в Сибири более пятидесяти лет. В 1638 году его называли «тобольского города атаман». Ермаковец Гаврила Ильин упоминается как атаман тобольских старых казаков, Алексей Галкин — атаман в Березове. Ветераны дружины Ермака участвовали в походах на Пельмские княжества.

Память о славном¹ атамане Ермаке навсегда сохранилась в народе.

А его лютый враг хан Кучум?

В середине девяностых годов XVI столетия он слезно молил Москву «пожаловать» его, принять сибирский юрт «под царскую высокую руку», но коварному хану не поверили. Искал Кучум поддержки и в Бухаре, но не получил ее. Неудачливого хана покидали его мурзы, часть их переходила на службу к русскому царю: перешла со своим улусом даже мать «царевича» Маметкула. Сам же Кучум был поклоны русским сибирским воеводам: «Прошу у великого князя у белого царя Иртышского берегу, да и у вас воевод, бью челом, того же прошу». Получив отказ, он начал собирать войско. Немедленно из города Тары в Барабинские степи отправился отряд служилых людей во главе с помощником тарского воеводы А. Войковым. На Оби произошла последняя битва с Кучумом. В сече погибли брат и двое внуков хана, шесть князей, пятнадцать мурз и «аталыков», сто пятьдесят отборных ордынцев и столько же татар были перебиты при бегстве. В плен к воеводе попали пять младших сыновей Кучума, восемь цариц из его

гарема, пять высших сановников и пятьдесят человек войсковых людей. Орда Кучума перестала существовать. Сам он «в судне утек за Обь реку». Воевода доносил в Москву: «Плавал я на плотах по Оби и за Обью рекою, по лесам искал Кучума и нигде не нашел». Потом к Кучуму «прибежали» трое старших сыновей и около тридцати воинов. И это было все, что осталось от некогда могучего ханского воинства.

Перед Россией открылись немерянные просторы Восточной Сибири, по которым в следующем веке пройдут славные русские землепроходцы — от Оби-реки до Большого Тихого океана. Многие из них, наследников славы Ермака, тоже станут выдающимися военачальниками.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ДМИТРИЙ ХВОРОСТИНИН

Однако и при этих, казалось бы благоприятных, условиях выдвижение Дмитрия Хворостинина было медленным и трудным, понадобились десятилетия верной службы, чтобы он занял, наконец, самостоятельные большие должности в войске. Буквально каждый заметный шаг по военной лестнице сопровождался местническими спорами, протестами знатных феодалов. Получил Дмитрий Хворостинин в 1578 году долгожданный пост первого воеводы в сторожевом полку, и тотчас же протест Михаила Тюфякина, второго воеводы: «Князь Михаила Тюфякин списков не взял за ним, за князем Дмитрием, что ему с ним быти невместно меньши князя Дмитрея». В 1584 году Дмитрий Хворостинин назначен первым воеводой в большом полку на «крымской украине». Возникли новые местнические споры. Князь Михаило Туренин пишет из Зарайска, что ему «меньши» Дмитрия Хворостинина «быти немочко». Специальным царским указом князю велено быть «по прежней росписи», а после, «как служба минется», обещано «дати суд и счет». А из Тулы пишет князь Андрей Хилков: и ему, оказывается, ниже Дмитрия Хворостинина «быти невместно». Снова специальный царский указ: «По государеву указу ко князю Ондрею Хилкову писано, а велено князю Ондрею быти по росписи з боярином со князем Дмитреем Ивановичем Хворостинным; а как служба минетца, а будет ему до князя Дмитрея дело, и он тогда на него государю бей челом, и государь тогда велит ему на князя Дмитрея дати суд и счет». В 1586 году Хворостинин — «большой воевода» на южной границе, и снова один из воевод, князь Владимир Борхетров, пишет царю, что «ему в меньших товарищах у князя Дмитрея быти немочко». В следующем году право Дмитрия Хворостинина возглавлять большой полк опротестовывал тульский воевода князь Федор Ноготков: «Ему, князю Федору, мочно быть больши многими mestы князь Дмитреева отца, князя Ивана Хворостинина, и тем его князь Дмитрей бесчестит; и государь бы пожаловал, велел чelобитье его записати». Осенняя «роспись» воевод того же года: Дмитрий Хворостинин воевода уже не в большом полку, а «в правой руке». Но и тут находится высокородный противник. Из Дедилова пишет воевода Иван Салтыков, что «ему, Ивану, меньши князя Дмитрея быти невместно», а из Михайлова жалуется другой воевода, князь Иван Токмаков, что «велено ему по росписи быть в сторожевом полку, а боярину князю Дмитрею

Портретную галерею выдающихся русских полководцев XVI столетия завершает Дмитрий Иванович Хворостинин, личность интересная во многих отношениях.

Полководцами Древней Руси и удельного периода обычно были сами князья, объединявшие в одном лице и военного, и государственного руководителя. Полководцы эпохи образования и укрепления Российского государства выдвигались, как правило, из самой верхушки господствующего класса. Например, Даниил Щеня был из рода Гедиминовичей, Иван Шуйский — Рюриковичей, Михаил Воротынский принадлежал к древнему роду владетельных князей Воротынских, имел высший чин «государева слуги», даже после образования централизованного государства сохранял свой наследственный «удел», свое собственное войско и служилых людей.

Дмитрий Иванович Хворостинин не относился к знати. Он происходил из самой младшей ветви ярославского княжеского рода, по «местническому счету» был намного ниже других воевод, возглавлявших полки. На самую вершину военной иерархии последней четверти XVI века его выдвинула не знатность происхождения, а военный талант, верность России. Два обстоятельства сделали возможным такой невероятный подъем.

Во-первых, царь Иван Грозный, проводя в середине столетия серию военных реформ, отменил местничество в войске, что давало возможность менее знатным феодалам выдвинуться на высокие посты в армии. И во-вторых, учреждение в 1565 году опричнины открывало большие перспективы для феодалов, оказавшихся в составе опричного двора Ивана Грозного. Четверо князей Хворостининых попали в опричный двор. Дмитрий стал опричным воеводой, а трое его младших братьев — оруженосцами в свите царя.

Ивановичу Хворостину в правой руке, и ему менши князя Дмитрея быти невместно». В 1588 году бьют челом царю, что «им менши князя Дмитрея быти немочно» сразу несколько знатных воевод: Михайло Туренин, Михайло Кашин, Михайло Салтыков, Андрей Хилков... Последовало гневное разъяснение царя: «До князя Дмитрея Хворостинина и дела им нет!» Но Михайло Туренин не успокоился, снова «был челом государю на боярина на князь Дмитрея Ивановича Хворостинина о mestех». Дело кончилось тем, что обидчивого воевода было велено «в государеве опале взяти к Москве», на его место был назначен другой воевода. Но тем не менее местнические споры продолжались, судя по записям разрядной книги, и в 1589, и в 1590 годах, то есть до конца жизни воеводы.

Но Дмитрия Хворостинина неизменно брали под защиту и царь Иван Грозный, и его преемник на российском престоле царь Федор. Дело здесь, конечно, не в связях при дворе или личных симпатиях. Опытный и верный воевода был нужен, военная и государственная целесообразность перевешивала традиционные местнические счеты.

Дмитрий Хворостинин участвовал почти во всех военных событиях середины и второй половины XVI столетия, его биография — это фактически военная история России в течение нескольких десятилетий.

Точных данных о рождении будущего полководца не сохранилось. Составители «Русского биографического словаря» писали неопределенно, что он родился в Москве в двадцатых годах. Сколько-нибудь заметную должность на «государевой службе» Дмитрий Хворостинин получил только в зрелом возрасте, видимо — после тридцати лет. В разрядной книге он впервые упоминается только в 1559 году, когда ожидался набег крымского хана Девлет-Гирея и был составлен «разряд от поля, по украинным городам были воеводы». В самом конце списка значилось: «В Шатцком воевода Дмитрей княж Иванов сын Хворостинин».

Небольшой укрепленный городок Шацк, построенный в 1553 году «в Мещере в Шатцких воротех, на Шате на реке», стоял на восточном kraю «крымской украины», на удалении от основных «татарских шляхов», по которым крымская конница совершала набеги. В том же 1559 году Дмитрий Хворостинин «по крымским вестям» был отозван к большому полку, но воеводской должности там не получил — был только головой, командиром отряда «детей

боярских». В 1560 году, по «разряду от поля», Дмитрий Хворостинин оказался в Нижнем Новгороде, опять вдали от основных военных событий — в это время уже шла Ливонская война. Только в 1562 году разрядная книга вновь упоминает имя Дмитрия Хворостинина. Он вдруг оказывается воеводой в Юрьеве и его вместе с другими воеводами отправляют «на литовские люди». Однако поход в Литву отложили, полки из Юрьева «ходили в литовские немцы».

Но уже в 1563 году, когда состоялся «поход царя и великого князя к Полоцку зимою», Дмитрий Хворостинин назван в ближайшем окружении царя: ему было велено «за государем ездити». Поход на Полоцк стал одной из самых удачных операций Ливонской войны. Появление под городом огромного русского войска оказалось для противника неожиданным. После трехнедельной осады 15 февраля 1563 года Полоцк пал. Начались переговоры о перемирии. При взятии Полоцка Дмитрий Хворостинин отличился. Когда литовцы устроили вылазку, он с отрядом дворянской конницы отразил ее и одним из первых ворвался в город. Затем он служил воеводой сторожевого полка в Великих Луках, тоже на литовском рубеже.

В 1564 году война возобновилась. Русские полки потерпели поражения в битвах на реке Уле (неподалеку от Полоцка) и под Оршей. Резко обострилась внутренняя обстановка, начались боярские изменения. В январе 1565 года царь Иван Грозный объявил о введении опричнины. Дмитрий Иванович Хворостинин стал опричным воеводой.

Непрерывные назначения, непрерывные перемещения, и всегда — на самые опасные рубежи...

Осенью 1565 года обострилась обстановка на «крымской украине». Хан Девлет-Гирей с многочисленным конным войском пошел к Болхову. И сразу — запись разрядной книги: «Из опришных посыпал государь под Болхов воевод с Москвы, князя Андрея Петровича Телятевского, князя Дмитрия да князя Ондрея Ивановичев Хворостинных». Дмитрий командовал отрядом из двухсот всадников. Взять Болхов хану не удалось, хотя он пришел «с пушками». Местные воеводы сделали вылазку и отогнали татар от города, тем даже не удалось сжечь посады. Узнав о приближении царского войска, хан поспешно отступил. Видимо, Дмитрий Хворостинин снова отличился, одним из немногих воевод он был награжден золотым. Еще рань-

ше, когда Хворостинин «годовал» воеводой в Зарайске, он со своими людьми сумел перехватить крымцев, возвращавшихся из набега, разгромил их и освободил «полон».

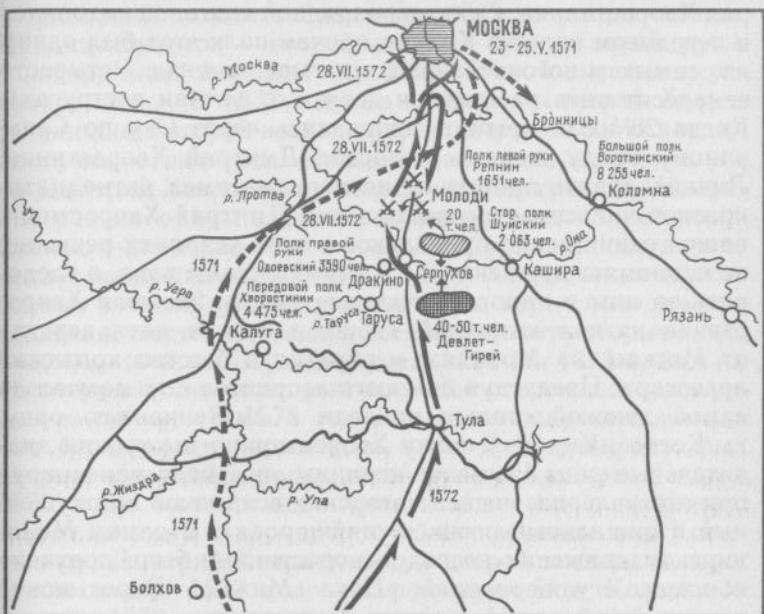
В 1567 году в походе Ивана Грозного «на литовского короля» Дмитрий Хворостинин был головой царского полка. В 1568 году весной «царь расписал воевод в посыльку и с ними людей из опричнины», Дмитрию Хворостинину было велено стоять в передовом полку в Вязьме.

Затихли военные действия на «литовской украине», зато на южной границе было неспокойно, начался поход турок и крымских татар на Астрахань, и в 1569 году новая «роспись от польские украины», в которой перечислены воеводы из опричнины, обязанные выйти с полками на «берег». Среди них, в передовом полку в Калуге — Дмитрий Хворостинин. Затем он переведен еще ближе к Дикому Полю, в Тулу, первым воеводой сторожевого полка. Тогда же воевода получил высокий титул опричного окольничего.

Грозной оказалась весна 1570 года. Крымский хан Девлет-Гирей с пятидесятитысячной ордой ворвался в Рязанскую землю. Главные силы русского войска были выдвинуты к Оке. Дмитрий Хворостинин, опять поставленный на самом опасном месте, перешел Оку и, не дождаясь подкреплений, напал на татарские отряды, разорявшие «украину». Его действия оказались настолько удачными, что орда отступила. Вот как описано это в разрядной книге: «А майя в 22 день писали к царю и великому князю с Коширы боярин Иван Меншой Шереметев, что пришли на рязанские места и на коширские крымские люди. И по тем вестем царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии пошел с Москвы того же дни на Коломну...

А майя в 24 день писал к царю и великому князю боярин и воевода князь Михайло Иванович Воротынский с товарищи: приехал к ним майя в 23 день часа в два дни Истома Щепетев от Николы Заарского (*из города Зарайска*), а писали к ним воеводы князь Дмитрий Хворостинин да Федор Ллов майя в 21 день: сошлися они с крымскими людьми в ночи и крымских людей побили, и языки поимали, и полон многою отполонили. Да приспал к ним от Почежских ворот голова князь Володимер Горчаков серпоховитина Микиту Патрикеева, что крымские люди пошли все за Почежский лес...

И по тем вестем царь и великий князь майя в 24 день в среду приехал к Москве...»

Условные обозначения
 1572 Вторжение монголо-татар
 1574
 Сосредоточение русской армии весной 1572 г.

Вторжение орды хана Девлет-Гирея

Смелый ночной удар по крымцам, таким образом, сорвал весь поход хана Девлет-Гирея, татары отступили, и царь имел возможность вернуться от войска в столицу.

В следующем году хану Девлет-Гирею удалось прорваться через оборонительную линию «берега» и опустошить окрестности Москвы. Царь обвинил в этой неудаче князя Мстиславского. Вместе с другими боярами и «детьми боярскими» за Мстиславского поручился собственной головой и имуществом окольничий Дмитрий Хворостинин, а залог был огромным по тем временам — сорок тысяч рублей. Важный штрих для характеристики личности воеводы.

Наконец, нашествие хана Девлет-Гирея и Молодинская победа 1572 года. Подробно об этих событиях уже рассказывалось в очерке о Михаиле Воротынском, поэтому ограничимся лишь ролью в этих событиях самого Дмит-

рия Хворостинина. Судя по разрядной книге, он находился в передовом полку в Калуге, причем полк этот был одним из самых многочисленных (четыре тысячи четыреста семьдесят пять ратников и девятьсот вятчан в стругах). Когда 28 июля крымцы прорвались через Оку по Сенькиному броду, первым подоспел Дмитрий Хворостинин. Ликвидировать прорыв он не мог, хан имел пятнадцатикратное численное превосходство. Дмитрий Хворостинин нашел единственно правильное в этих условиях решение: не принимать сражения с главными силами хана, а следовать за ним и наносить тыловые удары. 28 июля Хворостинин нагнал крымский «кош» в сорока пяти верстах от Москвы, на Молодях, и обратил в бегство крымский арьергард. Преследуя бегущего неприятеля, он дончал до самой ханской ставки, приведя в смятение всю орду.

Когда навстречу полку Хворостинина выступили значительные силы крымской конницы, он, умело маневрируя при отступлении, подвел татарских всадников под пушечный и пищальный огонь «гуляй-города». В самом Молодинском сражении воеводе Хворостинину была поручена оборона «гуляй-города». Пока Михаил Воротынский совершал обходный маневр, Хворостинин не ограничивался пассивной обороной. Встретив наступавших крымцев сокрушительным огнем из пушек, он сам вышел из-за стен и обрушился со своими ратниками на смешавшегося врага. Удар воеводы Воротынского с тыла довершил разгром Девлет-Гирея. Советский историк Р. Г. Скрынников считает, что подлинным героям сражения на Молодях был не Воротынский, а молодой опричный воевода князь Хворостинин, формально занимавший пост второго воеводы передового полка. Даже если это преувеличение, важная роль опричного воевода Хворостинина в событиях несомненна. Военный авторитет его необычайно высок. Он выдвигается в первый ряд русских полководцев, хотя личное положение после отмены в 1572 году опричнины усложнилось: бывшие опричные воеводы поступали под начальство старших земских воевод, происходивших, как правило, из титулованной знати. В тех случаях, когда Дмитрий Хворостинин назначается на высокие военные должности, вспыхивают частые местнические споры. В результате он вдруг оказывается вторым или даже третьим воеводой второстепенных полков. Но Хворостинин продолжает заниматься тем, чем занимался всю предыдущую жизнь,— служит России...

Во время похода в Ливонию в 1572 году, при «взятии Пайдинском», он — второй воевода полка левой руки, в походе «под немецкие города» — второй воевода передового полка. В 1573 году на «берегу» Дмитрий Хворостинин лишь второй воевода передового полка. Но и здесь он сумел отличиться. Крымцы двигались к Серпухову, но Дмитрий Хворостинин вышел им навстречу из Коломны, разбил орду под Воскресенском и погнал обратно. Осенью был «поход бояр и воевод в Муром для государева дела с казанскими людьми». Здесь Хворостинин просто назван в числе других окольничих, а перед походом «на казанские места» поставлен воеводой (опять вторым) сторожевого полка в Шуе. Два года, 1574-й и 1575-й, был на «берегу» в Коломне вторым воеводой сторожевого и передового полков. В 1576 году, во время царского похода «на берег против крымского царя Девлет-Кирея», был вторым воеводой в полку левой руки в Кашире. Когда в 1576 году было решено «послать воевод в немецкую землю на зиму с нарядом» и «были воеводы под Колыванью», Дмитрий Хворостинин — второй воевода в передовом полку. 1577 год — второй воевода в Коломне и Калуге, 1578 год — второй воевода полка левой руки в «немецком походе», первый воевода сторожевого полка, второй воевода большого полка. Сражения с крымцами, шведами, ливонцами, литовцами... Бесконечные перемещения — с западной границы на южную, с южной на восточную... Будни войны...

В 1579 году Стефан Баторий перешел к активным военным действиям против России. Он взял Полоцк, осадил Великие Луки, угрожал Пскову и Новгороду. Хворостинин снова на северо-западном рубеже, в пограничном Пскове, но только третьим воеводой в передовом полку.

В 1580 году возобновились нападения крымских татар. Хворостинин переведен в Калугу вторым воеводой передового полка. Худые «литовские вести» — король Стефан Баторий пришел в Витебск. Воеводу Хворостинина тут же переводят во Ржев, в большой полк, но опять — вторым воеводой. Под Шкловом он разгромил литовское войско, одержав очень нужную в той обстановке победу. Осенью Хворостинин в Можайске, где собиралось войско для похода «на короля». Получил в награду еще один золотой, чем в пору военных неудач могли отмечаться только выдающиеся заслуги. Подробности, к сожалению, неизвестны.

Наконец, в 1581 году по записи разрядной книги «марта в 17 день стояли воеводы в Можайске, да из Смоленска ходили в Литовскую землю под Mogилев и иные города войною». Дмитрий Хворостинин — второй воевода в большом полку, фактический руководитель похода. Опустошены окрестности Дубровны, Орши, Шклова, Mogилева. Это был успех. Но главные события разворачивались не здесь. Король Стефан Баторий начал свой поход на Псков. И тут же велено было «окольничему князю Дмитрию Хворостинину ити в Новгород». Но снова среди новгородских воевод Хворостинин поименован третьим.

Выстоял град Псков, король Стефан Баторий начал переговоры о перемирии. Но с севера наступают шведы.

В 1582 году объявлен «зимний поход на свейские немцы». Полкам велено собираться в Великом Новгороде. Дмитрий Хворостинин наконец-то назначен первым воеводой в передовом полку. Русская рать вошла в Водскую пятину, захваченную шведами. Под Лялицами произошло сражение. Шведы теснили русский строй, но Хворостинин быстрым и смелым ударом своей конницы переломил ход битвы. Шведы в беспорядке бежали.

Новая «роспись» воеводам «на берегу и по украинам». Хворостинин на юге, в Калуге, вторым воеводой в передовом полку. Зимой — Муром, где собиралось войско «по казанским вестям, что казанцы заворшилися». Дмитрий Хворостинин — в большом полку, поименован сразу за известным полководцем Иваном Михайловичем Воротынским, причем ему царем «меньшой наказ тайной дан».

1583 год. Снова южный рубеж, «берег», должность второго воеводы передового полка. Однако в ноябре новое назначение — в Муром, где собирается войско для казанского похода. «В правой руке окольничей и воевода князь Дмитрий Иванович Хворостинин». Первый! Подходят в Муром остальные полки. И вот многозначительная запись разрядной книги: «А грамоты от государя писались окольничим и воеводам Федору Васильевичу Шерemetеву да князю Дмитрию Ивановичу Хворостинину с товарищи». Хворостинин уже не полковой воевода, а один из двух военачальников всей рати. До самостоятельного командования остается совсем немного...

Наконец 1584 год. Снова «роспись» разрядной книги: «ноября по нагайским вестям государь царь и великий князь Федор Иванович всея Русии указал послати на

Рязань с Москвы боярина и воеводу князя Дмитрия Ивановича Хворостинина», первым воеводой в большом полку. В следующем, 1585 году князь посыпается «на Рязань наместником», которому надлежит фактически возглавить всю оборону юга. «Наказом» предусматривалось, что все остальные «большие воеводы», которые будут прибывать на «украину» в случае крупного вторжения крымского хана, должны Дмитрию Хворостинину просто помогать, в любом случае он остается первым воеводой большого полка.

Назначение опытного воеводы Дмитрия Хворостинина руководителем обороны «крымской украины» было очень своевременным. Крымцы резко активизировали военное давление на русские рубежи. В 1585 году татары напали на Рязанщину, однако Дмитрий Хворостинин вовремя сумел выдвинуть войска к Шацку и вынудил их к отступлению. В 1586 году крымцы и ногайцы предприняли совместное выступление, в котором только татар насчитывалось до тридцати тысяч. И снова неудача: из Коломны выступил навстречу передовой полк и разгромил ордынцев...

1587 год. В пограничные области России вторглось до сорока тысяч ордынцев. Но сторожи в Диком Поле своевременно известили об опасности. Воевода Дмитрий Хворостинин успел подойти с полками к «берегу», а затем переправиться через реку и сосредоточиться неподалеку от Тулы. Ордынцы пограбили окрестности, но на «прямой бой» с сильным русским войском не решились и отступили.

Неспокойно было и на западных рубежах. После смерти Ивана Грозного король Стефан Баторий отказался подтвердить перемирие и начал готовить новую войну с Россией. В Можайске уже собирались русские войска для отражения нашествия, но в 1586 году король умер. Внутренние распри в Речи Посполитой помешали войне.

Неурегулированными остались и отношения со Швецией. В 1586 году «по свейским вестям» стало собираться русское войско в Новгороде, но прибытие шведского посольства остановило поход. В 1587 году снова было решено послать полки на шведского короля. В Новгород отозван с юга боярин князь Дмитрий Иванович Хворостинин, и вновь поход не состоялся. Но война явно надвигалась. Россия не могла смириться с тем, что шведы закрыли выход к Балтийскому морю. Для воеводы Дмитрия

Ивановича Хворостинина приближалась главная в его жизни война.

В 1589 году шведский король Юхан III послал свой флот в Ревель. На берег высадилась десятитысячная шведская армия, которая значительно подкрепила шведские гарнизоны в крепостях Ливонии. Но Юхан III надеялся не только на свои силы: королем Речи Посполитой стал его сын Сигизмунд III. Они выступили с далеко идущей политической программой: заставить Россию уступить Швеции и Речи Посполитой города Новгород, Псков и Смоленск, «Северскую землю». Фактически речь шла об утрате всего, чего Россия ценой огромных усилий добилась в течение XVI столетия. Король Сигизмунд III даже вынес на обсуждение польского сейма вопрос о войне с Россией. Военная демонстрация была достаточно внушительной, и короли надеялись, что Россию можно будет заставить выполнить их требования даже без большой войны. Для этого Юхан III потребовал, чтобы русское правительство послало для переговоров к реке Нарове (*Нарве*) «великих послов».

Но пока шел обмен грамотами, определялось, где и когда встретятся посольства, общая ситуация изменилась. Королю Сигизмунду III не удалось поднять польско-литовскую шляхту на войну с Россией, родственные симпатии двух королей не сумели преодолеть традиционного соперничества Речи Посполитой и Швеции из-за Ливонии. Король Юхан III остался один. Русские послы не только не согласились уступить шведскому королю, но выдвинули свои, встречные требования. Царский «наказ» гласил: «Говорить с послами по большим, высоким мерам, а последняя мера: в государеву сторону Нарву, Ивангород, Яму, Копорье». Шведские послы уже готовы были отказаться от своих первоначальных претензий и заключить мир — перспектива в одиночку воевать против России все не устраивала Юхана III. Но русские послы проявили твердость, заявив: «Государю нашему, не отыскав своей отчины, городов Ливонской и Новгородской земли, с вашим государем для чего мириться? Теперь уже вашему государю пригоже отдавать нам все города, да и за подъем (за военные расходы) государю нашему заплатить, что он укажет!».

Такого оборота дела король Юхан III явно не ожидал. На прямое обращение царя Федора Ивановича он ответил высокомерным отказом: «Пришла к нам твоя грамота,

написанная неподобно и гордо; мы на нее не хотим больше отвечать, а полагаемся на волю божию. Хочешь у нас земель и городов — так попытайся отнять их воинской силой, а гордостию и спесивыми грамотами не возьмешь». Война стала неизбежной.

Вопрос о Ивангороде, Яме и Копорье имел свою историю. Эти исконно русские города, новгородские крепости на северо-восточных рубежах, захваченные Швецией после Ливонской войны, не только составляли важнейшие звенья обороны Новгородской земли, но и открывали доступ к Финскому заливу, поэтому их огромное стратегическое значение для России было неоспоримо.

Крепость Копорье строилась на неприступной скале, окруженней оврагами, в 1280 году старшим сыном Александра Невского Дмитрием. В 1297 году новгородцы воздвигли здесь мощную каменную твердыню, которая стала оплотом Водской пятины Великого Новгорода. Во второй половине XV века укрепления Копорья перестроили и мощные каменные стены с четырьмя башнями того времени сохранились до наших дней.

Каменную крепость Ям воздвигли на берегу реки Луги в 1384 году. Немцы трижды пытались штурмовать ее, но захватить так и не смогли. Известно, что в 1447 году она выстояла против пятидневного жестокого обстрела из больших пушек. В 1448 году в Яме была построена новгородцами новая каменная крепость, еще более мощная. Река Луга тогда была судоходной, по ней плавали «большие ладьи» до Наровы и далее до Финского залива. По мнению академика М. Н. Тихомирова, эта крепость являлась своего рода русским портом на берегах Балтийского моря. Здесь был торгово-ремесленный посад, по «разметному списку» 1545 года в Яме насчитывалось двести тридцать девять «тяглых» дворов.

Крепость Ивангород была построена позднее, в 1472 году великим князем Иваном III как своеобразный противовес сильной ливонской крепости Нарве (*Ругодиву*), стоявшей на другом берегу реки Наровы. «Град» был сооружен из камня, «против Ругодива города Немецкого, на реке на Нарове, на Девичьей горе, на Слуде, четвероуголен». По писцовым книгам, в Ивангороде имелся посад, два «конца» — Псковский и Заболоцкий, четыре улицы, сто шестьдесят пять посадских дворов. Ивангородские купцы вели оживленную торговлю с Ревелем и другими городами Прибалтики. Ивангород имел не только военно-стратеги-

ческое значение, он стал опасным торговым конкурентом Нарвы. По существу, он сделался русским портом на Финском заливе — по реке Нарве до Ивангорода легко поднимались морские корабли. Не случайно на город неоднократно нападали враги. Так, в 1497 году шведский флот из семидесяти кораблей неожиданно, «разбоем», захватил крепость, разорил Ивангород. Но вскоре захватчики были выбиты, и город снова стал русским «градом». До злосчастного Плюсского перемирия 1583 года, когда новгородские окраины отошли к Швеции...

Теперь настало время возвратить исконно русские города!

Весну и лето 1589 года Дмитрий Хворостинин провел на южной границе. В «росписи» воеводам по «украинным городам» значится: «на Туле бояре и воеводы князь Тимофей Романович Трубецкой да князь Дмитрий Иванович Хворостинин». Тула была тогда центром обороны юга, сюда должны собираться в случае опасности нападения нового крымского хана Казы-Гирея воеводы с полками из всех городов «украины». В этом случае «на сходе» всего войска Дмитрий Хворостинин становился воеводой большого полка, в привычной для себя роли командующего военными силами южной границы.

Но когда решился вопрос о войне со Швецией, прославленный воевода был тут же послан в Новгород, где собиралось русское войско для предстоящей зимней кампании. «Августа в 10 день по свейским вестям государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии послал в Великий Новгород бояр своих и воевод по полкам: в большом полку воевода князь Борис Канбулатович Черкаской да боярин и воевода князь Дмитрий Иванович Хворостинин». Далее были перечислены воеводы полков правой руки, левой руки, передового и сторожевого — всего десять известных русских военачальников. Одновременно были поставлены воеводы в другие города «от литовские и от немецкие стороны». Воеводы с полками стали в Пскове, Орешке, Ладоге, Гдове, Себеже, Опочке, Острове, Изборске, Ржеве, Торопце, Великих Луках. На всякий случай усилили гарнизон Смоленска. Военные приготовления, таким образом, велись очень серьезно.

Наконец был объявлен «поход государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии на непослушника своего на свейского короля на Ягана к городам к Ругодиву и к Ивангороду, да к Копорье, да к Яме». В этой

записи разрядной книги, таким образом, точно указаны непосредственные цели похода. Сам царь «пошел с Москвы в свою отчину в Великий Новгород для своего дела и земского декабря в 14 день» и прибыл в Новгород «генваря в 4 день», в самые первые дни 1590 года. Вместе с ним приехал фактический правитель России, «дворовый воевода, конюшой и боярин Борис Федорович Годунов». Одно это свидетельствует о том, какое значение придавалось походу.

Была проведена новая «роспись» полкам. Формально во главе войска встали князья Мстиславский и Трубецкой. Воевода Дмитрий Хворостинин получил довольно скромное назначение в передовой полк. Вероятно, это было сделано, чтобы избежать лишних местнических споров: главная роль в войне, судя по развитию событий, принадлежала именно Хворостинину. Р. Г. Скрынников прямо утверждает, что фактически возглавил наступление против шведов самый выдающийся из воевод — боярин князь Д. И. Хворостинин. Это было действительно так: именно передовой полк, где он был воеводой, одержал наиболее впечатляющие победы, решившие исход всей кампании.

Официальный «Новый летописец» повествует о событиях войны со Швецией довольно кратко: «Государь пошел в Велики Новъгород, а из Новагорода пошел под Ругодив, а царицу Ирину оставил в Новегороде; и под Ругодив пришедши, велел бити по стене из снаряду, и, пробив стену, велел итти воеводам приступом со многими приступными людми. Немцы ж з города, бьющиеся, противляхуся и крепко стояху; воеводы ж с ратными людми взыдоша на город; немцы ж з города збиша и убиша воевод на городе, князя Ивана Юрьевича Токмакова да Ивана Ивановича Сабурова, и иных воевод пораниша многих, и голов стрелецких убили Григория Маматова и иных голов, и сотников, и многих ратных людей побиша и отбиша от города прочь. Царь же Федор Иванович видя их сурвство и велел по городу бити из снаряду беспрестанни. Немцы же видя свое неизможение и били челом государю со многим молением, чтобы государь их пожаловал, не велел разорити, а у них велел бы государь взяти три города: Ивангород, Копорье, Ям. Он же, государь, крови не похотя пролити, и уклонися на милость и те города велел взяти, а по городу бити престати повеле, и устроил в Иванегороде и в Копорье и в Яме своих государевых

воевод и ратных людей. А сам государь пошел к Великий Новгород, а из Новагорода поиде к Москве...»

Таким образом, официальный летописец сосредоточил все свое внимание на главном эпизоде войны — осаде Нарвы. Однако по разрядным книгам и другим источникам можно довольно подробно восстановить хронику военных действий.

Первой целью похода была крепость Ям, на речном пути по Луге к Ивангороду и Нарве. 6 января 1590 года было велено «послати в посылку к Яму городу голов Ортемия Колтовского да Ивана Бибикова для языков», то есть для захвата пленных и разведки. 11 января передовые отряды дворянской конницы были направлены для нападений на пограничные шведские владения, «в свейскую землю в войну голов Ждана Сабурова да Ивана Мелюкова, да Тимофея Грязнова с товарищи». Главные силы выступили из Новгорода 18 января. На следующий день от них отделилась рать, направленная на север, к Финскому заливу, — «к Копорью на осаду». 24 февраля «з Грененского Яру» в помощь передовым отрядам, действовавшим в окрестностях Яма, царь «отпустил к Яме городу посылку: своего полку голов князя Ондрея Трубецкова да Ивана Салтыкова». Осажденный шведский гарнизон продержался недолго. «Генваря в 26 день государь пришел к Яме городу и город Яму взял; и оставил в Яме городе воеводу Левонтия Оксакова да голову Фому Папина да дьяка Неудачю Ховралева». Оставив гарнизон в Яме и блокировав еще занятые шведами Копорье заранее посланным отрядом, русское командование обеспечило тылы наступающего на Нарву войска. Артиллерия для осады Нарвы была в это время сосредоточена в Пскове. Чтобы уберечь ее от возможных диверсий со стороны шведов, 30 января конная рать была послана «встречю наряду, с которым нарядом идут из Пскова».

А воевода Дмитрий Хворостинин со своим передовым полком находился уже возле Ивангорода. В районе Нарвы и Ивангорода был сосредоточен четырехтысячный шведский корпус, который прикрывал подступы к этим главным крепостям на шведском рубеже. Не ожидая подхода главных сил, передовой полк атаковал шведов. Упорное сражение продолжалось с двух часов дня до вечера, шведы были вынуждены отступить за реку Нарову. Путь к Ивангороду был открыт для русского войска, которое подошло 2 февраля.

Условные обозначения

- ← Движение передовых отрядов к Яму
- ↔ Поход и осада Копорье
- ↔ Рейд конницы в ливонские владения
- ↔ Движение главных сил и осада Нарвы
- ↔ Движение «наряда» к Нарве и Пскову

Поход к Нарве

Шведское командование, опасаясь, что войско может быть блокировано русскими полками в Нарве и дорога к Ревелю останется незащищенной, отвело конницу и часть пехоты к Раковору. В Нарве осталось около тысячи шестисот солдат, но шведский гарнизон укрывался за мощными

каменными стенами и башнями, имел многочисленную артиллерию. Кроме того, со стороны Раковора можно было ожидать наступления шведских войск. Правда, русские воеводы постарались обезопасить себя от неожиданного удара, были «посланы для языков по раковорской дороге» конные отряды, «в войну в Раковорский уезд» устроились служилые татары.

Начались приготовления к осаде и штурму. Велено было «наряд поставить против Ивангорода на бугре» и «по городам по Ругодиву и по Иванюгороду бити из наряду». 6 февраля начался обстрел крепости из больших пушек, бомбардировка продолжалась две недели, шведские пушкари ничего не смогли противопоставить сокрушительному огню «осадного наряда». В западной и северной стенах Нарвы образовались большие проломы, через которые можно было проникнуть в город. Наконец, «февраля в 18 день государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии указал¹ послати воевод и с ними людей к приступу к городом к Ругодиву и к Иванюгороду». В разрядной книге сохранился подробный «наказ», своеобразный боевой приказ на штурм крепости, кому из воевод «в приступ быти у наряду и по городом из наряду бити и которым воеводам и головам с людми к городу к которому mestу итти в приступ».

По этой «росписи» вырисовывается сложная тактика штурма сильной крепости, которую обороняет многочисленный и хорошо вооруженный гарнизон. Главные штурмующие колонны направляются к проломам, сделанным в стенах осадной артиллерией. Одновременно другие рати с лестницами приступают к уцелевшим стенам и башням, чтобы оттуда не могло подойти к проломам шведское подкрепление. Это вообще было особенностью русского осадного искусства, доказавшего свою эффективность еще при штурме Казани: штурмовать крепость сразу со всех сторон. Под Нарвой приступ был и со стороны реки Нарвы, и «от дороги от раковорская», и «по кольванской дороге», и «с ыванягородецкие стороны». Штурмующие колонны поддерживались пушечным огнем, для чего специально выделялись воеводы у «наряда». Опять, как при штурме Казани, при одновременном давлении на город

¹ Пусть читателя не удивляет постоянная формулировка: «государь велел», «государь указал» — таков был обычай: если царь присутствовал в войске, все объявлялось от его имени, хотя конкретные решения принимались опытными воеводами, советниками царя.

со всех сторон, на направлении главного удара (в районе Русских ворот) были сосредоточены большие силы: пять тысяч двести тридцать человек, в том числе тысяча восемьсот пятьдесят стрельцов, тысяча казаков и других ратных людей, две тысячи триста восемьдесят боярских холопов.

Штурм начался на рассвете 19 февраля и продолжался несколько часов. В различных местах русским ратникам удалось ворваться в проломы, забраться по лестницам на стены, но удержаться там они не смогли. По словам летописца, шведы «противляхуся и крепко стояху», штурмующих «з города збиша», «многих ратных людей побиша и отбираша от города прочь».

Однако «того же дни царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии указал к городом к Ругодиву и к Иванюгороду росписати воевод и голов к другому приступу». С вечера началась подготовка к новому штурму.

Видимо, стали проявлять активность шведские войска, отступившие ранее к Раковору, и тогда же было велено послать подкрепление заслону, прикрывавшему русское войско с этой стороны. В передовом полку «в посылу к Раковору» был первым воеводой князь Дмитрий Хворостинин. Помощи извне защитники Нарвы не получили, и это решило судьбу войны. Шведский гарнизон понес во время штурма большие потери, восполнить которые возможности не было. Шведский главнокомандующий Горн обратился с просьбой о перемирии.

«И февраля в 20 день кликали из Ругодива немцы от проломного места, где стоял с нарядом оконничей и воевода Иван Иванович Сабуров, а просили толмача. И воевода послал к ним толмача, и велел их спросити, что их дело. И немцы говорили толмачу, что ругодивские воеводы бьют челом боярину и дворовому воеводе Борису Федоровичу Годунову, чтоб прислал к ним ково поговорить, а в те поры к городу приступати и из наряду бити не велел, а они вышлют за город говорить лутчих немец».

Согласие на переговоры было дано, пушечная канонада прекратилась. Русские представители потребовали, чтобы шведы «отдали государевы города Ругодив, Ивангород, Копорью, Корелу». Шведы же просили прекратить военные действия, пока они не «сошлются» с королем, который будто бы «учнет миритися». Эта наивная хитрость никого не ввела в заблуждение, шведских парламентеров отправили с берега реки Нарвы обратно в город, и «по городу из наряду бити стали».

Огонь русских пушек был сокрушительным, и шведы вновь «говорили з града, чтобы часов пять-шесть по городу из наряду бити не велел», чтобы они могли посоветоваться о сдаче. «И Борис Федорович часы три и четыре из наряду по городу стреляти не велел, а велел над немцы смотрити и тово, чтоб они проломных мест не задевали, а учнут заделовать проломные места, по городу из наряду попрежнему бити велел».

Переговоры возобновились. Шведы, уже не ссылаясь на необходимость получить согласие своего короля, предложили отдать «государеву вотчину Ивангород». Русские представители повторили свои прежние требования. «И били из наряду по городом тот день и ночь всю безпрестанно», — отмечает разрядная книга.

И снова шведы выдержали только до середины дня 21 февраля: «Немцы кликали з города воеводам, чтоб Борис Федорович выслал к ним еще поговорить». Снова «съезжались на реке Нерове», и снова не достигли соглашения, отложив дальнейшие переговоры на 22 февраля.

«И по городом воеводы из наряду учали бити», — снова сообщает разрядная книга. «И немцы приказали з города, чтоб из наряду не били, а они еще съедутся». Шведские представители пошли на дальнейшие уступки — настолько впечатляющим было «слово» русской артиллерии. На этот раз они заявили, что согласны отдать «Ивангород да Копорью, а Ругодива им и Корелы никако не отдавать, в том волен бог да государь, а им болши тово говорить нечево и помереть они готовы».

Шли дни, обстрелы города перемежались переговорами, шведы стояли на своем. Обстановка начала меняться не в пользу русского войска. Как говорили воеводы на военном совете, войско «под Ругодивом и под Ивангородом поизстоялося. А путь зимний приходит последней, река Нарова портитца, сверх леду появилася вода великая. А в загонех кормов конских уже не добывают и людем и лошадем в кормех нужна ставитца великая». Необходимо было на что-то решаться, тем более что «немцы в городе сидели жестоко и проломные места учали задеваловати и кликали з города воеводам, что они, взяв на свои головы, отдают государю два города, Ивангород да Копорью», а об остальных городах следует говорить с королем...

Наконец перемирие сроком на один год было заключено. 25 февраля «ругодивский воевода Карл Инд-

риков с товарищи приезжали в государеву в суконную избу, а поставлена была государева суконная изба на ивангородцкой стороне у пристани, и записи договорные, что учинити перемирье на год, подписали», отдав в знак сдачи Ивангорода «ивангородские ключи», и «государевы люди» беспрепятственно въехали в Ивангород. Передано было русским воеводам и Копорье (крепость Ям была взята русскими полками еще в начале похода). Везде встали русские гарнизоны. Поход закончился.

Успех зимней кампании 1590 года определили несколько факторов. Во-первых, быстрые удары ликвидировали или блокировали шведские опорные пункты, из которых могли быть нанесены тыловые удары русскому осадному войску (Ям, Копорье). Во-вторых, воевода Дмитрий Хворостинин в полевом сражении разбил шведское войско, прикрывавшее Ивангород и Нарву, что позволило главным силам русских беспрепятственно подойти к этим крепостям и сразу начать осадные работы. В-третьих, были надежно закрыты «колыванская» и «раковорская» дороги (что сделал опять-таки Дмитрий Хворостинин), шведский гарнизон в Нарве оказался в изоляции, помочь он не получил. И в-четвертых, решающим при осаде Нарвы было явное превосходство русской артиллерии, именно стрельба из «наряда» сокрушила оборону и заставила шведов начать переговоры. Шведы пошли на серьезные уступки. Россия вернула себе морское побережье между Наровой и Невой, города Ивангород, Копорье, Ям вновь вошли в состав Российского государства.

Шведский король Юхан III не желал примириться с поражением и потерей важных в стратегическом отношении крепостей. Ему удалось заключить военный союз с крымским ханом Казы-Гиреем, близ русских границ начала сосредоточиваться восемнадцати тысячная шведская армия под командованием К. Флеминга. Но летом 1591 года стотысячная орда Казы-Гирея потерпела поражение под Москвой и поспешно отступила, а осенью армии фельдмаршала Флеминга удалось только разграбить окрестности Пскова. В свою очередь, в январе 1592 года русские полки подошли к Выборгу, фельдмаршал Флеминг, армию которого русские воеводы «втоптили» в крепость, вынужден был смириться.

Военные действия затихли, начались мирные перего-

воры. В 1595 году в Тявзино русские послы подписали «вечный мир» со Швецией, по которому шведы возвращали все захваченные ими после Ливонской войны русские земли, в том числе и Корелу с уездом.

Но до этого боярин и воевода Дмитрий Иванович Хворостинин не дожил: он умер 7 августа 1591 года...

Воевода, стоявший по местническому счету намного ниже своих соратников, поднялся благодаря полководческому таланту и верной службе на благо Отечества до самых вершин тогдашней военной иерархии. Он был воеводой большого полка, возглавлял оборону южной границы, получил боярский чин (что удавалось далеко не всем высокородным князьям!), заседал «в большой лавке» при приеме иноземных послов, был одним из десяти бояр, входивших в ближнюю царскую тайную думу. Взлет, непонятный многим современникам. Недаром с Дмитрием Хворостининым столько раз спорили «о местех» его знатные подчиненные!

Но истинное место Дмитрия Ивановича Хворостинина сразу понял сторонний наблюдатель, английский посол Джилз Флетчер, который побывал в Москве в 1588—1589 годах. Он записал в своем сочинении «О государстве русском»: «Теперь главный у них муж, наиболее употребляемый в военное время, некто князь Дмитрий Иванович Хворостинин, старый и опытный воин, оказавший, как говорят, большие услуги в войнах с татарами и поляками...» Если бы Флетчер задержался в Москве еще на один год, он бы, конечно, добавил к татарам и полякам — шведов...

Вдумайтесь в слова, написанные проницательным англичанином о Дмитрии Ивановиче Хворостинине: «муж, наиболее употребляемый в военное время». Не в этом ли высшая похвала для полководца?

Дмитрий Хворостинин сыграл важную роль в формировании русской военной системы, с которой Россия вступила в следующее, XVII столетие. Подробное описание армии Российского государства на рубеже XVI и XVII веков, в самый канун «нового времени», содержится в записках капитана Жака Маржерета¹, француза, нанявшегося на русскую службу в 1600 году. Он специально выделяет роль «генералов», в руках которых фактически находилось все русское войско.

«Что касается военных, то в первую очередь нужно сказать о воеводах, то есть генералах армии. Их выбирают обычно из думных бояр и окольничих, так делают при появлении неприятеля; в противном случае их ежегодно выбирают из думных и московских дворян. Армию они разделяют на пять частей, именно: авангард, располагающийся около какого-нибудь города вблизи границ; вторую часть — правое крыло, располагающееся у другого города; третью — левое крыло; затем основную часть и арьергард. Все части войска отделены одна от другой, но генералы обязаны при первом уведомлении явиться на соединение с главной армией.

В армии нет другого командования, кроме сказанных генералов, разве только все воинство, как кавалерия, так и пехота, подчинено капитанам, а лейтенантов, прaporщиков, трубачей и барабанщиков нет.

У каждого генерала есть свое знамя, которое отличается по изображеному на нем святыму; они освящены патриархом, как другие изображения святых. Два или три человека назначены его поддерживать. Кроме того, у каждого генерала есть свой собственный набат, как они называют, это такие медные барабаны, которые перевозятся на лошади; у каждого их десять или двенадцать и столько же труб и несколько гобоев, которые звучат только тогда, когда они готовы вступить в сражение, кроме одного из барабанов, в который бьют, чтобы выступить в поход или садиться на коней...»

¹ («Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета». М., 1982).

Значительная часть русской армии в мирное время распускалась, но в Москве постоянно стояло отборное войско, своего рода «гвардия» царя.

«Императорская гвардия состоит из десяти тысяч стрельцов, проживающих в городе Москве; это аркебузиры, у них лишь один генерал. Они разделены на приказы, то есть отряды по пятьсот человек, над которыми стоит голова, по-нашему — капитан; каждая сотня человек имеет сотника и каждые десять человек — десятника, по-нашему капрала.

Кроме дворян, проживающих в Москве, избирают в каждом городе знатных дворян, владеющих землями в округе, которые проживают в Москве в продолжении трех лет, затем выбирают других, а этих распускают, что обеспечивает изрядное число кавалерии. Поэтому император редко выезжает, не имея с собой восемнадцати и двадцати тысяч всадников...»

Особенно интересны общие сведения, которые приводит Жак Маржерет о русской армии. Во многом они подтверждаются другими историческими источниками.

«Русские силы состоят большей частью из кавалерии; кроме вышеназванных дворян, нужно включать в нее остальных — выборных дворян и городовых дворян, детей боярских и сыновей боярских, их большое число; отряды именуются по названию города, под которым они имеют земли. Некоторые города выставляют триста, четыреста, и до восьмисот, и до тысячи двухсот человек, например, Смоленск, Новгород и другие; есть множество таких, как эти, городов. И нужно, чтобы кроме себя лично, каждый снарядил одного конного и одного пешего воина с каждых ста четвертей земли, которую они держат, разумеется, в случае необходимости, так как в другое время довольно их самих. Так собирается невероятное число.

Знатные воины должны иметь кольчугу, шлем, копье, лук и стрелы, хорошую лошадь, как и каждый из слуг; прочие должны иметь пригодных лошадей, лук, стрелы и саблю, как и их слуги.

Кроме того, есть казанские войска, которые, как считают, составляют вместе с черемисами 20 000 всадников; есть даже татары, которые за ежегодную плату служат императору, они составят от семи до восьми тысяч всадников; затем есть черемисы, их от трех до четырех тысяч; затем иностранцы — немцы, поляки, греки, их две тысячи пятьсот, получающие жалованье.

Наконец, есть даточные люди; их должны снаряжать патриархи, епископы, игумены и прочие священнослужители, владеющие землями, а именно одного конного и одного пешего с каждых ста четвертей.

Лучшая пехота состоит из стрельцов и казаков, о которых еще не было речи; помимо десяти тысяч аркебузиров в Москве, они есть в каждом городе, приближенном на сто верст к татарским границам, смотря по величине имеющихся там замков, по шестьдесят, по восемьдесят, более или менее, и до ста пятидесяти, не считая пограничных городов, где их вполне достаточно.

Затем есть казаки, которых рассылают зимой в города по ту сторону Оки, они получают равную со стрельцами плату и хлеб; кроме того, император снабжает их порохом и свинцом. Есть еще другие казаки, имеющие земли и не покидающие гарнизонов. Их наберется от 5000 до 6000 владеющих оружием.

Затем есть настоящие казаки, которые держатся в татарских равнинах вдоль таких рек, как Волга, Дон, Днепр и другие; они не получают большого содержания от императора, разве только, как говорят, свободу своеизличить как им вздумается. Они располагаются по рекам числом от 8 до 10 тысяч, готовясь соединиться с армией по приказу императора, что происходит в случае необходимости. Половина из них должна иметь аркебузы, по два фунта пороха, четыре фунта свинца и саблю.

Остальные подчиняются тем, кто их посыпает, и должны иметь лук, стрелы и саблю или нечто вроде рогатины. Кроме того, и купцы должны при необходимости снаряжать воинов в соответствии со своими средствами, кто трех, кто четырех, более или менее».

На основании записок Жака Маржерета и других исторических источников перед нами вырисовывается такая система, которая предполагает военные обязанности всех без исключения сословий государства: стрельцы и казаки несут постоянную службу, «выборные дворяне» поочередно находятся по три года на «государевой службе» в Москве, остальные дворяне и «дети боярские» привлекаются к пограничной службе и военным походам, с ними вместе приходят в полки их конные и пешие воины, церковь «снаряжает» для войны своих «даточных людей», не освобождены от военной повинности и купцы. Многочисленные конные рати присыпают казанские татары,

черемисы, мордвины и «настоящие казаки», формально не считавшиеся подданными русского царя.

А в снаряжении армии принимало участие, без преувеличения, буквально все население страны. Жак Маржерет писал, что накануне войны «по всей стране отдается приказ, чтобы, пока лежит снег, все отправляли съестные припасы в города, у которых решено встретить неприятеля. Эти припасы перевозятся на санях в сказанные города; они состоят из сухарей, то есть хлеба, нарезанного на мелкие кусочки и высушенного в печке, как сухарь. Затем из крупы, которая делается из проса, очищенного ячменя, но главным образом из овса. Затем у них есть толокно, это — прокипяченный, затем высушенный овес, превращенный в муку; они приготовляют его по-разному, как для еды, так и для питья: всыпают две-три ложки названной муки в хорошую чарку воды, выпивают и считают это вкусным и здоровым напитком. Затем соленая и копченая свинина, говядина и баранина, масло и сущеный и мелко толченый, как песок, сыр, из двух-трех ложек его делают похлебку; затем много водки и сущеная и соленая рыба, которую едят сырой. Это пища начальников, так как остальные довольствуются сухарями, овсяной крупой и толокном с небольшим количеством соли».

Известно, что дворяне и «дети боярские», имевшие поместья, отправлялись на службу со своими запасами продовольствия. Иноземцев это удивляло, как и то, что русские ратники воевали не из корысти, подобно западноевропейским наемникам. Жак Маржерет писал: «...и во время войны, и без нее император почти ничего не тратит на воинство, разве что на вознаграждение за какие-нибудь заслуги, именно, тому, кто возьмет пленного, убьет врага, получит рану и тому подобное, так им в соответствии со званием дарят кусок золотой парчи или другой шелковой материи на платье».

Русских людей собирали в полки не «государево жалованье» или надежда на обогащение, а общий долг перед Отечеством, передающаяся из поколения в поколение патриотическая идея служения России. Это была историческая традиция, укоренившаяся в русском народе за многие столетия борьбы с иноземными завоевателями.

Это и помогло русскому народу выстоять в тяжелейших исторических условиях, и не просто выстоять, но и создать Великую Державу.

Русский поэт и дипломат Ф. И. Тютчев в ответ на об-

винения в «апологии России» отвечал так: «Апология России... Боже мой! Эту задачу принял на себя мастер, который выше нас всех и который, мне кажется, выполнял ее до сих пор довольно успешно. Истинный защитник России — это история: ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу...»¹

Этими словами русского патриота и хотелось бы завершить повествование о полководцах X—XVI веков, ибо они много потрудились для того, чтобы «в пользу России» решались «все испытания», которые были в ее трудной судьбе.

¹ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 432.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Тысячелетие России»	5
Глава первая. Святослав	15
Глава вторая. Владимир Мономах	41
Глава третья. Даниил Галицкий	61
Глава четвертая. Александр Невский	83
Глава пятая. Довмонт Псковский	105
Глава шестая. Дмитрий Донской	119
Глава седьмая. Иван III	141
Глава восьмая. Федор Курбский Черный, Иван Салтык-Травин	171
Глава девятая. Даниил Шеня, Даниил Холмский	191
Глава десятая. Михаил Воротынский	223
Глава одиннадцатая. Иван Шуйский	257
Глава двенадцатая. Ермак	285
Глава тринадцатая. Дмитрий Хворостинин	307

Научно-художественное издание

Вадим Викторович Каргалов

ПОЛКОВОДЦЫ X—XVI ВВ.

Технический редактор В. Н. Кошелева
Корректор И. Н. Киргизова

ИБ № 3002

Сдано в набор 19.04.88. Подписано в печать 18.05.89 г. Г-27242. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага кн.-журн. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. п. л. 17,64. Усл. кр.-отт.
18,06. Уч.-изд. л. 17,72. Тираж 100.000 экз. Заказ 2699. Цена 3 р. 20 к. Изд. № 3/п-752.

Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР,
129110, Москва, Олимпийский просп., 22.

Ордена Трудового Красного Знамени типография изд-ва
Куйбышевского обкома КПСС
Куйбышев, просп. К. Маркса, 201.